

ГЕЛЬЦЕР Ю.Г.

АННОТАЦИЯ

Наш мир – это материальная цепочка взаимосвязанных систем. Впервые в этой книге предпринимается попытка описать экономическую систему на уровне отдельного государства языком и методологическими принципами общей теории систем. Вы узнаете, что такое элементы экономической системы и как они функционируют, особенности взаимосвязей, как формируются формальная и неформальная структуры, откуда берутся цели, а также о том, что планирование и прогнозирование не есть альтернатива рынку, а вполне с ним совместимы. Большое место в работе посвящено вопросу денег, в том числе – откуда они берутся и в чем может заключаться их новая теория. Книга рассчитана на тех, кто понимает несовершенство сегодняшней политики, экономики, социальной жизни и ищет пути решения сложившихся проблем. Книга написана простым языком и потому доступна и студентам, и преподавателям, и даже тем, кто не совсем знаком с азами экономики. Эта книга – просто для неравнодушных к судьбе страны, в которой они живут, к жизни народа ее населяющего.

ОСНОВЫ ПРЕДСКАЗУЕМОЙ ЭКОНОМИКИ

Экономика в свете общей теории систем

Посвящается моему учителю
Ракитскому Борису Васильевичу

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.

Вместо введения: В чём, собственно, дело.

Глава первая. Экономика как система

§1. Экономика как система (исторический экскурс).

§2. Экономическая система (методология).

Глава вторая. Элементы экономической системы, её границы, окружающая среда.

§1. Основные элементы экономической системы.

1. Люди.
2. Орудия труда или средства производства, инфраструктура.
3. Накопленные знания и их носители.
4. Превращение машин в технические системы.
5. Другие направления научно-технического прогресса.
6. Природные ресурсы.
7. Деньги.
8. Сырьё, полуфабрикаты, незавершённое производство.
9. Средства обращения.
10. Накопленные потребительские блага и активы.
11. Материальные атрибуты государственной власти.

§2. Элементная база как основа национального богатства страны

§3. Границы экономической системы, окружающая среда.

1. Правовые аспекты деятельности.
2. Экономическая политика.
3. Нравственность, мораль, этика
4. Культура.
5. Экономическая психология

Глава третья. Философский аспект.

§1. Значимость философии.

§2. Действительно ли детерминизм потерпел крушение?

§3. Ограничения диалектического материализма.

§4. Начала термодинамики и экономика.

§5. Теоретические основы эволюции.

§6. Пространство и время.

§7. Несостоятельность теории роста. А что взамен?

§8. Концептуализм как методология философского уровня.

Глава четвёртая. Организационные основы экономики.

§1. Собственность

- §2. Эволюция частной собственности.
- §3. Связи.
- §4. Миссия человечества. Цели и целеполагание.
- §5. Эволюция систем и блоков управления. Общественное сознание.
- §6. Ценности.
- §7. Планирование.
- §8. Прогнозирование и моделирование.
- §9. Суперсинергетика – как это понимать.
- §10. Устойчивость экономической системы
- §11. Кризисы, революции, реформы.

Глава пятая. Структура экономической системы и моделирование отдельных процессов.

- §1. Понятие структуры и принципы структурирования.
- §2. Тенденции инновационного процесса производства.
- §3. Должники и кредиторы, или причины перекоса экономической системы.
- §4. Новая теория денег.
- §5. Рассеивание и концентрация целей.
- §6. Государство и его роль.

Заключение

Приложение 1.

Приложение 2.

Список использованной литературы.

ПРЕДИСЛОВИЕ

История этой книги началась в 1985 году, когда я поступил в аспирантуру Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) при АН СССР по специальности «Политическая экономия», и моим научным руководителем Борисом Васильевичем Рактским была определена тема – «Проблемы целеполагания в экономике». В 1986 г. я был приглашен в один из сибирских научно-исследовательских институтов, связанных с нефтедобычей, на должность завлаба по организации производства, где в качестве основной проблемы в течение 3-х лет исследовалась организационная структура нефтегазового объединения.

В ту пору у меня были лишь смутные представления о том, что эти темы логически связаны между собой.

Так случилось, что переезд в Сибирь, бытовая неустроенность и занятость другой тематикой не позволили мне защититься в ЦЭМИ, а с 1989 г. проблемы перестройки привели к тому, что науку перестали финансировать. Я ушел в бизнес и, как мне казалось, расстался с наукой навсегда. Однако, в конце 90-х строительный бизнес свел меня с профессором Александром Антоновичем Гусаковым. Вскоре он предложил мне защитить у него в Московском государственном строительном университете кандидатскую диссертацию. Это было не сложно, но мне пришлось освоить совершенно новую для меня науку – общую теорию систем, точнее, сначала ее часть, касающуюся технических устройств – системотехнику.

В течение нескольких последующих лет мною была подготовлена докторская диссертация. Но незадолго до ее защиты начались «чистки» ученых советов. Когда же за неделю до назначенной даты защиты умер мой научный руководитель профессор А.А. Гусаков, ученый совет принял решение отложить защиту докторской на год: излишнее внимание к диссертации могла привлечь моя предпринимательская деятельность. В мозгах чиновников это сразу же ассоциировалось с возможностью написания диссертации другими лицами за определённую плату, что, впрочем, в российском научном сообществе стало обыденным явлением. Через год защиту отложили еще на год. После этого я совершенно утратил к ней интерес, а степени и звания для меня не имели никакого стимулирующего значения.

Зато я смог снова вернуться к экономическим исследованиям, вооруженный новой методологией. В течение нескольких лет я опубликовал ряд статей, которые подвели меня к мысли изложить экономическую теорию языком общей теории систем. Изначально это было очень скромное желание, не предполагавшее каких-либо революционных открытий, кроме того чтобы несколько нетрадиционно систематизировать экономику.

Однако, оказалось, что это невозможно сделать, не затронув многие ее устои. Этого оказалось невозможным сделать, не пересмотрев некоторые философские догмы. Исследование на стыке наук потребовало излагать материал так, чтобы он был понятен специалистам разных областей, а новизна представлений не отпугивала своей сложностью.

Стиль современного научного изложения требует избегать излишнего цитирования других авторов. Не могу с этим никак согласиться. Нельзя не уважать тех, «на плечах которых ты стоишь». Любой пересказ наиболее точных мыслей – либо вынужденный плагиат, либо неудачное подражание. Список использованной литературы, приведенный в конце книги – это поистине перечень соавторов данного исследования, независимо от того, развиваются или опровергаются их идеи.

Читатель увидит, что даже простое обобщение и систематизация идей равноценны открытию, но этот же процесс порождает и новые идеи.

За помощь в написании этой книги хочу поблагодарить:

РакиТСкого Бориса Васильевича, д.э.н., ставшего не только ее инициатором, но и первым критиком;

Гусакова Александра Антоновича, д.т.н., которому я обязан возвращением в науку, знакомством с общей теорией систем во всей ее полноте;

Никанорову Спартаку Петровичу, повлиявшему на формулирование названия книги и высказавшему ряд идей на ранней стадии ее написания;

Скрипко Виталию Петровичу, к.ю.н, которому я обязан знакомством с Гусаковым А.А. и Никаноровым С.П., а также с другими системщиками, и с которым мы не раз обсуждали результаты исследования;

Кукушкина Никиту Юрьевича, моего постоянного помощника в редактировании текста, в подборе литературы. Многие его критические замечания потребовали либо дополнительных пояснений в книге, либо изменений в изложении ряда идей;

Гильмутдинова Гамиля Миргасимовича, к.э.н., помогшему мне разобраться в хитросплетениях статистики, приведенной в Приложении 1;

А также мою супругу Эленьку, без многолетнего терпеливого участия которой, этот труд никогда бы не увидел свет.

Вместо введения

В ЧЕМ, СОБСТВЕННО, ДЕЛО?

«При оценке новых теорий решающим вопросом является определение объясняющей и предсказуемой ценности этих теорий, претендующих, например, на решение большого числа проблем, относящихся к целостности, телеологии и т.д. Несомненно, что изменение интеллектуального климата позволяет видеть новые, до этого не замечавшиеся проблемы или видеть проблемы в новом свете, и это более важно, чем какое-либо единичное специальное исследование. «Копернианская революция» в науке означала нечто значительно большее, чем просто возможность несколько лучше вычислять движение планет; общая теория относительности является большим, нежели просто объяснением весьма небольшого числа физических явлений, не поддающихся ранее анализу; дарвинизм представляет собой нечто большее, чем гипотетический ответ на вставшие в зоологии проблемы; одним словом, во всех этих случаях большое значение имело изменение, так сказать, системы отсчета. Вместе с тем, реальное оправдание такого изменения, в конечном счете, определяется специфическими успехами, которые не могли быть достигнуты без этой новой теории».

[Берталанфи, 1969, с. 52]

«... Предсказание является надежным, если концептуальное представление мира верно».

[Тода, Шуффорд (мл), 1969, с. 382]

«Системно-динамический анализ не предназначен для того, чтобы предсказывать, что *произойдет*. Он позволяет выяснить, что *может произойти*, если те или иные движущие силы поведут себя так или иначе».

[Медоуз, 2011, с. 86]

«Будущее нельзя предсказать, зато его можно вообразить и с любовью воплотить в жизнь».

[Там же, с. 274]

В мире, который окружает человека, экономика занимает, пожалуй, наиболее значительное место. Мир производства товаров, мир машин и производственных отношений. Мир столкновения материальных интересов отдельных лиц, групп и целых классов. Мир интеграции, глобализации и мирового разделения труда. Мир налогов, тарифов, заградительных пошлин, девальваций, инфляций, кризисов и дефолтов.

Огромная система с невероятно сложной структурой. Тысячи ученых на протяжении, по крайней мере, трех последних столетий пытаются изучить эту систему и научиться управлять ею, или хотя бы предугадывать ее поведение.

У этой науки есть свой язык, свои понятия, она оперирует множеством выявленных законов. Эта наука пытается формулировать различные прогнозы, регулировать инфляцию, занятость населения, стимулировать активность делового мира и предохранять его от «перегрева».

Но по-прежнему экономические кризисы являются неизбежным злом. И приходят они всегда неожиданно. Правда, многие ученые могут с этим не согласиться. Ну, как же, скажут они, нами давно выявлена цикличность производства, и если экономика переживает подъем, то ждите скорого кризиса, затем - стагнацию, а за ней - новый подъем. Все очень просто. Так и происходит. Как только экономика задерживается хоть ненадолго в точке роста, часть экономистов начинает предрекать кризис. Стоит ли удивляться тому, что некоторые из них становятся пророками.

Однако, мы уже указывали однажды [Гельцер, 2008, с. 98], что многими учеными цикличность трактуется весьма вольно. Далекое не каждое

повторение явлений природы или общественной жизни можно назвать циклическим. **Во-первых**, повторяемость должна носить относительно выверенный временной характер. Как, например, времена года. Отклонения возможны как в одну, так и в другую сторону, но в объяснимых пределах. **Во-вторых**, выявить повторяемость явлений вовсе не означает установить цикличность процессов до тех пор, пока не выявлена первопричина, обуславливающая повторяемость, то есть, в основе смены дня и ночи, например, лежит вращение Земли вокруг своей оси, а в основе смены времен года - вращение Земли вокруг Солнца.

В основе же экономических циклов, как их рассматривает сегодня экономическая наука, нет ничего кроме фиксирования экономических спадов и подъемов, и выявления достаточно широкого спектра причин их возникновения.

Какие, например, полезные истины можно извлечь из таких выводов: «Продолжительность больших (в научном мире разных стран нет единства в терминологии, и в данном случае имеются в виду среднесрочные жюгляровские – Авт.) циклов, от исходных до конечных низин, колеблется между минимумом в 6 лет и максимумом в 13 лет. Если мы наряду с большими циклами включим в подсчет также все малые вершины и депрессии, то 18 циклов, имевших место с 1865 по 1938 гг., подсчитанные таким образом, образуют по своей продолжительности (от низины до низины) ряд с минимумом в 2 года и максимумом в 9 лет. Средняя продолжительность составляет 3 года; 13 циклов из 18 находятся в пределах ряда, охватывающего период от трех до пяти лет» (Хансен, 1959; 73) цитируется по [Гринин, Коротаев, Цирель, 2011, с. 13]. При этом под циклом понимается временной период *«фазы подъема и спада»* [Гринин, Коротаев, Цирель, 2011, с. 13].

Авторы добросовестно задаются вопросом о том, что лежит в основе этих циклов. И вот их ответ: «... Единственным реальным фактором, который может задавать кондратьевским волнам (это – периоды в 40 – 60 лет, Авт.) и их фазам ритм колебаний имеющейся длительности, являются жюгляровские циклы» [Гринин, Коротаев, Цирель, 2011, с. 123]. А что же лежит в основе жюгляровских циклов? Ответ: «В литературе нет четкого объяснения длительности жюгляровских циклов в 7 – 10 лет» [Гринин, Коротаев, Цирель, 2011, с. 129]. Круг замкнулся.

Тем не менее, изучение экономической истории, как и вообще истории человечества, с позиции повторяемости процессов, однозначно важны. В конечном итоге, необходимо выявить закономерности таких повторений. Группа авторов [Кузык, Агеев и др., 2004] рассматривают историю России в 400-летних циклах, с разбивкой их на пять 80-летних. Но здесь мы наблюдаем другую крайность. Что бы ни лежало в основе цикличности человеческой жизнедеятельности, эти циклы, вероятно, не могут быть жестко зафиксированы определенными цифрами, тем более – в столь значительных временных периодах. Но и в этом исследовании мы не находим каких-либо факторов, удовлетворяющих критерию материальной основы цикличности.

Исследуя вопрос об экономическом времени (См. гл. 3 §6 - Б) мы попробуем разобраться в возможных вариантах того, что лежит в основе экономических циклов, пока же отметим, что такие варианты есть и они требуют к себе внимательного отношения.

В - третьих, циклическая повторяемость процессов предполагает сопоставимость явлений и последовательную цепочку взаимосвязанных событий. Каждый экономический кризис имеет свои причины возникновения, свою глубину потрясений, свою длительность и свою историю преодоления. В этом смысле повторяемость кризисов весьма условна и базируется на достаточно общих критериях. К тому же; если

рассматривать причинно-следственные связи и суть кризисных явлений, то они различаются то как кризисы перепроизводства, то как финансовые кризисы (дефолты, девальвации), то как банковские (цепочки банковских банкротств), то как биржевые (как результат лопнувших «надутых пузырей»), то как результат спекуляций с землей и недвижимостью, а в настоящее время мировая экономика переживает долговой кризис.

В четвертых, мы совершенно не убеждены, что кризисы действительно являются значимой вехой для обоснования цикличности экономических процессов.

Наука может считать себя действительно наукой с того момента, когда она в состоянии с определенной точностью предсказать наиболее важные для нее события. В этом смысле научность экономики стала притчей во языцех [См. Гуриев, 2006, с. 206; Остальский, 2010, с. 215, 217-218; Кобяков., Хазин 2003, с. 440].

Экономисты сравниваются с генералами, которые всегда готовятся к прошедшей войне. С тем отличием, что они всегда готовятся к прошедшему кризису.

При этом, появляется целый пласт ученых, считающих эту задачу невыполнимой, а по тому и бессмысленной. И это тоже, в определенном смысле, верно. Трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно, если ее там нет. Ведь вопрос в том, о каком уровне предсказуемости идет речь. Если вы ждете предсказаний динамики цен на бирже на десятилетия вперед, то это не к нам. На то есть эксперты, специалисты по отдельным видам биржевых товаров. Верить им или нет – это ваше дело. Лично я бы поостерегся.

Есть масса параметров, колебание которых в определенных пределах не нарушает устойчивости системы. Изучать эти колебания нужно, и

предсказывать их в краткосрочной перспективе возможно и необходимо. Это тоже немаловажный элемент предсказуемой экономики.

Но какая экономическая система может называться устойчивой? И что такое устойчивость? Может ли быть вообще устойчивой развивающаяся система? Можно ли задавать направление этой динамики и параметры динамичности? Или нам следует полагаться исключительно на «скрытую роль рынка», а предсказание кризисов доверить гадалкам на кофейной гуще? А все ли кризисы действительно кризисы? И что нам следует понимать под кризисами? Какова глубина нашего понимания экономических процессов? И как далеко во временном аспекте она позволит нам заглянуть в будущее? И, вообще, не пора ли нам *выстроить* (организовать) экономические отношения (процессы) таким образом, чтобы мы понимали, что они движутся из пункта А в пункт Б по заданному и понятному маршруту (траектории)? Или доказать, что это утопия, и на том и успокоиться?

Попытка ответить на поставленные вопросы является целью данного исследования. Насколько нам это удастся – судить читателю.

Может показаться, что мы ставим перед собой задачу математического характера. Не исключено, что со временем человечество научится с помощью вычислительной техники решать такие задачи, если не полностью, то хотя бы частично, именно таким способом. Но наша задача сводится к тому, чтобы подойти к этим проблемам концептуально на основе причинно-следственных связей, логики и последовательной научной методики.

Оговоримся сразу, что это не книга рецептов по предсказаниям, и не монолог «ясновидящего». Это лишь попытка наметить пути к воссозданию предсказуемой экономики. Не более того. И в то же время, это вопрос новой парадигмы в экономической науке.

Суть этой парадигмы заключается в том, что экономика рассматривается не как набор выявленных закономерностей, а как целостная

,
система, все структуры и закономерности которой должны соответствовать данной целостности и находиться в *содействии*. Кроме того, экономическая система рассматривается нами не просто как открытая саморазвивающаяся система, но такая система, которая достигла такого уровня развития, когда она не может не быть целеустремленной системой. Порядок поставленных целей, их приоритетов, сбалансированность по ресурсам, «отсечение» всего лишнего, что мешает или не способствует достижению поставленных целей, ставит задачу «выстраивания» экономических отношений взамен «движения по течению». А это, в свою очередь, должно сделать экономику прозрачной и понятной в своем развитии. Это в корне меняет само понятие кризиса. Под кризисом начнут понимать не снижение каких-то отдельных показателей, которые зачастую не отражают объективной реальности, а отклонение от поставленных целей или замедление их достижения во времени. О необходимости и возможности такой экономки в условиях господства частной собственности у нас и пойдет речь в этой книге.

Глава 1. ЭКОНОМИКА КАК СИСТЕМА

«... любому, кто хоть немного знаком с экономической наукой, лучше и не пытаться заниматься экономическими системами.»

[Боулдинг, 1956, с. 282]

§1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

« Нынешнее состояние экономической теории можно было бы назвать фарсовым, не будь оно столь трагичным.»

[Бардон Милл, Предисловие к Ходжсон, 2003, с. 19]

Чем мы, собственно, собираемся управлять? И что такое экономическая система?

Увы, найти такое определение в учебниках и известных экономических исследованиях мне, к моему глубокому удивлению, не удалось. Часто приходилось наткаться на весьма парадоксальные вещи. Так, некоторые авторы трактуют экономическую систему как «совокупность элементов» [Румянцев, 2005, с. 682], причем, совершенно не указывая о каких элементах идет речь. Другие [Микроэкономика, 2005, с. 658] добавляют, что эти элементы взаимосвязаны и образуют «определенную экономическую структуру общества», также не раскрывая ни первого, ни второго. Еще эта система толкуется [там же] как «единство отношений, складывающихся по поводу производства, распределения, обмена и потребления экономических благ».

Тем не менее, в последнее время появляются статьи (Скиба, 2011, Чечурина, 2011), пытающиеся обобщить высказывания по данному поводу и дать свое определение экономической системы. Однако, выведенные ими формулировки страдают двумя недостатками:

Во-первых, все определения системы могут рассматриваться в двояком аспекте – с одной стороны, как описательный срез существующего объекта, а с другой стороны – как объект исследования, который еще не существует, но должен быть воссоздан как идеал, как модель, как некая потребность. То, что система может формироваться самим исследователем, многим может показаться парадоксальным, неким нонсенсом. Как можно рассматривать и исследовать то, что должно быть доказано в конце исследования? Однако, по меткому определению [Анохин, 1970, с. 35]: «Суть дела состоит в том, что содержание результата, или, выражаясь физиологическим языком, параметры результата формируются системой в виде определенной модели раньше, чем появится сам результат».

Указанные выше авторы, безусловно, ограничиваются только попыткой дать определение описательного характера. При этом, и это – во-вторых, они пытаются втиснуть в эту формулировку и материальную составляющую системы, и ее функциональность, и связи, и процессы. Тем самым, утрачивается приоритетность существенного перед несущественным, а также взаимосвязь этих составляющих. Помимо определения системы существует еще ее описание. В нем может быть дано и второе и третье определение системы непротиворечащее первому, но раскрывающее его во всей полноте. В этом нет ничего предосудительного. Понятия должны быть, прежде всего, доступными изначально. Остальное – для специалистов, в развитии.

В известных на сегодня экономических исследованиях обычно присутствуют *досистемные* определения экономики.

Преимущественно преобладает кейнсианская трактовка о том, что экономика есть наука об отношениях «между людьми по поводу производства, обмена, распределения, потребления товаров и услуг в результате эффективного использования редких ресурсов с целью

удовлетворения безграничных потребностей» [Носова, 2004, с. 7, а также см. Кац, Роузен, 2004, с. 2; Макконнелл Кэмпбелл, Брю Стэнли, 1995, с. 36-37].

Исторический экскурс в этой области начинается с учений Древнего мира, которые определяли экономику как науку о богатстве, об умении налаживать состояние, делать деньги. Мыслители же Средневековья главное внимание уделяли сфере обращения.

Рождение экономической науки как таковой связывается с меркантилизмом. Предметом таких исследований было богатство, источником которого является торговля. При этом богатство отождествляется с золотыми и серебряными деньгами. Государственные источники богатства связывались с излишками экспорта.

Физиократы перенесли предмет исследования из сферы обращения в сферу производства. Но единственным источником богатства они считали сельское хозяйство. Промышленников они называли «бесплодным классом», не производящим нового богатства, а лишь преобразующим сельскохозяйственный продукт в иную форму. Физиократы по существу первыми обратили внимание на роль государства в экономической деятельности.

Классическая английская школа (А. Смит, Д. Рикардо, Дж. Стюарт Милль) расширили предмет экономической теории до исследования условий производства и накопления, а также распределения. Богатство нации отождествляется уже не с золотыми и серебряными деньгами, а с массой созданных товаров. Марксизм связывает экономическую теорию с познанием объективных экономических отношений, складывающимися между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Такие отношения называются производственными. Они есть результат взаимодействия производительных сил общества (людей и техники) и проявляются как система объективных общественных законов. Однако,

философия марксизма во всей своей полноте - это познание объективных законов развития общества с целью его изменения. Цель однозначна - ликвидация частной собственности и построение коммунистического общества.

Отсюда утопичность и однозначность выводов: пробьет час, и экспроприаторов экспроприируют. Новое общество создаст экономику, в которой богатства польются рекой, и восторжествует принцип: «от каждого по способности, каждому по потребности».

Основополагающие теоретические принципы современной экономической теории связаны с господством трех школ - Венской, Лозаннской и Кембриджской.

В качестве основной цели экономической теории они видят исследование социальных законов, действие которых определяет индивидуально-психологические мотивы поведения экономического субъекта. Общественные законы у них проявляются как арифметическая сумма действий всего множества изолированных членов общества. Экономические акты анализируются на основе индивидуальных степеней предпочтения, выявляется проблема частичного и всеобщего равновесия.

Дж. М. Кейнс рассматривает экономическую теорию как науку о национальной экономике в целом. Главной задачей экономической теории он считает поиск эффективного и рационального использования ограниченных ресурсов. Кейнсианская теория изучает, «каким образом люди делают выбор в распределении редких, имеющих альтернативное использование, ресурсов, чтобы производить, обменивать и потреблять экономические блага для удовлетворения своих неограниченных потребностей» [Экономическая теория, 2004, с. 10].

Кейнсианскую теорию дополняют современные концепции либерализма в форме монетаризма, теории рационального ожидания, теории общественного выбора и институционализма.

Монетаристы исследуют механизм взаимодействия на инфляционные процессы посредством изменения денежной массы и обращения денег.

Теория рациональных ожиданий апеллирует к способностям субъектов адаптироваться к реалиям рыночного хозяйства.

Теория общественного выбора пытается преодолеть слабости регулирования экономики государством и обращается к принципу индивидуализма как к основе принятия общественных решений.

Институциональная экономическая теория рассматривает преимущественно организационно-экономические отношения.

На базе теорий, перечисленных после марксистской, на Западе, большей частью – в США, сформировалась так называемая «Экономикс» - наука об использовании ограниченных ресурсов с целью максимального удовлетворения материальных потребностей общества, которые не могут быть спрогнозированы. Этакая «чистая наука» - вне социологии, политики и нравственности. Лейтмотивом проблем этой науки является проблема спроса и потребления. Кризис, который переживает сегодня это научное направление, очевиден.

С исчезновением Советского Союза из истории экономических учений постепенно стираются результаты советского эксперимента, троцкистско-сталинская теория милитаризации труда и планового ведения народного хозяйства [См. Гельцер, 2010, с. 73-76].

В экономической науке эксперимент - большая редкость. Эти эксперименты ставятся, безусловно, не для научных целей, но как воплощение обоснованных научных гипотез или теорий. В социальном плане они могут вести к краткосрочным либо долгосрочным успехам, но их

результатом может быть и экономический крах, массовые бедствия и трагедии. Однако, для науки результаты эксперимента не бывают отрицательными. Отрицательный результат столь же ценен для науки, как и положительный.

Троцкистско-сталинская теория, опираясь, с одной стороны, на критику Маркса капиталистической системы хозяйствования, которая основные ее беды видела в частной собственности и стихийности развития, а с другой стороны - на его же утопическую теорию возможности построения коммунистического строя, базируется на том, что экономика может быть полностью управляема, если уничтожить частную собственность. Управляемость достигается посредством планового ведения хозяйства.

Кроме того, недостаток экономических стимулов, особенно на начальном этапе, может быть компенсирован массовой истерией страха, которая достигается не просто отдельными элементами принуждения, а как государственная политика, вылившаяся в дальнейшем в геноцид собственного народа. Страх, как мотивация к экономическим действиям, как экономическая категория, игнорируется сегодня наукой, но на нем базировались целые экономические формации. Эффективность этой категории до сих пор идеализируется (или бессовестно замалчивается) многими при описании сталинской эпохи. Но мы еще вернемся к этому вопросу.

В дальнейшем мы, так или иначе, будем касаться результатов социалистического эксперимента. Здесь же отметим, что говорить о нем только как о негативном явлении было бы неправомерно. Доказательством тому служат многочисленные теории конвергенции, которые на полном серьезе рассматривались в 70 – 80х годах прошлого столетия учеными и политиками, прежде всего в капиталистических странах. Успехи современного Китая есть некое подтверждение этих теорий на практике.

Являясь убежденным противником социалистического строя, не могу отмахнуться от предостережения, изложенного в [Никаноров, 2012, с. 13-14]: «Крах СССР является совершенно неуместной оценкой поставленного опыта. Правильнее говорить... о «конце эксперимента». Мнение о несостоятельности социализма как формы общества, основанное лишь на истории первого опыта, крайне поверхностно и предвзято. Падение Римской империи никто не считает основанием для отрицания исторического значения Рима и последующих эпох. Возвращение Бурбонов не означает бессмысленности французской революции».

§2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА (методология)

«...Описание реальных экономических систем в виде соответствующего исчисления практически невозможно – оно слишком громоздко».

[Малов, 1986]

За основу наших критических исследований мы взяли замечательную книгу В.А. Карташева «Система систем. Очерки общей теории и методологии» [Карташев, 1995], в основе которой лежат идеи и разработки академика П.К. Анохина [Анохин, 1949, 1962, 1968, 1970, 1970а, 1971, 1973, 1973а, 1974, 1974а, 1976, 1978, 1984].

В общем виде понятие системы указанным автором определяется следующим образом: *«...Система есть функциональная совокупность материальных образований, известным образом вовлеченных в отношения содействия в создании некоторого устойчивого эффекта, определяющего действительную возможность получения полезных для субъекта действия результатов, достаточно удовлетворяющих исходной (реальной) потребности»* [Карташев, 1995, с. 145].

Главным систематизирующим фактором является цель. Большинство ученых в области общей теории систем (ОТС), в том числе и Карташев, считают, что цель является субъективным восприятием некой *потребности*. Да, слово «потребность» создает впечатление, и это впечатление ими принимается за научную истину, что некая цель есть внутренняя потребность системы. Однако, эмпирические наблюдения и более глубокий анализ показывают, что цель системы задается извне более сложной системой, в которой исследуемая нами система является структурным (подчиненным) элементом (См. Гайдес, 2005).

Субъективно мы осознаем эту цель как некую потребность. Ее удовлетворение посредством осмысленных деятельных актов индивида или сообщества есть достижение определенного *результата*. Но совокупное представление о некоторой модели будущего результата – тоже цель. Тем самым мы должны констатировать возможную двойкость цели: 1) Цель как объективная (зачастую непознанная) реальность, как внешняя цель и 2) Цель как субъективное восприятие цели, обозначенной в п. 1, через потребность и формирование модели будущего удовлетворения ее, как цель внутренняя.

Внешняя цель может иметь столь глобальный, долгосрочный характер, что до поры, до времени мы можем ее не осознавать и не понимать. Поэтому в практической жизни мы, как правило, ориентируемся на внутренние цели.

В §4 четвертой главы мы рассмотрим подробно вопросы целей и целеполагания. Пока же сделаем вид, что нам ничего не известно о внешних целях, и с этой оговоркой продолжим исследование.

Цель является прямым следствием потребности. Тем самым, потребность - объективна, а цель - субъективна. Результат же – это мера достижения конкретной цели, то есть, в конечном итоге, мера удовлетворения исходной потребности. Причинно-следственная цепь ведет нас к следующей

последовательности: *потребность - цель - функционирование (исполнительная система) - результат.*

Таким образом, в зависимости от того, какую объективную потребность осознал исследователь, и оттого как он ее трансформировал в цель, зависит дальнейшее формирование *системы*.

Определенность цели позволяет сформировать *средства*, необходимые для использования в действительной реализации цели. Средствами являются некоторое множество материальных образований, обладающих определенными свойствами и известными функциональными особенностями. Критерием выбора средств является их определенная возможность соотноситься друг с другом. «...Система - это функционирующая совокупность материальных образований, взаимно содействующих в достижении определенного результата, необходимого для удовлетворения исходной потребности» [Карташев, 1995, с. 79]. Именно взаимодействие избранных средств при достижении конечного результата обеспечивает динамическое единство цели и средств ее достижения. Только «потеря» излишних степеней свободы каждого элемента системы делает систему системой, а не набором случайных факторов. Все остальное, что не работает на результат, либо излишне, либо вредно. Но – только с прагматической позиции достижения цели. В остальном же системное разнообразие обеспечивает устойчивость системы и динамичность ее развития.

Не всякая достигнутая цель есть удовлетворенная потребность. В этом также заключается субъективность цели. Постановка цели всегда ограничена нашим опытом и знаниями, которыми мы владеем на данный исторический период. Кроме того, цель в экономике всегда подвержена политическим амбициям, и в этом смысле она уязвима. Неудовлетворенная потребность является первопричиной необходимого последующего исправления заданной установки движения. Общая динамика причинно-следственных связей будет

выглядеть следующим образом: *потребность - функционирование («исполнительная» система) - результат (неудовлетворительный) - функционирование (скорректированная система) - результат (удовлетворительный)*.

Формирование цели с учетом временного аспекта всегда сопряжено с, по крайней мере, двумя компромиссами: 1) между желаемым и возможностями, и 2) «между предполагаемыми к использованию средствами в их определенном взаимоотношении, и условиями, в которых предположительно может быть реализована выбранная модель» [Карташев, 1995, с. 67]. В этом смысле выбор цели всегда многовариантен и поэтому требует оценочных показателей.

Однако, в экономике ситуация выглядит еще сложнее и запутаннее. Одно из важнейших требований к цели - ее конкретность и хотя бы минимальное соответствие потребности. В этом случае мы не можем ограничиваться задачами типа «каждому по потребности» или «наиболее эффективное использование ограниченных ресурсов на благо...» и т.п.

Конкретность цели в экономике, во-первых, сопряжена с временным фактором, а, во-вторых - с многогранностью целевых установок. Поэтому, цель экономической системы это не просто выражение элементарной потребности. Она выступает в качестве *модели будущего*.

Общий вид данной модели таков: количество целей конечно и ограничено, цели взаимоувязаны и соподчинены по приоритетам. Каждая цель имеет свой набор ресурсов и эти ресурсы сбалансированы. Под сбалансированностью мы понимаем их необходимую достаточность для достижения цели.

Целевые установки должны отражать следующие особенности:

- цель напрямую связана с потребностью и является ее прямым следствием;

- целевые установки должны, прежде всего, обеспечить устойчивое сохранение самой экономической системы мирового хозяйствования;
- цели должны быть конкретны;
- цели всегда несут в себе элемент неопределенности;
- наличие неопределенности в исходной модели делает цель средством оценки будущего результата;
- целевая модель по отношению к другим компонентам системы (средства, условия, методы) имеет императивное положение. Необходимость перехода на альтернативный вариант до того, как потребность реализована, конечно, возможна, но должна иметь под собой веские основания.

Экономические цели должны принимать форму решения. В конечном итоге они должны облекаться в некую правовую форму, в юридический документ.

Читатель вправе усомниться по поводу изложения нашей теории и сказать, что, мол, существовала же экономика тысячелетиями безо всякого целеполагания. При этом, разве она не была системой? Разве мы не наблюдали развития, роста богатств?

Чтобы ответить на этот вопрос необходимо обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, объективно существующее отражается в нашем сознании как фрагментарное представление о некотором ряде явлений, которые на данном уровне развития знания складываются в некие теории, постепенно приближающие нас к объективной истине.

Почти полтора тысячелетия в науке господствовала геоцентрическая система Птолемея, которая вполне удовлетворяла существующие на тот момент потребности человека. Лишь настоятельная потребность объяснить накопившиеся факты, вступающие в противоречие с этой теорией, привели к формулированию Коперником гелиоцентрической системы.

Во-вторых, конкретная система формируется только после определения цели, «но само вовлечение компонентов или выбор из имеющегося возможного множества происходит до и в процессе формирования цели, и происходит это на основе именно исходной потребности» [Карташев, 1995, с. 66].

Ну и в-третьих, внешняя цель существует объективно, не зависимо от того, осознаем мы ее или нет. Она обеспечивает наше закономерное движение в кажущейся стихийности складывающихся процессов. Лишь осознание этого факта может помочь в преодолении, в упорядочивании этой стихии.

Не формируя модели будущего, экономика государства разбивается на тысячи и сотни тысяч микроэкономик, которые сами по себе являются, как правило, вполне завершенной экономической системой с конкретными приоритетными целями. Макроэкономика предстает при этом как набор проблем, которые необходимо решать во избежание отдельных негативных явлений типа инфляции и безработицы, или полномасштабного кризиса. Экономика есть социальная система, в которой ее членам необходимо подчиняться нормам отношений и предписаниям этого сообщества. При этом, требования сообщества для данного социального элемента выступают в качестве объективной внешней необходимости аналогичной потребности для индивида.

Неопределенность хотя бы в одном компоненте требования приводит к необходимости принятия решения самим социальным элементом. В этом смысле системный подход формирует пять основных степеней свободы (неопределенности) [Карташев, 1995, с. 73-74]:

- Требование определяет все компоненты цели.
- Требование не ограничивает условия реализации.
- Требование не ограничивает условия и методы реализации.

- Требование предписывает только точные параметры модели результата.

- Требование не имеет никаких ограничений. Такое требование как бы трансформируется в потребность и имеет лишь стимулирующий оценочный смысл (пример - требование повышения эффективности производства).

Комбинация требований по степеням свободы меняется исторически и зависит от многих компонентов: политики, культуры, возможностей контроля и сбора информации, но, прежде всего, от уровня наших знаний экономической системы и опыта работы с ней. Но, независимо от степени определенности требований, цель должна иметь определенность по всем ее компонентам. Важен не только результат, но и сам процесс его достижения. Кризис - это дефект системы. Это результат незнания, непонимания уже полученных знаний, либо неумения ими распорядиться.

Можем ли мы на основании вышеизложенного сформулировать наше понимание экономики как системы в некоем абстрактном виде?

Да. Это система, развивающаяся во времени и пространстве в направлении некоей модели будущего, описывающей цели развития национального благосостояния. Данная модель может быть реально достижимой, если она сбалансирована со средствами ее достижения. В качестве средств выступает некоторый набор материальных элементов, вовлеченных в отношения содействия, и теряющих при этом некоторую степень свободы.

Задача нашего исследования – максимально конкретизировать и обосновать данное определение. В конце нашего изложения мы вернемся к этому определению и постараемся развернуть его шире.

Как справедливо отмечает в своей докторской диссертации В.В. Бирюков: «Возникший еще в рамках древнегреческой философии принцип общности целей и мотивов поведения людей, не нашел должного выражения

в современной экономической теории и ее теории экономического выбора» [Бирюков, 2003, с. 275].

Более того, живучим является представление Ф.Д. Хаека, высказанное им еще в 1944 г. о том, что «различные виды коллективизма (коммунизм, фашизм и т.д.) различаются между собой характером целей, на достижение которых они стремятся направить усилия общества, но все они отличаются от либерализма и индивидуализма стремлением организовать все общество и все его ресурсы во имя достижения этой единой цели, а также отказом признавать существование сфер, в которых верховным законом являются личные цели индивидуума. Короче говоря, они являются тоталитаристскими в подлинном смысле этого нового слова, принятого нами для обозначения неожиданных, но неизбежных проявлений на практике того, что в теории мы называем коллективизмом» [Хайек, 1992, с.75].

Безусловно, сущностная характеристика тоталитаризма заключается в том, что он не может базироваться только на насилии. Насилие должно обосновываться, и это обоснование – некая идея, которая превращается в цель.

Правильнее было бы рассматривать проблему в обратном направлении. На определенном этапе тоталитарные режимы узурпируют власть. Формулируется цель до или после захвата власти – никакого значения не имеет. Главное, она не выбирается путем демократического обсуждения и экономических или любых других научных обоснований, она навязывается обществу узким кругом лиц. Такая цель не может не быть ущербной. Далее срабатывает диалектическое единство цели и средств ее достижения. Какова цель – таковы и средства. Ошибочный, навязанный выбор цели влечет за собой недемократические способы ее достижения.

Однако, является ли это поводом для отказа от концептуальности в подходе к экономическим процессам, от их системной организации?

Разговоры о некоем верховенстве закона, признающего личные цели индивидуума в современном капиталистическом обществе, такой же блеф, как и отождествление коллективизма с тоталитаризмом. Роль государства сегодня возросла настолько, что оно давно перестало считаться с личными целями индивидуума в абсолюте. Оно вполне научилось решать и общественные цели, и цели определенных общественных групп (например, бюрократической или олигархической верхушки) в ущерб большинства населения.

Хайек является одним из наиболее видных представителей австрийской школы. В [Ходжсон, 2003, с. 372] автор иронично замечает, что безусловно правы те, кто «подчеркивает триумф «австрийцев», доказавших, что всеобъемлющее централизованное планирование независимо от того, желательно оно или нет, на практике просто неосуществимо. Однако на самом деле, только это «австрийцы» и доказали. Они не приводят убедительных доводов в пользу невозможности сочетания планирования с рынком, а ограничиваются лишь догматическими декларациями».

Мы не стремимся доказать, что является причиной отказа от формирования модели будущего как цели – отсутствие ли достаточных научных проработок, некое лукавство или непрофессионализм политиков. Мы просто констатируем возможность формирования такой экономики и назревающую ее необходимость.

Если поставить задачу сформулировать очень коротко цели наиболее развитых экономик мира на данном этапе, то это будет звучать очень просто: создать экономику *спроса*. Этой задаче сегодня подчинены все государственные и финансовые институты. Обычно это маскируется под теорию роста, но сути вопроса это не меняет.

При этом, наиболее интеллектуальная общественность удивлена: «Почему мы превращаемся в общество потребления? Куда исчезает культура

и нравственность? Почему наши дети ничего не читают, но зато их не оторвать от развлекательных программ телевидения и компьютерных игр?». Извините, господа, как говорится, «за что боролись»!

Мы же утверждаем, что XXI век – это век новой власти – власти концептуальности и системных методологий. Эта власть автократична по своей природе, т.к. она не выбирается. Сегодня ее пропагандирует и разрабатывает малая горстка ученых-специалистов. Но придет время, когда ей подчинится исполнительная, законодательная и судебная власти. «Концептуальная власть двойка по своему характеру: во-первых, это *власть людей*, способных выявить проблемы и поставить задачи общественной, в целом, значимости так, что остальное общество вольно или невольно окажется под властью их идей, а во-вторых, как *власть над обществом самих идей*, выраженных носителями концептуальной власти» [Ефимов, 2003, с. 50]. Впрочем, идеи могут быть высказаны кем угодно, но они должны быть ранжированы и иметь степень свободы, которую им предоставляет концептуальная идея развития.

Как будет показано нами в последующем изложении, потребность в концептуализме диктуется общественными условиями, реально назревшими в современной экономике. «Необходимость в концептуальном анализе возникает в тех случаях, когда социальные отношения в определенных областях еще не возникли, или переживают серьезные изменения, однако, управление в этих областях еще не возникло, хотя общественный интерес к регулированию отношений существует. Кроме того, концептуальный анализ полезен в тех случаях, когда становится очевидным, что имеющиеся теоретические представления в данной области устарели или недопустимо компилятивны, или утрачены прежние основания теоретизации» [Кучкаров, Никаноров, Солнцев, Шабаров, 2008, с. 82].

Вышесказанное необходимо понимать правильно. Монополией на истину не обладает никто. «Разнообразие возможных моделей неограниченно как разнообразие взглядов на предмет и задачи деятельности с ним. Если же модели конкурируют между собой, то не по «близости к истине», а по иным критериям, и, прежде всего, с точки зрения того, какая из них (моделей) продуктивнее для решения данной задачи при данных условиях» [Назаретян, 1996, с. 131]. Но концептуализм – это не истина, это методология, *признающая и требующая* многовариантности моделей, но не самих по себе, а удовлетворяющим критериям целостности мира и системообразующим установкам. Концептуальность – это не только методология, но и «этика – этика взаимодополнительности, терпимости и компромисса» » [Назаретян, 1996, с. 131].

Возможно, что сегодня эта методология не достигла еще своего совершенства. Возможно, что наступит время, и ей на смену придет новая методология. Но на данном этапе игнорировать ее и не считаться с ней не возможно. Она делает то, что делает. Пусть другие сделают лучше.

Концептуализму как методологии не чужды ни анализ, ни синтез, ни эмпирические наблюдения, ни интегрированные оценки, ни их дифференциация, ни отслеживание причинно-следственных связей. Концептуализм это не отдельная идея, отдельных представителей науки – это поиск научных достижений в самых различных областях человеческой деятельности и упорядочивание их относительно поставленных целей. И именно такой подход, взятый на определенном историческом отрезке, позволяет концептуализму доминировать в плане поиска истины.

Следует также учитывать, что «системность это не состояние, а скорее процесс» » [Дрогобыцкий, 2013, с. 12]. Любые открытые системы, а именно с ними имеет дело в основном исследователь – это не застывшие формы, а постоянно изменяющиеся организации. Поэтому концептуализм не может

,
быть догматичным, он и не может быть ситуационным. Он всегда эволюционен, он всегда в поиске изменений и развития, а значит – и сам готов к пересмотру и уточнению идей и построенных на ней моделей.

Отличительной стороной концептуальности является рассмотрение систем как целостностей материального мира и выявления свойств эмерджентности, то есть таких свойств, которые присущи только системе в целом, и никакими другими способами научных исследований выявлены быть не могут.

Глава 2 ЭЛЕМЕНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ, ЕЕ ГРАНИЦЫ, ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА.

§1. ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

«Каждый элемент целостности неустраним, исключение какого-либо элемента приводит к исчезновению целостности. Если какая-либо составная часть из целостности удаляется, то она либо превращается в целостность, то есть она перестает быть самой собой, либо полностью разрушается».

[Никаноров, 2008, с. 31]

Традиционными общепринятыми понятиями в системных исследованиях, относящимися к компонентам системы, являются: элемент, связь (отношения), структура и т.п.

К сожалению, современная ОТС дает ответы далеко не на все возникающие у нас вопросы. Некоторые пробелы мы попытаемся восполнить своим видением предмета, не претендуя на истину в последней инстанции. Впрочем, все по порядку.

В любой системе исследователь пытается отыскать некие элементарные частицы, своего рода кирпичики, являющиеся основным строительным материалом данной системы.

Элементом принято считать *«такую минимальную часть совокупности материальных образований, которая обладает на взгляд субъекта действия (познания) определенной целостностью, состояние и функциональные особенности которой могут быть измерены и описаны в терминах известного языка, и которая может иметь известные же отношения с другими частями рассматриваемой совокупности, а также с ее окружением (средой), определяющим обобщенное, либо частное поведение (изменение*

состояния и функциональных особенностей) этой минимальной части». [Карташев, 1995, с. 295]

Элемент - это нечто конечное, минимальное, неделимое целое. Во взаимоотношении с другими частями системы и с окружением (средой) он участвует в эффекте всей совокупности, называемом *эффектом системы* или *глобальным эффектом*.

При всей определенности понятия «элемент», не так-то просто применить его на практике. Что же является такими элементами в экономике?

Сложность заключается в том, что экономисты в основном оперируют экономическими категориями. За этими категориями стоят некие материальные сущности, но категории выражают их не самих по себе, а взятых уже в неких экономических отношениях, во взаимосвязях. Например, товар. Как материальная сущность под этим термином может пониматься что угодно, но эта сущность должна быть вынесена на рынок, иметь потребительную стоимость и стоимость как таковую, признаваемую обществом. Только в этом случае она может называться товаром. То же самое относится и к категории «рабочая сила». За ней мы видим человека, но на самом деле – это специфический товар в виде способности человека к труду, вынесенной на рынок и использующейся в производстве.

Экономические категории – это концентрированное выражение экономических отношений. Но отношения не могут входить в состав элементов системы, так как взаимоотношения любого рода между частями рассматриваемой совокупности материальных образований в ОТС принято называть *связью* [Карташев, 1995, с. 301].

К материальным сущностям, составляющим экономическую систему можно отнести следующее:

- Люди.

- Орудия труда или средства производства, инфраструктура. Технические системы.
- Накопленные знания и их носители.
- Природные ресурсы
- Деньги.
- Сырье и полуфабрикаты, незавершенное производство, готовая продукция.
- Средства обращения.
- Накопленные потребительские блага и активы.
- Материальные атрибуты государственной власти.

Рассмотрим эти элементы более детально.

1. Люди.

«Все люди так или иначе, прямо или косвенно участвуют в материальных, энергетических и информационных потоках, образующих экономическую деятельность».

[Годанский, 1992, с. 13]

На наш взгляд, мотивация деятельности, обусловленная исключительно чувством беспокойства или необходимостью в удовлетворении некой потребности скорее свойственна животному миру. Человека же от остального животного мира отличает свойство предвидеть и мысленно моделировать будущее. Если его деятельность и связана с беспокойством, то эта деятельность нацелена на предупреждение возникновения такого беспокойства. Но еще больше человека мотивирует его видение модели будущего, где материальное и социальное положение более значимы, чем в настоящем.

Экономистам, особенно «немарксистам», свойственно человека изображать как некоего Робинзона, мотивированного лишь собственным индивидуализмом, беспокойствами и потребностями, проистекающими только как внутренний возбудитель. Но если присмотреться внимательнее, то эти беспокойства и потребности как в настоящем, так и в будущем формируют в нас окружающая среда в качестве наших целей. При этом деятельность человека всегда носит двойственный характер. Он не только вынужден прикладывать труд для снятия беспокойства и удовлетворения потребностей. При этом он вынужден саморазвиваться – обучаться, овладевать новыми средствами труда, изменять и изобретать их и т.д.

Говорить о человеке как об элементе экономической системы было бы цинично по форме и ошибочно по существу. Человек, благодаря своей деятельности и разуму, подчиняясь своим интересам, выступает в этой системе как *субъект*, делая все другие элементы *объектами* своего воздействия.

Человеческая деятельность изначально является целеустремленной [Мизес, 2008, с.14]. Для того, чтобы человек начал действовать, необходимы три условия: беспокойство, вызванное некой неудовлетворенностью; представление о более удовлетворительном состоянии; и, наконец, ожидание или вера, что «целенаправленное поведение способно устранить или, по крайней мере, смягчить чувство беспокойства» [Там же, с. 16-17].

Слово «беспокойство» излишне эмоционально и давно вытеснено экономической наукой понятием «потребность». Человеческие потребности не исчерпываются его инстинктами, и это возвышает его над животным миром. Сегодня понятия «беспокойство» и «потребность» разделились даже несколько технически. Для одних, беспокойство (проблемы) являются мотивом для творчества, для создания новых, более удобных предметов

потребления. Для других, потребности *визуализируются* в этих новых предметах потребления, вызывая желание их иметь.

Человек – всегда член коллектива, общества. Но общество неоднородно. Анализ экономических отношений неизбежно показывает не только то, что одни управляют, а другие исполняют их указания, но и то, что экономические процессы влияют на преимущественное обогащение определенных, достаточно узких групп людей.

К. Маркс указал на имеющееся противоречие между общественной формой производства и частным способом присвоения. Однако, сегодняшнее понимание экономических процессов требует более детального рассмотрения этой формулировки и тех оснований, на которых она выведена.

М.М. Голанский [Голанский, 1992, с.13] пишет: «Современные продукты создаются совместными усилиями всего общества, всем его производительным трудом, а не усилиями только его отдельных предприятий, трудом отдельных групп общества. При нормальном функционировании систем общественного разделения труда никакие ее участники не могут существовать за счет труда других».

Существует только один совокупный производитель в лице общества. Ни о каком особом положении рабочего класса речь идти не может. Если эксплуатацию трактовать как безвозмездное присвоение капиталистом (или кем-то еще, например, чиновником) прибавочного труда, то мы вправе говорить в этом случае об эксплуатации всего общества в целом, но никак только о какой-то его отдельной группы в лице рабочих.

Что касается присвоения, то нам кажется, этот термин вообще не уместен, по крайней мере, в вышеупомянутой формулировке Маркса.

Присвоение, в каком бы обществе оно не осуществлялось, всегда будет частным, индивидуальным. Общественная форма присвоения – это абстракция, не имеющая никакого конкретного содержания (мы будем

говорить об этом более подробно в §1 гл. 4). А значит – это просто фигура речи. Осуществляться оно может за счет обмена, распределения и перераспределения. Последний термин предполагает некий отъем средств на основании закона у одних экономических агентов и передача их другим.

Поэтому, если и рассуждать о какой-то несправедливости, то надо говорить не о частной форме присвоения, а о некотором отъеме средств не имеющих под собой либо юридических, либо экономических оснований, либо и того и другого вместе.

Однако, действия капиталиста всегда связаны с риском утраты собственного имущества, его благополучие целиком зависит от того, насколько его действия отвечают нуждам общественного развития. И на сегодняшний день человечество не придумало более эффективного способа развития. Говорить здесь о безвозмездности присвоения – либо жульничество, либо заблуждение. Спор может идти о количественных пропорциях распределения. Но на этом (на количественных пропорциях) и построена вся экономическая система.

В этом случае работает следующий закон ОТС: для всех элементов системы имеются своего рода «нормы поведения» и «нормы состояния». И если нормы поведения не изменяются в определенных пределах, то система безразлична к их нормам состояния.

Увы, эта формула универсальна и для человеческого общества. Если часть общества согласна или не может противостоять нормам поведения рабства или феодальной зависимости, то общество может бесконечно долго пребывать в этом состоянии.

Капитализм, со своей незыблемостью частной собственности, проходит ряд исторических этапов, значительно отличающихся друг от друга. Ушли в прошлое времена, когда рабочий на производстве мог быть занят по 12-16 часов в сутки. Растет удельный вес и значение малого бизнеса. Возможности

малого бизнеса размывают преграду между работой по найму и работой на себя. Однако, на этом пути еще много не взятых вершин.

Так в чем же заключается основное противоречие капитала? На наш взгляд – это перманентная несправедливость распределительных отношений относительно характера общественного производства и существующих общественных потребностей. И противоречие это гораздо глубже, чем наличие частной собственности, и более конкретно. Оно имеет как объективные, так и субъективные корни.

К объективным причинам следует отнести:

- различные способности людей;
- большая дифференцированность в стартовых возможностях;
- юридические законы, обеспечивающие преимущественные права в распределительных отношениях определенным группам населения:
- использование материальных и властных возможностей для необоснованного обогащения определенной, узкой группы населения;
- институциональные факторы, способствующие дифференциации общества по национальным, религиозным и социальным причинам;
- воровство и коррупция, обеспечивающие такие же права, но только в обход существующим законам.

К субъективным причинам можно отнести:

- неудовлетворенность человека своим общественным положением и той долей общественного дохода, которую он имеет;
- личные и социальные обстоятельства, препятствующие индивидууму в увеличении человеческого капитала;
- негативное психологическое восприятие роста доходов у определенной части населения.

Во многих случаях граница между объективными и субъективными обстоятельствами здесь эфемерна. Часто она зависит от масштабов, которые обретает несправедливость.

Когда эти масштабы находятся в рамках общественного контроля и близки к сбалансированности, данное противоречие имеет существенный стимулирующий эффект для каждого члена общества в достижении максимального человеческого капитала.

Сбалансированность этих отношений, тем не менее, никогда не может быть устойчивой. Она требует постоянного общественного мониторинга и внесения корректив. Именно на этом противоречии базируется политическая борьба различных партий. И только их сменяемость во власти может обеспечить уравновешенность общественных притязаний в этом вопросе.

Элемент системы «Люди» неоднороден по положению места человека в системе производства. В этой связи даже может возникнуть вопрос: а всякий ли человек является элементом экономической системы? Например, дети и пенсионеры. Безусловно, они являются потребителями благ, произведенных экономикой, но являются ли они элементом системы или ее окружением? Такой же вопрос мы можем задать и по отношению к военным служащим, работникам культуры, правоохранительных органов, политиков и многочисленных групп чиновников.

Эти группы людей, безусловно, будут фигурировать при формировании модели глобального эффекта системы как некие цели, как участники конечного результата, но также в ней будет фигурировать и природная среда.

Вообще, включать или не включать эти группы людей в экономическую систему, как и само формирование системы, вещь вполне субъективная. Все зависит от исследователя: какую систему он выстраивает, и какие параметры будут заданы элементам системы.

В нашем случае мы считаем, поскольку одной из основных взаимосвязей экономики является рынок, а эти группы людей неизбежно являются активными участниками рынка непосредственно или через домохозяйства, то они, конечно, являются элементами системы. Просто элементы системы по своему восприятию и воздействию на систему бывают разные [Карташев, 1995, с. 314-315].

Признавая то, что все люди являются субъектами экономической системы, критерием их классификации может служить деятельность по отношению к производству материальных благ. Понятие «человек как составляющая часть производительных сил» в данном случае нас не может удовлетворить. Оно недостаточно и весьма расплывчато.

Марксистский термин «производительные силы» вообще нас не может удовлетворить. Он недостаточен для описания элементов системы, образующих экономику. Недостаточность этого термина К. Маркс пытается компенсировать, например, таким термином, как «простые моменты труда», включая в него «целесообразную деятельность, или сам труд, предмет труда и средства труда» [Маркс, 2011, с. 221], но и в этом случае, вопрос рассматривается весьма упрощенно.

Сложность структурирования экономики заключается в том, что весь экономический процесс делится на две существенные сферы деятельности: процесс производства и процесс обращения. Попытка совместить эти процессы в исследовании *сразу* (одномоментно) чреваты путаницей и ошибками.

Поэтому, признавая, что все люди являются субъектом экономики, мы должны констатировать тот факт, что далеко не все из них являются субъектами процесса производства.

К таковым мы можем отнести лишь ту часть общества, которая своим трудом, знаниями, накопленным капиталом создает продукт или услуги, в дальнейшем выносимые на рынок.

К вопросу неоднородности элемента «Люди» мы вынуждены будем возвращаться неоднократно в последующих разделах. Здесь же отметим, что эта неоднородность будет зависеть от структуры системы, иерархии ее построения, от критериев определяющих иерархию, от организационных взаимосвязей. Возможно, нам придется этот элемент структурировать, разделив его на ряд подсистем.

Вопросам структуры экономики мы посвятим специальный раздел. Здесь же отметим, что любая, а тем более сложная система – структурирована, а элементы могут принадлежать как разным структурам, так и перемещаться из одной в другую. Кроме того, системы не только функциональны сами по себе, но и рассматриваются как функциональные совокупности.

То, что в экономике принято называть отношениями, ОТС называет *связью*. В разделе «элементы» мы рассмотрим наиболее простые «субъект – субъектные» и «субъект – объектные» связи. Это обусловлено тем, что элемент системы это не предмет, пусть даже и одушевленный. Иначе нам пришлось бы рассматривать человека с анатомической и физиологической точки зрения. Элемент системы функционален и может быть понят только в своей функциональности.

Люди, как элемент системы, в своей совместной трудовой деятельности пользуются тремя основными формами функциональных отношений [См. Карташев, 1995, с. 176 - 177]: 1. «Учитель – ученик»; 2. «Руководитель – исполнитель»; 3. «Партнерство» или равноправные отношения. В реальности эти отношения выступают или в чистом виде, или представляют собой некую комбинацию данных форм.

Тех, кого интересует функционально-логический анализ этих отношений, мы отправляем к вышеназванному источнику. Мы же ограничимся основными определениями и выводами.

Суть отношений типа «учитель – ученик», заключается в том, что «учитель», используя определенный язык познания, излагает свою версию, свою систему (хорошо ему известную и достаточно отработанную) как достоверное средство реализации конкретной потребности. «Ученик», в свою очередь, в силу своих способностей воспринимает эту систему и тем самым избавляется от необходимости создавать такую систему вновь для реализации аналогичной потребности.

Причем изложение своей системы «учитель» может осуществлять непосредственно, либо делать это предварительно зафиксировав это изложение на каком-либо носителе.

В этом отношении человечество сделало за последние годы значительный шаг вперед. И в системе отношений «учитель – ученик» сегодня можно выделить подсистему «программное обеспечение – пользователь». В данном случае «учитель» вообще не излагает свою систему достижения цели (даже допустимо, что он сам до конца не владеет ею), он выдает ее в виде компьютерной программы, в которую достаточно загрузить заранее определенные исходные данные (необходимые и достаточные), чтобы в результате получить необходимый результат, либо в качестве оператора отслеживать некий производственный процесс, имея о нем порой весьма смутное представление, и выполняя лишь требования, заложенные в программное обеспечение. «Пользователь» же может воспринимать данное программное обеспечение как некий «черный ящик» или инструмент, обеспечивающий результат, не вникая в суть заложенных в нем научных и рабочих процессов, сосредотачивая свое внимание лишь на тех процессах, где компьютер бессилен.

Одной из форм отношений «учитель – ученик» может считаться ситуация, когда «учитель» выступает в роли генератора идей, провоцирующего «ученика» на поиск новых решений, новых средств достижения результата.

Система типа «руководитель – исполнитель» имеет три основных варианта:

- А. Система с жесткой детерминацией исполнения.
- Б. Система с максимальной свободой исполнения.
- В. Система с относительным ограничением свободы исполнения.

Вариант Б отличается от варианта А тем, что если в варианте А системы «человек – человек» исполнитель полностью отстранен от процесса формирования решения и вынужден следовать только «чужой воле», то в варианте Б существует другой предельный вариант, когда исполнитель имеет максимальную возможность выбора при принятии решения.

Вариант В наиболее часто встречается в практической деятельности людей. Это не просто промежуточный вариант действий между вариантами А и Б. Это – прежде всего жесткое соотношение детерминации по модели результата и свободного поиска, а также использования средств ее реализации по модели результата, которые и определяют относительность «свободы» исполнителя.

Система типа «партнерство» характеризуется, прежде всего, равноправием индивидов, вступивших во взаимодействие. Партнерство предполагает две фазы такого взаимодействия. На первой осуществляется *общение*, в результате которого достигается равнозначное восприятие конкретной потребности для каждого из них. Это, в свою очередь, позволяет сформировать *совместное решение*.

На этом этапе процесс общения по согласованию и обмену опытом может быть идентифицирован принципами отношений типа «учитель – ученик» при поочередной перемене противоположных ролей.

На второй стадии действия партнеров, как правило, имеют необходимость разделить в соответствии с их индивидуальным опытом и преследуемыми целями, но при этом, с учетом необходимости получения результатов, удовлетворяющих каждого из них.

Если в дальнейшем потребности повторяются, происходит закрепление системы, что выражается в максимально быстром и правильном взаимопонимании партнеров по осознанию исходной потребности, а также при формировании и принятии соответствующего решения.

Однако, возникает вопрос: являются ли описанные взаимоотношения «человек – человек» в рамках трудовой деятельности для экономики необходимыми и достаточными.

В принципе, можно было бы ответить на этот вопрос утвердительно, и поставить точку. Но тут ОТС вводит в некоторое заблуждение. Она считает [Карташев, 1995, с. 189], что данные отношения остаются правомочными как при индивидуальной деятельности, так и в результате совместного (коллективного) деятельного акта, привнося лишь в эти отношения еще *отношения иерархии*, которые создают «уровневое» распределение функций участников в структуре деятельного акта, оставляя остальные отношения неизменными.

Это не совсем так, хотя бы по тому, что кроме иерархии появляется соревновательность, а с нею – отношения конкуренции.

Под этим термином мы понимаем очное или заочное соревнование между людьми с целью самореализоваться, выделиться, занять особое положение в иерархической системе, стремление (и совокупность действий) обладать большими материальными благами, знаниями, опытом и правовыми

рычагами влияния, позволяющими повысить свою значимость в социальной системе.

Такое взаимодействие индивидуумов имеет двоякую форму реализации. Либо оно формирует некие новые ниши деятельности для «продвинутых» индивидуумов, которыми они «владеют» некоторое время безраздельно, получая при этом желаемый результат и исполняя роль «учителя» для тех, кто хочет достичь того же. Либо этот результат достигается за счет вытеснения других индивидуумов из занятой ими ниши, благодаря неким приобретенным преимуществам. Вполне возможно и сочетание обоих результатов в том случае, когда созданная вновь ниша в одной области деятельности приводит к вытеснению конкурентов в другой сфере, напрямую с ней не связанной. Так, например, специалист, овладевший управлением некой новой техникой, делает ненужными ремонтных рабочих, обслуживающих технику устаревшего типа.

Конкуренция делает исполнительную систему «человек – человек» более живой и динамичной. В системе «руководитель – исполнитель» при варианте Б (максимальная свобода исполнения) конкурентные отношения могут проявить себя с наибольшей остротой.

Однако, это может способствовать не только более динамичному продвижению к цели, но и возникновению социальной напряженности, утраты на то или иное время коллективного единства, переориентации от продвижения к общей цели к разрешению внутренних противоречий. При всем при том возникает возможность более широкого раскрытия индивидуальных способностей, что, как правило, компенсирует возникающие недостатки. Исключением являются ситуации, когда фактор времени приобретает исключительное значение. В этом случае жесткая директивность, подавление негативных явлений конкуренции может явиться

спасением. Но, чем длительнее этот промежуток времени, тем менее очевидна эффективность директивности системы.

Кроме того, в практической работе с различными коллективами по совершенствованию организации производства, мы столкнулись с тем, что понятие «коллектив» имеет достаточно строгие количественные рамки. Превышение этих рамок (а они приблизительно ограничиваются численностью в 100 человек и определяются тем, что в этой группе каждый знает каждого, знает чем он занимается и какой вклад вносит в общее дело) приводит к тому, что коллектив превращается в некую абстракцию и приобретает иные качественные характеристики: он начинает дробиться структурно, иные формы приобретает разделение труда, более сложной становится иерархия и т.д. и т.п. Поэтому, говоря о коллективном труде, мы в данном случае предлагаем вести речь именно в этих количественно установленных рамках. Даже в этих ограниченных масштабах коллективный труд значительно усложняет взаимосвязи между участниками трудовой деятельности. Уже на этой стадии становится очевидной потребность в функциональном разделении труда. Люди становятся смежниками, зависящими в своей работе от количественных и качественных успехов друг друга. Каждый руководитель знает, что в таком коллективе нужен, условно говоря, один «критик», один «генератор идей», несколько «интерпретаторов» этих идей. Причем, если количество «критиков» или «генераторов идей» становится больше необходимого уровня, то их положительный эффект превращается в свою противоположность. При этом, на данном этапе рассмотрения, мы абстрагируемся от внешних условий, иначе нам пришлось бы значительно расширить перечень складывающихся взаимосвязей.

Таким образом:

1. Все виды отношений, складывающихся в рамках трудовой деятельности, можно свести либо к отношениям руководства и подчинения

(исполнения), либо к отношениям партнерства, либо к отношениям конкуренции. Особым видом отношений выступает взаимосвязь «учитель - ученик».

2. Данные отношения остаются правомочными как при индивидуальной деятельности, так и в результате совместного (коллективного) деятельного акта. Коллективное распределение обязанностей никак не влияет на исполнение предписанных ролей подчиненности (исполнения), конкуренции или партнерства.

3. Коллективная деятельность вносит целый ряд новых отношений, не присущих индивидуальному труду – отношения иерархии, соревновательности (конкуренции), разделения труда, его организации. Рост взаимосвязей неизбежно влечет за собой возникновение и экспоненциальный рост противоречий между людьми, которые требуют постоянного своего снятия (разрешения).

4. Практическая деятельность людей формирует процесс, при котором происходит становление и закрепление «эффекта созданной действительной функциональной совокупности как полезного в будущем средства удовлетворения определенной потребности – стабильной системы отношений между вовлекаемыми в действие индивидами и соответствующими внешними материальными образованиями» [Карташев, 1995, с. 189 -190].

5. Усложнение отношений, характеризующихся вовлечением в них все новых и новых индивидов, необходимости формирования конкретной направленности их совокупной деятельности в достижении заданного результата, приводит к необходимости *организации* системы, о чем пойдет речь в следующих главах.

Здесь мы воздержимся от рассмотрения и критики того, как этот вопрос излагался другими экономистами [См., например, Маркс, 2011, с. 185 – 188; Мизес, 2008, с. 26; Фергюссон, с. 575 – 611; Spenser, 1914; Энгельс, 1961, с.

168]. В своих исследованиях они не выходят за рамки изложенного нами, но, как правило, отношения «руководитель – исполнитель» рассматриваются с негативных позиций, называются асимметричными и подлежащими «преодолению» в исторической перспективе.

Скорее всего, здесь происходит смешение сути отношений с возможным характером их исполнения. Дело в том, что взаимосвязь «руководитель – исполнитель» строится в диапазоне «страх (насильственное принуждение) - заинтересованность (добровольное исполнение)».

Никакой *социально-организованный* процесс не может осуществляться без руководства и подчинения. Характер же исполнения этого взаимодействия зависит от многих условий: идеологии, политики, конкретной ситуации, фактора времени, культурных традиций, образованности участников, их опыта и т.п.

Принуждение может носить не только силовой характер, когда насилие осуществляется непосредственно, сразу (например, удар раба хлыстом) или в отсроченном виде, под воздействием закона или другим способом (например, угрозы потерять работу и оставить семью без средств к существованию), но и косвенно, в том смысле, что человек либо лишается выбора, либо его выбор весьма ограничен (например, ценовая политика монополий на рынке).

Но и при этом, категорически восставая против «экономики страха» (См. Гельцер, 2010, с. 74-75), необходимо быть реалистами и признать, что пока существует государство и частная собственность на средства производства, элементы принуждения будут присущи любой экономике.

Предсказуемость экономики должна включать в себя понимание того, что в определенных ситуациях принуждение превращается в мину замедленного действия. Принуждение не беспредельно. И не обязательно ответом на него будет революционный взрыв. Экономика имеет много

других индикаторов – бегство капиталов, сокращение инвестиций, эмиграция, черный рынок и т.п.

Казалось бы, чем принуждение категоричней, тем предсказуемее результат. Поскольку именно к заданному результату направлено принуждение. Но, если это и удастся осуществить, то лишь на время. Неадекватное принуждение всегда порождает сопротивление. Сопротивление порождает еще большее принуждение и, тем самым, затягивается во времени. Чем дольше затягивается процесс, тем более непредсказуемыми становятся последующие события. Экономическая экстраполяция событий при прогнозах на перспективу в этом случае перестает работать.

В 70-80х годах прошлого столетия десятки институтов в Советском Союзе разрабатывали планы научно-технического развития на десятилетия вперед [Варшавский, Яркин, 2009, с. 22-41].

Однако, им не суждено было сбыться по причине простого игнорирования социальной напряженности, явно зашкаливавшей к тому моменту за допустимые пределы, при отсутствии (и общественном отторжении) средств сдерживания этого напряжения. В микроэкономике эти проблемы, зачастую, могут решаться методом психоанализа.

Заинтересованность исполнителя может приблизить отношения его с руководителем до степени близкой к партнерству, оставаясь по сути тем же самым. Это то, к чему необходимо стремиться. Но лишь конкретно-исторический анализ может показать, какой уровень отношений приемлем и допустим на данном историческом отрезке.

Именно по изложенным причинам (подмена сути отношений характером взаимодействия) мы не приняли в расчет 15 вариантов субъект-субъектных отношений, предложенных С.П. Никаноровым [См. Никаноров, 2008, с. 198 - 199]. Он рассматривает эти отношения через призму интересов взаимодействующих субъектов и вводит такие понятия, как

эксплуатация, благотворительность в противовес понятию блокирования, сотрудничество, кооперация, конфликт, благотворительность вопреки сопротивлению, сочетание конфликта и сотрудничества, адаптация интересов субъектов друг к другу. Но мы не исключаем, что в исследованиях по экономической психологии такой подход может оказаться весьма продуктивным.

2. Орудия труда или средства производства, инфраструктура.

Создание системы возможно только тогда, когда существует единство субъекта и объекта действия. При этом, процесс материализации необходимой системы подчинен субъекту.

Касательно средств производства [Карташев, 1995, с. 160-175] описывает три формы их существования и, соответственно, три вида взаимодействия с ними:

1. Система «человек – орудие».
2. Система «человек – устройство».
3. Система «человек – машина».

«Орудие» представляет собой некий внешний предмет, не являющийся естественной частью организма. Предмет-орудие позволяет воздействовать в необходимых пределах на какой-либо другой предмет, являющийся в данном случае предметом воздействия.

В экономической деятельности «результатом функционирования такой системы является преобразование предмета воздействия (например, получение конкретной формы бруска), однако, эффектом ее является сама возможность преобразования (с помощью ножа) необходимого вида» [Карташев, 1995, с. 162].

К орудиям следует отнести все то, что у нас принято именовать «инструментом».

Если предположить, что Дарвин и Энгельс были правы относительно того, что человек произошел от обезьяны¹, и наиважнейшую роль в этом сыграло появление орудий труда, то появление устройств знаменует новый исторический этап в этом развитии, превращая его в *Homo sapiens* (человека думающего). Человек начинает замечать, что взаимодействие двух и более внешних предметов дает эффект превышающий приложение только мускульной энергии. Простейшие устройства: рычаг с опорой, выкопанная яма для охоты на диких зверей, колесо, ворот, ножной привод для гончарного круга и т.п.

Воздействие на предмет преобразования оказывается *опосредованным* взаимодействующей совокупностью орудия труда и устройства.

Понимание такой опосредованности взаимодействия многих предметов приводит человека к осознанию существования между ними *причинно-следственных* отношений. В человеческом сознании возникает возможность логических построений, возможность отвлечения от материальной конкретности и переход на уровень создания абстрактных «конструкций» в мышлении.

Второй особенностью создания системы «человек – устройство» является появление такой технологической операции, которую можно назвать «сборка». Сборка – это есть некоторые действия по сопряжению различных внешних предметов, благодаря которому достигается дополнительный полезный эффект.

Процесс сборки характеризует умение человека *формировать* системы. Поскольку «*формирование есть процесс включения в систему необходимых компонентов и через специальное ограничение их степеней свободы*

¹ Автор не сторонник этой теории и у него есть большие основания в этом усомниться. Но в нашем случае принципиален не вопрос происхождения, а процесс развития человека как такового.

,
постановка в такие отношения содействия, которые позволяют в пределах опыта субъекта реализовать полезный эффект» [Карташев, 1995, с. 164].

Третья особенность системы «человек – устройство» заключается в том, что появляется возможность разделения силовых и функциональных действий. В системе «человек – орудие» человек совмещает необходимые усилия с необходимым функциональным действием по преобразованию предмета воздействия. При применении устройства действие происходит как бы по двум направлениям: на получение полезного эффекта и на приведение системы в движение.

Еще одна особенность системы «человек – устройство» заключается в том, что побочные действия по сборке, во-первых, удлиняют по времени акт, а во-вторых, создают побочную программу формирования основной системы.

Уже на этой стадии мы фактически сталкиваемся с другими элементами экономики, такими как наука и носители внешней памяти, о которых мы будем говорить ниже. Дело в том, что, чем сложнее устройство, тем труднее удержать его в памяти. Потребность в адекватном отражении таких конструкций порождает специальную деятельность человека по созданию внешних носителей памяти. Тем самым формируется новый элемент экономической системы.

С появлением машин и ростом масштабов экономики «устройства» приобретают все большее разнообразие, а также приобретают масштабы, которые позволяют выделить их в особую сферу деятельности под названием *инфраструктура*.

В системе «человек – машина» появляется возможность использования внешних источников энергии взамен мускульной. В качестве таких источников используется энергия воды, ветра, тепла, электричества, и т.п.

Все более высокая ступень развития человеческой деятельности характеризуется следующими признаками:

1. Наступает осознание возможности преобразования одного вида движения в другой и полезного использования этого преобразования. Создаются устройства преобразования этого движения. В совокупности со внешним приводом оно и делает машину машиной.

2. Появление преобразователя создает необходимость *управления* им. В системе «человек – устройство» эта задача решается усилиями мышечных групп. В системе же «человек – машина» появляется вспомогательная система, предназначенная только для регулирования режима функционирования основной системы. Это – *система управления машиной*. Не имея самостоятельного значения, эта система по своему характеру является устройством.

3. Усложнение машин приводит к возникновению *дополнительных устройств и приспособлений*, обеспечивающих улучшение эксплуатационных характеристик этих машин. К таким устройствам можно отнести различные приборы, обеспечивающие контроль над режимом работы машины, системы аварийной сигнализации, системы смазки и пр.

В заключение данного раздела отметим, что системы «человек – машина» делятся на два больших класса по создаваемому эффекту: *результатирующему* и *направляющему*. Результатирующий эффект не связан с преобразованием каких-либо предметов. Таким эффектом обладает, например, автомобиль, результатом деятельности которого является перемещение в пространстве. Направляющий эффект, наоборот, непосредственно связан с некой переработкой внешних предметов. Здесь примером может служить токарный или деревообрабатывающий станок.

3. Накопленные знания и их носители.

К развитию техники мы еще вернемся. Но прежде считаем необходимым рассмотреть еще один элемент экономической системы: *накопленные знания*.

В советской политэкономии утвердился тезис – «наука как непосредственная производительная сила». Сам этот тезис, выдвинутый К. Марксом, означал простое признание науки в качестве еще одной производительной силы, имеющей свои характеристики и особенности. Написаны по этому поводу тома трудов, но на наш взгляд, вопрос этот совершенно не уяснен, и виноват в этом отчасти К. Маркс, употребивший термин «наука» вместо термина «знание».

Наука – это процесс познания. Производительная сила – это нечто овеществленное, материальное. Это была первая нестыковка. А что значит «непосредственная»? Какие же тогда производительные силы опосредованы? И кем они опосредованы? Человеком? А наука, она что – сама по себе? Без человека что-то там производит? Это нестыковка номер два.

Знание есть завершенное исследование, накопленный опыт. Знание неразрывно связано со своим носителем. Первоначально таким носителем являлся принятый язык общения. Этот момент настолько важен, что [Назаретян, 1996, с. 41-51] считает возможность победы вида, положившего начало современному человечеству, в межвидовом соперничестве гоминид, не благодаря физической силе или наличию большого объема мозга, а благодаря наличию гортани лучше приспособленной для речевой функции. За счет этого была обеспечена коммуникативность племени и возможность организации коллективных действий. Однако, по мере усложнения орудий труда и технологических процессов, человеку все сложнее было удерживать их в своей «внутренней» памяти. Становится актуальным адекватный перенос этих знаний во «внешнюю» память. «Это породило специальную деятельность человека по фиксации на внешних носителях памяти сути

моделей требуемого результата (конструкторской документации), программ сборки систем (технологической документации) и программ последующего функционирования создаваемого устройства (эксплуатационной документации)» [Карташев, 1995, с. 168].

Возможно, первоначально с этим справлялись наскальные рисунки. Но революцию здесь совершила письменность и появление бумаги (или того, что ее замещало).

«То, что мы привыкли называть информационной революцией, - пишет П. Друкер [Друкер, 2007, с. 35], - на самом деле представляет собой революцию знаний». Это так, и не совсем так. В этом тезисе все-таки происходит смешение собственно знаний и их носителей.

Относительно носителей знаний, указанный автор [Друкер, 2001, с. 138-144] достаточно верно отмечает четыре исторические революции: изобретение письменности, изобретение книги, изобретение ручного печатного станка и пунсона (выпуклой буквы), и, наконец, современную информационную революцию, связанную с появлением телевизора, компьютера и интернета.

Однако, этим автором не учитывается, что носителем знаний являются также и материализованные предметы изобретений. И здесь свершаются свои революции, связанные с изменениями технологий. Экономические эпохи, по образному выражению К. Маркса, отличаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими орудиями труда.

Кроме того, мы помним, что кроме «внешней» памяти есть еще и «внутренняя». Изменения в образовательном процессе решающим образом сказываются на качестве последней. И здесь есть свои революции. Они взаимосвязаны с носителями информации, но при этом имеют вполне самостоятельный характер. Книгопечатание позволило создать современные школы и университеты. Компьютеризация меняет эти устоявшиеся институты

у нас на глазах: дистанционное обучение, интерактивные процессы, виртуальные действия (операции) с каждым днем становятся все более объективной реальностью.

Революция собственно знаний – это вехи великих открытий, таких, как изобретение колеса и пороха, законы физики Галилея и Ньютона, великие географические открытия, теория относительности Эйнштейна и т.д. и т.п.

Классическая политэкономия рассматривает три фактора производства – земля, труд и капитал. Элементы (или, как она их трактует – ресурсы) являются производными от этих факторов. Знание в этой системе координат хоть и признается ограниченным ресурсом, но самостоятельным материальным фактором не рассматривается. Оно выступает либо как более сложный труд, либо как составляющая капитала (человеческий капитал).

На наш взгляд, это происходит по двум причинам. Во-первых, наука, знание рассматриваются как нечто материальное, но не вещественное. На материальные носители знаний должного внимания не обращается.

В подтверждение своих слов мы можем привести следующую цитату: «... Знание можно рассматривать как принадлежащую сознанию форму информации, отражающую ее объективное, принадлежащее материи *содержание*» [Ильин, 2010, с. 266]. На самом деле, мы можем говорить так о начальной стадии появления какого-то знания. В дальнейшем она переносится на некий материальный носитель и перестает быть информационной формой сознания. Вместе с носителем она становится элементом социальной (экономической) системы.

Во-вторых, при данном подходе внимание экономистов концентрируется лишь на издержках производства и справедливости распределения полученных результатов. Динамичность процессов остается в стороне, и в дальнейшем рассматривается также как результат действия труда и капитала.

Не будем считать это ошибкой, хотя такой подход иначе как экстенсивным не назовешь. Просто приходит момент, когда количественное накопление переходит в качество, и ситуация изменяется. Роль науки и знаний в издержках производства, в притязаниях при распределении полученных доходов значительно изменилась. А самое главное, мы никогда не осознаем в должной мере причины кризисных явлений как результат перманентного изменения экономической системы под воздействием новых научных достижений.

Поэтому мы с полной уверенностью относим знания и их носители к факторам производства и признаем самостоятельными элементами экономической системы.

Знание, это не только элемент производства, но и его продукт. Многие экономисты совершенно не понимают сути постиндустриального общества, трактуя его как преимущественное производство услуг [Например, Кравченко, 2010, с. 382]. Основываясь на статистических данных, в такую же ошибку впадают и авторы [Кобяков, Хазин, 2003]. Постиндустриальное общество – это общество, преимущественно *экспортирующее* результаты научной и интеллектуальной деятельности. Именно экспортирующее. Никакая уважающая себя страна, не желающая потерять свой экономический суверенитет, никогда не откажется от производства материальных благ, достаточных для обеспечения определенного уровня выживаемости, а точнее – экономической безопасности, собственного населения. А вот экспортируют постиндустриальные страны в основном то, что фактически у них же и остается. Тиражирование научной и интеллектуальной деятельности характеризуется тем, что продавая их, страна-экспортер фактически сохраняет все имеющиеся у нее ресурсы. Хотя, отмеченный факт опережающего роста услуг в сравнении с ростом материального производства, безусловно, имеет место быть.

На наш взгляд, это обусловлено несколькими причинами. Первая из них – перенос трудоемких и неэкологичных производств в отстающие и с переизбытком рабочей силы страны. Вторая – рост доходов основной массы населения и возросший спрос, в связи с этим, на бытовые и развлекательные услуги. Этому так же способствует значительная эмиграция малоквалифицированной рабочей силы из менее развитых стран. Однако, во-первых, эти тенденции не определяют пути научно-технического прогресса, а, во-вторых, нет никакой уверенности, что они будут продолжаться достаточно длительное время.

Роль знаний со временем только возрастает. Не человек, занятый тяжелым физическим трудом, а люди творческих профессий определяют развитие общества и его будущее. Лишь особенности их труда (разобщенность в пространстве, творческий характер, разобщенность в идеях, значительная дифференциация в оплате труда) и социальные условия жизни, в том числе воспитанная социальная лояльность, плюралистичность, отсутствие агрессии, не позволяют им объединиться и выступить единым фронтом, как это делал рабочий класс. Но этот недостаток (может быть, временный, если это вообще недостаток) нисколько не умаляет их значение.

Решающую значимость сегодня приобретают системные и концептуальные познания. Совместно с фундаментальными открытиями они создают тот потенциал, который позволяет трансформировать их в прикладную деятельность и принятие решений, которые, в свою очередь, позволяют обеспечивать опережающее развитие экономики.

Знания, как и всякий ресурс, ограничены, и ограничены они, по крайней мере, тремя обстоятельствами. Первое ограничение заключается в том, что наше познание всегда относительно и несовершенно. Познание мира – это процесс, уходящий в бесконечность. Второе - в том, что развитие науки осуществляется локально и получение новых знаний требует

надлежащей постановки обмена научной информацией (расширение научно-технических изданий и увеличение их тиражей, посещение симпозиумов, научных конференций и выставок). Кроме того, часть научно-технической информации засекречивается, либо ее распространение ограничивается законами об авторских правах или патентами. Последние (права и патенты) являются нематериальными² активами предприятий, которые по стоимости часто превышают материальные активы.

Третье ограничение на знания накладывает их затратность. Большая наука – это сложные технические комплексы, это создание научных систем и сетей, обеспечивающих вовлеченность значительного количества научных кадров, их информационное обеспечение, опытно-экспериментальные базы, исследовательские полигоны и пр.

Все элементы экономической системы можно рассматривать как ресурсы развития. Но два элемента: субъект и знания занимают в системе особую доминирующую роль. Только человек способен изменять систему, в соответствии с поставленными перед собой целями. Но сделать это он может только изучив систему, в которой он существует, и, осознав её слабые стороны, сформулировать видение будущего развития. Без науки человек слеп и беспомощен. Экономия затрат на науку оборачивается отказом и неспособностью к развитию. Процесс этот может приобретать катастрофические темпы.

² Слово «нематериальные» в данном контексте с научной точки зрения нельзя считать корректным. Правильнее говорить о *невещественных* активах.

Панов А.Д. в статье «Наука как явление эволюции» пишет: «Ограничение ресурсов (имеется ввиду финансов, выделяемых на науку – Ю.Г.) вместе с удорожанием научных исследований может вести к снижению потока *новых* научных результатов (потока открытий). Это явление запускает очень опасный для науки процесс. Снижение потока открытий снижает интерес общества к науке. Снижение интереса к науке влечёт уменьшение средств, выделяемых на неё. Причём в первую очередь под ударом оказываются самые фундаментальные направления, так как они находятся дальше всего от потребительских интересов общества и общество меньше всего понимает, для чего они нужны. Кроме того, наибольший рост стоимости характерен именно для самых фундаментальных направлений науки. Уменьшение затрат на науку влечёт ещё более прогрессивное падение числа открытий, что приводит к дальнейшему падению популярности науки и т.д. – так замыкается петля положительной обратной связи. Это может породить лавинообразный процесс коллапса фундаментальной (в первую очередь) науки, точнее – коллапс её финансирования. Процессы могут оказаться столь стремительными, что участники событий даже не

сумеют толком понять, что происходит.» [Панов, 2009, с.107]

Большая часть знаний, накопленных обществом в ходе своего исторического развития, общедоступна и является истинным богатством человечества.

На наш взгляд, необходимо отменить неоправданную попытку расширить сферу ограниченных ресурсов или элементов экономической системы как это трактуем мы. Речь идет об информации [См., например, Экономическая теория, 2004, с. 58-60 и Макроэкономика, 2005, с. 508- 509].

При этом, информация трактуется очень узко – как «процесс сбора, обработки и распространения знаний»... Но, коль речь идет о знаниях, то зачем подменять одно другим? Это, во-первых. Во-вторых, информация в широком смысле – это всеобщая форма движения материи. Любое проявление материи дано нам в виде некой информации. Любое взаимодействие материальных тел, будь то на химическом, физическом или социальном уровне осуществляется путем обмена информацией. В обыденной и научной жизни накопленная информация выступает в виде *сведений*. Сведения – это некие данные, поданные в приемлемой для человеческого восприятия форме о различных объектах и процессах. Они могут быть информативны или неинформативны. Избыток ненужных сведений может создавать помехи или «шумы», которые не только не приближают к истине, но и уводят от нее.

Информация, в узком смысле, часто трактуется как сумма обработанных и необработанных сведений, требующихся и достаточных для принятия решений. Но в этом смысле информация *тождественна* знанию. Подменять одно другим не имеет никакого смысла.

Коль раньше у нас уже заходила речь об ограниченности ресурсов, то здесь следует сказать, что этот мальтусовский тезис, на котором построены все американские экономические теории, следует воспринимать критически, как и марксово коммунистическое удовлетворение всех потребностей. Сергей Капица в своей книге «Парадоксы роста: законы развития человечества» [Капица, 2010, с. 111 - 117] совершенно верно отмечает ошибочность этих взглядов. Он приводит выводы, сделанные на основе определенных исследований Хейлига: «Если мы примем во внимание творческий потенциал человека, то нет предвидимых пределов основным природным ресурсам для производства пищи, которому служит пространство, вода, климатические условия, солнечная энергия и вклад самого человека. Все эти ресурсы либо не ограничены, либо их возможно расширить, использовать более целесообразно, либо в значительной мере преобразовать» [Цит. Капица, 2010, с. 112].

С. Капица отмечает, что сегодняшняя практика позволяет в странах с развитой экономикой 2-4% населения прокормить всю страну. «Проблема питания, отмечает автор, - состоит не в ограниченности ресурсов, а в *неспособности распределять ресурсы*, как в масштабах человечества, так и пределах одной страны. Иными словами, мы имеем дело с социально-экономической проблемой, а не с ресурсными ограничениями» [Капица, 2010, с. 114-115].

Здесь мы наталкиваемся на второе фундаментальное противоречие системы: *безграничные научно-технические возможности использования природных ресурсов и не соответствующие им, явно отстающие социально-экономические отношения, или, как принято говорить в Общей теории систем - связи.*

Конечно, говорить о неспособности распределять ресурсы мы можем лишь в том смысле, когда под распределением понимаем конечную,

заключительную фазу. На самом же деле, проблема шире и сложнее. Это проблема кардинального изменения политических и экономических парадигм. Это неизбежный отказ от многого того, что сегодня кажется незыблемым.

Кроме того, носителем знаний является как сам человек, так и общество в целом. То есть, наряду с общественным сознанием, включающим и нравственные нормы, политические и национальные убеждения, существует и общественное знание, как более узкое понятие. В жизни мало что-то *знать*, надо и *уметь* этим пользоваться. Для индивидуума навыки использования знания – это часть опыта и познавательного процесса. Для общества – это еще и вопрос *организации*, о чем у нас пойдет речь ниже, а также *культуры*, то есть, сложившихся в обществе *стереотипов мышления и поведения*.

Во-вторых, сегодня мы имеем государства – *трансляторы знаний*, и *государства – приемники*, то есть те, кто развивается путем покупки патентов, лицензий на научно-технические достижения и высокотехнологическую продукцию. Причина этого – отсутствие в этих странах должного уровня образования и непонимание или игнорирование по каким-либо причинам важности развития фундаментальных исследований.

Но есть и третья категория государств – государства-пользователи. Государства, чье население может научиться пользоваться научно-техническими достижениями, но не в состоянии их ни изобрести, ни произвести. Такие страны, подобно неграмотному населению Африки в XVIII – XIX вв., способны только на «цветные бусы» (в нынешнем варианте - за iPadы и iPhoneы) обменивать свои дорогие природные ресурсы и этим довольствоваться. К сожалению, к таким странам все больше скатывается и Россия.

Сегодня существует много гипотез о том, по какому пути пойдет дальнейшее развитие техники (об этом мы поговорим в следующем разделе) и как изменяются носители знаний.

Мы уже упоминали, что с рождением компьютеров и машин-автоматов появилось так называемое *программное обеспечение*. Это, по сути, то, что позволяет «*уметь не зная*» (can, but don't know). Пользователю не обязательно знать, например, закономерности того или иного технологического процесса. Его задача может сводиться лишь к пониманию того, что должно быть на входе, на выходе, возможность вмешательства ограничивается знанием реакций на те или иные предупреждения (отклонения).

В этом ключе видится перспективным прогноз о появлении к середине века *нейроплантов* [Лопатников, 2003, с. 3] – приспособлений, позволяющих подключить непосредственно к мозгу дополнительные устройства. Это может быть дополнительная память, обучающие программы, средства, позволяющие видеть и слышать в других областях спектра.

Существенным образом изменится *интерфейс* управления машинами и компьютерами. Сегодня уже реальна их реакция на движение глаз человека. Управлять машинами усилием мысли – задача пока из разряда фантастических, но добиться их реакции на страх, испуг, другие эмоции, представляется вполне реальным.

Кроме того, компьютер становится не просто еще одним носителем знаний. Он начинает обретать функции *искусственного интеллекта*. Объем и скорость вычислительных процессов такова, что в совокупности с огромными базами данных, позволяет осуществлять вычисления, перебирать варианты, распознавать образы, что раньше было немыслимо для целых научных коллективов. Успехи компьютерных систем в игре в шахматы,

предсказание климатических изменений, идентификация преступников и жертв говорят сами за себя.

Создание искусственного интеллекта – это революционный скачек, так как не только знание, но и наука начинает обретать свой внешний носитель.

4. Превращение машин в технические системы.

Машина, как изделие, приобретает законченный вид системы, обретая функции *автомата*. Техника замещает деятельность человека не только в плане контроля над технологическим процессом, но и в управлении им. Необходимым условием этого процесса является алгоритмическое описание деятельности. При этом, определенный носитель человеческого знания становится неотъемлемой частью машины.

Первоначально это могла быть некая болванка, по образцу которой вытачивалось из дерева, металла или другого, поддающегося обработке материала, подобное изделие. В настоящее время таким управляющим устройством служит программное обеспечение. Но и в том, и в другом случае информация преобразуется для пользователя по принципу «черного ящика», когда на входе выдается сигнал, преобразующийся в некоторое действие на выходе. Каждый такой сигнал принято называть *тактом* [Лопатников, 2003, с. 355].

Автоматизация процессов породила понятие «*интерфейс*». Пользователю становится безразлично то, как устроена машина, пока она справляется со своими задачами. При этом, не имеет значения, какой именно *процессор* (преобразователь сигналов) используется и какой язык программирования применяется. Важны удобство и результаты. Интерфейс – это тот набор инструментов (кнопок, рычагов и пр.) и совокупность действий с ними, которые обеспечивают пользователю работу с машиной. Интерфейс «означает совокупность средств и методов взаимодействия между различными устройствами. Связь

между парой объектов возможна, если они имеют согласованные между собой приемную и передающую части и в процессе сеанса связи действуют по согласованным правилам. Такие правила называются протоколом. Неважно, насколько отличаются сами объекты, насколько у них разная природа, разное внутреннее устройство. Они будут «понимать» друг друга, если конструкция «выхода» одного объекта будет соответствовать конструкции «входа» другого объекта».[Ксенчук, 2011, с.261]. На наш взгляд, такая методология взаимоотношений вполне приемлема не только для техники, но и для общественных взаимоотношений. Особенно для целей планирования. В какой-то степени эту роль выполняют договорные отношения, а сам договор несёт на себе нагрузку протокола.

Существует масса литературы, исследующей противоречия, которые способствуют развитию техники [Негодаев, 1995, 1999] и законы ее развития [Петров, 2002]. Очевидным является и тот факт, что на смену автоматам должна появиться робототехника, оснащенная искусственным интеллектом, способная не только действовать по определенной программе, но и самообучаться в изменяющихся условиях.

Но есть и другое направление развития техники – превращение машины как системы в *систему машин*, а затем и в *техноценозы*.

В основе развития техники лежит *технология*. Последнее «есть документально определенная совокупность применяемых для получения готовой продукции методов и процессов обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, формы материалов и изделий, а также приемы, способы и операции, связанные с транспортировкой, складированием, хранением» [Кудрин, 1989].

Технология есть документально конкретизированный процесс производства, функцию, каркас которой образует техника. Отдельно взятый технологический процесс осуществляется сегодня путем нескольких переделов, обработок и транспортировок. Механизмы, обеспечивающие этот совокупный процесс, образуют систему машин.

Но производственные конгломераты нацелены сегодня на производство продукции в ассортименте. Наличие машин в этом случае не детерминировано какой-то одной технологией. Многие механизмы не имеют между собой никаких связей или их коэффициент корреляции незначителен. Такие образования Б.Н. Кудрин называет *техноценозами*, по аналогии с биоценозами.

Вообще, указанный автор считает, что развитие техники осуществляется по тем же законам, что и биологические системы. Генетическим кодом, обеспечивающим преемственность и сохранность вида, в технике является техническая документация. Наука и производство, с одной стороны, являются некой формой обитания, в которой данный вид техники должен доказать свою способность «выжить» и «существовать», а с другой стороны, путем *естественного и искусственного отбора*, а также путем внедрения новых знаний обеспечивается совершенствование вида и его изменчивость.

Под естественным отбором, в данном случае, мы понимаем замену морально устаревшей техники новой. Но многие виды техники

отбраковываются еще на стадии научных, опытно-экспериментальных исследований, а также путем их виртуальной эксплуатации в компьютерных программах. Такой отбор мы называем искусственным.

Как бы ни развивалась техника, парадоксальным является то, что новые изделия не вытесняют старые, более простые. Молоток, рубанок, мастерок сохранились, заняв свою, пусть и значительно ограниченную нишу.

Общепринятым постулатом является, что к наибольшим революционным изменениям в технике ведут *фундаментальные* научные исследования [Патон, 1980, с. 24]. Другими авторами [Кудрин, 1989, Гинзбург, 1980] эти положения оспариваются на основании того, что фундаментальные законы конечны, и новые открытия не меняют картину строения и развития Вселенной. Утверждается, что большинство технических изделий создаются на основе инженерного творчества путем проб и ошибок.

На наш взгляд, тут происходит некая подмена понятий «фундаментальности исследований» и «фундаментальности законов».

Исследования в области замены исчерпаемых энергоносителей на неисчерпаемые, конечно не изменит законов физики, но кто будет отрицать, что это не фундаментальная проблема? Свойство «сверхпроводимости» давно не является открытием, но практическое использование этого феномена в промышленных масштабах остается вожаделенной мечтой многих исследователей. И достижение этой задачи, безусловно, будет революционным техническим открытием.

В то же время, это нисколько не умаляет инженерного творчества. Изобретение банок с выдергивающимся сегментом произвело революцию в консервной промышленности и резко сократило спрос на пищевую сталь (жесть) и стекло, увеличив при этом до невиданных размеров спрос на алюминий. Здесь следует отдать должное американцам. Об их изобретателях,

независимо от уровня фундаментальности знает вся страна и не только. Да и в материальном плане эти люди не остаются обиженными.

Отсюда следует только одно: прикладные исследования, инженерное творчество требуют не меньшего внимания со стороны предпринимателей и государства, чем фундаментальные исследования, тем более, что они менее затратны, и быстрее окупаются. Кстати, японская промышленность свои первые успехи в 50 – 60 гг. XX века сделала именно за счет подобных изобретений.

Однако, задержимся еще немного на перспективах столбовой дороги развития техники.

Ученик В.И. Кудрина профессор В.И. Гнатюк считает, что на современном этапе развития мы имеем два типа техноценозов: микроценозы и макроценозы. «Расширение, взаимопроникновение, самоорганизация и унификация макроценозов, с одной стороны, а также усложнение, интеллектуализация, спецификация и количественное распространение микроценозов, с другой стороны, на определенном этапе неотвратно приведет к возникновению более сложных систем-ценозов техноценозов, или, как мы предлагаем их называть, гиперценозов» [Гнатюк, 2009, с.2]. Им же даны принципиальные отличия техноценозов от отдельных технических изделий и систем машин [Камаев, 1996, с.10 - 11]. Превращение техноценозов в гиперценозы явление не столько количественного роста в перспективе или на единицу пространства, а, скорее, явление качественное. Автор отмечает три основных признака гиперценозов: 1) сложная структура, органически связывающая несколько техноценозов таким образом, логическую завершенность и целостность; 2) возможность автономного существования на таком уровне, который предполагает способность к самовосстановлению и устойчивому развитию (поскольку временные рамки существования гиперценозов предлагается измерять столетиями, то правильнее говорить об

эволюции) в условиях динамично изменяющейся инфраструктуры; 3) и это самое главное и интересное в этой теории – наличие такой системы управления, когда можно говорить о присутствии разумной воли, самосознания, самоограничения и собственного целеполагания.

Представление о том, что технический разум будет зарождаться через роботов и суперкомпьютеры, В.И. Гнатюк считает не вполне корректным. Он полагает, что технический разум не только не отрицает биологический, но будет включать его в себя как неотъемлемую и важную составляющую. Технический разум никогда не будет существовать без биологического. Тем самым, футуристические картины, рисующие ужасы восстания роботов, не имеют под собой философского обоснования. Уничтожение человека, в данной системе координат, будет равносильно самоуничтожению.

Сейчас сложно определить место человека в данной системе управления, но следует предположить, что выбор окончательного решения по ключевым вопросам развития всегда будет оставаться за ним. Но наличие технического разума создаст предпосылки для наивысшей скорости эволюции.

Авторы «техноценозов» и «гипертехноценозов» рассматривают развитие жизни на земле в последовательности «реальность неживой природы – биологическая реальность – техническая реальность». По каким-то причинам из их материального мира выпадает такой объект, как «социальная реальность». Человеческие отношения – такая же материальная реальность, как сам человек и техника им созданная, и которой он пользуется. Развитие биологической и тем более технической реальности взаимосвязано с реальностью социальной и во многом взаимообусловлено.

Если мир движется в направлении гиперценозных технических систем, то он ставит перед нами много глобальных социальных вопросов. Прежде всего, как это будет сочетаться с частной собственностью и останется ли ей

место вообще? Как экономически будут формироваться гиперценозы? Не станет ли наша социальная реальность тормозом для появления и развития гиперценозов? А если станет, то в какой степени, и как этот тормоз будет преодолен? Как изменится соотношение «ограниченности ресурсов» и «безграничности потребностей»?

Эти вопросы выходят за рамки нашей работы, и мы их оставляем другим исследователям. Однако вот бы на что хотелось обратить внимание. Идею гипертехноцинозов следует рассматривать не только, и не столько как сложившийся факт, а как перспективную идею развития. Экономисты любят напирать на то, что эффективность того или иного продукта зависит от объёма рынка сбыта и на то, что Россия не имеет сегодня таких рынков. Гипертехноцинозам вполне по силам преодолеть этот недостаток за счёт возможностей эластичного перехода с выпуска одной продукции на другую.

В заключение раздела следует отметить следующее. Появление паровой машины ознаменовало переход человечества из просто социальной системы в систему социально-технологическую. С этого момента *homo sapiens* становится *homo tehnicus*. Именно с этого момента зарождается классическая экономика (Смит, Рикардо). Отныне не частная, ни какая-либо другая форма собственности не может рассматриваться вне аспекта технических средств производства. Труд, процесс познания начинают опосредоваться машинами, а без них это выглядит как редкое исключение. Слияние человека и машины стало органически необходимым, и дало возможность человечеству

использовать на свое благо не только труд современников, но и ушедших поколений.

Безусловно, труд ушедших поколений, воплощенный в недвижимости, в знаниях и опыте, использовался и раньше. Но использовался он преимущественно в быту. Использование этого богатства в производстве и в таких все возрастающих масштабах, история еще не знала.

Развитие той или иной страны стал определять технический прогресс. Он потянул за собой прогресс образования и науки. Технические революции требовали все время совершенствования экономических отношений. А те, в свою очередь, меняли сферы социальной жизни.

5. Другие направления научно-технического прогресса.

Описанные нами в предыдущей части технологические изменения могут затронуть, прежде всего, отрасли машиностроения. Однако, ожидаемый прогресс в XXI веке будет гораздо шире и более комплексным.

На протяжении жизни одного поколения мы наблюдаем революционные изменения в компьютерных технологиях. Сегодня владелец любого смартфона обладает большей вычислительной мощностью, чем та, которая была в распоряжении NASA или Пентагона в 1969 г.

Революция в этой области проходила на основе закона Мура, утверждающего, что мощность компьютера удваивается примерно каждые полтора года. Этот закон Гордон Мур сформулировал еще в 1965 г.

По мнению большинства специалистов в области компьютеризации действие этого закона близко к своему пределу и в ближайшее время перестанет действовать. В научном мире стоит вопрос о разработке *посткибернетической* концепции. Ожидается, что на смену компьютерам придут *нейросистемы*. Предполагается, что последние будут иметь другие способы передачи данных, «мыслить» не перебором математической

информации, а образами, а мыслительный процесс будет органически переплетен с эмоциональным. Такие системы будут способны выдавать не информацию, а решения, формировать концепции.

В то же время, миниатюризация компьютерной техники позволит создавать *активные материалы*. Одежда человека, насыщенная различными датчиками, позволит вести постоянный мониторинг всех жизнеобеспечивающих систем, обеспечивая не только своевременную информацию об опасных отклонениях, но и предупреждая их.

Строительные активные материалы позволят уберечь здания и сооружения от стихийных бедствий и техногенных разрушений.

Создание таких систем станет возможным не только на почве развития компьютерных и интеллектуальных технологий, но и на основе прогресса в *нано- и биотехнологиях*.

Нанотехнологии – это потенциальное создание материалов и машин на основе манипуляций с отдельными атомами. Уже сегодня на основе этих технологий создаются самые прочные и при этом самые легкие материалы. Репликаторы (принтеры, в основе которых лежит производство на базе атомарного строительства) способны превратить экономику как науку и способ хозяйствования в исторический рудимент. Воспроизводство любых потребительских благ станет индивидуальной возможностью любого живущего на Земле.

Не исключено, что противоречие, обозначенное Марксом, как противоречие между общественным производством и частным присвоением, будет снято не неким абстрактным, не имеющим конкретного содержания общественным присвоением, а наоборот, превращением в своей основе общественного производства в сугубо индивидуальное действие.

Изменениям подвергнется и сам человек. Расшифровка цепочек ДНК и познание способов работы с ними может позволить лечить любые

генетические заболевания, значительно увеличить продолжительность жизни, качественно изменить умственные и физические способности человека.

Революционные изменения ждут человечество и в энергетической сфере. Масштабным станет использование природных возобновляемых ресурсов – энергии солнца, ветра, воды. Рано или поздно человечество научится экономично разлагать воду на кислород и водород, и использовать их в качестве экологически чистого источника энергии.

Большие перспективы обещает освоение в мирных целях ядерной энергии на основе термоядерного синтеза. «Термоядерный синтез дает в 10 млн. раз больше энергии на единицу веса, чем бензин, и в обычном стакане воды содержится столько же энергии, сколько в 500 000 баррелей нефти» [Каку, 2012, с. 363].

Достижения науки и техники во всех перечисленных выше областях позволит человечеству значительно продвинуться в воздействии на окружающие его системы. Станут доступны новые глубины земли и океанов, расширятся изучаемые и осваиваемые просторы космоса. Станут реальностью космические лифты, новые двигатели космических аппаратов, превращающие их в звездолеты. Во многом мир сегодня фантастический станет реальностью.

Техническое развитие можно представить как некую последовательность смены технических цивилизаций.

Одним из критериев такой классификации может являться энергопотребление [Более подробно см. Каку, 2012, с. 506-529].

Первая классификация такого рода принадлежит русскому астрофизику Николаю Кардашеву, который предложил делить внеземные цивилизации на три теоретических типа:

I тип – планетарные цивилизации, потребляющие лишь ту долю излучаемой светилом энергии, которая приходится на планету (около 10^{17} Вт).

II тип – звездные цивилизации, потребляющие всю энергию, излучаемую светилом (около 10^{27} Вт).

III тип – галактические цивилизации, потребляющие энергию миллиардов звезд (около 10^{37} Вт).

Фактически, здесь мы имеем четыре типа цивилизаций, поскольку наша собственная цивилизация относится к типу 0. Карл Саган оценил ее как тип 0,7.

Теоретически не исключается и IV тип цивилизации, черпающий энергию из внегалактических источников. Источником такой энергии может быть темная материя, составляющая 73% материи видимой Вселенной.

Расчеты показывают, что I тип цивилизации мы можем достичь через 100 лет. С учетом роста суммарного ВВП мировой цивилизации на 1% в год для перехода из одного типа цивилизации в другой нам потребуется 2500 лет, при 2% роста – 1200 лет.

Существуют и другие классификации технических цивилизаций. Так Карл Саган предложил классификацию, основанную на информационных возможностях. Согласно его системе буквы английского алфавита от A до Z соответствуют определенным объемам информации. Цивилизация типа A способна обрабатывать один миллион единиц информации. Это соответствует цивилизации, где нет письменности, и вся информация передается только устно. Вся информация, дошедшая до нас со времен Древнего мира, соответствует, примерно, одному миллиарду единиц информации, что соответствует цивилизации типа C. Сегодня современное общество достигло уровня H. При совмещении с энергетической цивилизацией, мы получаем тип 0,7H.

Однако, технический прогресс сегодня связан с загрязнением окружающей среды. Поэтому предлагается разделить технические цивилизации еще и по этому признаку.

В данном случае к I типу цивилизации следует отнести такие, которые сдерживают рост энтропии и используют все средства, находящиеся в ее распоряжении, для ограничения выбросов тепла и накопления отходов.

Второй тип – цивилизации, не задумывающиеся о росте энтропии и продолжающие расширяться и без конца увеличивать энергопотребление.

С учетом роста нумерации в предыдущих классификациях, я бы поменял нумерацию цивилизаций по энтропии.

6. Природные ресурсы.

Вообще элементы производства делятся на первичные и производные. К первичным относятся люди и природные ресурсы. Все остальное является производным. Поскольку экономика рассматривается на каком-то историческом срезе, то нас не интересует их предыстория. Поэтому мы их вправе рассматривать как элементы, абстрагируясь от предыдущих экономических форм.

Природные ресурсы как элемент производства выступают как совокупность условий и материальных образований данных нам окружающей средой, которые могут использоваться в процессе производства товаров, услуг и духовных ценностей.

Природные ресурсы могут быть реальными и потенциальными, возобновляемыми и не возобновляемыми, доступными и недоступными (недостаточно изученными), экономически приемлемыми для разработки и нецелесообразными.

К *реальным* природным ресурсам следует отнести разведанные и используемые. К *потенциальным* – прогнозируемые, но точно не установленные.

,
Возобновляемые природные ресурсы – это ресурсы, которые под действием природных процессов не иссякают или воспроизводятся вновь в неубывающем количестве, или воссоздаются усилиями человека. В качестве примера здесь можно привести солнечную и ветровую энергию, вновь и вновь производящуюся природой, и плодородие почв, восстанавливающуюся благодаря усилиям человека.

К *доступным* природным ресурсам следует отнести ресурсы, которые человек *знает* и *может* их использовать по определенному назначению в производстве. Если хотя бы один из выделенных глаголов не применим, ресурс является *недоступным*. Так о существовании атомной энергии человек узнал гораздо раньше, чем смог ее использовать в своих целях. Недоступность определяется либо неизученностью, либо ограниченностью технических возможностей. Так, например, сегодня хорошо известны энергетические возможности Гелия-3, которым богат лунный грунт, но технические возможности транспортировки делают его недоступным. Дешевизна одних природных ресурсов делает их *экономически приемлемыми* в противовес более дорогим, использование которых на данном историческом этапе считается *экономически нецелесообразным*. Процентное содержание руды в разных месторождениях может одни рудники отнести к первой категории, а другие – ко второй. Но конкуренция может происходить и между разными природными ресурсами. Так дешевизна добычи нефти делает невыгодным использование возобновляемых энергетических ресурсов солнца, ветра и ресурсов, полученных из растительных источников.

7. Деньги.

Экономический процесс делится на две большие сферы: производство и рынок. Альтернатива рынку – некое прямое распределение. Но в условиях

ограниченности (редкости) ресурсов и безграничности потребностей (спроса) последнее всегда предполагает определенное насилие. Рынок призван снять противоречие между этими разнонаправленными силами экономики без применения насилия. И основной инструмент рыночной экономики – деньги.

Согласно [Камаев, 1996, с. 209] для осуществления бартерных сделок требуется $\frac{n \cdot m(n-1)}{2}$ обменных операций и столько же раз необходимо рассчитать цены. Буквенные обозначения в формуле несут следующую нагрузку: n – количество товаров для обмена, m – количество потенциальных партнеров.

При 10 потенциальных партнерах и 40 видах товара мы имеем:

$$\frac{10 \cdot 40 \cdot (40-1)}{2} = 7800$$

обменных операций и такое же количество ценообразований. Весь этот процесс займет значительное количество времени и, соответственно, трудозатрат.

С появлением денег мир рынка разделился на две части – товары и деньги. Деньги, исторически явившись как продукт развития рынка, в виду своих специфических функций превращаются в самоцель и силой, формирующей сам рынок. При этом никогда нельзя забывать, что деньги изначально это тоже товар, хотя и специфический.

Именно как специфический товар, обеспечивающий снятие противоречия при обменных и распределительных транзакциях, без применения насильственных средств, между ограниченными ресурсами и безграничными потребностями, осуществляемое с наименьшими затратами труда, ~~обеспечивается деньгами и выражает их сущность.~~ данная субстанция обретает сущность денег.

Удивительно, но эту простую истину до конца не понимал ни К. Маркс, ни пришедшие ему на смену коммунисты. Мы можем это утверждать на

основании того, что уничтожение частной собственности, а с ней и капитализма, всегда увязывалось с необходимостью ликвидации денег, а когда это не удалось реализовать на практике, то довольствовались ограничением их функций.

Насилие и прямые распределительные процессы начинали дополнять рынок, воздействовать на него, дезориентируя всю экономическую систему. Результаты этих процессов известны всем.

Практика показывает, что отказ от денег, или ограничение их основных функций, ведет не просто к росту бартерных сделок, натуральных обменов, он ведет вообще к игнорированию обменных процессов, к соблюдению эквивалентного равновесия в экономике. Обменные процессы заменяются распределительными, ограничение рыночной свободы компенсируется ростом экономического насилия. Разновидностью такого распределения является гиперинфляция, так как денежная масса в этом случае просто вбрасывается туда, где складывается социальная напряженность. Ни о какой эквивалентности здесь говорить не приходится.

Забегая несколько вперед, хотелось бы отметить авантюризм большевиков, решившихся на Великий эксперимент, имея в арсенале лишь весьма расплывчатую модель будущего общества, изложенную Ф. Энгельсом в [Энгельс, 1961]. О некоем эрзаце денег можно прочесть уже в этом его произведении.

Многие учебники и словари обычно сущность денег описывают стандартной фразой, мол «существует много понятий, описывающих сущность денег (при этом не приводится ни одного примера), но мы считаем, что сущность денег заключается в их функциях». Безусловно, функции раскрывают внешние характеристики предмета. К примеру, автомобиль может преодолевать пространство и перемещать грузы и людей. Это его функции. Но внутренняя сущность автомобиля от этого не проясняется. То же

самое может делать и лошадь, и осел. Только предметное описание автомобиля позволяет составить представление о его сущности.

Переходя к вопросу о функции денег, мы ограничимся перечислением тех функций, которые описаны в каждом учебнике, и прокомментируем те, о которых в них не говорится.

1. Измеритель стоимости.
2. Инструмент обмена и ценообразования.
3. Платежное средство.
4. Средство накопления, сокровища.
5. Средство кредитования и залога

К. Маркс не выделял кредитную функцию как самостоятельную. Он писал: «Кредитные деньги возникают непосредственно из функции денег как средства платежа... С другой стороны, с расширением кредитного дела расширяется и функция денег как средства платежа» [Маркс, 2011, с. 187]. И далее: «При известном уровне развития и достаточно широких размерах товарного производства функция денег как средства платежа выходит за пределы сферы товарного обращения. Деньги становятся всеобщим товаром договорных обязательств. Ренты, подати и т.п. превращаются из поставки натурой в денежные платежи» [Маркс, 2011, с. 187-188].

Безусловно, любое движение денег от одного лица (владельца) к другому (получателю) можно трактовать как функцию платежа. Но есть еще и специфически-экономическое содержание этого движения. И с развитием экономических процессов оно приобретает все большую и большую значимость. Поэтому, на наш взгляд, вполне назрел вопрос о выделении кредитной, фискальной и других функций денег, как самостоятельных. Такое разделение, мы убеждены, будет важным и для процесса обучения, для лучшего понимания проблемы денег и денежного обращения. Причем, функция денег как средства платежа продолжает развиваться, и мы не

исключаем желания других исследователей еще больше расширить этот перечень. В основе же функции денег как средства платежа мы рассматриваем только расчеты за купленные товары и услуги

6. Фискальная функция, аккумулирующая расчеты по налогам.

7. Счетная единица в макроэкономике или, точнее, счетно-статистическая функция.

Эта функция денег образовалась, по существу, лишь в XX веке. Но она также нигде не упоминается. Подробный анализ этой функции мы вынесли в Приложение № 1.

8. Стандарт отложенного по времени платежа во фьючерсных и форвардных контрактах.

Это тоже вновь образованная функция денег (конец XX века), призванная отразить *прогноз* стоимости основных биржевых товаров, а вместе с ней и все состояние экономики в той или иной временной перспективе.

9. Средство инвестирования.

Это деньги, вложенные в производство с целью получения некой прибыли в будущем. Данная функция тоже не выделяется как самостоятельная, и ее можно было бы втиснуть в прокрустово ложе функции средства платежа, однако, перегруженность последней, пожалуй, затемняет нам некоторые истины.

10. Игровая функция.

Возможно, кто-то посчитает правильным назвать это спекулятивной функцией, но, на наш взгляд, слово *спекуляция* недостаточно полно отражает суть процесса. Под спекуляцией, как правило, понимается «купить дешевле –

продать дороже». Игра же предполагает и шулерство, и сговор, и «надувание пузырей», и организованные обвалы цен, и т.п.

Когда люди играли только в обычные азартные игры, этой функцией можно было пренебречь. Но когда на фондовых биржах, биржах «форекс» вращаются десятки триллионов долларов, создавая риски для всей экономической системы, такое пренебрежение сродни прятанию головы в песок.

Принято считать, что покупка акций на биржах это не что иное, как инвестирование. В некоторых случаях, возможно, так оно и есть. Но инвестирование, в нашем понимании, есть вложение денег с *целью получения прибыли*. И во временном отрезке оно охватывает как период собственно инвестирования, так и однократный, а чаще всего многократный период воспроизводства. Основная же часть сделок на бирже основана на *ожидании роста котировок*. И как только эти ожидания изменяются на противоположные, от этих ценных бумаг избавляются. Кроме того, большинство транзакций в этой сфере вообще не имеет никакого отношения ни к инвестированию, ни к производству. Название этому процессу – спекуляция ценными бумагами, вложения в производство, по которым осуществлены кем-то в недавнем или далеком прошлом. Почувствуйте разницу, а вместе с ней и необходимость выделения этой функции.

11. Мировые деньги, формирование резервных валют.

Если в XIX веке мировыми деньгами считалось только золото, то XX век породил новый эрзац этой сущности в виде резервных валют, таких как доллар США, евро и т.д., в которых и производятся расчеты на мировых рынках.

12. Функция государственности.

Представить себе появление денег в отсутствии государства – возможно. Но представить себе государство без денег – утопия. Денежная единица не только представляет государство внутри страны и за рубежом. Она символизирует экономическую и нравственную состоятельность этого государства. По денежной единице можно судить о государственном суверенитете страны. Дело не только в том, что отдельные государства, приняв общую денежную единицу (например, евро) добровольно отказываются от части своих суверенных прав в пользу некоего надгосударственного органа. Многие государства отказываются (добровольно или нет, мы сейчас не рассматриваем) от части своего суверенитета в пользу другого государства, привязывая свою валюту к его валюте [См., напр., Стариков, 2011].

Кроме того, с помощью печатного станка государство может увеличивать или уменьшать инфляцию, при этом, в определенной степени, влияя на стимулирование производства и уменьшая или увеличивая скрытые финансовые сборы с населения. Уменьшая или увеличивая ставку рефинансирования, государство может либо стимулировать кредитную политику, либо процесс накопления. Тем самым активизируются или сдерживаются темпы роста промышленного производства.

Снимая противоречия между ограниченностью ресурсов и безграничностью потребностей, деньги могли выполнять свою историческую миссию только будучи сами в ограниченной доступности. Обладая целым рядом и других преимуществ (делимость, длительная сохранность, большая стоимость в малом объеме и т.п.) таким специфическим товаром стало золото.

Золото – это единственные *истинные* деньги. Все, что экономическая история породила в ходе своей эволюции, мы назвали бы «*деньгами на доверии*». Относится это доверие к банку, государству или отдельно взятой

личности, давшей вам расписку, чек или вексель – большого значения не имеет. Значение могут иметь лишь юридический закон или страховка, обещающие вам некую компенсацию в результате утраты этого доверия.

«Деньги на доверии» мы бы подразделили еще на две части: имеющие *золотой паритет* и не имеющие его.

Бумажные или виртуальные заменители золота, безусловно, обладают определенными удобствами в обращении. Но главная их заслуга (речь, прежде всего идет о бумажных деньгах, не имеющих золотого паритета) в том, что они решили многовековую задачу алхимиков – делать золото из ничего. Для этого, прежде всего, необходимо было дискредитировать золото как общепризнанный эквивалент. В [Кабаков, Хазин, 2003] детально рассматриваются эти процессы, но одну цитату мы, все же, приведем: «... В 1990-х годах, особенно во второй половине десятилетия, на золотом рынке сложилась абсурдная ситуация, не имеющая аналогов в истории: цены на желтый металл испытывали устойчивую тенденцию к падению, не смотря на общий рост индекса мировых товарных цен. На фоне же взрывного роста цен на нефть эта ситуация кажется просто невероятной. Неестественный характер динамики цен очевиден и при сопоставлении спроса и предложения на рынке золота. В последние годы физический спрос на золото на 20% превосходит объемы его добычи. Однако, вопреки давлению спроса цены не росли, а падали.

Ряд известных аналитиков и инвесторов, профессионально работающих на рынке золота, не так давно создали организацию под названием Gold Anti-Trust Action (GATA). Конечная цель организации – добиться официального антитрастового расследования регулярно совершаемых, по ее данным, манипуляций на этом рынке. GATA выдвигает очень любопытную и, в силу высокой информированности членов организации, сильно аргументированную версию, объясняющую парадоксальную ситуацию с

ценами на золото. По версии GATA, на рынке золота существует «всемирный заговор», участниками которого являются центральные банки развитых стран и некоторые известные частные финансовые институты».

В качестве примера авторы приводят достопамятную историю с Банком Англии, намерившегося распродать большую часть своих золотых запасов. Наибольший доход от этой операции он мог получить, сделав это тайно, через брокеров, малыми порциями, и выбирая наиболее благоприятные ценовые моменты на этом рынке. Вместо этого продажа осуществлялась с большой рекламной помпой, на аукционах, по заранее спланированному графику, с заявлениями о потере золотом свойств служить инвестиционным активом. Что это, как не подтверждение обвинений, выдвинутых GATA?

Сегодня мировые валюты не имеют золотого паритета и в «свободном режиме» торгуются на биржах. Последствия этого шага, влияние его на мировой финансовый кризис 2008 – 2012 годов, на мировые процессы в экономике широко обсуждаются в экономической литературе. Для нас же достаточно уяснить, что деньги, как элемент экономической системы, выступают сегодня в своей производной форме в виде бумаг, безналичных и виртуальных денег, так или иначе освященных государством, и поэтому пользующихся доверием населения (а какая у населения альтернатива?), в объемах, рассчитанных с помощью экспертов или определяемых эмпирическим путем. При этом вопрос о золотом паритете ни научной, ни политической элитой не снят с повестки дня, и имеет все основания в будущем вернуть свои позиции.

Фридрих Хайек в 1976 г. в книге «Денационализация денег» (у нас она издана в 1996 г под названием «Частные деньги») показал, что деньги теоретически являются лучшим из всех носителей информации, позволяющим принимать хозяйственные решения. Но именно в этом заключается предсказуемость экономики. Однако, для этого сами деньги

должны быть *стабильными*. Безусловно, деньги не могут быть единственным якорем стабильности. Основу стабильности обеспечивают не они, а стабильность целевых установок и постоянное совершенствование средств их достижения.

Утратив товарность, деньги одновременно утратили свою изначальную сущность. Сегодня их суть можно определить как особую форму жульничества в мировом масштабе. Бумажки, освящённые в товарный эрзац, штемпелями государств или банков их эмитировавших, но продолжающими выполнять почти те же функции, что и истинные деньги. Мы говорим «почти», потому что утратив фактор стабильности, они лишают стабильности весь экономический процесс.

«Кстати, применительно к этому вопросу все рассуждения о том, что «золото – обычный биржевой товар, подверженный колебаниям цен», - чистое мошенничество. Потому что все товары подвержены колебаниям соотношения цен между ними, и как только вы какой-то выбираете за основу, то просто все остальные начинают колебаться относительно этой основы. И эта основа всегда и в любом случае надежнее, чем просто банковский билет, - фантик, не обеспеченный ни чем, кроме доброй воли или иных интересов властных и финансовых органов

государства, этот фантик выпустившего.»[Болдырев, 2012, с.526]

По мнению этого же автора, граждане всех стран, благодаря изменению сущности денег, утратили одно из основных своих прав – право на сохранение покупательной способности своих трудовых усилий.[Там же, с.527]

Более того, говоря о золотом паритете, мы вовсе не настаиваем на обязательном обмене денег на золото. Мы также против того, чтобы золотой паритет был самоцелью. Мы допускаем, что в моменты кризисных ожиданий, в моменты товарных заторов, других, желательно законодательно оговоренных экономических проблемах, когда иные экономические рычаги *по времени* могут оказаться запаздывающими, эмиссия денег и отклонение от золотого паритета будут являться единственно правильным решением.

Однако, такие события должны анализироваться на государственном уровне и причины их порождающие – устраняться. Зачастую за этим стоит обычное жульничество, которое выражается в скрытой необоснованной эмиссии, а девальвация следует как результат разоблачения этого жульничества.

Сегодня, наряду с критикой золотого паритета рубля, существуют проекты замены золота на нечто другое. Например [Ефимов, 2003], относительно верно пишет, что «в основе денежной массы должен лежать товар или корзина взаимосвязанных товаров, имеющих в стране в достаточных количествах» (с. 42) и предлагает объем эмиссии средств платежа жестко увязать с количеством энергии, подаваемой на вход ППС (производственно-потребительской системы) [Там же, с. 43].

Ошибочность таких взглядов заключается в том, что автор путает две вещи – масштаб цен и обеспеченность эмиссии средств платежа³. Кстати, этим грешат и все противники золотого паритета. Золотой паритет лишь устанавливает меру стоимости бумажных денег в золоте, как металлический эталон метра, хранящийся при определенной температуре в Палате мер и весов в Париже, устанавливает меру длины. Но обеспечен он может быть всеми ликвидными ресурсами, имеющимися в распоряжении государства. Вопрос независимости Центробанка от государства при этом полностью отменяется. Исчезает при этом и зависимость от доллара. Недовольство же в этом случае дядюшки Сэма более чем очевидно.

Другой нобелевский лауреат – Пол Кругман, пытаясь доказать несостоятельность попыток возврата к золотому паритету, указывает [Кругман, 2009, с. 169], что в этом случае проявляется стремление достичь решения трех задач: 1) стремление к свободе при проведении денежно-кредитной политики, 2) достижение стабильности обменных курсов, и 3) сохранять свободным международный бизнес. Кругман убежден, что в «лучшем случае им удастся реализовать только две» [там же].

Суть этих трех условий можно выразить русской народной пословицей: «С волками жить, по-волчьи выть!». Манипуляции с национальной валютой, особенно, если она является резервной на международном рынке, стали чуть ли не основным способом не только решения внутренних проблем, но и способом ведения экономических войн на международной арене. Противостоять этому давлению в одиночку нереально, не отказавшись от одного из перечисленных условий. В нашем случае это касается третьего пункта – свободный международный бизнес, в том виде, в котором он существует сегодня. В этом Кругман прав. Но это говорит лишь о том, что

³ Здесь имеет место быть и вторая ошибка: поскольку эмиссию осуществляет государство (а именно это имеет в виду автор), то и обеспеченность эмиссии может осуществляться только тем, что принадлежит государству.

решать эту проблему необходимо не сразу и не в одиночку. Для нашей страны такой группой единомышленников могли бы стать страны БРИКС, а также группа государств, выделившихся из Советского Союза.

На самом деле, отказ от второго пункта, перечисленных Кругманом условий, ведет автоматически к отказу от первого пункта и к весьма специфической свободе международного бизнеса, выгодной лишь весьма узкой группе стран.

Это лукавство заложено в каждом американском учебнике «Экономикс», как правило, начинающихся с того, что проповедуются преимущества разделения труда. В пример приводятся два умельца, производящих столы и стулья. Причем, один из них чуть ли не вдвое способнее другого, но разделение труда (когда один производит только столы, а другой – только стулья) позволяет обоим получить экономические выгоды. Однако, при этом замалчивается одно существенное условие: а есть ли достаточный спрос на такое количество столов и стульев, которое достигается при таком разделении труда? Введение же этого условия может показать, что второму плотнику места на рынке вообще нет. А это уже другая история. В международных отношениях она требует совсем другой свободы.

Функция государственности денег особенно проявляется, когда рассуждают о так называемых «новых финансовых технологиях». Все эти технологии, по сути, сводятся к следующим тезисам: 1. «Для того, чтобы цены росли (и стимулировали рост производства - Авт.), нужно, чтобы масса денег, так или иначе, росла быстрее производства» [Гринин, 2011, с. 177] и 2. «Жизнь в долг – основа современной экономики» [Там же].

Очень хочется верить, что переживаемый сегодня финансовый кризис, который грозит перерасти в мировую финансовую катастрофу, положит конец этим заблуждениям.

Такая экономика очень напоминает наркотическую зависимость больного. Промежутки естественного состояния становятся все короче, а дозы требуется все больше и больше увеличивать. Лечение болезненно, другой путь только один – летальный.

Мы обращали внимание [Гельцер, 2012, с. 14-21] на то, что при такой экономике образуются два негативных фактора – это *проедание* ресурсов и *труднообратимые тенденции*, такие как раздутые социальные и военные бюджеты, рост зависимости от импорта, рост бюрократии, коррупции и мошенничества.

Нависание ничем не обеспеченной «денежной шапки» не может продолжаться бесконечно долго. Рост ее ограничен возможностями обслуживать долг (все это перепевы известной россиянам истории про «МММ»). Любые попытки сбалансировать ситуацию наталкиваются на проблемы двух вышеуказанных факторов. Ликвидация их – социальные бедствия и революции в одном флаконе.

Сегодня мы наблюдаем мучения европейской общественности с долгами Греции. Надо сказать, что этой стране повезло. Ее везение заключается в том, что она первая подошла к границе дефолта, и ее долг еще по силам Евросоюзу. С Кипром уже не церемонились. Самое интересное наступит, когда очередь подберется к Италии, Испании, Португалии. Особый экономический шок ожидает мировое хозяйство, когда этот кризис накроет США.

В этой связи мировой общественности следует задать себе два вопроса: 1. - А собираются ли вообще эти страны возвращать долги, и 2. - За чей счет они постараются решить свои социальные и долговые проблемы?

В [Гринин, 2011, с. 204 - 205] пытаются констатировать важность изменений в финансовом секторе в глобальном масштабе. Привожу этот перечень без сокращений, чтобы читатель сам мог оценить эту «важность»:

« - Происходит аккумуляция и вовлечение в оборот огромных капиталов, новых игроков, рынков, образно говоря, возникает необходимая для активизации экономики разница потенциалов, которая привлекает капиталы и инвесторов.

- Появляется возможность использования до этого совершенно непригодных для извлечения прибыли операций за счет того, что объемы операций возросли колоссально. Так, фирма может получить 3 цента с одной акции, но продавать в день многие миллионы акций, причем покупать и продавать одни и те же акции десятки раз в день. Напрашивается сравнение с промышленной технологией обогащения бедных руд (*Каково, а?!*. Авт.), которые до этого были невыгодны для переработки.

- Рост разнообразия финансовых продуктов, развитие специализации в оказании финансовых услуг и рост номенклатуры этих услуг позволяют диверсифицировать колебания спроса и увеличить общий объем продаж (как это помогает делать рост номенклатуры товаров в любой другой отрасли).

- Финансовые потоки и финансовые центры помогают по-новому структурировать мировую экономику. Рыночная экономика всегда структурируется вокруг определенных коммуникаций. Вспомним, как строительство железных дорог изменило не просто доставку товаров, но и всю организацию экономической жизни. В современной информационной экономике финансовые потоки начинают играть роль таких системообразующих коммуникаций. Там, где проходят наиболее важные финансовые потоки, интенсивнее всего идет экономическая жизнь (*Хотелось бы еще знать, куда она идет?* - Авт.). Мелкие и мельчайшие ручейки финансов (как раньше мелкие и мельчайшие ручейки грузов к железным дорогам) создают новую экономическую сеть.

- Новая структура позволяет периферии активно включаться в мировую экономику. Разумеется, стихийное движение ведет к обвалам и глобальным

кризисам (Вот, оказывается, куда это ведет! - Авт.), но так же происходило в XIX веке (А вот это уже вранье. Точнее – подмена одних внешне похожих фактов другими. Там все-таки производились материальные ценности. - Авт.), когда мощнейшее железнодорожное строительство (сопровожаемое невиданными спекуляциями) вело сначала к огромному подъему, а затем – к краху (И это вранье. Никакого краха не было. Во всяком случае, по причине строительства. - Авт.). Задача, следовательно, заключается в том, чтобы поставить под контроль наиболее опасные и непредсказуемые действия.»

Наиболее опасными и непредсказуемыми действиями является то, что концентрация финансовых средств осуществляется банками, которые оперируют, как правило, не своими деньгами, а деньгами вкладчиков, остатками средств на счетах предприятий, бюджетными потоками. Они вовлекают в свои игры сбережения народных масс, добытые потом и кровью. Потом они называют свои действия непредсказуемыми.

В этих «важных» изменениях вы прочли что-нибудь о росте производительности труда, о решении социальных проблем, о подъеме реальных секторов экономики? Ничего кроме неудачных сравнений.

Но зло новых финансовых технологий не исчерпывается биржевыми играми.

Сегодня в финансовом секторе сосредоточены основные доходы, обескровив индустрию и создав опасный крен во всей экономической системе.

Как отмечается в [Кобяков, Хазин, 2003] такая система выражена следующими особенностями: «Первой из них является структура управления рынками. Она построена на махинациях фьючерсной торговли и, как следствие, контролируется крупнейшими финансовыми институтами – операторами и посредниками. Основные свои доходы они получают именно от финансового управления и, как следствие, их мало волнует ситуация на

каждом конкретном рынке. Для принятия решений используется система финансовых показателей, причем по необходимости весьма упрощенная – поскольку иначе невозможно «постричь под одну гребенку» все регионы мира. И особенности этих рынков, технологические и национальные достижения никого из управляющей элиты не интересуют в принципе – хотя бы потому, что эти люди разбираются только в финансовых механизмах. При этом, они заинтересованы в том, чтобы разрушить национальные механизмы контроля за рынками, которые теоретически могут выйти из под контроля, для чего используется масса различных способов: это демпинг на национальных рынках, который чрезвычайно легко осуществлять транснациональным (в первую очередь, естественно, американским) финансовым институтам, у которых значительно более сильный финансовый рычаг; это использование трансфертных цен международными монополиями, что позволяет жестко подавлять национальную конкуренцию; это перекупка наиболее сильных акционеров; это патентная защита, которая всегда работает в пользу транснациональных корпораций; наконец, это просто доступ к кредиту.

В результате национальные производители со всеми их особенностями либо уничтожаются, либо покупаются, а затем унифицируются под «международные стандарты». Как следствие этих процессов, серьезно ослабляются национальные экономики в целом, как на финансовом, так и на «техническом и кадровом уровне».

Второй особенностью является вытеснение национальных валют. Это происходит в результате того, что 80% международного товарооборота осуществляется в долларах США. Кроме того, в условиях деградации национальных экономик, национальные правительства вынуждены постоянно девальвировать свои национальные валюты. Это, в свою очередь, заставляет население этих стран держать свои сбережения в более «твердой»

валюте. В соответствии с основополагающими законами экономики более слабая валюта вытесняется.

Как нами будет показано дальше, вопрос построения экономической системы, вопрос организации экономических процессов не имеет однозначного решения. У общества имеется достаточно широкий диапазон степеней свободы для поисков оптимальных решений. Однако, тем не менее, существуют и объективные законы, нарушение которых не может пройти безнаказанно.

13. Функция прямого перераспределения доходов.

Одним из таких законов является источник ссудного процента. Таким источником может являться только определенная доля прибыли, полученной в ходе производственного процесса. Сказать, что этот принцип сегодня нарушается – это не сказать ничего. Е. Гайдар обрушил экономику страны по масштабам несравнимым даже с периодом ведения государством крупных военных действий вроде Великой Отечественной войны, доведя процентную ставку Центробанка до 210%. За то, что наши министры финансов «забывают» эту истину, они признаются «лучшими министрами года» в мире. Оправдание высоких ставок инфляцией даже при поверхностном рассмотрении вопроса не выдерживает критики, поскольку здесь происходит подмена причины следствием. Причины российской инфляции – это ежегодное необоснованное повышение тарифов монополий и высокая ставка ссудного процента. Пока этот факт имеет место быть, никто не сможет убедить меня в чистоте намерений провести в стране модернизацию и осуществить подъем производства.

По логике вещей, такая процентная ставка должна неизбежно ввергнуть всякого, рискнувшего взять кредит, в неминуемый убыток. До недавнего времени это вуалировалось тем, что по методологии бухгалтерского учета

проценты по кредиту относятся на себестоимость, что влечет за собой рост цен на производственную продукцию.

Однако, с 2008 г. Минфином утверждено новое Положение о бухгалтерском учете – «Учет расходов по займам и кредитам» (ПБУ 15/2008). Оно еще больше запутывает этот вопрос. Вообще, порой кажется, что общая экономическая теория – это одно, а методология учета в интерпретации нашего Минфина – это нечто другое, никак с общей теорией не связанное. Причем, утверждать, что это делается по глупости или наоборот из соображений высокого полета, принципиально невозможно. Можно только догадываться.

Указанное положение делит кредиты на две категории: 1) На увеличение стоимости «инвестиционного актива» (читай – на развитие производства) и 2) другие цели (читай – пополнение оборотных средств). Проценты по первой категории относятся на увеличение стоимости инвестиционного актива, но почему-то только до начала эксплуатации объекта. В конечном итоге через начисление износа они также списываются на себестоимость. Что касается процентов по кредитам, взятым на другие цели, а также по инвестиционным кредитам после начала эксплуатации объекта, то согласно п. 7 этого Положения, такие затраты «признаются прочими расходами». То есть, они тоже попадают на себестоимость, но только напрямую, без увеличения стоимости объекта. Однако, китайская грамота на этом не заканчивается. Во всех разъяснениях к данному Положению велено списывать данные затраты на счет 91-2 «Внереализационные затраты». Но это же счет «Прибылей и убытков».

У меня высшее бухгалтерское образование. Я могу сделать все, что от меня требует Минфин. Я только понять не могу, чего он этим добивается, кроме того, что имеет целью скрыть свое экономическое преступление относительно высоких ссудных процентов. Такой учет не дает возможности

установить, какую долю в прибыли занимает ссудный процент, исключает ведение по этому показателю какой-либо статистики, и, в конечном итоге, является источником инфляционного роста цен, а не наоборот.

Попытку завуалировать истину в народе называют хитростью. Этим же народом признается, что хитрость является признаком ума, но ума недалекого. Вот и в данном случае результат таков. В работе [Гельцер, 2009, с. 71] на основе простых расчетов мы показали, что при существующих налогах и методики учета затрат, чтобы предприятиям сработать на «ноль», то есть без фактического получения прибыли, надо затратить в среднем 53 коп., чтобы заработать 1 рубль. И это без учета инфляции! Я утверждал и утверждаю сейчас, что у нас нет таких производств, кроме монополий и экспортно-сырьевых предприятий, что это делает всю экономику полукриминальной и приводит к проеданию амортизации. Но я в этот расчет не брал также предприятия, пользующиеся кредитами. Ссудный процент, который существует ныне, с учетом наличествующей налоговой системы, даже теоретически не дает шанса предприятиям рассчитаться с долгами.

Все, что они могут – это «погреться». Финал – банкротство и переход собственности сначала банкам, а затем ее продажа за бесценок монополиям. При этом банки в накладе не остаются – процентная ставка возмещает все.

Сегодня на наших глазах порой происходят беспрецедентные вещи, к которым нас приучили воспринимать как нечто само собой разумеющееся. Я имею в виду порой двузначные цифры роста инфляции или девальвации собственных валют. С экранов телевизоров ученые мужи и политики расскажут вам о стимулирующей роли инфляционных процессов, о необходимости сделать нашу продукцию более конкурентоспособной и других прелестях этих экономических процессов.

Однако, на наш взгляд, настало время в комплексе прав и свобод человечества поставить вопрос о праве на сохранение своих финансовых

сбережений. Право на требование привлечения к уголовной ответственности должностных лиц, допустивших инфляцию и девальвацию государственной валюты в значительных размерах. Эти обстоятельства должны быть достаточным основанием для импичмента первых лиц государств.

Оба процесса и инфляция, и девальвация есть не что иное, как массовое ограбление народа. Эти процессы прогнозируются и достаточно легко поддаются аналитическому расследованию. Вина за подобные факты лежит на конкретных руководителях государства. Вина эта, в лучшем случае, результат их некомпетентности. Обычно же, это – либо действия в интересах определенных социальных групп (банкиров, олигархов и т.п.), либо нежелание проводить реальные экономические и политические реформы. Перекладывание всех проблем на плечи народных масс. Беззастенчивое выгребание денег из их кармана. Гораздо более мелких воришек общество осуждает на годы тюрьмы. Эти же государственные деятели остаются безнаказанными.

14. Функция денег как средства ведения финансово-экономических войн.

В данном случае речь пойдет о принудительных колебаниях собственной валюты с целью обеспечения экономических преимуществ на внешнеэкономической арене.

Обычно, в данном вопросе руководствуются простой схемой: понижение курса собственной валюты трактуется как главный фактор обеспечения конкурентоспособности товаров своей страны на внешнем рынке. Иногда это признается как вынужденная мера, навязанная государству в результате спекулятивных действий на рынке валют. Иногда это приобретает форму ограниченного дефолта, когда признается снижение

спроса на валюту одного из государств, и оно проводит значительную девальвацию.

Даже этот набор причин и объяснений свидетельствует о том, что игра курсами валют – многофакторный процесс, и его нельзя рассматривать как нечто самостоятельное.

О повышении конкурентоспособности экспортных товаров путем снижения курса собственной валюты можно говорить только в том случае, если страна, понижающая курс, реально имеет экспортный потенциал, да и то не всякий. Когда об этом начинают рассуждать политики и телекомментаторы в России, то ничего кроме улыбки это не вызывает. Возникает только один вопрос: чего здесь больше – вранья или глупости? Весь российский экспортный потенциал – сырьевые ресурсы, которые торгуются на бирже за доллары. Курс рубля, если его снижения не вызвано действительно внешними причинами, здесь служит только одному – дополнительному перераспределению финансовых ресурсов в пользу экспортно-сырьевых компаний и тех чиновничьих и банковских структур, которые владеют инсайдерской информацией.

Реальные выгоды для экономики снижение курса собственной валюты приносит только таким государствам, как Китай, США, Япония, Германия, чьи экспортные возможности не вызывают сомнения.

В данном случае мы вновь наблюдаем проявление экономики спроса. Повышая спрос, страна наращивает рост производства, получая от этого и дополнительные прибыли, и рост занятости. Экономические потери, которые при этом также неизбежны, рассредоточиваются на все население страны. Иногда эти потери уравниваются доходами, иногда нет, но буфер воздействия на экономическую систему здесь тем значительнее, чем многочисленнее население страны, чем выше экспортный потенциал, и чем более значительными финансовыми ресурсами она располагает.

Иногда в этом процессе задействуется большая политика. Так, в действиях Китая просматривается явная тенденция захвата рынков сбыта любой ценой. Курс валюты здесь выглядит как разновидность демпинга. Преследуются однозначно долгосрочные цели: сначала овладеть рынками сбыта, а затем, в отсутствии конкуренции, диктовать свои условия.

Снижение курса собственной валюты может также использоваться для обесценивания собственного долга, если этот долг исчисляется в собственной валюте.

Эти игры на понижение курсов валют часто сталкиваются с политической волей других стран, особенно – США, которые принудительно заставляют револьвировать валюты своих импортеров. Таково было неоднократное воздействие США на Японию, а также на Китай.

Политика снижения курса собственных валют экономически развитыми государствами дополняется политикой требования свободной торговли. Одним из самых важных институтов в этом направлении является ВТО, доступ к кредитам МВФ и Мирового банка также обставляется соответствующими требованиями. Экономически слаборазвитые страны в этой войне просто обречены.

Вырваться из этого порочного круга можно только имея *свою* экономически выверенную политику, которая, прежде всего, должна отличаться высокими принципами нравственности, и на этой основе привлекать все больше и больше союзников из слаборазвитых стран. Необходимо создание *своей* «ВТО-2», которая была бы способна положить конец этому «беспределу».

Второй способ ведения финансовых войн заключается в быстром, и порой внезапном, выводе из страны спекулятивного капитала, с одновременным натиском на валюту государства путем массированных

продаж этой валюты. Задача сводится к тому, чтобы лишить страну валютных резервов и дестабилизировать ее валютно-финансовую систему.

Из раза в раз повторяющиеся такие процессы лишь доказывают вредность спекулятивного капитала. И, как мы указывали, пресечь его можно лишь ограничением перепродажи биржевых акций 6-ю месяцами или годом. Не будет притока спекулятивного капитала – не будет и его утечки. Попытки же обвалить валюту за счет ее массовой продажи можно предотвратить только благодаря достаточным резервам центробанка.

Не менее губительным является попытка привязать свою валюту к валюте более экономически сильного государства. Вот, что пишут об этом в американских учебниках [Мишкин, 2013, с. 565]: «... Страна, которая привязывает свой валютный курс к валюте более крупной страны, теряет контроль над своей монетарной политикой. Если более крупная страна проводит сдерживающую монетарную политику и сокращает свою денежную массу, это ведет к снижению ожидаемой инфляции в этой стране и, следовательно, повышению стоимости ее валюты при обесценивании валюты меньшей страны. Валюта более мелкой страны, при ограниченной возможности влияния на валютный курс, окажется переоцененной, и перед центральным банком встанет необходимость продавать валюту более крупной страны и покупать свою национальную валюту для того, чтобы не допустить обесценивания. Результатом такой валютной интервенции станет сужение объема валютных резервов мелкой страны, сокращение монетарной базы и, следовательно, уменьшение денежной массы. Стерилизация такой валютной интервенции не спасет ситуацию, поскольку будет вести к дальнейшим потерям валютных резервов до тех пор, пока мелкая страна не будет вынуждена провести девальвацию. В результате, мелкая страна окажется не в состоянии контролировать свою монетарную политику, поскольку движения

ее денежной массы полностью предопределены поведением денежной массы более крупной страны».

Это описание не исчерпывает губительность такой привязки, но приходится только сожалеть о том, что гайдары, учившиеся в Штатах, и «лучшие в мире министры финансов» типа Кудрина, либо не читали этих учебников, либо получали свои зарплаты еще из одного источника (читатель может сам попробовать с трех раз догадаться из какого). Более подробно читатель может ознакомиться с этим вопросом в [Стариков, 2013].

Одним из существенных орудий в финансово-экономических войнах является МВФ. На помощь эта организация приходит только тогда, когда какая-либо страна уже погрязла в долгах, и кредитоваться уже больше нигде не может. Эдакий кредитор в последней инстанции, призванный, как правило, добить кризисную экономику уже совершенно бесполезными кредитами.

На что направляются эти кредиты? Да, прежде всего, на то, чтобы погасить долги перед другими кредиторами. А что взамен? Взамен – жесткие и очень примитивные условия: поднять налоги, сократить социальные программы, ликвидировать дефицит бюджета.

Эти бы методы, да только лет на десять пораньше. В итоге, экономическое развитие страны останавливается, социальное напряжение растет, долги не сокращаются, кризис консервируется на годы. При этом диктуется незыблемость свободной торговли (помните сказку про столы и стулья?). Страна оказывается не только в долгах – она теряет свободу.

8. Сырье, полуфабрикаты, незавершенное производство, готовая продукция.

Взаимодействие людей со средствами производства предполагает наличие некой материальной субстанции, на которую оказывается

воздействие с целью получения предмета или услуги, долженствующую удовлетворить некую потребность.

Изначально такой субстанцией является земля и ее природные богатства. Но производство, получившее некоторое развитие и взятое на каком-либо временном срезе, по большей части имеет дело с субстанцией, уже подвергшейся некоторой переработке другим лицом или цепочкой производителей. Такая субстанция называется: 1) *сырьем*, если оно было извлечено из земных недр и подверглось только очищению или обогащению; *полуфабрикатом* или *незавершенным производством*, если оно подверглось одному или ряду переработок, но еще не получило заверченного вида. Последний термин чаще употребляется в строительстве.

Продукция, прошедшая некоторую стадию обработки и поступающая на рынок, называется *готовой продукцией*. Готовой продукцией может быть предмет, задачей которого является удовлетворить конечную потребность, но это в идеале. В действительности же, то что для одного является сырьем, или полуфабрикатом, для другого будет готовой продукцией. Для этого между вторым и первым производителем продукт должен пройти рыночную метаморфозу.

9. Средства обращения.

Поскольку экономика делится на две большие сферы: производство и рынок, и поскольку производство есть процесс взаимодействия человека со средствами производства, то логично предположить, что рынок – это не что иное, как процесс взаимодействия человека со средствами обращения.

На рынке происходит обращение двух субстанций: товара и денег. Тем самым, и средства обращения у нас разделяются на средства товарного обращения и средства денежного обращения.

К первой категории мы должны будем отнести склады готовой продукции, оптовые, мелкооптовые и склады розничной торговли, грузовой транспорт, дороги и дорожную инфраструктуру (порты, станции, средства перевалки грузов, магазины, средства рекламы и т.п.). Товарные биржи и выставочные комплексы – еще один конгломерат обращения товаров.

Денежное обращение сегодня не могло бы существовать без банков, банкоматов, платежных терминалов, денежных хранилищ, без надлежащих коммуникаций, счетных машин и машин детекторов. Все это обслуживает огромное количество оргтехники и компьютерных систем. Денежную систему сегодня невозможно представить без производства кредитных карточек и тиражирования ценных бумаг. Сюда относятся фондовые и валютные биржи, офисы со всем комплектом оборудования, инвестиционные и паевые фонды.

Рынки сегодня также можно разделить на две части: рынок, связанный с процессом воспроизводства, и рынок обращения ценных бумаг (в том числе и денег), который с воспроизводством вообще не имеет взаимосвязей, либо эти взаимосвязи носят относительный характер. Это деление для средств обращения важно лишь только тогда, когда мы задаемся проблемой ускорения оборачиваемости основного и оборотного капиталов, и собираемся делать это за счет совершенствования средств обращения. В остальных случаях такая классификация может иметь лишь познавательный характер.

10. Накопленные потребительские блага и активы.

До сих пор мы говорили о двух крупных сферах, на которые делится экономика: производство и рынок, а также об элементах их составляющих. Мы говорили о циклах воспроизводства. Однако, есть еще одна сфера экономической жизнедеятельности и еще один цикл – это цикл воспроизводства рабочей силы, органически связанный с циклом

жизнедеятельности домохозяйств, с циклом воспроизводства человеческого капитала⁴.

Мир вещей, который окружает человека основную часть жизни, и ради которых он собственно трудится, закончив свой путь в процессе своего производства, пройдя необходимые стадии обмена, становится собственностью круга лиц, образующих *семью*.

Именно эта часть потребительских вещей и накопленных сбережений в основном определяет национальное благосостояние страны. Не производство ВВП на душу населения, где основную роль может играть, например, военно-промышленный комплекс, и который отражает лишь одномоментный срез экономики, а именно, объем накопленных потребительских благ и сбережений населения есть мерило национальных экономических успехов.

К этим благам относятся, прежде всего, жилье, одежда, определенный объем продуктов питания, (взятый за какой-то промежуток времени – день, месяц, год), мебель и бытовая техника, земля, другая недвижимость, акции и другие ценные бумаги, деньги.

Благосостояние населения не только определяет во многом спрос на рынке, а соответственно – влияет на производство, но и в свою очередь является источником предложений финансовых, арендных и других услуг, а также является основным *условием* рынка рабочей силы.

К этому вопросу мы еще будем обращаться неоднократно. Но в данном разделе ограничимся сказанным.

11. Материальные атрибуты государственной власти.

Власть - это, прежде всего, насилие. Насилие же достигается наличием полиции внутри страны и армии, обеспечивающей неприкосновенность

⁴ Мы употребляем оба термина «рабочая сила» и «человеческий капитал» как непротиворечивые и дополняющие друг друга, не исключая при этом, что кем-то это будет истолковано как эклектика.

государственных границ. Поэтому к атрибутам государственной власти мы можем отнести все виды вооружений, оснащение внутренних служб безопасности и служб государственной безопасности, пограничников, таможи и служб внешней разведки, оснащение отрядов, используемых в чрезвычайных ситуациях, органов по обеспечению сбора налогов, органов правопорядка. К атрибутам государственной власти относятся офисные и технические средства обеспечения законотворчества, оснащение органов, обеспечивающих исполнение этих законов.

Современное государство берет на себя значительную социальную функцию как то – медицина, здравоохранение, образование, спорт, культура. Материальное обеспечение этих функций также относится к соответствующему экономическому элементу.

Атрибутами государственной власти являются золото-валютные резервы, бюджетные активы, государственные резервы, различного рода хранилища (алмазные, архивные и т.п.).

Необходимо иметь в виду, что понятие государственной собственности не тождественно атрибутам государственной власти. Государственная собственность, вовлеченная в производство с целью получения прибыли рассматривается нами как обычные средства производства и средства обращения. Однако, ценные бумаги, обеспечивающие права собственности и являющиеся активами государства, являются его атрибутами.

Атрибутами государственной власти является вся инфраструктура, принадлежащая государству в виде автомобильных и железных дорог. К ним относятся – земля, недра, леса, реки и озера, воздушное пространство, не вовлеченные в экономическую деятельность, находящиеся в границах государства и, по существу, на его балансе.

§2. Элементная база как основа национального богатства страны.

«Функциональную среду организма составляет совокупность законов физиологии. Эти законы ограничивают динамику взаимосвязей между элементами организма некоторыми правилами, не позволяющими данным элементам развиваться во вред целому организму. Нарушение функциональной среды вызывает болезнь организма».

[Хомяков, 2007, с. 23]

Мы рассмотрели элементный состав экономической системы в их функциональности. Но такое рассмотрение было бы недостаточным, если бы мы не взглянули на эту совокупность как на исторический срез, как на национальное богатство, накопленное страной и ее народом к определенному сроку.

Под национальным богатством мы понимаем элементную базу страны, взятую на определенную историческую дату и приведенную к единым стоимостным показателям.

Львов Д.С. в [Львов, 2000, с. 108 - 126] дает неплохой пример такого анализа по состоянию на 1999 г. Он обращает внимание [Там же, с. 109] на двойственность трактования этого термина в обыденном и научном понимании: «Богатство в обыденном смысле, как принято считать, подчиняется простой закономерности: «чем больше, тем лучше». Для богатства в научном смысле столь простое умозаключение, как бы то не казалось парадоксальным, не приемлемо абсолютно. Это вытекает из ... двойственной природы богатства как одновременно и результата, и необходимой предпосылки дальнейшего социально экономического развития общества.

Накопление основного капитала, например, может быть в определенных условиях избыточными. Он остается при этом незадействованным – снижается общая эффективность производства,

созданные мощности либо простаивают, либо производят ненужную продукцию, впуская переводя материальные ресурсы. Такой «рост богатства» означает, по сути, лишь умножение потерь».

Уже в силу одного этого факта элементная база национального богатства позволяет выстроить различные по эффективности экономические системы.

Учет национального богатства должен вестись на основании международных стандартов, систем национального счетоводства, разработанных Статистической комиссией ООН, и принятых в 1993 г. Структура накопленного капитала в мире по состоянию на 1994 г. на основании экспертных оценок Всемирного банка, сделанных по информации 192 стран мира состояла из 16% физического капитала, 20% - природного и 64% - человеческого капитала [Львов, 2000, с. 110].

Однако, в ежегодных статистических сборниках до 2012 г. включительно, как и в 1999 г. в составе национального богатства не учитывается стоимость земли, недр и лесов, а также стоимость человеческого капитала, то есть стоимость накопленных знаний и квалификации работников. Мы не исключаем, что существуют определенные трудности с отражением этого богатства в статистическом учете, но нельзя не видеть и определенного пренебрежения к этим видам национального достояния. Кроме того, мы надеемся, что со временем в статьях статистического учета национального богатства найдется место интеллектуальной собственности и носителям, на которых она размещена.

В [Ксенчук, 2011, с.313] отмечается, что в бухгалтерских балансах предприятий отражены не более 10-30% их активов. Никак не находят своего отражения человеческий капитал (знания, умения, новаторский

потенциал сотрудников), капитал заинтересованных лиц (каналы реализации, связи с партнёрами, лояльность потребителей и акционеров), структурный капитал (стратегия, мировоззрение, корпоративная культура, ценности, инновации, технологии, информационные системы, системы управления). Однако, чтобы решение данной проблемы поставить в повестку дня, следует задаться следующими вопросами: «А в каких случаях такой учёт имеет смысл? Кто будет потребителем этих учётных данных? И обязательно ли этим надо загромождать бухгалтерский учёт?» Для нас пока ответы неочевидны.

Так или иначе, приходится констатировать, что основная часть национального богатства – безучетна, а значит и не имеет стратегического плана СВОЕГО сохранения и развития.

Стоимость и их процентное соотношение отдельных нефинансовых активов по состоянию на конец года дана в Таблице 2.2.1.

**Стоимость и процентные соотношения отдельных нефинансовых
экономических активов (на конец года), млн. руб.⁵**

Таблица 2.2.1

⁵ Источник: Российский статистический ежегодник. 2012, Стат. сб./Росстат. – М., 2012

Годы	Всего		В том числе							
	В абс. выраж.	%%	Основные фонды, включая незавершенное строительство				Материальные оборотные средства		Накопленное домашнее имущество	
			Всего		Из них основных фондов		Абс. выпр.	%%	Абс. выпр.	%%
			Абс.выпр.	%%	Абс. выпр.	%%				
2005	58 350 343	100	46 593 128	79,90	41 493 568	71,10	4 115 633	7,00	7 641 582	13,10
2006	69 147 187	100	54 636 667	79,00	47 489 498	68,70	5 278 154	7,60	9 232 366	13,40
2007	88 952 169	100	70 827 097	79,60	60 391 454	67,90	6 897 254	7,80	11 227 818	12,60
2008	112 203 949	100	88 650 197	79,00	74 441 095	66,30	8 925 334	8,00	14 628 418	13,00
2009	131 765 115	100	106 664 648	81,00	82 302 969	62,50	8 667 640	6,60	16 432 827	12,60
2010	141 388 596	100	110 900 197	78,40	93 185 612	65,90	11 574 263	8,20	18 914 136	13,40
2011	161 758 454	100	126 447 860	78,20	108 001 247	66,80	13 707 893	8,50	21 602 701	13,30

За этот период основные фонды России характеризуются медленной обновляемостью (от 3,0 до 4,4 % в год) и слабым выбытием изношенных фондов (на уровне 0,8 – 1,1 % в год). Что привело к росту износа основных фондов с 2005 г. по 2011 г. с 43,6% до 47,9%. При этом, эти данные стабильно занижаются, так как не учитывается моральный износ.

Статистика свидетельствует о том, что за этот период возросла частная собственность в ущерб государственной. Однако, нам кажется, что это происходит только по тому, что любая акционерная собственность, не зависимо от того, какую долю в ней занимает государство, считается частной. Тем самым, такие предприятия, как Газпром, Роснефть, Сбербанк и т.п., причисляются к частным, оставаясь, по сути, государственными.

В статистических сборниках практически невозможно вычлениить роль естественных и неестественных монополий.

Мы убеждены, что системный подход к экономике потребует многое изменить в объеме и методике статистических данных: нужна четкая элементная база. Статистика большей частью сосредоточена на потоках (ВВП, объемы производства того или иного вида продукции). Но потоки и запасы взаимосвязаны, и нет другого способа отследить динамику потока, не владея информацией о запасах.

Россия занимает около 12,7% земной суши, по состоянию на 2010 г. мы производили 2,3% общемирового валового продукта. В [Чернышев, 2007, с.

12-14] предлагается ввести параметр *недополученной валовой продукции (НдВП)*, который мог бы рассчитываться по формуле:

$$\text{НдВП} = (\text{ГУВП} - \text{НУВП}) \cdot \text{Пл(Н)}$$

где **ГУВП** – глобальный удельный валовый продукт, грубо оценивающий среднюю производительность земной суши за вычетом территории Антарктиды.

НУВП – национальный удельный валовый продукт.

Пл – площадь страны.

Простые расчеты⁶ показывают, что НдВП России в 2010 г. составил бы 7 трлн. 877 млрд. долларов США. Расчет этот базируется на средних показателях, взятых по 195 странам мира. Сравнительный же анализ с США, Германией или Японией делает эти показатели просто неприличными.

Стоимостные показатели элементной базы демонстрируют нам институциональную отсталость государства. Предположим, вы инвестируете деньги в равной сумме в два одинаковых завода, но один строите в России, а другой – в Германии. После пуска заводов в эксплуатацию вы с удивлением обнаружите, что капитализация завода в Германии в 30 – 40 раз превышает капитализацию аналогичного завода в России. Так мы расплачиваемся за чиновничий «беспредел», за продажную судебную систему, за бездорожье, за экономию вложений в человеческий капитал, в том числе и за нынешнюю систему образования, наконец, за свою экономическую политику в виде безумных налогов и таких же ссудных процентов. Не наладив учет, и не приведя в порядок элементную базу, трудно рассчитывать на какие-то успехи в экономике. Большинство перечисленных нами недостатков именуются в науке *институциональной отсталостью*. Во многих случаях смена институтов не требует больших финансовых затрат, а наоборот, имеет высокую финансовую эффективность. Но отсутствие политической воли, организационных способностей, компетенции сводят все реформы только к замене декораций и названий старых институтов, вместо того, чтобы формировать новые.

⁶ Расчеты сделаны на основании данных справочника «Мир в цифрах - 2013», М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2013.

Безусловно, стране нужен мощный поток инвестиций, совмещенный с инновационными изменениями. В период перехода от XX к XXI столетию эксперты Е. Васильчук, Д. Львов [Львов, 2000, с. 119] определяли потребность в инвестициях на ближайшее десятилетие в размере 30 – 35% от ВВП.

Соотношение валового внутреннего продукта (ВВП) и инвестиций за 2000 – 2011 годы (млн. руб)⁷

Таблица 2.2.2

Годы	ВВП		Инвестиции		% от ВВП
	Всего	Темпы роста к предыд. году (%)	Всего	Темпы роста (%)	
2000	7 306 000		1 165 234		15,9
2005	21 610 000	295,80	3 611 109	309,90	16,7
2006	26 917 000	124,60	4 730 023	131,00	17,60
2007	33 248 000	123,50	6 716 222	142,00	20,20
2008	41 277 000	124,10	8 781 616	130,80	21,30
2009	38 807 000	94,00	7 976 013	90,80	20,60
2010	45 173 000	116,40	9 152 096	114,70	20,30
2011	54 586 000	120,81	10 776 839	117,80	19,70

Как видно из Таблицы 2.2.2, фактический их уровень не превышал 21,3% (2008 г.).

Это свидетельствует о том, что инновационные проблемы в стране ежегодно не находили своего решения и продолжали нарастать.

При этом, ежегодно из России «убегает» 50 – 60 млрд. долларов («бегство капитала»). По экспертным оценкам зарубежные активы России (всех форм собственности) превысили 1 триллион долларов. Это можно рассматривать как потенциальный инвестиционный резерв. Но пока в России,

⁷ Источник: Российский статистический ежегодник. 2012, Стат. сб./Росстат. – М., 2012. Однако, этот же справочник дает среднегодовые темпы роста ВВП за 2005 – 2010 гг. в сопоставляемых ценах 3,5%, а инвестиций – в 11%. Поэтому, по данной таблице читатель может судить о реальных темпах инфляции в нашей стране.

по меткому выражению юмористов, у населения две проблемы: как вытурить из страны «понаехавших» и куда бы «слинять» самим.

Итак, начав свой анализ с элементов системы, мы должны неукоснительно помнить: «Не элементы составляют целое, а наоборот, целое порождает при своем членении элементы системы. Первичность целого – основной постулат теории систем. В целостной системе отдельные части функционируют совместно, составляя в совокупности *процесс* функционирования системы как целого.

Каждый элемент может рассматриваться в его связи с другими элементами системы, с другой стороны, функционирование не может быть сведено к функционированию отдельных элементов. *Совокупное функционирование разнородных взаимосвязанных элементов порождает качественно новые функциональные свойства целого, не имеющие аналогов в свойствах его элементов.* Это означает принципиальную несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов и невыводимость свойств системы из свойств элементов» [Цигичко, 2009, с. 15].

Элементный состав лежит в основе ресурсной базы общества, но благодаря целостности системы и доминирующей роли субъектного элемента, использование ресурсной базы многовариантно. «Общество «главнее» ресурсной базы своего развития. Оно не может с ней не считаться, но говорить о подчинении общественного развития требованиям развития ресурсной базы – это очевидный абсурд. Связанность есть, но это не связанность следствия и причины. Формирование причин общественного бытия и развития осуществляется обществом, а не его ресурсной базой. Ресурсная же база, действительно, формируется и изменяется вследствие причин, исходящих от общества» [Ракитский, 2010, с. 36]. Как это происходит – предмет нашего дальнейшего

изложения. Но в завершение, нам бы хотелось привести ещё одно высказывание указанного автора, сделанное им в другом источнике, и, на наш взгляд, более категоричное: «Действия социальных субъектов, соотношение противоборствующих социальных сил в конечном счёте определяют, при помощи социальной революции или при помощи революции в ресурсной базе пойдёт дальнейшее развитие общества» [Ракитский, 2011, с.30].

§3. Границы экономической системы, окружающая среда.

«... системы вообще редко имеют реальные границы».

«Границ на самом деле не существует – это лишь словесные понятия, рамки мышления, восприятия, принятые в обществе ограничения...»

«Беспорядочные, смешанные границы – источник разнообразия и творчества».

[Медоуз, 2011, с. 160]

Экономика является *открытой* системой. Понятие открытой системы ввел Лерон Бертаданфи. Открытые системы способны обмениваться с внешней средой веществом, энергией, информацией. Закрытые системы лишены этой возможности. Способность элементов экономической системы обмениваться с внешней средой веществом и энергией делает ее динамической системой. Вообще, мир лишь условно делится на элементы, структуры, системы и окружающую среду. Мир целостен. И если мы прибегаем к его членению, то только с позиции более глубокого познания его внутреннего состояния, его функциональности, его упорядоченности и выявления закономерностей.

Экономика как система имеет границы двоякого рода – материальные и социальные. Как материальная деятельность людей она охватывает всю ноосферу, которая включает в себя Земной шар, принадлежащую ему атмосферу и ближний космос, который обеспечивает уже сегодня потребности людей и служит объектом познания.

Но наше исследование имеет еще одно ограничение. Мы исследуем экономическую систему в рамках одного государства. Все другие государства служат ей окружающей средой и могут оказывать на нее различное влияние.

Как социальное явление, экономика охватывает сферу производства, рыночные отношения и материальную сферу быта, включая проблемы

свободного и рабочего времени. В этом плане ее окружающей средой является культура, религия, политика. Границы здесь весьма условны и непостоянны. В большей части они устанавливаются либо самими исследователями, либо как-то фиксируются законодательно, либо являются данью некой традиции.

В праве ли мы делать такое вычленение, если социальная жизнь есть нечто целое и неделимое? Не совершаем ли мы при этом гносеологическую ошибку?

Дело в том, что человек – единственное живое существо на планете, обладающее могучим инструментом – силой абстрактного мышления. Мышление не нарушает объекта как такового. Его целостность остается незыблемой. Мысленно вычлняя из него отдельные элементы, человек может продвигаться по пути познания, если он не забывает при этом, что имеет дело с целостным объектом, и периодически в своем исследовании к этой целостности возвращается.

Наибольший интерес для нас представляет взаимодействие экономической системы с другими социальными аспектами, границы между которыми порой просто невозможно провести, и без учета которых система работать не может, органически вплетая их в свои взаимосвязи.

1. Правовые аспекты деятельности.

«Хорошие правила предназначены для сохранения порядка и структуры и обеспечения предсказуемости. Плохие правила используются чаще всего для того, чтобы облегчить кому-то жизнь.».

П. Ламберг

Во многих случаях экономическая деятельность не может осуществляться, если субъект деятельности не наделен определенными правами. Речь идет о лицензировании различных видов коммерческой деятельности, торговых марках, праве на использование земли, воздушного и водного пространства, недропользования, радиочастот и т.п.; праве на использование баз данных, на показ фильмов, на использование авторских прав, праве доступа на рынок, в интернет и т.п.

Таким образом, *юридические права*, без приобретения которых невозможно осуществлять производственную, коммерческую или финансовую деятельность, вполне можно было бы признать равноправным элементом экономической системы.

Но ведь реализация производственной и коммерческой деятельности вообще невозможна без юридически подтвержденных прав собственности на имущество и землю. Право довольно детально регулирует производственные отношения и договорные процессы, оно вмешивается в споры экономических субъектов, в их взаимоотношения с окружающей средой и государством.

Но и само государство является экономической структурой. Оно, помимо всего прочего, наделено правом издавать юридические законы и формировать в целом экономическое правовое поле. А как вы мыслите современную экономику без налогового кодекса?

К. Маркс относил право к надстроечным элементам. Возможно, процесс формирования юридических норм и другие разделы (не экономические) права есть процесс надстроечных отношений, но экономическое право зафиксированное в государственных нормативных актах (независимо от того, прогрессивное оно или тормозящее экономические процессы) есть такой элемент, между которым сложно провести границу с экономикой. И это должны хорошо сознавать не только

экономисты и юристы, но и весь государственный аппарат, несущий значительную ответственность за результаты принятых ими решений.

Вообще, объективность социальных законов, в том числе экономических, действующих, якобы, неотвратно и независимо от наших желаний, весьма преувеличена, точнее – понимается весьма однобоко. Дело в том, что объективные законы делятся на три категории. Законы взаимосвязей (отношений), законы развития (эволюционного и революционного) и законы деградации (регресса). На двух последних мы остановимся в 3 главе, а в 4-й рассмотрим взаимосвязи.

Законы взаимоотношений имеют достаточно широкий диапазон количественных и качественных способов применения, не искажающих его основного действия. Выше⁸ мы писали о пяти степенях свободы, и указывали, что если нормы поведения в *определенных пределах* не меняются, то система безразлична к нормам состояния.

Классики марксизма писали о необходимом соответствии производственных отношений производительным силам. Сегодня это слишком абстрактно.

Первой производительной силой является человек. *Экономические законы, получившие правовое оформление, это и есть то состояние производственных, а точнее – экономических отношений, которые осознаны и приняты обществом.* Это точка отсчета и предмет анализа для дальнейшего их совершенствования.

Сразу оговоримся, что эта формулировка не совсем точна. Это было бы так, если бы не существовали еще и другие институты: обычаи, привычки, нравы, религиозные традиции, культура. Однако, здесь мы затрагиваем вопрос формальных и неформальных структур, о которых у нас пойдет речь в пятой главе. Поэтому данную формулировку мы можем признать верной

⁸ См. стр. 23 - 24

только с позиции *формальной* фиксации производственных отношений. И этой оговорки в данном разделе для нас достаточно.

Возникает вопрос, насколько они отстали от производительных сил? Какова дистанция отставания? Или их законодательное состояние и есть то самое соответствие производительным силам?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужна определенная последовательность. Во-первых, требуется оценка самих производительных сил. Насколько они соответствуют высшим мировым стандартам на сегодняшний день. Для общества – это может быть уровень образования в стране, количество научных работников, демографическая динамика, доходы на душу населения, производительность труда на человека. Однако, забегая несколько вперед, на первом месте должна быть оценка признания тем или иным обществом общечеловеческих ценностей – прав, свобод, равенства стартовых возможностей, доступность благ для слоев с наименьшим достатком.

Для основных фондов – это, прежде всего, наличие передовых технологий, энерговооруженность, обеспеченность техникой, инфраструктурой.

В мировых рейтингах существует множество сравнительных оценок того и другого, но комплексного подхода нам пока не встречалось.

Сам факт отставания по этим показателям будет свидетельствовать о деструктивности существующих производственных отношений и необходимости их изменения.

Динамика развития при определенных несложных математических подсчетах может показать, каково это отставание в годах, сокращается оно или нарастает по каждой отдельной позиции и, возможно, в совокупности.

Кто-то может возразить, что отставание определяется не только несовершенством производственных отношений, но и недостатком ресурсов,

прежде всего – финансовых. Позволю себе не согласиться. Сегодня в мире значительные финансовые ресурсы ищут и не находят себе применения. Благоприятный инвестиционный климат – это та дверь, через которую они к вам могут прийти. Попытка затормозить этот процесс ссылкой на некие национальные интересы в конечном счете на практике сводится к защите интересов отдельных национальных олигархов.

Ну, хорошо! А если ваша страна – страна передовых технологий? Что тогда? Каково в этом случае соответствие производительных сил и производственных отношений?

Ответ здесь таков. Во-первых, беспроблемных экономик не бывает. Любой ученый-экономист, любой политик вам всегда назовет не менее десятка болевых точек, требующих принятия новых законов и нормативных актов. Во-вторых, постановка целей и моделирование сценариев их достижения – и есть не что иное, как диагностика этого соответствия. Практическая реализация этих целей добавит вам задач в смежных областях и не только. В-третьих, производственные отношения часто требуют периодического смещения акцентов. Например, периоды роста частного сектора сменяются опережающим ростом государственной собственности, а потом – наоборот. И не всегда здесь замешана политика. Деятельность людей всегда противоречива. Решая одни проблемы, мы одновременно создаем другие. Нарастание этих других и требует периодической смены акцентов.

Попробуем рассмотреть этот вопрос математически.

Обозначим перечень передовых технологий как'

$T_1, T_2, T_3, \dots T_n$

Состояние этих технологий в стране через

$T'_1, T'_2, T'_3, \dots T'_n$

По каждой технологии можем экспертно рассчитать время отставания. То есть, то время, которое нам необходимо затратить, чтобы выйти на

уровень этих технологий. Здесь могут быть предложены два пути: первый - заимствование, т.е. покупка лицензий у развитых стран, если это возможно и экономически доступно (промышленный шпионаж мы в расчет не принимаем, хотя для кого-то это может оказаться приемлемой дорогой), также это могут быть инвесторы, пришедшие в страну со своими технологиями; и второй - создание собственных технологий, превосходящих мировые стандарты или не уступающие им.

В зависимости от выбранного пути время на совершенствование каждой из технологий составит:

$$t_1, t_2, t_3, \dots t_n$$

Возможно, что выбранный нами путь преследования экономически не позволяет охватить все технологии сразу. Тогда по некоторым технологиям мы должны будем скорректировать исчисленное время с учетом последовательности решения технологических задач. Так, что например, некоторое время изменится как:

$$t'_2 = t_2 + \Delta t_2$$

$$t'_3 = t_3 + \Delta t_3$$

Тем самым, технологическая отсталость страны во времени будет рассчитываться как:

$t_{отс} =$	$\frac{t + t'_2 + t'_3 + \dots t_n}{n}$
-------------	---

Это время может быть определено также по наиболее слабому звену, т.е. по технологии, требующей наибольшего промежутка времени в ее достижении

Однако, преследование – далеко не оптимальный путь выхода на передовые позиции, хотя без основных элементов этого действия обойтись невозможно. Дорога преследования может оказаться бесконечной, как у

бегуна в софистической задаче Зенона, который никогда не догонит черепаху, поскольку за это время она снова уйдет вперед.

Выход один: сочетание заимствований с разработкой опережающих технологий. С учетом этой поправки наши временные периоды приобретают следующие характеристики:

$$t''_1 = t_z + t_p, \text{ при этом } t_z \text{ может быть } = 0$$

где t_z – время заимствования, а t_p – время разработки новых технологий.

Причем, время заимствования резко сокращается, так как сокращается объем заимствований.

И так по каждой технологии. Тогда, в конечном итоге мы имеем:

$t_{\text{отс}} = \frac{t''_1 + t''_2 + t''_3 + t''_n}{n}$
--

Но и это еще не все. Как правильно подчеркивает [Пригожин, 2010, с. 423] в экономике есть «hard», и есть «soft». Технологических изменений недостаточно, да и они будут обречены на избыточность затрат, если не будут сопровождаться социально-организационными решениями: «Нелегко нашим экономическим материалистам принять тот факт, что социальная бедность вызывает материальную, а не наоборот» [Там же, с. 420]. Под социальной бедностью здесь следует понимать уровень общественного сознания, о котором у нас речь пойдет ниже, и политэкономическую дееспособность лиц, принимающих управленческие решения.

Социально-организационные решения, в том числе и правовые, не только «надстройка», но еще и «ракетная установка» способная разогнать и отправить экономику на необходимую траекторию развития. Поэтому в окончательную формулу темпа опережающего развития мы должны ввести коэффициент ускоряющих организационных решений, но прибавить время, необходимое для выработки и принятия этих решений:

$$t_{\text{отс}} = \frac{t''_1 + t''_2 + t''_3 + \dots + t''_n}{n} \cdot k_p + t_p$$

$$\text{где } 0 < k < 1 \text{ и } k = \frac{t_y}{t_o}$$

t_y – расчетное время выхода на заданные технологии при принятии социально-организационных решений;

t_o – то же самое время, но если эти решения приняты не будут.

Если $k > 1$, то мы не догоняем, а отстаем либо из-за неправильности принимаемых решений, либо из-за их запаздывания.

t_p – время на разработку и принятие базовых решений. Почему базовых? Потому что социально-организационные решения еще в большей степени, чем экономические, требуют **постоянного** мониторинга и совершенствования. Это двигатель, который нельзя «глушить» никогда, если мы хотим держаться на заданных траекториях развития.

Возможен также вариант, когда экономическая безопасность страны позволяет отказаться (на время или навсегда) от развития некоторых технологий для возможности концентрации на оставшихся. Под экономической безопасностью в данном случае мы понимаем такое состояние, когда в случае возникновения военных действий с одной или несколькими развитыми странами, ваша собственная страна в состоянии обойтись без этих технологий за счет свободного присутствия необходимых продуктов, получаемых благодаря этим технологиям, на мировом рынке, либо достаточно быстро форсировать их производство, либо путем создания необходимого стратегического запаса.

Если сегодня вести речь об отсталости России, то следует признать, что технологический прорыв на мировой рынок на начальном этапе реально возможен лишь в узких, отдельно взятых местах при условии концентрации усилий частного капитала совместно с государственным потенциалом. Начальных транзакционных затрат (см. подробнее об этом в §6 гл. 3) на

новые бренды бизнес осилить в одиночку не сможет. Затем эту завоеванную нишу можно постепенно расширять.

У читателя может возникнуть законный вопрос: изначально мы предполагали установить меру отсталости производственных отношений от уровня развития производительных сил, но постепенно перешли к вопросу об отсталости самих производительных сил и мерах ликвидации этой отсталости. Дело в том, что технико-технологическая отсталость определяется не отсутствием инженерных идей и изобретателей (хотя на определенном этапе и это может быть тормозом), а, прежде всего, тем, что сложившиеся производственные отношения становятся тормозом в развитии человеческого капитала, науки и техники. Любые программы модернизации, какими бы красивыми они не были, обречены на забвение, если игнорируются вопросы социально-экономической организации.

Какой модернизации можно ожидать от предприятий, которые не могут сформировать не только инвестиционную часть прибыли, но и о самой прибыли могут только мечтать? Или, скажем, монополии нам дадут модернизацию? Она им, мягко говоря, как-то ни к чему. Я уже не говорю о коррупционной системе, где каждый чиновник озабочен, прежде всего, вопросом: «А что я буду с этого иметь?».

Модернизация в стране, из которой сначала уехали ученые, а теперь массово уезжает перспективная образованная молодежь – утопия. И это должен знать и понимать каждый.

Техническое отставание – это существенный признак торможения производительных сил производственными отношениями. Но концентрированный критерий отставания – это социальное напряжение, перерастающее в революцию. Вероятно, это не лучший способ разрешения проблем, но если это происходит, то выбирать уже не приходится.

2.Экономическая политика.

В.И. Ленин называл политику концентрированным выражением экономики. Концентрированность этого выражения проявляется в *идеологии*, которой руководствуются в своих действиях правящие элиты.

Но идеология это не есть заданные (в открытой или скрытой форме) и обыкновенные (независимо от степени простоты) цели экономической системы и средства их достижения.

Здесь мы опять сталкиваемся с вопросом разделения отношений на базисные (экономические) и надстроечные (политические, культурные и т.п.). Такая постановка вопроса, на наш взгляд, вообще ошибочна.

Экономика – как определенный срез достигнутого материального благополучия, может рассматриваться как *база* и ограничитель для развития любых социальных отношений. От этой материальной «гири» нам действительно не оторваться. Этим определяется *объективность* социальных отношений. Но границы самих отношений условны и непостоянны. Их взаимодействия взаимообусловлены и взаимонаправлены.

Экономическая политика – это воля определенной части общества, пришедшей тем или иным путем к власти. Именно эта часть общества в тот или иной исторический момент выражает общественное осознание направления развития и средств его достижения. Чем более научным и более демократичным будет формирование идеологической воли, тем меньше пространства будет оставаться для неких политических маневров. В этом есть минусы, так как общественное сознание, чем шире, тем оно медленнее прогрессирует, или, как говорят в просторечии – «умнеет». Но в этом есть и свои плюсы, так как, в конечном итоге, оно обеспечивает *стабильность* прогресса и избавляет общество от социальных потрясений.

В современном обществе сложилось мнение, что политика существует для решения общих социальных задач (медицина, образование, оборона и

т.д.), а экономика является для нее лишь средством, дойной коровой, для воплощения в жизнь этих задач. Фискальные проблемы и проблемы перераспределения превратились в доминирующие. Пнуть корову за то, что она ест на чей-то взгляд лишнее, или максимально выдоить ее, отняв при этом и корм, считается в политике правилом хорошего тона.

Однако, только в тех странах, где государственные деятели осознают, что единственно правильной политикой может быть та, которая работает на бизнес, действительно достигают реального роста в решении социальных, военных и политических задач.

3. Нравственность, мораль, этика.

«При кажущейся незначительности в больших вопросах на самом деле мораль – самое главное.»

[Шалыганов, 2010, с. 174]

«Мы можем видеть, что с древних времен нравственность и честь (в русском понимании этих слов) много существеннее, чем шпаги, стрелы и слоны, танки и пикирующие бомбардировщики. Все разрушения империй, государств... происходят через утерю нравственности. Это является действительной причиной всех катастроф в истории и поэтому, исследуя причины всех катаклизмов, мы можем сказать, что разрушение носит характер саморазрушения».

И. Ефремов, «Туманность Андромеды»

Если мы не хотим, как марксисты впасть в экономический детерминизм, если мы хотим когда-нибудь уйти от понятия «потребительское общество», если мы хотим ввести надежные критерии оценки целевых установок и экономических процессов, то *нравственность* должна стать элементом нашей экономической системы. Человек не есть объект экономики, точнее, не только ее объект, но, прежде всего, субъект, определяющий ее организацию. Концепции, теоретические обоснования

могут быть самыми красивыми и доказательными, но они ничто, если, в конечном счете, не удовлетворяют нравственным критериям.

Совместим ли эгоизм рыночной экономики, на котором базируются все предшествующие экономические теории, с соблюдением нравственных принципов? Безусловно, если общество осознало эти принципы и готово поставить в основу своих действий. Дальше – это вопрос законодательства, воспитания, общественного мнения, политики, образованности, наконец, религиозности.

Сам по себе эгоизм не является чем-то безнравственным. Нравственными могут быть целевые установки и средства их достижения. Важно, как эгоистические намерения реализуются, сталкиваясь с эгоизмом других людей.

Нравственность – индивидуальна. Это – нормы морали, воспринятые отдельными лицами. Свод норм и правил нравственности представляет собою общественную мораль. Эти правила не регулируются юридически, но доминируют в обществе. Мораль тесно взаимодействует с этикой. Правда, по этому поводу есть и другая точка зрения [Никаноров, 2008, с. 181]: «Этика является наукой о наличии имеющейся в разложившемся обществе морали в том смысле, что она ее отрицает, предлагает правила поведения, противостоящие фактическому поведению... Этики, как науки вне учений, разработанных конкретными лицами, не существует. Общая тенденция развития этических учений – расширение норм морали для обеспечения все большей свободы лица».

Это точка зрения авторитетного ученого и с ней трудно спорить. Но нам видится, что нормы морали – это узкий перечень постулатов человеческого поведения. Например – десять библейских заповедей. Они не охватывают и не обязаны охватывать всех правил поведения в обществе, в частности – как вести себя в гостях, за столом, в общении с женщинами и стариками и т.п.

Такие правила вырабатываются столетиями и являются частью культуры общества. Задача этики – обобщить их, выбрать лучшее и путем просвещения закрепить в обществе. Конечно, когда под видом этики осуществляется пропаганда гомосексуализма и беспорядочность сексуальных связей – мораль и этика становятся антагонистами.

Влияние нравственности на экономическое развитие гораздо значимее, чем это считают политики и многие экономисты. Существует «общесоциологическая зависимость между тремя переменными – силой, мудростью и выживанием: чем мощнее технологии, тем более качественные средства сдерживания необходимы для сохранения социальной системы. Конкурентные проявления зависимости, названной законом *техно-гуманитарного равновесия*, или *законом эволюционных корреляций*, обнаруживают себя на всем протяжении истории, от палеолита до наших дней» [Назаретян, 1996, с. 91]. Этот же автор описывает и механизм действия этого закона: «... В силу некоторых обстоятельств... общество начинает быстро развиваться по обычному экстенсивному сценарию. Растет население, индивидуальные и социальные потребности. У людей формируется специфическая психология – мироощущение безграничных возможностей. Усиливается нагрузка на природную и/или социальную среду. Рано или поздно иллюзия неисчерпаемости приходит в противоречие с реальной ограниченностью ресурсов, усиливается экологическое и политическое напряжение; образно говоря, накапливается потенциал ненависти среды» [Там же]. Тем самым, общество вступает в полосу кризиса. «Далее либо оно, наращивая напряжение экономических и социальных конфликтов, становится энергией собственного декомпенсированного могущества, либо успевает своевременно перестроить технологические, информационные, нормативные параметры деятельности; и тогда оно все равно умирает, но в муках рождения нового общества...» [Там же].

Только создав атомную и водородную бомбы, человечество осознало, что дальнейшее стимулирование агрессии чревато для него прекращением существования. Сегодня это оружие превратилось в фактор сдерживания агрессии. Очередной виток развития техники, доступность производства атомного оружия делает необходимым отказаться от решения политических конфликтов военным путем.

В этой связи становится небезразличным, какие режимы правят в той или иной стране. Внутренний диктат всегда норовит вырваться наружу. Ликвидация таких режимов не есть вмешательство во внутренние дела. Мировое сообщество вправе озаботиться своей безопасностью на начальной стадии возникновения опасности. При определенных нормативах, которых мы еще коснемся в нашей книге, принятых развитыми странами, устранение таких режимов вполне возможно без применения военной силы, или, по крайней мере, не превращая страну воздействия в полигон конфликта между третьими странами.

По меткому выражению опять-таки А. Назаретяна [Указ. соч., с. 121] перед человечеством никогда не стояла задача устранения насилия, речь всегда шла о его *упорядочении*. Но, поставив сегодня этот вопрос на политической арене в радикальном аспекте, человечеству предстоит поменять свои культурные и нравственные установки. «... «Тест на зрелость» предстает как тест на терпимость» [Там же, с. 122].

Техническая оснащенность производства, как и оснащение вооруженных сил, таковы, что правильное решение может быть только нравственным. И только в этом смысле оно является экономически и политически выгодным.

Когда-то К. Лоренц привел пример такой последовательности: психологически убить ближнего холодным оружием легче, чем задушить голыми руками, еще легче – застрелить, сбросив бомбу можно уничтожить

сотни или тысячи своих собратьев и т.д. Тем самым, мощное оружие требует соответствующих механизмов сдерживания. И источником рождения этих механизмов может быть только общественная мораль.

4. Культура.

«Встречаются два японца, получается десять, встречаются двое русских – получается ноль»

Поговорка

Культура материализуется в книгах художественной литературы, в произведениях искусства – живописи, скульптуры, музыки. Их основная цель воздействие на наше сознание в том или ином направлении. Частью культуры любого общества и решающим рычагом воздействия на сознание является исповедуемая обществом религия. То есть, доминирующая религия в конкретной форме той или иной конфессии, исповедуемая исторически большинством общества.

Государственной идеологией может быть и атеизм. Но это не меняет суть дела. Многовековая практика применения религиозных норм поведения практически неискоренима. Человек объективно остается православным, католиком или мусульманином, даже если он убежденный атеист.

Если образование направлено в основном на формирование профессиональных навыков и индивидуального сознания, то культура, в своей основе, формирует общественное сознание. Последнее, и только оно, обеспечивает организационное продвижение общества.

Русская земля всегда рождала с избытком талантливых людей. Да вот беда, участь большинства из них – горе от ума. Умные головы всегда первыми ложились на плаху при Иване Грозном, при Петре Великом, при Николае I, при ленинско-сталинском режиме. Весь мир опоясан

эмигрантскими волнами из России. История российской науки – это гавань затонувших кораблей. Непонимание, гонения, первые тома, не дождавшиеся продолжения, гениальные открытия, оставленные без внимания на Родине и триумфально вернувшиеся из-за рубежа, но уже с именами других авторов.

Советское образование было признано одним из лучших в мире. И что же? Именно с момента признания этого факта в конце 50-х начале 60-х годов XX века мы стали безнадежно отставать в передовых технологиях.

Организационная роль общественного сознания заключается в таких аспектах, как умение выявлять ключевые проблемы и ставить их на обсуждение; умение обсуждать эти темы; умение вести диалог; умение вырабатывать и принимать решения, и, наконец, умение мобилизовать, привести в действие мощные общественные силы.

Проблема отсталости российского общественного сознания не сходила со страниц публицистических журналов конца 80-х годов XX века. Однако, она не была воспринята ни учеными, ни тем более политиками, как наиважнейшая для выхода из кризиса и поступательного движения вперед. С уверенностью можно сказать, что не найдя причин и не сумев преодолеть это отставание, Россия обречена болтаться на задворках истории и «за бусы» (в современном прочтении – ай-фоны и ай-пады) отдавать свои природные ресурсы.

Когда политикам говорят, что от уровня культурного развития зависят наши успехи в экономике, они даже не понимают, о чем идет речь. В их понимании, за счет «денежных мешков» вернуть в Россию яйца Фаберже, это и есть героическое окультуривание русского народа. Еще они в восторге, когда в бюджете им удастся нарисовать в строке «Культура» лишний миллиард.

Проблема здесь вовсе не в деньгах. Или, во всяком случае, деньги здесь не главное. Я перевернул десятки социологических исследований, объездил

множество стран, участвовал в различных совещаниях и форумах, пытаюсь понять, в чем причина отсталости российского общественного сознания. Вывод, к которому я пришел, может быть спорен, но он таков: корни нашей беды заложены в недостатках, присущих православию. Эта конфессия вобрала в себя многое от язычества, она погрязла в обрядности, а самое главное, и это результат чрезмерной обрядности, с которой боролся еще Иисус, клеймя фарисеев, у нее потерялось слово Божье.

Основные постулаты христианства заложены в Нагорной проповеди. Я не буду цитировать ее, так как, во-первых, ее пришлось бы привести целиком, ведь каждая строка в ней несет большую смысловую нагрузку, а, во-вторых, в этом нет необходимости, так как каждый может открыть Евангелие от Матфея, разделы 5 – 7 и прочесть ее самостоятельно.

Западная культура не только с молоком матери впитала основные постулаты этой проповеди, но и переработав их осовременила в книге Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей» (“How to win friends and influence people”), ставшей основополагающим учебником в теории общения.

Я видел, как в западных компаниях жесткая, требовательная обстановка снималась тем, что все обязательно друг другу улыбались, называли по имени и как можно чаще его повторяли. Я видел, как на совещаниях люди избегали критики друг друга и действовали по принципу: «Развивай чужое или предлагай свое!». Я видел, что люди сконцентрированы на поиске решения проблемы и на выработке приемлемого директивного документа.

Совершенно иную картину я наблюдал и наблюдаю в России. Собравшись группой, каждый старается «поумничать», выделиться, «опустить» другого, забывая о сути проблемы. Вся энергия собравшихся уходит на борьбу друг с другом.

А ведь есть еще переговоры, есть просто деловое общение. И там свои правила, которые у нас либо не знают, либо игнорируют.

Сильнейший удар по общественному сознанию наносит идеологизация проблем, желание заставить всех мыслить так, как этого желает политическая верхушка. «Не создай себе кумира!» - это тоже одна из основных библейских заповедей. Церковь всегда была в России одним из чиновничьих ведомств государства, и донести народу эту заповедь она «забыла».

Все мы сегодня обвиняем лениных, сталиных, андроповых в том, что нам не давали мыслить. Но я застал еще те времена, когда не Андропов, а такой же начальник отдела как и я, сидящий через стенку в таком же кабинете, «стучал» на тебя в партийные органы за то, что ты усомнился в правильности принятых руководством страны решениях. Люди готовы были идти на подлость лишь бы угодить начальству. А ведь это было время, когда уже не расстреливали за доноительство, не сажали в тюрьму, их даже не увольняли с работы.

Ничего бы не достигли упомянутые мною выше лидеры, если бы народ сам с готовностью им не прислуживал.

В качестве образчика современной культуры приведем некоторые высказывания одного из апологетов современной политической верхушки Николая Старикова: «Очень часто можно слышать наивные рассуждения о том, что можно ведь и договориться и всем вместе дружно зажить. Увы, это невозможно. Рим не может договориться с Карфагеном. В принципе не может. Мир устроен так, что если не ты контролируешь что-то, то это что-то контролирует кто-то другой... Политика имеет свою логику: противника надо не просто победить, после этого его необходимо ослабить, раздробить, подчинить.» [Стариков, 2012, с. 302].

И далее: «... Если следовать убогой логике Запада, надо перестать заниматься глупостями (Какая мерзкая логика! – Авт.) и все делать так, как

правильно делают там, в Вашингтоне. Провести свободные выборы, создать новый парламент. Перестать идти с Западом на конфронтацию. Но это ведь значит попросту сдать банкирам=владельцам ФРС еще и Россию... Но не понимающему и не знающему «особенности мироустройства» обывателю это не понятно» [Стариков, 2012, с. 303].

Да, где уж нам понять, что свободные и честные выборы – это, оказывается, предательство России. Каменный век!

Существенное влияние на культуру нашего российского общества и, соответственно, его самосознание, оказывает высокая перманентная криминализация общества и ведение значительных военных операций в течение всего XX века. Только в 90-е годы этого века среднегодовое пребывание людей в местах заключения превышало 1 миллион человек. Это не считая тех, кто находился в предварительном заключении до вынесения решения суда.

В России практически нет семьи, в которой не было бы человека, прошедшего практику отсидки, либо не побывавшего в зонах ведения боевых действий. Добавьте сюда людей, связанных с криминалом, но не дошедших до суда, а также работников силовых ведомств, связанных с расследованием преступлений и охраной заключенных. Как показывают многочисленные примеры, культура последних не слишком отличается от культуры тех, кого они охраняют.

Почему мы в эту категорию отнесли участников военных операций? Всем известна формула психологического состояния под названием «афганский синдром», когда человек переносит на мирную жизнь жестокость и безнравственность войны.

Привычка жить по понятиям, а не по законам, «ботать по фене», устанавливать право сильного, или, в воинской интерпретации, «я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак», накладывает весомый отпечаток на все

общественное сознание. На это самосознание опирается коррупция в таможне, в автоинспекции, да и вообще в правоохранительных органах. Каждый день молодежь может обучаться навыкам молодого преступника, лишь только включив телевизор. Убийства, грабежи, издевательства не сходят с экранов.

Как показывают социологические исследования [Гладуэлл, 2010, с. 65 - 106] существенное влияние на общественное самосознание оказывает благосостояние общества. Воспитание детей в семьях с высоким достатком и в бедных семьях отличается кардинально. В семьях с достатком детям уделяется гораздо больше времени, в результате чего они растут более раскованными, более общительными, менее обидчивыми и неуступчивыми. Имея, может быть, меньшую мотивацию к карьерному росту, они добиваются больших успехов не только потому, что имеют возможность получить лучшее образование, но и при одинаковом уровне образования их коммуникабельность и умение договариваться дают им значительные преимущества.

Российское общественное сознание искажено комплексом неполноценности. Страна, извечно кого-то догоняющая, отстающая и, зачастую, преклоняющаяся перед всем западным. Этот комплекс вполне соседствует с прямо противоположным комплексом ложного превосходства: «Не нравится вам – ну и валите за границу!».

Изменить культуру, общественное сознание не просто, но вполне реально. Как и в организационной культуре, главенствующая роль в этом процессе принадлежит *лидеру* и поддерживающей его *элите*. Строгие нравственные нормы должны быть прежде всего предъявлены органам власти, включая сюда и судебную власть, и средства массовой информации.

Теория человеческих отношений должна стать предметом изучения со школьной скамьи и продолжена в высших учебных заведениях. Научные и социологические исследования в этой области должны быть приоритетными.

На взаимосвязь экономики и религии обратил внимание еще в начале XX века Макс Вебер в книге «Протестантская этика и дух капитализма». В наши дни американский социолог Лоуренс Харрисон проанализировал влияние религии на экономику в 117 странах. Он еще раз подтвердил, что протестантские страны лидируют по основным экономическим показателям. Он показал, что почти столь же благоприятно для развития экономики и конфуцианство, в которое бывают вплетены элементы даосизма, буддизма и других восточных верований. А также, что православие и ислам сильно отстают от западных религий и конфуцианства практически во всех аспектах.

Над данной проблемой работают сегодня такие экономисты, как Джеймс Робинсон, Питер Беттке, Грегори Кларк, Мариано Грондоне, Луиджи Зангалес, Паоло Сапенца, Луиджи Гуизо, А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко и др. Этими авторами подмечено немало интересных моментов и сделаны интересные выводы, но их основная ошибка заключается в том, что они ищут прямые связи между религией и экономикой практически не уделяя внимания такому понятийному объекту, как *общественное сознание*.

Исследуя конфликтные ситуации в [Солнцев, Рожков, 2008, с. 55], первым постулатом теории несправедливого существования легла следующая формулировка: «Причиной перехода при развертывании материальных воплощений социальных субъектов А и В от начального равенства их материальных воплощений к превосходству материального воплощения социального субъекта А над материальным воплощением социального субъекта В является *изначальное интеллектуальное превосходство социального субъекта А над социальным субъектом В* [выделено мною]».

И это, безусловно, так! Дуракам никакие новые экономические парадигмы не помогут (впрочем, им и старые не помогут), а весь более интеллектуальный мир для них всегда будет оставаться не чем иным, как враждебным окружением. По меткому выражению [Никаноров, 2008, с. 131]: «... Новая организационная форма, объединяющая усилия для достижения общей цели, возникает первоначально как *стандарт коллективного мышления, прежде чем она станет стандартом поведения*».

В период президентских выборов в США российские СМИ наперебой рассказывают нам о недостатках выборной системы американцев: и об ущербности 2-х партийной системы, и о том, что выборы там не прямые, подсчет голосов архаичен и т.д. и т.п. И только между прочим мы можем услышать, что за время предвыборной компании американский народ может вынести на обсуждение любую проблему, стоящую перед страной, и в должной мере ее обсудить, а также, что за полтора года, которые длится предвыборная компания, каждый кандидат «просвечивается» настолько, что случайность выбора практически равна нулю. Вот это «между прочим» делает нашу выборную компанию не чем иным, как профанацией, а все усилия СМИ доказать обратное – ничтожными.

5. Экономическая психология.

Экономическая психология не является ни самостоятельным элементом экономики, ни чем-то таким, что можно было бы отнести к окружающей среде. Тем не менее, это направление сегодня выделилось в отдельную отрасль науки, которая изучает психологию субъекта хозяйственных отношений. При этом, в качестве хозяйствующего субъекта может выступать как один человек, так и семья (домохозяйство), организация, государство или нация. Это отдельный предмет, имеющий свои ответвления, такие как психология труда, психология производителя, психология потребителя. Так

или иначе мы будем касаться этих вопросов в дальнейшем своем изложении, но отдельно останавливаться на этой проблеме считаем нецелесообразным.

* * *

Перечисленные нами элементы экономической системы, их состав и границы, на наш взгляд, являются необходимыми и достаточными. Необходимость их определяется потребностями общества и тем местом, которое они занимают в экономическом процессе, направленном на удовлетворение этих потребностей. Необходимость также определяется системностью охвата. Каждый элемент является необходимой составной частью системы. Согласно ОТС элементная база любой системы определяется тем, что без того или иного элемента, система существовать не может. На наш взгляд такое утверждение слишком категорично. Отсутствие некоторых элементов, вероятно, не разрушит систему, но нарушит её устойчивость, и, либо вынудит вернуться систему в исходное состояние, либо воссоздаст её в новой элементной базе. Достаточность – понятие историческое. Эра машин, например, с двигателем, работающем не на физических усилиях людей и животных, и не от сил природы (воды, ветра и т.п.), насчитывает всего 200 с небольшим лет. Зарождение автоматики, интеллектуальных технологий произошло в течение жизни пары последних поколений. Безусловно, в будущем нас ждут новые технологии и, возможно, перечень элементов будет расширен. Но на данном историческом этапе данный перечень достаточен для того, чтобы перейти к следующему этапу исследований.

Глава 3

Философский аспект.

В развитых областях наук о природе «есть некоторые более основные проблемы, есть учения и явления, есть коренные методологические вопросы, есть, наконец, характерные точки или представления о космосе, которые неизбежно и одинаковым образом затрагивают всех специалистов, в какой бы области этих наук они ни работали. Каждый из них подходит к этим основным и общим явлениям с разных сторон, иногда касается их довольно бессознательно. Но по отношению к ним он неизбежно должен высказать определенное суждение, должен иметь о них точное представление: иначе он не может быть самостоятельным работником даже в узкой области своей специальности».

[Вернадский, 1981, с. 32-33]

§1. Значимость философии.

«... Что касается наук, - писал Декарт в «Рассуждениях о методе», - то они заимствуют свои принципы из философии» [Декарт, 1953].

Фундаментальные научные теории формируются сегодня на стыках различных наук, но обязательно на основе философии. Как правильно заметил В.Ф. Турчин [Турчин, 2000], «в каждой теории ровно столько нового, сколько в ней философии».

Очень современно звучат слова Ф. Энгельса, написанные им в «Диалектике природы»: «Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические категории, а эти категории они некритически заимствуют либо из обыденного общего сознания так называемых образованных людей, над которыми господствуют остатки давно умерших философских систем, либо из крох, прослушанных в обязательном порядке

университетских курсов по философии (которые представляют собой не только отрывочные взгляды, но и мешанину из воззрений людей, принадлежащих к самым различным и по большей части к самым скверным школам), либо из некритического и бессистемного чтения всякого рода философских произведений – то в итоге они все-таки оказываются в подчинении у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной, и те, кто больше всех ругает философию, являются рабами как раз наихудших вульгаризованных остатков наихудших философских систем»⁹.

Философия задает траекторию познания. Ошибочность ее постулатов приводит к отклонению этой траектории от истины. А на практике такие теории приводят к ошибочным решениям, поступкам, а в конечном счете, к кризисным явлениям. Именно поэтому мы решили уделить этому вопросу должное внимание.

§2. Действительно ли детерминизм потерпел крушение?

Французский математик и астроном П. Лаплас (1749 – 1827) выдвинул концепцию детерминизма, которая впоследствии и получила его имя. Ее суть заключалась в том, что у каждого явления есть причина, и в этом смысле мир детерминирован. И если человек сумеет понять причинно-следственные связи движения тел во Вселенной, то прошлое и будущее будет открыто его взору [Лаплас, 1908, с.9].

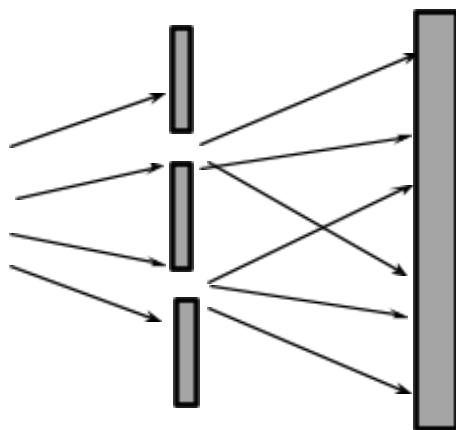
Сегодня эта теория получила ярлык «механистической». Столкнувшись в XX веке с квантовой механикой, физики натолкнулись на непреодолимые логические трудности. И лишь встав на путь непредсказуемости явлений, дискретности мира им удалось создать квантовую теорию, в которой

⁹ Цитируется по [Турчин, 2000], так как данный перевод нам кажется более корректным.

непредсказуемость является не исключением, а общим правилом. Строго детерминированные исходы являются как раз исключением из правил.

Ссылаясь на экспериментальные данные, подтверждающие данную концепцию, В.Ф. Турчин [Турчин, 2000] приводит пример с электронной пушкой, посылающей электроны определенного импульса на диафрагму, за которой расположен экран (рис. 3.2.1).

Рис. 3.2.1

Электронная пушка

Диафрагма

Экран

Диафрагма сделана из непрозрачного для электронов материала, но имеет два отверстия, через которые электроны и попадают на экран. Экран покрыт веществом, которое светится под действием электронов, так что в этом месте, куда попадает электрон, происходит вспышка. Поток электронов

от электронной пушки достаточно редкий, так что каждый электрон проходит через диафрагму и фиксируется на экране независимо от других. Расстояния между отверстиями в диафрагме во много раз больше размеров электронов, полученных любыми оценками, но сравнимо по порядку с величиной h/p , где h – константа Планка, а p – импульс электрона, т.е. произведение его скорости на массу. Таковы условия эксперимента. Результатом его является распределение вспышек на экране. Первый вывод из анализа результатов эксперимента таков: электроны попадают в различные точки экрана, предсказать, в какую именно точку попадет тот или иной электрон – невозможно. Можно только предсказать *вероятность* попадания в ту или иную точку, т.е. среднюю плотность вспышек после попадания в экран очень большого числа электронов.

Еще большая путаница происходит, когда в эксперименте закрывается одно из отверстий. Это не поддается каким-либо пропорциям.

Если опустить другие подробности, то физики из подобных экспериментов делают следующие выводы:

1. Если одновременно измеряется координата квантовой частицы (любой, не только электронов) по некоторой оси x и импульс в этом направлении p , то ошибки измерения, которые мы обозначим через Δx и Δp соответственно, подчиняются соотношению неопределенностей Гейзельберга:

$$\Delta x \cdot \Delta p \geq h$$

Никакими ухищрениями обойти это соотношение не удастся. Чем точнее экспериментаторы пытаются измерить координаты, тем больше оказывается разброс по величине импульса p , и наоборот. За этим следует уже философский вывод: соотношение неопределенностей есть универсальный закон природы, но так как постоянная Планка h весьма мала, при измерениях с телами макроскопического размера она роли не играет.

2. Представление о том, что на самом деле квантовые частицы движутся по каким-то вполне определенным траекториям (а может быть их природа такова, что они не должны двигаться по определенным траекториям? – прим. Авт.), то есть в каждый момент времени на самом деле имеют вполне определенные координаты и скорость (а значит, и импульс), *которые физики просто не могут точно измерить*, наталкивается на непреодолимые логические трудности. И лишь принципиальный отказ от приписывания квантовой частице траектории и принятие положения, что самое полное описание состояния частицы – это задание ее волновой функции, приводят к логически безупречной, а математически простой и изящной теории, которая блестяще согласуется с экспериментальными фактами; в частности, из нее немедленно вытекает соотношение неопределенностей. Эта теория называется квантовой механикой, а главная заслуга ее философского осмысления принадлежит Нильсу Бору (1885 – 1962).

Прежде чем изложить более подробно это философское осмысление, вернемся вновь вместе с В.Ф. Турчиновым к упомянутому эксперименту.

Условия опыта полностью определены, когда заданы все геометрические параметры установки и начальный импульс электронов, испускаемых пушкой. Все электроны, вылетающие из пушки и попадающие на экран, находятся в равных условиях, и описываются одной волновой функцией.

А вот здесь, стоп! А может быть сама волновая функция описана недостаточно исчерпывающе? И она сама по себе должна *уже* включать соотношение неопределенностей Гейзельберга?

Однако, пойдем дальше.

Между тем, электроны поглощаются (дают вспышки) в разных точках экрана, и заранее предсказать, в какой точке электрон дает вспышку, невозможно; невозможно даже предсказать, отклонится ли он вверх или вниз, можно только предсказать *вероятность* попадания в различные точки экрана.

В.Ф. Турчин задается вопросом: откуда проистекает уверенность, что если квантовая механика не может предсказать точку попадания электрона, то и никакая будущая теория не сможет этого сделать?

При этом дается два ответа: один – формальный, другой – технический.

1. Квантовая механика основана на том принципе, что описание с помощью волновой функции является максимально полным описанием квантовой частицы. Этот принцип в виде вытекающего из него соотношения неопределенностей подтвержден огромным числом экспериментов, интерпретация которых содержит понятия только низкого уровня, непосредственно связанные с наблюдаемыми величинами. Выводы квантовой механики, включающие более сложные математические расчеты, подтверждены еще большим числом экспериментов. И нет решительно никаких указаний на то, что мы должны усомниться в этом принципе. Но это равнозначно невозможности предсказания точного исхода опыта. Например, *чтобы указать точку на экране, куда попадет электрон, надо знать о нем больше, чем дает волновая функция.*

2. Столетия развития физики приучили людей к мысли, что движение неодушевленных тел регулируется исключительно внешними по отношению к ним причинами, и что путем достаточно точного исследования эти причины можно всегда их обнаружить, *подсмотреть*. Это убеждение было вполне оправдано, пока считалось, возможным подсматривать за системой, не влияя на нее, что имело место в наблюдениях за макроскопическими телами. Представьте себе, что на рис. 3.2.1

рассматриваются не электроны, а пушечные ядра, и что вы изучаете их движение. Вы видите, что в одних случаях ядра отклоняются вверх, а в других – вниз, и вы не желаете верить, что это происходит само по себе, а убеждены, что различие в траектории ядер объясняется какой-то реальной причиной. Экспериментально это подтверждается, безусловно, с той или иной долей отклонений. На этом основана баллистика.

Когда же электрон отклоняется вверх или вниз, экспериментатор в поисках причин также пытается проследить за его движением, *подсмотреть* за ним. Но тут оказывается, что *вы не можете подсмотреть за электроном*, не влияя на его судьбу самым катастрофическим образом. Чтобы «увидеть» электроны, на них надо направить поток света. Но свет взаимодействует с веществом порциями, квантами, которые подчиняются тому же самому соотношению неопределенностей, что и электроны, и другие частицы. Поэтому с помощью света, а также с помощью любых других средств исследования выйти за пределы соотношения неопределенностей не удастся. Пытаясь уточнить координату электронов с помощью фотонов, мы либо сообщаем ему такой большой и неопределенный импульс, который портит весь эксперимент, либо измеряем координату так грубо, что не узнаем о ней ничего нового. Отсюда делается вывод: «Причин, по которым электрон в одних случаях отклоняется вверх, а в других случаях – вниз, не существует в действительности» [Турчин, 2000].

А вот и философское обобщение: «Существуют явления, у которых причин нет, точнее, существует ряд возможностей, из которых одна осуществляется без всякой причины» [Там же]. При этом принцип причинности не отвергают совсем, но считают, что его надо существенно ограничить. «У некоторых явлений причин нет, их надо принимать просто как нечто данное» [Там же].

И приговор: «Абсолютная причинность рухнула, а вместе с ней и детерминизм» [Там же].

Помимо экспериментальных данных с физическими объектами, В.Ф. Турчин приводит и другой аргумент: «Механическая концепция мира приводит к полной детерминированности явлений. Но это противоречит субъективному ощущению свободы выбора, которым мы обладаем. Отсюда два выхода: признать ощущение свободы выбора «иллюзорным» или же признать механистическую концепцию негодной в качестве универсальной картины мира» [Там же].

Итак, мы не стали ограничиваться ссылками и постарались избавить читателя от поисков аргументов сторонников дискретности явлений, изложив их как можно полнее. Теперь же попробуем подвергнуть ее критике.

Если под детерминированностью мира понимать его фатальность, а это можно прочесть между строк у П. Лапласа, желающего *достоверно* видеть и прошлое, и будущее, то такой детерминированности нет и быть не может. Правда, с одной оговоркой. Если рассматривать цикличность бытия в целом, не отвлекаясь на его «внутренние, промежуточные» явления, то такую фатальную детерминированность мы тоже исключать не можем. Более того, она существует в отдельных процессах (день обязательно сменяется ночью, а за ней наступает новый день), а также может быть воссоздана искусственно (цель и ее достижение: например, для простоты, скажем – переместиться из точки А в точку Б).

Но есть события *непредсказуемые*, большей частью в силу нашего слабого познания мира, и события *вероятностные*.

Что мы имеем в данном случае с электронами? Во-первых, возможно у нас нет подходящего инструмента, чтобы «подглядеть» за их движением. Во-вторых, такая *вероятностная* форма движения может являться самой

сутью волновой функции, и коэффициент неопределенности надо придавать не явлению, а самой функции.

В-третьих, даже когда мы рассматриваем полет пушечных ядер, народная молва гласит, что снаряд дважды в одну воронку не попадает. Почему? На то может быть множество причин: поток воздуха, через который проходит снаряд не однороден, пороховые заряды и сами ядра не могут быть идеально одинаковыми, при каждом выстреле пушка смещается в ту или иную сторону, изменяется угол стрельбы, даже нагрев орудия при стрельбе влияет на ее результат. Любой из этих факторов, измеряемых в микронах, миллиметрах, долях градуса, может, в конечном счете, значительно повлиять на траекторию полета ядра. Что уж говорить о такой тонкой материи, как электрон.

Но даже в опыте с электронами мы получаем вполне достоверные результаты. Они заключаются в том, что на основании многократно повторяемых опытов мы получаем определенные статистические допуски прохождения электрона через одно или два отверстия. В зависимости от расстояния до экрана мы будем иметь различный разброс вспышек в определенном радиусе. И наступит момент, когда выход за пределы установленных параметров будет или исключен вовсе, или будет признан недоразумением.

Наш вывод таков: незнание причин – не есть факт их отсутствия.

Что же касается свободы выбора, то и она не безгранична. Так или иначе, сам выбор возникает из объективной реальности и во многом ею же и определяется. И от того, что при выборе есть место субъективному, вовсе не говорит о том, что оно безгранично и беспричинно.

Явления природы, как и социальные явления всегда несут на себе печать вероятности и сложности выявления причинно-следственных связей. Это обусловлено многофакторностью процессов, с одной стороны, и тем, что

причины от следствия могут быть отделены значительными промежутками времени. Третья причина – это наше непонимание (непознанность) взаимосвязей и отсюда либо невозможность вообще объяснить происходящее, либо приписывание явлению неприсущих ему причин. А еще чаще возникает путаница и невозможность отличить, где причина, а где следствие.

Более того, мы хотели бы высказать в качестве гипотезы мысль, что чем система сложнее или, иными словами - крупнее (в плане величины охвата материи), тем больше в ней закономерностей движения, тем больше она предсказуема. Мы полностью разделяем убеждения Эйнштейна, утверждающего, что Всевышний изощрен, но не злонамерен и не играет в кости. Необычные следствия из квантовой механики были неприемлемы для многих физиков, в том числе и для него. Но ошибкой было уже то, что следствия квантовой механики пытались опровергнуть экспериментами самой квантовой механики. Вселенная же безразлична к случайностям и вероятностям малых систем. Она живет своими циклами и закономерностями, которые включают в себя такую возможность как несущественную.

Такую же картину мы можем наблюдать и в экономических процессах. Кризисы и революции в отдельных странах могут даже порождать мировые кризисы, но экономическая мир-система так или иначе нивелирует эти процессы, продолжая свое поступательное развитие.

Таким образом, отказ от детерминированности мира и признание его дискретности означает признание того, что мы живем в мире хаоса, что объективность законов – не более, чем видимость, которая может быть нарушена в любой момент беспричинными событиями. Любые планы и прогнозы – беспочвенны, а эволюция есть набор беспричинных совпадений. К счастью, это не так, и мы можем продолжить свое исследование.

Все это имеет прямое отношение к экономике. Все процессы можно разделить на три основные категории:

- *Предопределенные*, или, вернее, ожидаемые с вероятностью близкой к 100%.

- *Непредсказуемые*. Часто под этим понимают такие явления, как социальные волнения, но они как раз и предсказуемы, и такой посыл является не более чем фигурой речи. Мы же имеем в виду такие явления, как, например, мошенничество с ценными бумагами в 2008 г. в США, скрывавшими за собой безнадежные кредиты по ипотеке, о чем большинство участников рынка не подозревало, а также более глобальные неизвестные, которые не могут быть предсказуемы по объективным причинам.

- И, наконец, *вероятностные*, наступление которых можно ожидать с различной степенью точности.

Выявление причин, как мы отмечали, задача не из легких. В технических областях это во многих случаях достигается за счет экспериментов. В экономике эксперимент – большая редкость. И здесь приходит на помощь сила абстракции, методы анализа и дедукции.

Но существует и еще один метод, о котором мы писали в [Гельцер, 2008 с. 95-101] – это метод исследования циклов. Наблюдения за повторяемостью событий позволяет выявить их последовательность, обнаружить их взаимосвязь во времени, увидеть, как, казалось бы, незначительные «побочные явления» во временном диапазоне могут перевесить значимость на первый взгляд более важных событий. Анализ цикличности дает понимание непрерывности процесса, и какова бы не была фаза завершения цикла – она является одновременно и началом нового витка развития. Метод исследования циклов требует отследить не только единичные причинно-следственные акты, но и проанализировать их на всем протяжении жизненного цикла системы от ее зарождения до исчезновения. Тем самым,

,
причинно-следственная связь начинает рассматриваться как некая функция развития.

Наряду с точкой зрения Лапласа и Нильса Бора (а до Нильса Бора аналогическую точку зрения отстаивал О. Курно, французский математик, экономист и философ, утверждавший, что случайность вмешивается во все, что творится на свете, и делал вывод, что миром управляет случай), есть и приверженцы промежуточной точки зрения, признающие как детерминированные, так и случайные явления. По их убеждению, случайность объективно присуща лишь некоторым явлениям, а характер ее присутствия в том или ином явлении описывается статистическими закономерностями (например, закон Менделя, позволяющий определить родословную любого биологического вида).

Четвертая точка зрения на природу случайностей принадлежит школе И. Пригожина. Эта школа развивает подход, согласно которому случайные и детерминированные периоды сменяют друг друга в истории любой системы. Детерминированные процессы постепенно замещаются процессами, все более удаленными от равновесия, все более хаотичными, пока в период бифуркации случайно не определится новое равновесное состояние, к которому система будет стремиться на очередном этапе своего жизненного цикла.

Что нас не устраивает во всем этом, так это то, что случайность трактуется как беспричинность. Случайность есть результат многофакторности причинных воздействий.

Что же касается изложенного эволюционного принципа И. Пригожина, то здесь мы можем наблюдать рост нового разнообразия при развитии систем, которого мы еще коснемся в дальнейшем изложении. При этом, новое проявляется не только как случайное, но и идет отбор *наиболее устойчивого нового* в борьбе со старыми элементами и структурами между собой.

§3. Ограничения диалектического материализма.

«... Столкновение теорий не бедствие, а благо, ибо открывает новые перспективы».

[Пригожин, Стенгерс, 2005, с. 183 со ссылкой на авторство Уайтхеда]

«Поскольку главное качество жизни – это ее стабильное существование, то получилось, что условием неизменности открытой системы являются постоянные изменения. Жизнь в теории открытых систем – это существование в неизменном виде. Оно возможно постольку, поскольку имеется взаимодействие с внешней средой. Благодаря воздействию на внешнюю среду, т.е. ее изменению, нечто нужное из внешней среды прибывает в открытую систему. Если жизнь – неизменное, то взаимодействие со внешней средой должно быть неизменным. А взаимодействие – это есть изменение внешней среды. И, таким образом, неизменность и изменения в этой концепции «соединились».¹⁰

[Никаноров, 2008, с. 50]

Диалектический материализм, как известно, базируется на трех «китах», трех всеобщих законах – перехода количества в качество, отрицания отрицания и единства и борьбы противоположностей.

Нельзя сказать, что эти законы были выведены спекулятивно. Фактов, подтверждающих их истинность, к середине XIX века набралось немало. Но закон, однажды установленный, требует своего подтверждения и во вновь обнаруженных фактах. И если какие-то факты ставят его под сомнение, то не всегда по этому поводу можно сказать, что тем хуже для фактов.

¹⁰ Имеется в виду концепция открытых систем Бераланфи. – Авт.

Начнем с закона о неизбежности перехода *количественных накоплений в качественные изменения*. Данный закон, как, впрочем, и все законы диалектики, представлялся как череда неизбежных изменений и носил всеобщий характер.

А между тем, XX век установил, по крайней мере, две количественные границы бытия: движение материи ограничено скоростью света, и температура физических тел не может быть ниже абсолютного нуля.

Кроме того, выявлено, что устойчивость мира базируется на целом ряде количественных констант, «очень точно настроенных» на то, чтобы в этих условиях могло существовать все сущее, в том числе и жизнь (в нашем понимании). Стоит увеличить ядерные силы – и звезды будут выгорать слишком быстро, чтобы рядом с ними могла возникнуть и развиваться жизнь. Стоит их уменьшить – и звезды не будут вспыхивать вообще; естественно, жизнь в этом случае тоже не сможет существовать. Если увеличить силу тяготения, наша Вселенная быстро умрет в Большом сжатии; если ее немного уменьшить, она быстро расширится и замерзнет [Каку, 2009, с. 329]. Таких констант, относящихся к нашей Вселенной, насчитываются десятки. «Хрупкость» некоторых из них поражает. Ключевую роль в ядерных реакциях играет дейтерий. Если бы энергия связи частиц в ядре дейтерия была бы всего на две сотых процента ниже, звезды бы вообще не существовали.

Протон тяжелее электрона в 1836 раз. Будь это соотношение хоть чуточку другим, ни молекулы, ни атомы вообще не могли бы образоваться.

Относительно жизни на земле, таких констант, пожалуй, еще больше.

«Будь Земля *ближе* к Солнцу, не началась бы конденсация воды, и не возникли бы океаны. Будь Земля дальше – ее полностью покрыли бы ледники, что, безусловно, не способствовало бы появлению жизни...

Скорость вращения Земли, опять-таки, словно специально *придумана* для спокойного развития жизни. Будь она чуточку пониже – Землю сбросило

бы на Солнце, будь чуточку повыше – планета бы унеслась с орбиты и вообще из Солнечной системы.

Процент кислорода в земной атмосфере, опять-таки, по какой-то странной «случайности» *подгадал* под жизнь на Земле. Будь он пониже, горение чего бы то ни было оказалось бы полностью невозможным... Будь процент кислорода повыше – насквозь мокрая деревяшка от малейшей искры вспыхивала бы, как порох...» [Бушков, 2007 с. 189-190].

Таких параметров насчитываются многие десятки. И это не может быть случайностью. Многие ученые видят здесь «руку Бога». Наше отношение к этому таково. В Бога можно верить, и, может быть, даже нужно. Но в поисках научной истины ссылки на Бога – не более, чем признание научного бессилия. Это не приближает к истине, а только закрывает доступ к ней.

Мы утверждаем, что любая природная система *сама* формирует количественные параметры своего существования и *сама* «защищает» их. Это *самонастраивающаяся* система. Иначе природа, мир бытия существовать не может. Выход за эти параметры возможен, но за этим:

- последует разрушение системы;
- воцарится хаос;
- пройдет время, и будет воссоздана новая система с новыми параметрами.

Мы утверждаем, что способность к активному самосохранению является способом существования организованной определенным образом материи, что в свою очередь является одной из форм движения материи.

Это не отменяет закона перехода количества в качество, но требует более трезвого его осмысления, и, тем более, осторожного использования на практике.

Аналогичные устойчивые количественные параметры мы наблюдаем в биологических организмах. Реакция среды (pH) у человека не может

отклоняться от значений 7,36 - 7,40 больше, чем на 1. Сохраняется определенный уровень осмотического давления внутри- и внеклеточных жидкостей, температуры внутренних органов, объем циркулирующей крови.

Такая устойчивость систем в науке получила название *гомеостаза*. Гомеостаз систем есть объективный ограничитель диалектических количественных преобразований.

Надо признать, что здесь мы наталкиваемся на другую загадку природы. Гомеостаз биологических систем регулируется работой мозга и нервной системы. Гомеостаз социальных систем тоже достигается определенной системой управления. Но мы не можем сказать, каким образом достигается гомеостаз земной жизни и космических процессов. Возможно, это достигается за счет круговоротов, за счет обменных функций. Но их взаимосвязь далеко не изучена.

По мнению некоторых ученых [Розенталь 1980, Linde 2007, Попов 2010, с. 164] значение констант даже более значимо и «консервативно», чем это излагаем мы: «... Как самоорганизация животного закодирована в генетическом коде, самоорганизация вообще всей Вселенной закодирована в значениях фундаментальных констант...». Единственно, с чем мы не согласны, так только с тем, что самоорганизация животного не исчерпывается генетическим кодом. Для самоорганизации еще необходима постоянная адаптация, которая обеспечивается мозгом и нервной системой. К тому же константы, это скорее всего внешнее проявление некоего генетического кода. Что же из себя представляет сам генетический код, и каков механизм адаптации – загадка, на которую сегодня нет ответа.

Имеются ли такие константы в экономике? Безусловно. Это, прежде всего соотношения, о которых политэкономия XIX века знала больше, чем современные экономисты. Прежде всего, это ставка ссудного процента, которая по сумме является частью прибыли, полученной в производстве, и

быть больше этой прибыли она не может по определению, не иначе как стагнируя и деградируя производство. Налоги - это тоже часть прибыли. Их сумма должна быть такой, чтобы в этой прибыли оставалась инвестиционная составляющая. Когда же вместе с прибылью «съедается» амортизация, и весь бизнес превращается в полулегальный, то рассуждения о «модернизации» остаются не больше, чем пустой болтовней.

Однако, бывают и ошибки. Одна из них – это доказательство необходимости опережающего роста средств производства над ростом средств потребления. В [Голанский, 1992] совершенно верно доказывается, что это пропорции *экстенсивного развития*. Производство для производства в СССР утратило свою социальную значимость, породило дефицит и диспропорции в занятости населения, безмерную растрату ресурсов и отторжение научных достижений. Все новое, за что идет борьба в капиталистической экономике, в СССР надо было «внедрять», и делать это буквально с помощью пинков и нецензурной фразеологии. Чаще всего – безуспешно!

Интенсивное развитие, учитывающее научно-технический прогресс и инновации, порождает совсем другие пропорции и другие стратегии. Более подробно мы рассмотрим этот вопрос в §2 пятой главы.

Одной из ожидаемых констант XXI века должна стать численность населения Земного шара в размере 11 600 млн. человек [Капица, 2010, с. 67]. По странному совпадению именно к этому сроку ученые ожидают разгадку долголетия человека и возможности его продления как минимум до 150 – 160 лет.

Система создает свои константы и тщательно их оберегает. Это одна из главных целей системы. Вот как рассматривается этот вопрос в медицине [Гайдес, 2005, с. 17]: «Целенаправленность систем играет решающую роль при анализе систем живого организма. Например, в системе кровообращения

(СК) есть подсистема (система) стабилизации артериального давления (ССАД), у которой есть вполне определенная цель – поддерживать артериальное давление (АД) на заданном уровне. Цель для этой подсистемы задает СК (нейронные центры управления СК расположены в продолговатом мозгу). Цель СК – распределить кровоток по всем тканевым регионам организма, и это она осуществляет за счет определенного баланса между сосудистым сопротивлением микроциркуляторной зоны различных тканевых регионов, сердечным выбросом (СВ) и объемом циркулярной крови (ОЦК). АД является результирующей функцией от этих трех аргументов. Если СК «решила», что нужно поддерживать высокое АД (артериальная гипертензия), она задает эту цель ССАД, которая постарается это сделать. Организм человека управляется по законам автоматики. А автоматика всегда стремится сохранить заданное значение параметра, даже если что-то сбивает его».

Экономика точно так же «мстит» нам кризисами и отсутствием развития, когда вместо причин мы начинаем «лечить» следствия.

В последующих главах этой книги мы, так или иначе, будем касаться проблем выявления количественных параметров экономики, их взаимосвязей и анализа последствий их нарушений, – однако, мы считаем, что это самостоятельная тема исследования, к которой мы, возможно, когда-нибудь вернемся в другой работе.

Здесь мне бы хотелось выразить одну крамольную мысль, которая может вызвать неоднозначную реакцию критики. Она заключается в том, что потребности человека необходимо разграничивать *качественно* и *количественно*. Количественные потребности – это некоторые нормы, обеспечивающие нормальное, то есть, на существующем историческом уровне, существование общества в целом и каждого индивидуума в частности. Это нормы в питании, одежде, жилье, транспорте, услугах.

Качественные потребности – это разнообразие способов удовлетворения нормируемых потребностей.

Так вот, количественные потребности имеют свою емкость и ограничение. Причем *возможность* обеспечения этой емкости мировая экономика уже достигла. Границ качественных потребностей мы пока не видим. Но, как гипотеза – они также существуют. Вероятно, это граница не только экономическая, но и морально-психологическая. Одна из самых безграничных ветвей в потребностях – это потребность в роскоши. Но совершенно не исключено, что (и это мы вполне можем иногда наблюдать) роскошь в отдельных своих проявлениях становится аморальной и теряет свои позиции. Культурное развитие общества вполне может положить этому окончательные границы.

Такой подход ставит крест на базовые основы «экономикс». Он требует пересмотра и даже отказа от теорий экономического роста. Он дает надежду миллионам на реальную возможность достойного существования.

Подойдем к этому вопросу с позиции теории предельной полезности. Напомним иллюстрацию этого принципа: предположим, у вас нет костюма. Покупка первого костюма доставит вам истинное удовольствие. Второй костюм обрадует вас в меньшей степени. Десятый костюм вам будет почти безразличен. Когда костюмы завалят вашу квартиру, вы осознаете, что лишаетесь при этом более важного для вас ресурса – свободного места. Экономисты из этого примера пытаются вывести ценность каждого вновь приобретенного костюма. Для нас же важно уяснить, что потребности на самом деле не безграничны и имеют свой количественный предел. Экономика не есть дурная бесконечность противоречий между безграничными потребностями и ограниченными ресурсами. На самом деле, экономика есть определенный исторический этап решения проблемы дефицита ресурсов по отношению к имеющимся *ограниченным* потребностям.

Мы далеки от социалистических идей эгалитаризма. Качество, престижность потребления есть плата общества за индивидуальность своих членов. По оценке [Пригожин, 2010, с. 62] от 60 до 90% доходов люди тратят именно на престижное потребление. Во многом это навязывается рекламой, которая как нельзя ярче отражает господствующую экономику спроса.

Сложность вопроса заключается в том, что не существует экономики вообще, экономики как некой абстракции. Помимо пространственно-исторических рамок, чтобы установить критические количественные параметры конкретной системы, важно знать ее целевую направленность и набор средств, которые она использует для реализации этой направленности.

Экономика может иметь, например, социальную направленность, но решать эту задачу путем постоянных заимствований. Это одни параметры. Экономика может быть милитаризованной. Это уже другой случай. Экономика может быть чиновно-олигархической, каковой она в настоящее время и является в России. Основной ее экономической опорой являются два фактора: коррупция и налоговая система, полностью поставленные на обслуживание этих двух слоев населения. Оба эти фактора имеют количественные рамки, преодолев которые система рухнет безвозвратно. Но именно эти количественные рамки оберегаются системой с наибольшим рвением.

Таким образом, закон перехода количественных накоплений в качественные необходимо дополнить законом системообразующей значимости количественных параметров, их взаимосвязи и саморегулируемости, а также обозначить ограниченность закона количественных изменений в рамках Бытия.

Если мы под переходом в новое качество в рамках диалектики понимаем некое прогрессивное действие, некое новое качество более

высокого уровня, чем было до перехода, то следует признать, что это является скорее исключением из правил, чем правилом. В большинстве случаев за этим следует разрушение системы, хаос, застой, кризис, катастрофы. Проектируя и целеполагая будущее, *всегда* требуется ситуационная модель, позволяющая прогнозировать качественные изменения, обусловленные нашим количественным ростом.

Количественные характеристики, константы есть не что иное, как объективный закон существования систем. Суть его заключается в следующем:

Любая система формирует количественные ограничения как элемент гомеостаза, как способ защиты своего существования. Константы «запрещают» элементам системы, отдельным ее структурам нарушать системообразующие пропорции, «запрещает» их гипертрофированное развитие, образование так называемых «раковых опухолей». Отсутствие таких констант – неизбежная смерть системы. Нарушение этих констант – неизбежный системный кризис.

Философское переосмысление данного закона требуется сегодня и с другой стороны. Это направление разработано российским ученым Урманцевым Ю.А., но дается нами в изложении [Артюхов, 2014, с. 17-22].

Данный закон рассматривается им в рамках объект-системы. Исходя из понимания системного строения материи, это никак не отменяет всеобщности выводимых им законов и процессов, но позволяет взглянуть более углубленно на те законы, которыми философия оперирует уже почти 200 лет.

Одно из предложений ученого, названного им как *Основной закон ОТС*, гласит, что «существует лишь *четыре* основных преобразования объекта-системы в рамках системы объектов одного и того же рода, а именно: тождественное (Т), количественное (Кл), качественное (Кч), относительное

(О), или, что то же преобразование в себя, количества, качества, отношений «первичных» элементов [Артюхов, 2014, с. 15].

Отсюда выводится **Центральное предложение ОТС** или **Основной закон системных преобразований**, согласно которому объект-системы по законам композиции могут переходить: а) либо в себя – посредством тождественного преобразования, б) либо в другие объект-системы посредством одного из *семи и только семи* различных преобразований» [Артюхов, 2014, с. 16]. А именно:

1. Количества (**Кл**)
2. Качества (**Кч**)
3. Отношений (**О**)
4. Количества и качества (**КлКч**)
5. Количества и отношений (**КлО**)
6. Качества и отношений (**КчО**)
7. Количества, качества и отношений (**КлКчО**)

Таковы изменения всех или части его первичных элементов.

Здесь следует обратить внимание на термин «отношения». В моей работе оно используется как тождественное или близкое к понятию «связи». В данном же случае – это преобразование в себя не системы в целом (для этого используется термин «тождество» (мы его трактуем как гомеостаз), а первичных элементов.

«То есть, в основе **относительных** преобразований лежат **перестановки и комбинации** элементов, результатом которых являются системы, сходные по размеру и составу, но различные по внутренней структуре» [Артюхов, 2014, с. 133].

Следующее *Предложение*, или *Второй закон преобразования объектов систем* Урманцева утверждает, что данное преобразование может осуществляться только тремя способами – прибавлением (+), вычитанием (-), прибавлением и вычитанием (+ -).

На основании изложенных позиций выводится *Закон достаточного основания преобразований композиций системы объектов данного рода*. Приведем его дословно: «Преобразование одних объектов-систем в другие или в себя в системе объектов одного и того же рода каждым из восьми способов осуществимо только при наличии необходимых и достаточных для этого оснований – посредством прибавления и/или вычитания движущейся материи или иначе: посредством прямых и обратных переходов

1. $K_l \leftrightarrow T$
2. $K_l \leftrightarrow K_l$
3. $K_l \leftrightarrow K_{ch}$
4. $K_l \leftrightarrow O$
5. $K_l \leftrightarrow K_l + K_{ch}$
6. $K_l \leftrightarrow K_l + O$
7. $K_l \leftrightarrow K_{ch} + O$
8. $K_l \leftrightarrow K_l + K_{ch} + O$

- всех или части «первичных элементов».

Этим законом однозначно определяется *основной* способ преобразования материальных систем – прибавление и/или вычитание движущейся материи и задаются основные формы этих преобразований. До этого материалистической диалектике были известны только способы (2) и (3)...» [Там же, с. 17].

Гегелевское название закона в данной интерпретации вообще утрачивает свой смысл. В новом видении можно говорить о *Законе количественных преобразований материальных систем*.

Однако, мы считаем такое описание закона с позиции ОТС важным, но далеко не исчерпывающим.

Прежде всего, такой подход позволяет классифицировать системы как растущие (способные расти), основная часть которых – развивающиеся (чей рост одновременно означает и развитие). Чаще всего рост системы возможен

только до определенных пределов, после чего дополнительный рост означает деградацию или гибель системы. Особенно это характерно для биологических систем.

Есть количественно стабильные системы. В этих системах количественные изменения могут происходить, но в определенном диапазоне. И, наконец, есть количественно убывающие системы, часть из которых – *энтропийные*. Вопросы энтропийности мы рассмотрим в следующем параграфе.

Далее. Элементы в системе существуют не сами по себе, но их целостность обеспечивается взаимосвязями. Рост взаимосвязей опережает рост элементов системы темпами, превышающими геометрическую прогрессию.

Например, если мы возьмем два элемента А и В, то между ними возможны только две связи $A \rightarrow B$ и $B \rightarrow A$. Добавление третьего элемента С сразу увеличивает число взаимосвязей до шести: $A \rightarrow B$, $B \rightarrow A$, $A \rightarrow C$, $C \rightarrow A$, $B \rightarrow C$, $C \rightarrow B$. Но если допустить возможность образования коалиций, когда два элемента вступают в союз и совместно влияют на третий, то число возможных связей возрастает до 12 [Дрогобыцкий, 2013, с. 92].

Если рассматривать каждую взаимосвязь как информационную, то мы вынуждены будем отметить, что элементы *информационно небеспредельны*. Ответом на такой рост является структурное деление системы на подсистемы. Количественный рост подсистем, в свою очередь, порождает иерархию. Разделившись в себе, система порождает новые системы, которые, через какое-то время, возможно, могут приобрести самостоятельное значение.

Этим описанием закон себя не исчерпывает, но мы вернемся к нему, когда будем рассматривать закон единства и борьбы противоположностей, а также законы термодинамики.

Отрицание отрицания.

По сути, это есть признание циклического развития мира. По большому счету, тут диалектика, ограниченная во времени. Совершив триаду, мы возвращаемся, по сути, к исходной точке. Нам говорят, что это все на новом уровне, мир движется по спирали прогресса.

По нашему убеждению, данный закон это не подтверждает. Посадив в землю зерно, мы, в конечном счете, зерно и получим. Сколько раз мы должны пройти по кругу, чтобы это зерно стало крупнее, содержало больше полезных веществ и т.д.? Д–Т–Д' – формула, согласно которой, затратив одну сумму денег, мы, с определенной вероятностью, получим бóльшую сумму. Но это опять не диалектика. Если вы проели или разбазарили эту добавочную сумму, то практически ничего не изменится. Китайская цивилизация тысячелетиями вращалась по кругу, так и не выйдя на параметры технической революции.

Но, допустим, мы не правы. Под действием внутренних и внешних процессов, пусть и не во всех случаях, но развитие происходит. Возникает вопрос: а почему триада? То, что из зерна появляется растение – это не есть его отрицание. Это, как раз, и есть процесс развития этого зерна, заложенный в нем генетически. Отрицание же происходит лишь на конечной стадии с появлением новых зерен, которые уже могут существовать независимо от данного растения. Отрицание представляется всегда как *флуктуация*. Новая система отличается от старой, но она всегда *подобна* ей. *Эволюция предстает как череда отрицаний, но, в то же время, как череда последовательной сменяемости развития и сменяющих друг друга флуктуативных систем.* И в этом смысле закон должен обрести другое название: мы бы его назвали *Закон развития через отрицания*.

Единство и борьба противоположностей.

Философия Гегеля, обратившего внимание на то, что мир есть не просто совокупность объектов, обладающих некоторыми свойствами, но

такая совокупность объектов, которая находится в некоторых отношениях друг с другом, была значительным шагом в научном познании мира.

Однако, интерес этой философии, как и в последующем – марксистов, концентрировался на отношениях противоположности, противоречия, борьбы.

Единство воспринималось как наличие общих свойств, а взаимодействие, отношения между этими объектами, отступало на второй план.

Между тем, функционирование системы предполагает процесс *содействия* элементов, ее составляющих; возможность и готовность каждого элемента ограничить свои степени свободы для реализации общего эффекта системы. Поэтому противоречия по своей сути неоднородны. Мы бы их разделили на три части:

1. Противоречия, возникающие в результате функционирования и развития системы, разрешение которых не угрожает самой системе и способствует ее укреплению.
2. Противоречия, которые требуют модернизации системы за счет изменения существующих взаимосвязей, структур, элементов, не меняющей при этом сущностных основ самой системы.
3. Противоречия несовместимые с существованием данной системы. Появление и нарастание последних и есть начало кризиса системы. Сам кризис наступает тогда, когда эти противоречия частично или полностью парализуют функционирование данной системы.

Поэтому с позиции системного подхода отношения единства, отношения содействия приоритетны, и поэтому особую важность приобретает организация структур и построение иерархий, обеспечивающих методическое снятие данных противоречий. Это тем более важно, что будущее многовариантно и неминуемая гибель системы, в конечном итоге,

оказывается лишь идеологической натяжкой. Но даже если это и так, форма перехода из одной системы в другую может быть разной – от хаоса до планомерной реализации.

Важность единства перед борьбой противоположностей подчеркивается природой тем, что количество сложений в ней превалирует над количеством вычитаний (второй закон преобразования объектов-систем Урманцева). На этом строится теория самоорганизации Урманцева [См. Артюхов, 2014, с. 19-39]. Способность систем к усложнению делает развитие более предпочтительным, превращая законы термодинамики в частный случай самоорганизации. «Не энтропия правит миром, а созидание! И симметрия глобального развития («стрела времени») определяется не «принципом роста энтропии», приводящим к пресловутой «тепловой смерти Вселенной», а именно «великим биологическим законом усложнения», пронизывающим материю от проточастиц до галактик. А энтропия – лишь частный случай общего процесса, этап развития, не более того. Иначе откуда в мире взялись бы все системы, включая нас с вами, читающих эти строки?..» [Артюхов, 2014, с. 22].

С позиций сегодняшней науки понятие противоположности должно быть конкретизировано и уточнено. Дело в том, что данный закон всегда предполагает не какую-то абстрактную противоположность, а такую, которую можно назвать диссимметрической, а само явление – диссимметрией.

Первым открыл и описал это свойство в 1848 г. Луи Пастер, работая над кристаллами парафиновой кислоты (паратартратами) [См. Пастер, 1960]. Данный термин означал, что вещество обладает как бы двойной несимметричностью, углубленной асимметрией. Во-первых, асимметричны сами по себе фигуры кристаллов. А во-вторых, закономерным образом нарушены элементы простой асимметрии. Имела место так называемая

зеркальная асимметрия, когда двойник полностью повторял всю конфигурацию тела, но в отраженном виде. Таковы, например, наши руки, или правая и левая части лица, которые при всем внешнем сходстве нельзя совместить никакими поворотами в трех плоскостях. Кристаллографы называют это свойство энантиоморфными телами.

Л. Пастер придерживался идеи, что асимметрия – свойство неживой природы, диссимметрия – живой [там же, с. 47].

Дальнейшие исследования в этой области были сделаны Пьером Кюри. Свойства симметрии и производной от нее диссимметрии согласно его гипотезе и полученным результатам он распространил на всю материю, не подразделяя ее на живую и неживую. Кроме того, он обратил внимание на то, что «две среды, обладающие одинаковой диссимметрией, связаны между собой особым образом, и отсюда можно вывести некоторые физические следствия...» [Кюри, 1966, с. 96]. П. Кюри сравнивает этот процесс с уравнением, описывающим какое-нибудь физическое явление, когда изменение, произведенное в одной части уравнения влечет за собой изменения в другой ее части.

Симметрии по своему совмещению он разделил на 19 семейств и лишь 7 из них он отнес к энантиоморфной диссимметрии.

Один из выводов П. Кюри гласит: «Когда некоторые причины производят некоторые действия, элементы симметрии причин должны обнаруживаться в произведенных действиях. Когда некоторые действия проявляют некоторую диссимметрию, то эта диссимметрия должна обнаруживаться и в причинах, их порождающих» [там же, с.102].

Следует обратить внимание, что взаимодействие двух симметричных частей системы зачастую происходит не напрямую, а опосредованно. Так у животных и у человека это опосредуется через нервную систему и функции мозга.

Симметрия экономического пространства в общем виде делится на производство и потребление. Опосредуется это взаимодействие через рынок и другие формы распределения. Диссимметричность рынка проявляется в спросе и предложении. Впрочем, это свойство пронизывает всю структуру экономики. Однако, опосредованность взаимодействия позволяет оказывать влияние на обе части симметрии через центр опосредования: производя изменения в одной части, мы вправе ожидать отклик в другой ее части. При этом, мы как бы искусственно формируем асимметрию.

Следует отметить, что симметрия в общей теории систем Урманцева рассматривается как один из четырех фундаментальных классов устойчивости [См. Урманцев, 2007], и с этим нельзя не согласиться.

Вообще, откуда берутся противоречия? Как отмечает известный концептуалист С.П. Никаноров, «необходимо обратить внимание на то, что категория «противоречие» введена феноменологически, причины, объединяющие факт наличия противоречий не определены» [Никаноров, с.14].

На наш взгляд, противоречия – это исключительно социальное явление. Если из этих явлений исключить противоречия, связанные с *логикой* изложения, то в остальном мы имеем столкновение несовпадающих интересов отдельных личностей или социальных групп, возникающих в ходе их жизнедеятельности. Причиной этого несовпадения является особая, социальная асимметрия, которая в результате такого столкновения должна быть устранена (или, как говорил Гегель – снята). Отсюда вытекает следствие: социальная асимметрия *трисимметрична* в отличие от биологической диссимметрии. В экономике третья часть симметрии носит, как правило, количественный характер, во всяком случае, в первичных своих проявлениях.

Товар есть единовременно и потребительная стоимость, и абстрактная стоимость. Вынесенный на рынок он противостоит и другому товару, имеющим также какую-то абстрактную стоимость и совсем другую потребительную. Обмен этих товаров будет означать общественное признание этих стоимостей, но это и столкновение различных интересов. При наличии взаимных потребностей в обмениваемых товарах вопрос решается путем установления количественных пропорций обмена. Тем самым, вещь не только перестает быть товаром, но и достигается это путем установления стоимостной симметрии.

Особая проблема – это вопрос существования антагонистических противоречий. Предполагается, что «снятие» противоречий означает, что решение достигается путем консенсуса. Сущности, участвующие в этом столкновении, не уничтожаются, а переходят на следующий уровень в ином качестве, являются как бы «встроенными» в новую группу отношений, в новую систему.

Антагонизм же предполагает потенциальную возможность или попытку достижения результата за счет уничтожения противостоящей стороны.

В экономике эта проблема может носить *локальный* или *глобальный* характер. К локальным проблемам относятся, как правило, проблемы инновационного характера, когда нечто новое приходит на смену старому, но при этом не затрагивает всю систему в целом. Примером тому может служить современная постановка задачи о модернизации экономики в России. В [Гельцер, 2010] мы указывали, что такая новизна неизбежно влечет за собой *необходимость разрушения* определенных устаревших систем отношений. Эти разрушения, дабы уменьшить их негативное влияние, требуют своего осмысления и определенных навыков. Это намного сложнее, чем разобрать какое-нибудь здание или сооружение. Но и в строительных технологиях

существует своя техника безопасности, гарантирующая, что разбираемое здание не обрушится вам на голову.

Осмысление и превентивное устранение «устаревших» отношений и институтов позволяет опять-таки «снять» противоречия, вычленив в старом все то, что можно взять с собой в будущее. Иной подход в экономике большей частью безнравственен, ибо связан с жизнями и судьбами людей, которые в расчет «новаторами» не берутся. Более подробно мы вернемся к этому вопросу в §6 данной главы.

Еще сложнее дело обстоит с глобальными переходами, название которым – революция. Как верно отмечает С.П. Никаноров в своей статье «Тридцать лет развития концептуального научно-технического направления в капитальном строительстве»: «Россия... является историческим продуктом двукратного отказа от снятия» [Никаноров. 2002, с. 13]. Бездумное, небережное отношение к своей истории, к своим достижениям, к своему генофонду отбросило страну в когорту третьеразрядных экономик мира.

Однако, никак нельзя согласиться с тезисом всезнайки А.А. Вассермана: «Сколь ни преступна сама власть – ее низвергатели куда преступнее» [Вассерман, 2012, с. 238]. Мотивируется это тем, что падение тоталитарных режимов сопровождается разрушительными последствиями для общества.

Это естественно. Тоталитарные, да и авторитарные режимы – весьма неустойчивые системы. Они держатся на властных полномочиях узкой группы лиц, подкрепленных всеми силовыми структурами государства, лживой идеологией, осуществляемой с помощью монополии на СМИ, на судопроизводство (или полном его отсутствии), игнорирующем общепринятые нормы права.

Такие системы неустойчивы настолько, что разрушение одной из перечисленных опор, влечет за собой гибель всей системы в течение 2-3

дней. Формирование же нового государственного устройства требует месяцев, а порой и лет. Зачастую стране приходится проходить через хаос и связанные с ним бифуркации, в результате чего к власти приходят вовсе не те, кто низвергал преступный режим, а такие «держиморды», что ушедший тоталитаризм воспринимается как благо.

Тем не менее, надо быть изрядным негодяем, чтобы не видеть, где причины, а где следствия. Не сопротивление тоталитарному (преступному) режиму, а его затянувшееся существование – вот причина общественных бед. И чем быстрее и решительнее он будет уничтожен, тем больше надежд на более «гладкое» его преобразование.

Конечно, иногда такие режимы более эффективно эволюционируют за счет реформ «сверху», как, например, в Китае. Иногда это удастся сделать за счет внешней силы (оккупационный режим в Германии после 1945 г.). Однако, винить жертву за сопротивление убийству, грабежу и насилию, и называть ее более преступной, чем тот, кто осуществляет все это над ней, по крайней мере, безнравственно.

Чтобы кардинально решить проблему «снятия» антагонистических противоречий, необходимо добиться того, чтобы тоталитарные, антидемократические режимы были признаны международным правом антизаконными, не имеющими легитимности, и, при определенных условиях, подлежащих силовому демонтажу на основе международного контроля.

Сразу оговоримся: образцы такого демонтажа в Ираке (2003 г.) и Ливии (2011 г.) никого устроить не могут. Должны быть прописаны процедуры, обеспечивающие: 1. Возможность мирного отстранения диктаторов от власти; 2. Сохранение международных обязательств, принятых на себя страной до устранения диктатора; 3. Сохранение экономических интересов всех государств, сотрудничавших с этой страной ранее, и после смены режима; 4. Процедуры перехода власти к демократическим режимам; 5.

Порядок силового воздействия в случае игнорирования перечисленных требований мирового сообщества.

Солнцев С.В. [См., например, Солнцев, Рожков, 2008] рассматривает три варианта реализации противоречия:

1. *Разрушение противоречия* – то есть, его целостность убрана путем уничтожения хотя бы одного его элемента.
2. *Разрешение противоречия* – когда победа одной из сторон не нарушает целостности и их элементы не исчезают, а преобразуются.
3. *Снятие противоречия* – это замена одной целостности новой целостностью, в которой представлены обе стороны противоречия.

Жизнь без противоречий невозможна, но формы борьбы и единства могут быть разными, и зависит это как от исторического периода (как долго рост проблем опережал попытки их решения), так и от компетенции лиц, на чьи плечи ложится принятие решений.

Возможно ли опережающее решение проблем? Однозначно нет. Лишь некоторые проблемы можно предвидеть. Для этого нужны ситуационные модели по готовящимся решениям (законам). Чего, к сожалению, в нашей стране не происходит: периодически скоропалительно принимаются законы, и также скоропалительно их отменяют. Но большинство проблем образуется постепенно. Они должны проявить себя, быть изучены, и найдены пути их решения. Именно поэтому развитие производительных сил всегда будет опережать совершенствование производственных отношений.

И все-таки причина возникновения асимметрии во многом для науки остается загадкой. Природа как бы дублирует свои действия, но дублирует так, что абсолютная симметрия есть исключение и, как правило, является уродством. «Как возникает такая дисимметрия? – задается вопросом И. Пригожин [Пригожин, Стенгерс, 2005, с. 144], рассматривая ДНК (молекулы нуклеиновой кислоты), - Один из распространенных ответов на этот вопрос

гласит: дисимметрия обусловлена единичным событием, случайным образом отдавшим предпочтение одному из двух возможных исходов. После того, как выбор произведен, в дело вступает автокаталитический процесс и левосторонняя структура порождает новые левосторонние структуры. Другой ответ предполагает «войну» между лево- и правосторонними структурами, в результате которой одни структуры уничтожают другие. Удовлетворительным ответом на этот вопрос мы пока не располагаем».

Итак, подведем итог. Единство и борьба противоположностей есть свидетельство наличия в системах устойчивых противоречий. Эти противоречия носят двоякую направленность. С одной стороны, они обеспечивают целостность системы, с другой – являются источником флуктуаций, приводящих к неустойчивости системы. Своевременное снятие противоречий, формирующих неустойчивость, обеспечивает динамичное развитие системы. Снятие противоречия предполагает сознательное формирование новых отношений и бережное разрушение старых.. Игнорирование социальных интересов ведет к тому, что эти противоречия антагонизируются. Однако, даже наличие антагонистических противоречий еще не свидетельствует о том, что система обречена. При двух вариантах – разрушении или эволюции, системные связи и константы всегда будут стремиться к устойчивости, а значит, предпочтут последнее. И наличие противоречий между рабочими и капиталистами вовсе не означает однозначность решения этого вопроса так, что экспроприаторов экспроприируют (Маркс), а империализм вовсе не оказывается последней стадией капитализма (Ленин).

Тем не менее, концентрация антагонистических отношений всегда чревата революционным разрушением системы. В этом смысле, революции скорее не локомотивы истории, а ее бульдозеры: «Мы весь, мы старый мир

разрушим до основания, а затем...». А вот что будет затем, этого, порой, не знает никто.

Отсюда вывод: диалектика противоречий требует не борьбы, а терпеливой работы обеих сторон для обеспечения развития.

Это утверждение далеко не абсолютно по своей истинности. Представьте себе такие противоречивые единства как полиция и бандиты, борцы с наркотрафиком и наркодиллеры. Самое интересное, что яростная борьба подобных двух сторон приводит их к такому единству, что не отличить, где первые, а где вторые. И опять-таки, практика показывает, что такие противоречия наиболее эффективно разрушаются не яростной борьбой, а окольными путями, терпеливой работой по созданию условий, когда одна из сторон (негативная) лишается возможности своего существования.

Общая теория систем выдвигает постулат *многомерности* мышления в сфере действия противоречий. В [Дрогобыцкий, с. 52-53] суть этого постулата трактуется как способность «видеть дополняющие друг друга тенденции в прямо противоположных явлениях и создавать одно целое из, казалось бы, несоединяемых частей». «В отличие от марксистского стремления к антагонизму и борьбе в основу построения общественных моделей развития следует положить *компромисс*. Последний рассматривается как точка относительного равновесия, в которой борьба противоположностей теряет свою остроту (в результате взаимных уступок)» [Там же].

Безусловно, теоретическая модель – это лишь попытка сформировать некую идеологию поведения. Реальность появления антагонизмов, способных вызвать вспышки агрессии, этим исключить невозможно.

§4. Начала термодинамики и экономика.

«...Откуда с точки зрения Второго начала термодинамики берутся те предметы, которые впоследствии подвергаются пагубному влиянию энтропии?

Нет ответа. И не будет, потому, что *последовательное* применение закона общего роста энтропии приводит, ни много, ни мало, а к идее Творца».

[Артюхов, 2014, с.8]

Сегодня научный мир практически един в том, что существует целый ряд законов, пронизывающих весь материальный мир от физических тел до биологических и социальных субстанций. К таковым законам можно отнести первое и второе начала термодинамики.

В этой области заметным явлением можно считать книгу В.Ф. Ильина «Термодинамика и социология» [Ильин, 2010]. Помимо всего прочего, эта книга интересна тем, что написана специалистом – физиком для гуманитариев и проводит ту же идею, что и мы: излагать технические идеи может быть несколько излишне подробно, но так, чтобы они были понятны непосвященным.

В 1-й главе своей книги В.Н. Ильин совершенно верно предостерегает исследователей в области *софизматики* (междисциплинарной науки, стремящейся объединить достижения социологии, философии, физики и математики для выявления общих закономерностей мироздания) при переносе законов и принципов неживой природы на общество от опасности впасть в *механицизм*, перенося эти законы чисто формально [Ильин, 2010, с. 12].

На наш взгляд, автору местами [напр. Ильин, 2010, с. 29-41] этого избежать не удалось. Но также как показывает эта книга, необходимо избегать высокого уровня интерпретации, искусственно притягивая «за уши»

определенные социально-политические явления под букву излагаемого закона. Такой подход в науке трактуется как *вульгарность*.

Однако, мы не ставим целью данной работы критику чьих-то исследований, поэтому перейдем к сути вопроса.

Термодинамика оперирует понятиями открытых и закрытых систем. Закрытые системы не имеют взаимосвязи с окружающей средой. В природе таких систем практически нет. Поэтому, это либо условия, созданные искусственно, экспериментально, либо некая абстракция.

Начала термодинамики не могут служить началом философского понимания основных аспектов мироздания, так как трактуют уже некоторые следствия. Они сосредоточены в основном на тепловой энергии и преследуют более узкие цели.

Поэтому, обратим сначала внимание на закон сохранения материи и его математическую трактовку, осуществленную Эйнштейном: $E = mc^2$.

Философский смысл этой формулы заключается в том, что вещество и энергия взаимосвязаны и могут перетекать одно в другое, а также то, что движение является неотъемлемым атрибутом/свойством материи.

В этом смысле утверждение первого начала термодинамики о том, что полная энергия замкнутой системы остается постоянной, ничего здесь не прибавляет и остается лишь частным случаем общего закона.

Более важной является другая трактовка первого начала, утверждающая, что это «сообщаемая телу внешняя энергия Q в общем случае расходуется, во-первых, на совершение над телом некоторой работы A , например, на его подъем или перемещение с трением, и, во-вторых, на изменение внутренней тепловой энергии тела $\Delta W = W_2 - W_1$ от начального состояния W_1 до конечного состояния W_2 » [Ильин, 2010, с.43].

Математическая запись первого начала имеет вид: $Q = A + \Delta W$.

Существенный момент первого начала термодинамики заключается в утверждении, что «неорганизованное хаотическое тепловое движение молекул не может быть полностью преобразовано в организованное, в частности, в работу» [Лаплас, 1908, с.45].

На этом основываются доказательства невозможности создания вечного двигателя первого рода, постоянно генерирующего бесплатную, неведь откуда взявшуюся энергию.

Этому закону подчиняются любые энергетические затраты на получение какого-то результата, а значит и работы, связанные с затратами человеческого труда. Всегда существуют какие-то затраты «на себя» и на окружающую среду, которые снижают коэффициент полезного действия.

Второе начало термодинамики не имеет *единого*, строго установленного посыла (правила). Существуют различные подходы к его пониманию с позиций теории тепловых машин, теории вероятностей, теории передачи информации и др. В ходе своей эволюции второе начало из физического закона все больше трансформируется в некую систему философских взглядов.

Тем не менее, именно в физическом плане существуют три основных равноправных формулировки.

Первая формулировка начала была сделана в 1830 г., и принадлежит она немецкому физiku Рудольфу Клаузиусу. Она утверждает невозможность самопроизвольного перехода тепла от холодного тела к горячему. Действительно, более холодное тело не может отдать свое тепло более теплову, понизив при этом свою температуру. Процесс возможен только в одном направлении.

И этот посыл имеет всеобщий характер. Если мы объединим два энергетических потенциала, то в закрытой системе (без вмешательства

третьих сил), их заряды будут уравниваться за счет объекта, содержащего большой энергетический потенциал.

Любую экономическую систему без всяких натяжек мы можем представить как объект с некоторым энергетическим потенциалом. Этот потенциал складывается из достигнутого уровня производительных сил, уровня знаний и накопленного богатства. С позиции термодинамики (если абстрагироваться от других факторов) любое добровольное объединение более развитой (богатой) экономической системы с менее развитой (бедной) изначально выгодно менее развитому (бедному) партнеру.

Это утверждение, которое явно не понравится борцам с колониализмом, легко подтвердить на примере Европейского экономического союза, и на примере бывшего СЭВ, объединявшего страны социалистического лагеря. Обращает на себя внимание и тот факт, что когда империи распадаются, в первую очередь от этого выигрывают метрополии. Так было и с Великобританией, так было и при распаде Советского Союза.

Однако, мы погрешили бы против истины, и мы еще об этом будем говорить, если бы умолчали о мощных центростремительных силах экономического характера, которые действуют в противоположную сторону, вытягивая из бедных стран людские и материальные ресурсы, превращая их в зависимые рынки сбыта. Но это говорит о том, и об этом у нас речь дальше, что законы термодинамики носят ограниченный характер, и не они определяют эволюцию развития.

Вторая формулировка второго начала термодинамики также говорит о направленности движения энергии и необратимости природных процессов. Примеры необратимых процессов нам хорошо известны из практики. Разбить яйца и сделать из них яичницу не сложно, но невозможно вновь обратить яичницу в сырые яйца. Открытый флакон духов наполняет комнату запахами. Собрать запах обратно во флакон еще никому не удавалось.

В природе не существует энергии *вообще*. Энергия *вообще* – это некая абстракция. Энергия всегда существует в определенных формах, и эти формы ранжируются по уровням.

В.Н. Ильин приводит следующую таблицу [Ильин, 2010, с. 62]:

Таблица 3.4.1. Формы виды и ранги организации энергии.

Формы энергии	Виды энергии	Ранг
Внутренняя тепловая	Видов нет, так как нет различий	0
Неживая	Механическая, гравитационная, электрическая, магнитная, химическая и другие виды энергии	1
Биологическая	Энергия всех видов жизни в живой природе (одноклеточная, многоклеточная, растительная, животная и т.д.), кроме социальной	2
Инстинктивная социальная	Социальная энергия коллективов простейших живых организмов, насекомых, птиц, стадных животных и т.д.	3
Разумная социальная	Социальная энергия коллективного человеческого разума, организованная по социально-экономическим, национальным, религиозным и другим признакам.	4

Более организованной энергией считается та, что выше рангом, а ранг определяется наибольшим вариантом самопроизвольных переходов в другие формы. *Самопроизвольный переход низшей по рангу энергии в высшую считается невозможным.* Такая формулировка второго начала термодинамики заложена в *принципе Карно*, названного так в честь французского военного инженера Сади Карно.

Как видно из таблицы, в ней нет места внутриядерной энергии. В.Н. Ильин считает, что ответить на вопрос о месте внутриядерной энергии в иерархии организаций – «значит узнать тайну существования вещества и поля, жизни и сознания» [Ильин, 2010, с. 63].

Ни в коем случае не посягая на такие тайны, мы хотели бы изложить по этому поводу свою теорию¹¹.

Действительно, внутриядерная энергия должна иметь особый статус. Нобелевский лауреат Поль Дирак, работая над уравнением для электрона, обнаружил, что знаменитое эйнштейновское уравнение $E = mc^2$ верно лишь отчасти. Верное уравнение должно выглядеть так: $E = \pm mc^2$

Минус возникает в результате того, что при расчетах приходится брать квадратный корень из определенной величины, а это ведет, в свою очередь, к неопределенности знака.

Отсюда был сделан вывод, что в природе существует отрицательная энергия. На этом основаны сегодня поиски некоего мифического антивещества.

Однако, на наш взгляд разгадка лежит в другом поле поиска. Внутриядерная энергия освобождается путем цепной реакции взрыва. Согласно законам симметрии и цикличности логично предположить аналогичную реакцию *сверхгравитации*. И мы ее обнаруживаем при наблюдении за черными дырами.

Общепризнано, что черная дыра образуется за счет схлопывания атомов , «но механизм, посредством которого такая штука могла бы сформироваться естественным путем, неизвестен» [Каку, 2009, с. 289].

Существует гипотеза, что черные дыры образуются в результате гибели звезды, истратившей свое ядерное топливо и сжимающейся под собственной тяжестью в результате гравитации. Однако, такой подход, снимая один вопрос, порождает множество других. Почему эта сила тяжести не срабатывает раньше, когда масса звезды во много раз больше? Почему перестают действовать законы Ньютона и т.д, и т.п.

¹¹ Данная теория не имеет прямого отношения к экономическим проблемам, и при желании читателем может быть пропущена.

Сегодня все знают о диффузии «черных дыр», получившей название «излучение Хокинга», хотя гипотезу о его наличии первыми высказали советские ученые. На наш взгляд данное излучение есть не что иное, как процесс выделения тепла ядром «черной дыры», позволяющее ему охладиться до температуры абсолютного нуля. Большая масса и высокое давление потухшей звезды в совокупности с явлениями, присущими материи в состоянии абсолютного нуля, обеспечивает не только слияние (схлопывание) атомов, но и вращение вещества с большой скоростью. Это и есть реакция гипергравитации.

Но процесс этот не бесконечен. Существует некая критическая масса, которая рано или поздно приводит к нагреванию черной дыры, которое, в свою очередь, заканчивается ядерным взрывом. Рождается новая Вселенная. Начинается новый цикл.

Что же касается ядерной энергии и энергии сверхгравитации (гипергравитации), то это два обособленных вида энергии, обеспечивающих цикличность мироздания, они должны рассматриваться отдельно от иерархии, приведенной в Таблице 3.4.1.

Однако, вернемся к термодинамике. Второе ее начало вводит в оборот понятие *энтропии*. Энтропия, это некий количественно-качественный симбиоз, характеризующий одновременно потерю энергии и ухудшение организации той или иной системы.

Третья формулировка второго начала термодинамики приписывается обычно австрийскому физику Людвигу Больцману. Она гласит: «Природа стремится к переходу от менее вероятных состояний к более вероятным». Иначе говоря, все более сложно организованное, более энергетически заряженное имеет тенденцию к упрощению и разряжению, и самопроизвольно этот процесс необратим.

Количественно-качественной мерой степени различий между двумя системами (состояниями) является *энтропия*. Чем меньше различия, тем больше энтропия. Согласно второму началу термодинамики во всех самопроизвольных процессах *энтропия всегда растет, а различия уменьшаются*.

Второе начало утверждает невозможность создания вечного двигателя второго рода, в котором энергия одного источника самопроизвольно и непосредственно, без промежуточных преобразований, превращается в работу.

Законы термодинамики – это законы регресса. Хотим мы этого или нет, но они существуют и действуют неотвратно. Это несколько не противоречит тому, что мир, по крайней мере, локально, эволюционирует. И мы рассмотрим причины этого в следующем параграфе, но наличие энтропийных свойств материи убеждает нас, что утверждать *неотвратимость* эволюции в сторону прогресса, по крайней мере, опрометчиво.

Однако, современная наука отвергает и категоричность утверждения действия мировой энтропии (См. Хайтун, 2010, с. 264-265).

Второе начало термодинамики, по большому счету, вообще не является строгим динамическим законом, запрещающим протекание процессов в направлении отличном от установленного. В формулировке Л. Больцмана это правило говорит лишь о том, что энтропия любой замкнутой системы не просто остается постоянной или только возрастает, но, что более вероятно возрастание энтропии и менее вероятно ее уменьшение. «В конечном счете, неизбежным выводом из второго начала термодинамики оказывается равновероятность обоих направлений протекания физических процессов...» [Молчанов, 1977, с. 92]. Кстати, естественным следствием такого толкования второго начала термодинамики является то, что во Вселенной могут

существовать такие области, где необратимые процессы идут в направлении прямо противоположном нашему.

Энтропию можно разделить на две формы – энергетическую и организационную. Если первая нас интересует с позиции ресурсов, то вторая – с позиции экономических отношений. Об организационной энтропии мы можем говорить в том случае, когда количество возникающих проблем (неснятых противоречий) опережает количество надлежащих решений по их разрешению. Структурные узлы, генерирующие наиболее существенные проблемы для всей системы, в общей теории систем принято называть *архетипами* или «ловушками» (См. Медоуз, 2011, с. 186-232).

Особенностью системных «ловушек» является то, что поначалу (и порой очень длительное время) люди видят проблемы в отдельных событиях или конкретных людях. И лишь со временем (и часто немногие) начинают понимать реагирование на события, или на конкретных виновников не имеет никакого смысла. Реконструкция необходима всей системы, либо важной ее структурной составляющей.

Наиболее часто встречающиеся организационно-экономические «ловушки» таковы:

1. Цели отдельных подсистем несогласованы и вступают в противоречия между собой. Возникает *ловушка сопротивления внешнему влиянию*. Начинается «война» подсистем, когда каждый из участников пытается изменить ситуацию в свою пользу. Наиболее яркий пример такой «ловушки» сегодня это борьба с автомобильными пробками в Москве. Когда проблема начинает расширяться за счет ограничения мест парковки без строительства новых, за счет увеличения штрафов (что стимулирует дополнительную коррупцию полицейских), когда чиновники лишь декларируют на словах отказ от «точечной» застройки и продолжают нагромождать «железобетонные джунгли», преследуя свои далеко не

бескорыстные цели – одна проблема решается за счет создания одной или нескольких других.

Ключевым вопросом здесь, конечно, является искоренение коррупции. В дальнейшем все стороны должны быть переориентированы на достижение целей, приемлемых для всех, при том, что общей для всех должна стать цель борьбы с пробками.

2. *Ловушка «трагедия общин».* Эта проблема возникает, когда некий ресурс находится в общественной собственности. Каждый получает от этого ресурса свои блага, но при злоупотреблении им негативные последствия распространяются на всех потребителей. В результате ресурс истощается, становясь недоступным для всех.

Каждому приходилось сталкиваться с загаженными лесами, берегами рек, подъездами домов. Русскому человеку хорошо известна ироничная поговорка: «Все вокруг колхозное, все вокруг мое!».

Выходом из этой ловушки может быть приватизация тех ресурсов, которые возможно приватизировать, либо регулирование доступа к ресурсу потребителей. Убеждение и обучение, повышение культуры – это тоже те рычаги, которые могут дать положительные результаты.

3. *Стремление к худшему.* Эта ловушка действует медленно и постепенно. Во многом она носит психологический характер, когда общество смиряется с тенденцией постоянных изменений к худшему, и перестает ей сопротивляться. Общественная пассивность, безразличие и негативные процессы, и восприятие их как нечто само собой разумеющееся – это бич российского общества. Десятилетиями власти приучали людей к мысли о бесполезности и даже опасности какого-либо сопротивления. Поведение власти как внешних завоевателей, обложивших налоговой данью весь народ, продажа министерских постов и мест в парламенте, безнаказанное воровство в крупных размерах высокопоставленных чиновников воспринимается

народом как неизбежное зло и готовность к еще худшему: «Лишь бы не было войны!»).

Это трагедия народа, которая как преступный шлагбаум, закрыла ему дорогу к прогрессу.

Только реальные цели и постепенные шаги от успеха к успеху могут вывести людей из этого состояния. Другой путь, наиболее часто выбираемый Россией – «бунт бессмысленный и беспощадный!» - с постепенным возвратом к тому же самому.

4. *Эскалация конфликта.* «Если тебя ударили по правой щеке, то врежь по носу!» - такова заповедь этой ловушки. Обратная связь носит здесь экспоненциальный характер. Подобные «соревнования» за ресурс, права и другие блага очень быстро могут завести соревнующиеся стороны так далеко, что обратного пути может уже и не оказаться.

Лучший способ избежать этой ловушки – постараться в нее не попадать. Возможным спасением может оказаться одностороннее разоружение. Однако, у нас это зачастую воспринимается как слабость и вызывает одно желание – как можно быстрее добить противника. Выходом могут служить переговоры и раздел сфер влияния, либо координированность действий.

5. *Успех к успеху: конкурентное исключение.* Суть этой ловушки заключается в том, что победитель в соревновании получает не только награду, но и возможность стать еще более конкурентоспособным в последующих соревнованиях. Олигархи, госкорпорации, естественные и неестественные монополии буквально «оседлали» Россию. Мечты в нашей стране сбываются только у тех, кто владеет акциями структур типа «Газпром». Страна разделена на небольшие группы победителей и массу побежденных. И это не только результат передела собственности 90-х годов XX века. Вся экономическая система страны и, прежде всего, ее налоговая

составляющая, устроена так, что эта ловушка воспроизводится с регулярным постоянством (См. Гельцер, 2009, с. 66-77).

В нормальной экономике эта ловушка образуется потому, что конкуренция на рынке рано или поздно приводит к отсутствию конкуренции. Поэтому антимонопольное законодательство призвано не допускать такой ситуации. Экономика же России базируется на ангажированности бизнеса со стороны государства. Вся беда в том, что эта ангажированность избирательна. Чаще всего за этим скрыта обычная коррупция, но не только. Здесь и лоббизм, и ограниченный чиновничий кругозор, и своячничество, да и просто некомпетентность.

Как мы увидим в следующем параграфе, эта ловушка лишает страну одного из главных факторов эволюционного развития – *разнообразия*. Лишение экономики конкуренции приводит к сговорам и приватизирует саму власть. Антимонопольные законы должны строго ограничить долю пирога, причитающуюся победителю, периодически сводя преимущества всех к одному уровню, и давая такие преимущества тем, кто слабее.

Мало кто знает, что существует целый ряд газовых и нефтяных месторождений мелких, но высокодоходных для малого и среднего бизнеса. В то же время, нефтяные и газовые гиганты считают разработку таких месторождений ниже своего достоинства. Но, как собаки на сене, они не подпускают никого к своему сырьевому пирогу. Но если даже вам удастся получить лицензию на их разработку, то вас не подпустят к трубе для транспортировки добытого, или не возьмут сырье на переработку. Конечно, это будет сделано дипломатично: вам предложат такие цены, что вы от этого «удовольствия» откажитесь сами. Хотя в мировой практике известен такой барьер, когда монополии **обязаны** выкупить продукцию немонополиста, если его цена меньше или равна цене продукции, производимой монополией.

Тот же метод вполне можно было бы использовать в борьбе с торговыми сетями, которые, пользуясь своим положением на рынке, устанавливают ни чем не обоснованные поборы «за вход», и вправе отказать любому производителю в сбыте его товара по самым надуманным причинам, вроде «не того цвета фантики на конфетах».

В городах, которые вполне могут обойтись без сетевых магазинов, и где последние могут создать «перекос» рынка – открытие таких магазинов должно быть запрещено законодательно.

«Беспомощность» в этом вопросе правительственных и законодательных органов просто поражает. Впрочем, любой экономист легко назовет причину этой беспомощности: ищите, кому это выгодно!

6. Эта ловушка наиболее ярко выражена сегодня в мировой экономике. Ее называют по-разному: *мания, зависимость, пагубная привычка, пристрастие к поддерживающим средствам*. Эта ловушка сродни наркотической зависимости. У одних она выражается в односторонности экономики, как у России, превратившейся в сырьевой придаток Запада. У других – в привычке жить в кредит. Это может выражаться в иждивенческих настроениях по отношению к государству, которые государство само и провоцирует, расширяя социальные программы.

Во всех этих случаях экономическая система становится весьма уязвимой. Любые сбои в потоках, поддерживающих эту зависимость, приводят к кризисам равносильным наркотической ломке.

Лучшее средство от этой ловушки – не попадать в нее. Но, оказавшись в ней, не стоит искать простых решений. Выход может быть найден только в том случае, если систему удастся настроить на работу, ориентированную на изменения в долгосрочной перспективе. Тогда постепенные и планомерные шаги на основе политической воли могут вывести экономику из этого состояния.

7. *Манипулирование правилами.* Эта ловушка обычно проявляется в трех ипостасях:

- частое изменение законов и нормативных актов государства в угоду сиюминутным требованиям или под давлением определенных экономических или политических групп;
- манипулирование судебно-правовой системой, начинающей действовать избирательно по отношению к неугодным (из политических соображений), либо действующей как часть коррумпированной системы;
- тенденция, при которой жесткость законов компенсируется перманентным их несоблюдением основной массой населения.

Бесконтрольное манипулирование правилами разрушительно для системы. Для инвесторов – это один из основных показателей надежности вложений. В этой ситуации экономика голосует бегством капиталов из страны.

Я думаю, излишне писать о наличии этой ловушки в России. Каждому хорошо известны конкретные тому примеры, наиболее яркие из которых – суд над Ходорковским, а теперь еще и над Навальным, «басманное правосудие», использование серых и черных схем оплаты труда.

8. *Стремление к неверной цели.* Нельзя достичь какого-то результата, не сформулировав его в качестве цели. Неверно выбранная цель – это напрасно потраченные ресурсы, которых где-то не хватило на другие более важные цели. Ничем не лучше отсутствие явных целей и избранной стратегии вообще. В этом случае цель системы навязывается извне, случайным образом. Страна, номинально оставаясь независимой, фактически теряет свой суверенитет. Внутри же страны складываются отдельные властные группировки, ставящие своей задачей навязать государству свои

цели, выражающие интересы только узкой группы лиц. Таковыми могут быть военное или нефтяное лобби, лобби финансовых институтов.

Институт государственного целеполагания – сложная и многогранная система, которой в России нет. Она требует постоянных научных исследований, мониторинга получаемых результатов, демократических процедур обсуждения, гласности и прозрачности политических решений и еще многого другого.

9. *Адаптация к постоянно ухудшающимся внешним условиям.* Еще в 80-х годах XX в. считалось, что системы управления должны быть построены следующим образом: «Неопределенность, свойственная почти всем процессам функционирования, принципиальная непредсказуемость конкретных условий – все это определяет создание такой системы управления организацией, которая могла бы гибко реагировать на изменение ситуации, то есть, добиваться своих целей путем приспособления к быстро меняющейся обстановке. Быстрота и точность реакции системы управления на изменение обстановки – основной показатель ее совершенства» [Цигичко, 2009, с. 81].

Однако, сегодня к пониманию адаптации со стороны ученых далеко неоднозначное отношение: «Причиной контринтуитивного поведения экономической системы может стать пассивное приспособление к ухудшающимся внешним условиям. Известно, что, если лягушку бросить в кипящую воду, она непременно выпрыгнет наружу. Однако, если ту же самую лягушку поместить в теплую воду, которая постепенно нагревается, то лягушка сварится заживо. Аналогичное поведение можно наблюдать и в экономических системах (и в социально-политических также – прим. Авт.). Способность постепенно адаптироваться к изменениям окружающей среды может привести к беде, если условия ухудшаются» [Дрогобыцкий, 2013, с. 57].

Медленное умирание российского общества может быть одной из самых опасных бед, которая подстерегает нашу страну. Особенность такого положения заключается в том, что это происходит не под воздействием внешних условий, не под давлением других государств или мировой экономики. Данную ситуацию сформировала правящая элита страны.

Опасаясь народных протестов против коррупции и лживых выборов, она фактически уничтожила в стране оппозицию, ограничила свободу слова, подмяв под себя радио и телевидение. Народ постепенно, но методично лишается прав на митинги, на любые формы выражения протеста, на возможность адекватного отстаивания своих прав в суде. Апатия людей к выборам, к политической борьбе, неверие в возможность добиться справедливости видны сегодня невооруженным глазом. Говоря о национальной политике, можно привести только один пример: невозможно представить, что президентом страны может быть избран, скажем, представитель Кавказа или Якутии, но даже вторая по численности нация в России – татары не имеют на это ни единого шанса. Но самая большая опасность в том, что с этим смирились все.

Системы, общества, организации, адаптируясь, пассивно умирают – медленно, незаметно. В момент, когда они осознают это, наступает фазовый переход системы, после которого она уже не в состоянии ни восстановиться, ни изменить тенденции к своей гибели.

Соппротивление внешним условиям – важный атрибут адаптации. И в этом смысле необходимо различать активную и пассивную адаптацию. Выход из этой ловушки – ваша жизненная позиция. Не могут подтасовываться выборы без тысяч добровольных помощников, сидящих в избирательных комиссиях, не могут разворовываться миллиарды долларов без помощи сотен молча взирающих на это чиновников. Невозможно на годы упрятать

невиновных людей, протестующих на Болотной площади без молчаливого согласия общества.

Сделанный нами обзор архетипов вероятно далеко не полон. Но и он свидетельствует о том, что энтропийные процессы в организации экономики в России весьма сильны. Все это не что иное, как признаки деградации. Не остановив их, Россия обречена, по крайней мере, на то, чтобы прозябать в качестве третьеразрядной державы.

Если в предыдущем параграфе мы вели речь об ограничениях диалектики, то этот и следующий параграфы есть не что иное, как ее расширение. Действительно, мир не есть абстрактная борьба добра и зла. Уже на физическом уровне мы можем видеть как энтропийные процессы создают потенциал необходимый для развития мира, спасая его от застоя и самоуспокоенности. Отсутствие развития – есть деградация. Промежутка не существует. Таков мир, в котором мы живем.

§5. Теоретические основы эволюции.

«...Представление специфики того или иного объекта как сложной системы, что прежде всего выражается в понимании его поведения как смены неких состояний, дает возможность не только объяснить его эволюцию, но и предсказать его реакции на те или иные воздействия. Это является, в свою очередь, основной предпосылкой для возможности управления тем или иным объектом».

[Хомяков, 2007, с. 54]

«...Для того, о чем заходит речь при объяснении развития, или исторического процесса, причём не только индивидуального, но и максимально всеобъемлющего, а именно для разработки

факторов, которые характеризуют саму картину состояния или определяют ход процесса, что в более узком смысле можно было бы назвать специфической задачей экономиста-социолога или политэконома в объяснении хода исторического процесса, или теорией развития, экономическая теория, охватывающая свой круг проблем «стоимость – цена – деньги», не даёт ничего.»

[Шумпетер, 2008, с.151]

Хотя границу между порядком и хаосом провести трудно, физики различают два вида хаоса: тепловое движение в равновесном состоянии и существенно неравновесное турбулентное состояние [См., напр., Пригожин, Стенгерс, 2005, с.148].

На наш взгляд, первый вид никакого отношения к хаосу не имеет, так как характеризуется практическим отсутствием бифуркаций. Тепловое равновесие по Больцману есть описание некой перспективы Вселенной, ведущей ее к гибели путем остывания.

По утверждению К. Поппера, мы никогда не увидим, как энергия собирается со всех сторон к звезде, или – обратные ядерные реакции, протекающие с поглощением энергии [Popper, 1956].

Почему же не увидим? Мы только что обратили внимание читателей на свойства «черных дыр» собирать в себе окружающую материю (вещество и энергию) и протекающий при этом процесс гипергравитации. На этом

основывается наша гипотеза не только о цикличности развития мироздания, но и о существовании процессов прямо противоположным описанным термодинамикой. Поиски этих процессов лежат в криогенной области на границе абсолютного нуля и скоплении больших масс материи. Очень вероятно, что эти процессы опасны и не совместимы с жизнью человека. Вероятно, они также связаны с квантовыми процессами, но при наличии тел с макромассами.

Однако, для нас важнее другое понимание. Начала термодинамики имеют однозначное значение только для закрытых систем. В природе таких систем не существует. Наш мир открыт, и в основе жизнеобеспечения лежит потребление энергии из внешних источников. Функционирование экономической системы обеспечивается потреблением солнечной энергии, энергии полезных ископаемых, энергии природной среды – ветровой и водной. Еще одним источником энергии является использование управляемой ядерной реакции.

Поэтому постановка вопроса: кто прав – Больцман или Дарвин – просто некорректна. Они оба правы, но для разного рода систем.

Но есть и третья точка зрения. Эта точка зрения принадлежит В.И. Вернадскому, который строго разделял науку и философию. Все, что находится за пределами эмпирических доказательств, он относил к философии. Его постулаты просты и в плане отсутствия этих самых доказательств – неопровержимы: -1) Земля и жизнь на ней существовали всегда. Геологические исследования, которые охватывают несколько миллиардов лет, доказывают это, и нет доказательств обратного. -2) Живое произошло от живого и существует параллельно и одновременно с мертвой материей [См. Вернадский, 1989, с. 79 – 113; Вернадский, 1994, с. 315 – 401; Вернадский, 1980].

Исследователь творчества Вернадского и приверженец его учения Г.П. Аксенов пишет: «...До сих пор в школе и в вузах, где изучают естествознание, идея вечности жизни не обсуждается. По-прежнему преподается прямо противоположная общая умозрительная эволюционная схема, элементами которой служат абстрактные теории Большого взрыва, спонтанного «происхождения атомов», молекул и горных пород, образование безжизненной солнечной системы и Земли. Несмотря на полное отсутствие хотя бы одного факта, в сознание учеников внедряются гипотезы о происхождении жизни из инертной материи и о появлении ее на земле, о возрасте Земли, о формировании биосферы в определенный период геологической истории» [Аксенов, 2012, с. 327].

Такая точка зрения, безусловно, вполне имеет право на жизнь. Но она также не дает ответов на целый ряд вопросов. Во-первых, наблюдения за космосом показывают, что Вселенная не есть нечто застывшее. Происходят столкновения планет и галактик, взрывы одних сверхновых звезд и угасание других, образование «черных дыр» и «сдувание» атмосфер. В чем же особенности Земли и Солнечной системы, которые якобы не могут участвовать в этих процессах?

Живая клетка имеет очень узкий диапазон условий для существования (температура, радиация, наличие воды и т.п.). Если космические явления не обошли стороной нашу планету, то где та *причина* и *точка отсчета* появления жизни на Земле?

И, наконец, мы исторически наблюдаем эволюцию человека, растений, животных, техники на протяжении известного исторического периода. Почему мы должны ее исключать за пределами этого исторического периода, который нам доступен сегодня? Гипотезы – двигатель науки, даже если считать их только философией.

Итак, мы определили, что энтропия есть фактор эволюции системы в сторону деградации. Но что все-таки подразумевается под энтропией кроме потери энергии? На наш взгляд, в социологии и, в том числе – в экономике, под этим термином следует понимать сползание к двум взаимозависимым и последовательным процессам – застою и хаосу. Это предполагает:

- утрату динамики развития;
- потерю нравственных ориентиров в обществе или подмену их некими ложными ориентирами;
- явная некомпетентность лиц, принимающих государственные решения;
- коррупция, разъедающая, как ржавчина, всю систему общественных отношений;
- препятствие созданию и ликвидация общественных институтов, обеспечивающих разнообразие и развитие;
- навязывание надуманных структур и утрата структур развития;
- создание систем иерархии, несоответствующих историческому развитию, либо неоправданные попытки сохранить в неприкосновенности иерархию, утратившую общественное признание и несоответствующую развитию производительных сил;
- предпочтение силовых методов, фальсификаций, подтасовок, политической целесообразности демократическим процедурам, открытости информации, гласности, соблюдению законности.

Все вышеперечисленное – дорога к застою и деградации. Парадоксально, что все это длительное время может осуществляться за ширмой динамики экономического развития. Это даже неизбежно. Эта динамика – попытка грубого материализма, тоталитаризма и автократии оправдать свое существование.

Однако, проблема этих режимов заключается в том, что данная экономическая динамика постоянно поддерживается воспроизводством тех отношений, которые нами перечислены выше. Но в долгосрочной перспективе такое развитие обречено.

Даже физическое устранение инакомыслящих не делает такую систему устойчивой ни к внутреннему, ни к внешнему воздействию.

Итог этому - общественный протест, революция, что в большинстве своем тождественно хаосу.

При этом характерным является:

- слом устоявшейся иерархии и смена элит;
- утрата общественной организации;
- неадекватный рост значения случайностей, способных коренным образом изменить ход исторических событий, и не всегда в ту сторону, ради чего затевались эти изменения;
- выпячивание проблем справедливости, которые развиваются по трем направлениям — национальному, религиозному, социальному. Результатом борьбы за справедливость являются национальные, религиозные, гражданские войны, где справедливость устанавливается путем беспредельной несправедливости.

В этой связи возникает вопрос, а каковы же закономерности эволюционного развития? Попробуем сформулировать это сначала в рамках той же терминологии.

В открытых системах конкуренция может быть не только между получаемой извне энергией и ее энтропией, но и между другими функциями состояния (температура, объем, давление и т.п.). Тем самым происходит конкуренция не двух величин, а двух комбинаций взаимосвязанных величин.

Результатом этой конкуренции может быть перевес той или иной составляющей. Результирующую величину [Ильин, 2010, с. 112] называют

ордезией (O) по имени двух ее компонент – организирующей и дезорганизирующей, исчисляемой по формуле:

$$O = cOЭ + (1 - c) OS$$

где

OЭ – организующая энергия;

OS – энтропия;

c – коэффициент ($0 \leq c \leq 1$), определяющий соотношение этих двух энергий, т.е. $c = \frac{OЭ}{OЭ+OS}$

Формула проста, логична, но давайте посмотрим, как это работает на практике. Энтропия рассматривается физиками как потеря энергии и утрата организации, а с нею и «скатывание» системы в хаос. Противоположное накопление энергии соответственно воспринимается исключительно со знаком +.

Однако, открытые системы нельзя рассматривать, как нечто автономное вне связи с окружающей средой. В этой окружающей среде, как в определенной системе координат, находится изучаемая открытая система X с определенными параметрами. И нарушение этих параметров может наступить как при охлаждении ее, так и при нагревании. Любой выход из этих параметров и есть энтропия системы.

Возьмем простой пример. Вода в реке. Если мы абстрагируемся от проблемы ее химической и физической чистоты, а возьмем только ее температурный режим, то нормальным состоянием этой системы можно считать температуру в пределах от 0 до +30°C. Более высокая температура ведет к интенсивному испарению, а значит и пересыханию русла и исчезновению реки как водной системы. Кроме того, значительно прогрессирует рост бактерий, вода начинает «цвести», при этом она теряет свои питьевые качества и значения как средства гигиены. Вода теряет кислород и в ней начинает гибнуть рыба.

Понижение температуры воды ниже 0°C ведет к промерзанию реки, что также сказывается губительно на окружающей среде. В пределах обозначенных параметров вода ведет себя как очень организованное вещество при повышении температуры, и при ее понижении. Мартин Чаплин [Martin Chaplin. www.sbu.ac.uk/water] приводит 41 аномалию воды по сравнению с другими жидкостями, которые мы перечислили в своей книге [Гельцер, 2006, с. 15-27]. Чего, например, только стоит изменение плотности воды при 3,984°C, благодаря чему замерзшая вода не тонет, а образует ледяную корку на поверхности реки, предохраняя от промерзания нижние слои.

Из изложенного следует, что открытые системы – это структурные образования более широкой, более сложной организации. Организацию и дезорганизацию этих структур можно рассматривать только относительно значимости их состояния в этих структурах. Значимость эта существует в определенном диапазоне, за пределами которого данная структура утрачивает свою сущность и влияние. Поэтому выше приведенная формула ордезии имеет жесткие ограничения, в рамках которых она имеет смысл. Энтропия, действуя в каком-либо одном направлении, в крайних точках из организующей превращается в дезорганизующую.

Ордезию можно рассматривать при этом как функцию воды:

$$O = f(W_{T_{0-30}}),$$

где T_{0-30} – температура, взятая в границах от 0 до 30°C.

Как видим, термодинамика в открытых системах работает совершенно иначе, чем в закрытых, и мало что может нам дать при рассмотрении вопросов эволюции.

Эволюция - это процессы качественного, необратимого изменения «объектов и структур, в результате которых раньше или позже возникают принципиально новые уровни организации материи с небывалыми

свойствами, возможностями и перспективами» [Гринин, Марков, Коротаев, 2010, с. 5-6].

Наука сегодня исследует космологическую, астрофизическую, геологическую, физическую, химическую, биологическую и социальную эволюции. Однако, согласно воззрениям В.И. Вернадского, доказательно мы можем говорить лишь о последней, в основном связанной с развитием экономики, и отразившейся также в геологических, химических и биологических преобразованиях.

Эта эволюция носила ярко выраженную познавательную и материальную мотивации. Она выразилась в накоплении знаний в самых различных областях жизнедеятельности человека, в его технической вооруженности. Сегодня мы наблюдаем эволюцию технических систем. В этой области эволюция из стихийного процесса превратилась в процесс целенаправленный. Ни одно значительное изобретение или изменение техники не осуществляется без технического задания, в котором заранее описываются цели и параметры желаемых изменений.

Однако, и здесь есть место стихийным процессам. «Открытие или технологическое новшество, появление нового продукта нарушает сложившееся социальное, технологическое или экономическое равновесие. Такое равновесие соответствует максимуму кривой роста техники или продуктов производства, с которыми новшеству приходится вступать в конкуренцию...» [Пригожин, Стенгерс, 2005, с. 170 - 171]. В качестве примера авторы приводят появление пароходов, которое привело к полному исчезновению парусного флота, а за счет снижения транспортных расходов и повышения скорости перевозок способствовало увеличению спроса на морской транспорт и к росту численности транспортных судов.

Тем не менее, эволюция как стихийный процесс имеет ряд закономерностей: конкуренция (борьба за существование), сотрудничество (разделение труда), естественный и искусственный отбор.

Вообще, теория эволюции сегодня, не смотря на свое 200-летнее существование, по-прежнему находится на стадии формирования методологии и поиска эмпирического материала. К накопленным методам, безусловно, следует отнести законы диалектики, с учетом высказанных нами замечаний. Одной из характеристик эволюции является скачкообразный способ развития, который В.Ф. Турчин называет эффектом лестницы и демонстрирует следующим примером: «На нижней ступени гигантской каменной лестницы играет ребенок. Ступеньки высоки, и ребенок не может перебраться со своей ступеньки на следующую. Ему хочется посмотреть, что там делается; время от времени он пытается схватиться за край ступеньки и вскарабкаться на нее, но это ему не удается... Проходят годы. Ребенок растет, и в один прекрасный день, вдруг, оказывается способным преодолеть это препятствие. Он забирается на мнившую его ступеньку и видит, что выше есть еще одна ступенька, на которую он теперь тоже может залезть. Так, преодолевая ступеньку за ступенькой, он поднимается все выше и выше. Пока он не умел перебраться с одной ступеньки на другую, ему не удавалось подняться ни на сантиметр, но едва он научился этому, ему стала доступна не только следующая ступенька, но и вся лестница» [Турчин, 2000].

В какой-то степени мы здесь наблюдаем отдельную грань закона перехода количества в качество. С.П. Никаноров в методологии исследования эволюции подчеркивает важность марксовской идеи «клеточки», оставшейся «неразработанной ни философами, ни теоретиками развития, хотя она чрезвычайно плодотворна, напрашивается на концептуализацию» [Никаноров, 2008, с. 174]. Хотя, если присмотреться, мы и здесь наблюдаем

тот же эффект лестницы. Правда, взбираться на нее мы можем путем поэтапного исследования снятия противоречий.

Однако, экономический перекося эволюции деформировал этически-нравственные нормативы в сторону материальных интересов. Экономика, где главной целью является стимулирование спроса, не может породить ничего кроме потребительского общества. Исправить эту ситуацию возможно только обозначив многоцелевой характер нашей эволюции, ограничив, тем самым, ее стихийность и включив в этот перечень целей в качестве приоритетных задачи физического и нравственного здоровья общества. В наших силах не только познать законы и правила эволюции, но и изменить ее характер, сделать процесс управляемым.

В теории эволюции метaperеходы Турчина получили название ароморфоза. Этот термин поначалу применялся только в биологии, но в [Гринин, Марков, 2009, с. 181] по аналогии было введено понятие и «социального ароморфоза». Под этим термином понимается редкое качественное макроизменение, которое значительно повышает сложность, приспособленность и взаимное влияние социума, открывает новые возможности в ходе социальной макроэволюции.

Эволюция – это нелинейный процесс. Это вообще не лестница со ступенями вверх. Это - множество сходящихся и дополняющих друг друга лестниц со ступенями разной высоты, с ловушками, периодически отбрасывающими назад карабкающихся или заводящими их в тупик. Чем крупнее и важнее ароморфозы, тем реже они происходят.

Указанные авторы [Гринин, Марков, 2009, с. 190 - 216] поставили перед собой задачу выявить закономерности, при которых и в соответствии с которыми эти ароморфозы реализуются. Эти закономерности классифицированы ими как некие правила и принципы:

1. Правила, связанные с характеристикой ароморфозов.

А) Правило ароморфозной «эстафеты».

Это правило гласит, что «одна и та же группа организмов или обществ не может постоянно быть эволюционным лидером» [Там же, 2009, с. 190], но появление лидеров не возможно без соблюдения преемственности.

Б) Правило редкости крупных ароморфозов.

«... Чем крупнее и важнее ароморфоз, тем реже он происходит» [Там же, 2009, с. 191]. У этого правила есть «отрицательная корреляция между величиной (масштабом, значительностью) объектов и их численностью: крупных животных всегда меньше, чем мелких, гениальных писателей всегда меньше, чем плохих, и т.д.» [Там же, 2009, с. 192].

В) Правило особых (исключительных) условий для возникновения ароморфозов.

Это правило для нас должно звучать так, что ароморфозы не могут осуществляться по прихоти отдельных политиков или ученых. Условия для ароморфозов складываются из многих составляющих естественным путем, либо они должны быть подготовлены в ходе длительного или осознанного процесса. Таким ароморфозом для России могла бы быть пресловутая «модернизация», если бы политики в состоянии были осознать всю концептуальность этой задачи [См. Гельцер, 2010, с. 73-83], а затем осуществить ее на практике.

2. Правила, связанные с механизмом формирования ароморфоза.

А) Принцип смены функций органов в эволюции.

Этот принцип, выведенный для биологических организмов предполагает: 1) все органы мультифункциональны; 2) любая из функций способна изменяться количественно. В общем виде, указанные выше авторы

выводят его в следующей формулировке: «... В общей системе объекта могут меняться как число функций, так и их иерархия, а также качество, объем, полнота и прочие характеристики реализации функций» [Гринин, Марков, 2009, с. 200].

Непонимание, незнание этого принципа и нежелание или неумение его использовать приводит к таким постулатам, как «неизбежность гибели капитализма» и рассуждениям о «загнивании империализма». Возможна и гибель и загнивание, но еще более возможна многовариантность развития на основе принципа смены функций.

Б) Правило отсроченного ароморфоза.

История знает много изобретений, которые опережали свое время и до поры, до времени, не были востребованы обществом. К таким изобретениям относятся и порох, и компас, и паровая машина. Ароморфоз происходит только тогда, когда рождается целый комплекс различных изобретений, объединение которых в систему и дает мощный эффект.

В) Правило ключевого ароморфоза.

Концепция этого правила предложена Н.И. Иорданским (1977, 2001). «ключевой ароморфоз (по Иорданскому) – это морфофизиологический признак, приобретение которого, во-первых, само по себе имеет важное значение для своего обладателя, а во-вторых, существенно изменяет взаимоотношения его функциональных подсистем, что открывает на базе прежней организации новое перспективное направление специализации и новые возможности функционирования и эволюционирования подсистем целого» [Там же, с. 203].

К сожалению, указанные авторы ключевые ароморфозы в социальной макроэволюции связывают с деятельностью выдающихся личностей, так как

считают проблематичным обозначить, какой из целой группы ароморфозов был ключевым. Нам кажется, что при *конкретном* рассмотрении *конкретной* системы такая проблема отпадает. Безусловно, например, что ключевым ароморфозом для развития капитализма в России послужила отмена крепостного права в 1861 г. Ключевым же ароморфозом для гибели коммунистического строя явилась сама постановка вопроса о перестройке.

Г) Правило модульности, или эволюционной «блочной сборки».

«Когда система достигает определенного уровня совершенства и зрелости, она начинает использоваться в эволюции целиком (единым узлом, блоком). В процессе адаптации и специализации этот блок подвергается своего рода подгонке для соответствующего организма (общества)» [Там же, с. 205].

В социальных системах копируются религии, правовые, денежные, административные, технологические и др. системы. Это неизбежно. Однако, такое копирование всегда требует критического осмысления и времени на адаптацию заимствованного блока в новой системе.

Д) Правило неспециализированного предка.

Это правило, в какой-то мере, объясняет причины неравномерного развития различных систем. Всякое сверхразвитие рано или поздно становится непреодолимым к переходу на качественно новый уровень сложности. Эволюционировать гораздо проще более гибким и менее специализированным формам.

При выборе направления развития это правило является ключевым. Нет никакой перспективы «играть в догонялки». Только на основе революционных технологических решений с блочным включением современных достижений возможен путь в лидеры экономического развития.

3. Правила, связанные с особенностями среды, необходимой для появления ароморфозов.

А) Правило достаточного разнообразия.

«Отсрочка и редкость ароморфозов, а также необходимость для продолжения ароморфной эволюции «эстафетного принципа» связаны с тем, что для появления новой веточки эволюции, нового ароморфного направления необходима определенная эволюция среды. В частности, обычно бывает необходимо, чтобы доступные для данного (нижнего) уровня эволюции экономические ниши были заняты, иными словами, чтобы разнообразия на данном уровне развития было достаточно» [Там же, с. 209].

Засилие экономики монополиями, транснациональными компаниями, паталогическое стремление к глобализации есть ни что иное, как стремление определенной части общества, занявшей свою нишу в верхней части общественной иерархии, затормозить развитие дабы сохранить неизменным свое высокое положение.

Стремление к однообразию, ко всеобщей унификации погубило Советский Союз. В критический момент не оказалось тех элементов развития, которые могли бы перехватить «эстафетную палочку».

По мнению указанных выше авторов, это правило могло бы быть дополнено следующим правилом:

Б) Правило зависимости эффективности отбора от остроты межгрупповой конкуренции.

«Это правило, во-первых показывает, почему для реализации ароморфоза необходимо достаточное разнообразие, при повышении которого – при прочих равных условиях – вероятность ароморфозов возрастает (ибо поиски ответов на изменяющиеся условия при более жесткой конкуренции

ведутся в самых разных направлениях, в том числе возможен поиск новых адаптивных зон)» [Там же, с. 212].

Во-вторых, это правило связано с принципом адаптивного компромисса, когда конкуренция порождает сотрудничество.

Армия при отсутствии врагов - деградирует. Конкуренция ведет к разделению труда, а значит порождает новые компоненты взаимодействия и адаптации.

В) Правило роста разнообразия.

Это правило носит весьма противоречивый характер – на что, впрочем, указывают и сами авторы. Рост разнообразия периодически сменяется его сокращением. Тем не менее, авторы выражают категорическую уверенность, что темпы роста разнообразия нарастают. Это довольно спорное заявление. Но, следует отметить, что отслеживание этого процесса в каждой сфере человеческой деятельности представляется целесообразным.

Г) Правило платы за ароморфный процесс.

По мнению авторов «социальная эволюция... это, образно говоря, не широкая лестница, по которой раньше или позже могут подняться в одном направлении и самостоятельно все общества, а самый сложный лабиринт, ароморфный выход из которого без заимствований находят лишь некоторые (и то только на каком-то определенном этапе, а в конечном счете, найти «выход из лабиринта» совсем без всяких заимствований не смогло ни одно общество)» [Там же, с. 215 - 216].

Более того, любой ароморфоз пробивает себе дорогу в борьбе с устоявшимися формами существования и, как правило, утвердиться он может, лишь безжалостно разрушив эти устаревшие формы. В социальном аспекте – это всегда судьба людей, их интересы.

Итак, с одной стороны, подведем итог сказанному, а с другой – введем некоторые свои правила. Весь эволюционный процесс мы бы разделили на две большие сферы: 1) это глобальный процесс, связанный в основном, с космосом, на который человек пока не в состоянии воздействовать и 2) это эволюция, связанная с деятельностью человека. При этом эволюция может носить как прогрессивный, так и регрессивный характер (если не в абсолютном виде, то, по крайней мере, для отдельных форм существования).

Эволюция продвигается вперед за счет ароморфозов. *Эволюция, связанная с человеческой деятельностью прогнозируема и в значительной степени предсказуема.* И это наше первое правило. Ароморфозы не возникают на пустом месте. Для них должны быть созданы условия. Стремление к прогрессивной эволюции требует политической воли и концептуального понимания проблемы, овладения методологическими и организационными способами ее достижения. Крупные ароморфозы требуют особого отношения и особенно к людям (ученым, политикам, идеологам), способным их осуществить.

Эволюция невозможна без исторической преемственности. Основной формой этой преемственности является блочное заимствование оправдавших себя структур с последующей их адаптацией. Именно блочное заимствование, а не перенос отдельных элементов, неспособных прижиться в чужеродной среде.

Эволюционный процесс должен идти максимально комплексно. При этих условиях возможно получение синергетического эффекта от целого ряда ароморфозов в различных сферах деятельности, а также задействовать отложенные ароморфозы. *Такой подход возможен только в сверхдержавах, имеющих географические просторы, значительное население, богатые природные ресурсы, развитые образовательную и научно-исследовательскую*

системы. Это – наше второе правило. К таким странам мы можем сегодня отнести США, Китай, Россию, Бразилию, Индию.

Дорога в лидеры лежит в особых сферах. У Англии это было фабричное текстильное производство. В США – автомобильная, авиационная и военная индустрия. Сегодня мы стоим в начале развития нанотехнологий, космических исследований, геной инженерии, глобальных компьютерных систем. Однако, было бы ошибкой думать, что лидерства можно достичь лишь на основе создания новых технических систем. И в Англии, и в США технический прогресс был лишь следствием общественно-экономических преобразований.

Правда, правилу неспециализированного предка противостоит хорошо известное экономистам правило «от успеха к успеху». При этом правиле возникает усиливающийся цикл обратной связи, заключающийся в том, что победитель в соревновании получает преимущество в борьбе за следующий приз. На этом правиле возникает закономерность, когда богатые богатеют, а бедные беднеют. В конечном итоге общественное сознание отстающей страны травмируется «комплексом неудачника», «комплексом неполноценности».

России это касается особо. Однажды, будучи в командировке в Бразилии, я с удивлением и горечью узнал, что в этой стране существует поговорка : «Не везет, как русским!». Но нельзя было не признать, что вся история нашей страны есть подтверждение этой поговорки.

Остается надеяться, что это не смертельно. Лечится это трудом и терпением. Трудной дорогой от маленького успеха к чуть большему, а от него – к крупному. Но для этого необходимо общественное критическое восприятие прежнего пути и политическая воля исправить положение.

Эволюция достигается разнообразием форм и изменением функциональности отдельных органов, а это предполагает развитие

общественных институтов, экономических структур, технической направленностью. Правила ароморфозов, объединенные под п. 3, объясняют нарастание случайностей в системе по мере ее старения и выявленных, как мы указывали, школой И. Пригожина.

Эволюция, зачастую, болезненна и небезопасна. Ей надо помочь, нейтрализуя все устаревшее, но так, чтобы нанести как можно меньше травм общественным интересам. В каждом конкретном случае на помощь может прийти прогнозный ситуационный анализ.

Наша уверенность в возможности управлять эволюционным процессом со стороны общества базируется на следующих постулатах общей теории систем.

Впрочем, сделаем сначала одну оговорку. В научной литературе любят злоупотреблять понятием «сложная система». При этом, самого понятия этого термина либо не дается, либо имеют место различные несогласованные трактовки. На наш взгляд, этот вопрос не может и не должен решаться однозначно. Любая система может быть одновременно и простой и сложной. Все зависит от тех параметров, в рамках которых мы рассматриваем ту или иную систему (по глубине познаваемости, по количеству элементов, по возможной согласованности целевых установок, по количеству и состоянию противоречий, по уровням иерархии, по структурному строению, по линейности и нелинейности функционирования). Поэтому мы вообще не делим системы на простые и сложные, и, в этом смысле, наши воззрения не совпадают с мнением многих авторов.

Итак,

1. Любая система, какой бы сложной она не была, имеет некую группу свойств, описываемых количественно (в том числе и константами) и вербально, которые являются ее основными интегральными показателями, и

взятые в определенной временной точке, характеризуют не только саму систему, но и ее состояние.

2. Системам свойственно изменять свое поведение скачкообразно, переходя из одного квазистационарного состояния в другое, но в этом смысле мы достаточно вооружены пониманием ароморфозов и способностями предвидеть и готовить эти скачки.

3. Эволюция систем и смена их состояний взаимосвязаны и во многом тождественны. Детерминированность эволюции системы такова, что она не может «пройти по некой произвольной траектории развития» [Хомяков, 2007, с.48] без угрозы быть полностью разрушенной, сломанной. «Говоря системным языком, зная общую направленность эволюции системы, можно утверждать, что она сама пройдет в свое время через строго определенные состояния, и даже мощнейшие воздействия не могут изменить такой характер ее эволюции» [Там же].

То, что движение по данной траектории в конкретной жизни имеет различные варианты (победила одна партия, а не другая, у руководства оказался не тот лидер) – имеет не второе, а даже десятое значение. Поэтому следует критически подойти к утверждению [Пригожин, Стингерс, 2005, с. 156], что «когда система, эволюционируя, достигает точки бифуркации, детерминистическое описание становится непригодным. Флуктуация вынуждает систему выбрать ту ветвь, по которой будет происходить дальнейшая эволюция системы. Переход через бифуркации такой же случайный процесс, как бросание монеты». Нам кажется, что истина здесь заключается в том, что существует некоторое пространство вариантов хода эволюционного процесса. Эти варианты не в состоянии изменить сам эволюционный процесс, но могут его ускорить или замедлить во времени. Процесс может быть «отброшен» на несколько шагов назад. Течение эволюции может быть «гладким» или с трудом прокладывая себе дорогу. То

есть изменениям могут быть подвергнуты время и характер протекания процесса протекания эволюции, но не сама эволюция.

Если само эволюционное развитие мы сравнивали с движением по лестнице вверх, то переход системы из одного состояния в другое [Хомяков, 2007, с. 47-48] сравнивает с «движением неупругого шарика, скатывающегося по лестнице с очень широкими и низкими ступенями.

Во-первых, в состоянии покоя (если движение прекращается) шарик может находиться только на одной из ступеней, а не между ними.

Во-вторых, если движение происходит, шарик, как бы быстро он не катился, движется в пределах ступеней *гораздо более длительное время*, чем перескакивая со ступени на ступень.

В-третьих, с одной ступени шарик может перескакивать только на соседнюю. Последнее означает, что из одного фиксированного состояния система не может перескочить в любое произвольное состояние, а только в одно из близких соседних состояний».

Это сравнение следовало бы хорошо усвоить политикам, начинающим реформы. Попытка остановить или затормозить шарик в момент падения его с одной ступени на другую, практически не реальна, и для политика равносильна самоуничтожению. Происходит это из-за того, что политики сами не осознают, к каким результатам направлены их реформы. Один из последних примеров такого поведения – перестройка, начатая Михаилом Горбачевым.

Возможны и другие крайности. Это, например, попытка искусственно изменить траекторию развития. Такая попытка осуществима только с помощью тоталитарного управления. В этом случае с темпами реформ или их торможением не церемонятся. Однако, эволюция прокладывает себе дорогу, не считаясь с желаниями диктаторов.

Таким образом, изменение состояния системы происходит закономерно, а, следовательно, ее можно и нужно предвидеть. Новое состояние взаимосвязано с ее текущим состоянием и находится в прямой зависимости от приложенных к системе воздействий либо извне, либо путем внутренней перестройки.

Знание интегральных свойств системы и траекторию изменений ее состояния предоставляет возможность управления системой в условиях недостатка информации о механизмах ее функционирования. Для того, чтобы управлять уличным движением, не обязательно знать устройство двигателя внутреннего сгорания.

§6. Пространство и время

«Правильно определяйте слова – и вы освободите мир от половины недоразумений».

Рене Декарт (1596 – 1650)

«Функционирование объекта представляет собой процессы преобразования вещества, энергии и информации, протекающие во времени. Так что, время – это вообще не «ресурс». Это следствие терминологической путаницы, «недоразумение, возникшее от неправильного определения слов».

[Скляров, 2013, с. 67]

А) Экономическая география и пространственная экономика.

Пространство и время есть не что иное, как форма существования материи. Но материя не есть что-то однородное, она существует в разных ипостасях неживой, живой и социальной разновидности. Отсюда и проблема пространства и времени не есть парение в высоких материях, а предмет достаточно конкретного рассмотрения.

Нас эти категории интересуют, прежде всего, как экономические параметры. «В экономическом понимании время и пространство являются и ресурсами, и факторами развития. Как ресурсы они ограничены и невосполнимы, как факторы – существенные обстоятельства всех экономических процессов и явлений» [Колупаева, 2008, с. 85].

Такая трактовка верна только отчасти и способна внести в понимание вопроса большую путаницу. С таким же успехом мы могли бы причислить к ресурсам и факторам производства материю и движение. Пространство и время являются элементами экономической деятельности лишь в том смысле, что они являются атрибутами любого из перечисленных нами элементов, но выделять их как самостоятельные единицы, было бы ошибкой.

Неверен и другой посыл этого же автора: «Как факторы, время и пространство тесно взаимосвязаны взаимодополняемостью, и в отличие от других факторов производства не могут заменять друг друга» [Там же].

Ошибочность этого тезиса наиболее ярко можно продемонстрировать периодом ведения государством военных действий, когда уступая пространство, выигрывается время, в том числе и для перестройки экономики. Большие пространства – это большие природные ресурсы. Возможности использовать их, не прибегая к импортным закупкам, а также получая дополнительные рентные платежи, дают стране дополнительные стимулы к развитию во временном аспекте.

Возможен и обратный эффект, когда экстенсивное развитие сдерживает поиск и применение научно-технических средств, что, в свою очередь, приводит к отсталости, и требуется дополнительное время, чтобы ликвидировать этот пробел.

Большая часть литературы, посвященной экономическому пространству, в общем и целом не выходит за пределы обыденной экономической географии.

Попытки доказать иное [См. Иншаков, Фролов, 2005, Митрофанова, 2008], по меньшей мере, не убеждают. Из всех приведенных ими формулировок мы бы выделили только мнение академика РАН А.Г. Гринберга, который качественно-количественные характеристики экономического пространства сводит в три блока:

«1). **Плотность**, которая может быть измерена показателями численности населения, объемом ВРП¹², величиной основного капитала, природными ресурсами в расчете на единицу площади пространства;

2). **Размещение**, характеризующееся показателями равномерности, дифференциации, концентрации, распределения населения и экономической деятельности, в том числе, существование освоенных и неосвоенных территорий;

3). **Связанность**, отражающая интенсивность экономических связей между частями и элементами пространства, условия мобильности товаров, услуг, людей и капитала, определяемые, в свою очередь, развитием производственной инфраструктуры, коммуникационных сетей». [Митрофанова, Морозова, 2008, с. 48-49, ссылка Гринберг, 2004, с. 25]

В этом определении также нет ничего, что бы выходило за рамки экономической географии. Если под связанностью понимать целостность экономического пространства страны, а под двумя другими пунктами – локальную концентрированность и фрагментарность этой целостности, то все другие определения характера экономического пространства, собранные вышеуказанным автором, не вносят в эту проблематику абсолютно ничего нового (См. также Митрофанова 2008, с.2).

Совершенно иной подход к пространственной экономике мы видим у [Ореховский, 2010] и частично у [Иншаков, Фролов, 2005]. Отталкиваясь от проблемы неэквивалентного обмена, особенно заметного на международном

¹² Внутреннего регионального продукта –Авт.

рынке, Ореховский по существу рассматривает социально-пространственную структуру экономики с позиции рынка. Если экономическую географию мы образно можем сравнить с евклидовой двухмерной геометрией, то в данном случае перед нами предстает трехмерная нелинейная геометрия Лобачевского.

Единый рынок даже внутри одной страны рассматривается как некая абстракция в реальности существующая как совокупность взаимосвязанных, но радикально различающихся рынков. В оборот вводится понятие «статус» рынка, как различие в их значимости на право получения дополнительной ренты в цене товаров.

Одно из делений (со ссылкой на Т.Н. Заславскую) таково¹³:

«- по статусу территорий (село, поселок городского типа, город – районный центр, город «областного значения», город «союзного значения»);

- по статусу министерств и ведомств (отрасли, входящие в состав военно-промышленного комплекса, имели более высокий приоритет в снабжении продуктами и услугами, нежели отрасли инфраструктуры и добывающей промышленности – энергетика, транспорт, строительство, нефте- и газодобыча, угольная, горнометаллургическая промышленность; а отрасли инфраструктуры – более высокий приоритет по сравнению с отраслями, работающими для удовлетворения потребностей населения – легкой и пищевой промышленностью, сельским хозяйством;

- по статусу отдельных предприятий и объединений (градообразующие предприятия имели свой жилой фонд, отделы и управления рабочего снабжения, поликлиники и больницы, в противоположность предприятиям местной промышленности и местным организациям)» [Ореховский, 2010, с. 27].

¹³ Имеется в виду советское время. Авт.

Используя подход П. Бурдьё, выделяются следующие критерии или своеобразные «измерения» социального пространства, которые Бурдьё трактует как разные виды капитала, а мы сохраним понятие статусности:

- «высоту» или *политическую* власть – часть субъектов *сильны* – они находятся в стратах, имеющих различный *административный, легальный* статус. Город доминирует над деревней, столица провинции – над провинцией, административный центр государства – над всей территорией. Соответственно строятся и органы управления государством, что предопределяет *административно-территориальное деление*...

- «ширину», или экономическую власть – часть субъектов *богаты* – они располагают имуществом и получают доход, что непосредственно не связано с их административным, легальным статусом. Несмотря на то, что люди, располагающие самым высоким доходом, принадлежат к *той же страте*, что и люди, располагающие самой большой политической властью, они одновременно могут принадлежать к *разным социальным группам*...

- функциональное измерение или *символическая власть* – часть социальных субъектов располагают компетенциями и производят образцы поведения, которым хотят подражать другие субъекты» [Там же, с. 43].

Каждый социальный слой, наряду и с теми, кто не вошел в этот перечень, формирует свой локальный рынок внутри и над территориально-ведомственными рынками.

Переход с одного локального рынка в другой влечет за собой дополнительные затраты и тем большие, чем выше статус рынка и ниже социально-экономический статус субъекта. Соответственно, и цены за один и тот же товар для таких субъектов будут разными.

Для продавцов любой выход на рынок, как и пересечение границ другого локального рынка требует дополнительных инвестиционных затрат, напрямую никак не связанных с освоением нового продукта [Там же, с. 46].

Рынок, представленный в форме совокупности взаимодействующих локальных рынков – это особое поле битвы, которое далеко не исчерпывается конкурентной борьбой. В ней формируются «ловушки» и способы их защиты и преодоления под названием «тромбы» и «шунты». Под «тромбами» понимаются искусственно создаваемые административно-экономические препятствия по свободному перемещению товаров с одного локального рынка на другой, особенно на рынке более высокого статуса. «Шунтами» являются способы обхода искусственно созданных «тромбов».

Мировые рынки Ореховский делит на три категории:

«- Страны «мирового ядра», имеющие технологическое превосходство и обеспечивающие своим гражданам высокий уровень жизни;

- страны «полупериферии», пытающиеся «догнать» страны «ядра», заимствуя технологии, системы образования, здравоохранения, государственного управления...

- страны «периферии», служащие источником ресурсов разного рода от минеральных и нефтегазовых до курортно-рекреационных» [Там же, с. 35].

Изменение «сырьевой ориентации», указывает цитируемый нами автор, связано вовсе не с объемами финансирования НИОКР, а с трудностями структурной перестройки, которая должна изменить не только товаропотоки, но и социальную структуру. Для продвижения инноваций необходимо развитие *сетевой* системы, которая не только обеспечивает продвижение новшества к потребителю, но и создает «тромбы» для конкурирующих товаров.

Таким образом, роль пространственной экономики в отличие от экономической географии есть отражение того факта, что само по себе территориальное размещение того или иного производства не является определяющим. Во многом оно зависимо от его взаимодействий с теми или иными локальными рынками, обусловлено ими и значимо лишь в том случае,

если имеет необходимую сеть выхода на эти рынки. Под сетью же следует понимать комплекс материальных, экономических, политических и культурных средств, обеспечивающих продвижение выпускаемой продукции на наиболее выгодных условиях. Издержки по преодолению границ локальных рынков называются *транзакционными*.

Пространственная экономика наиболее ярко показывает, что неэквивалентный обмен есть скорее закономерность, чем некое случайное отклонение, а теория трудовой стоимости есть лишь частный случай некой более сложной теории.

Касаясь же проблем обмена, Ореховский П.А., как и многие авторы до него, анализируя формулу денежного обращения

$$MV = PQ$$

$$M = \frac{PQ}{V}$$

задается вопросом: «...откуда берется регулярное превышение цены над издержками, другими словами – откуда берется прибыль? Ведь если предприниматель покупает сырье, оборудование, оплачивает услуги труда, осуществляет прочие платежи, то тем самым он создает спрос на свою продукцию в точности равный своим затратам» [Там же, с. 17].

Конечно, вопрос задан несколько некорректно. Правильнее спросить, какими денежными средствами оплачивается прибыль, если в обороте находятся только средства, затраченные на издержки. Как мы увидим в §3 пятой главы, и эта постановка вопроса не корректна, так как дефицит денежных средств выводится не из этой формулы, а из формулы обращения капитала.

Касаясь же проблемы пока в общем виде, не могу пока сказать, насколько я являюсь здесь первооткрывателем, но считаю, что бессмысленно искать черную кошку в темной комнате, особенно, когда ее там нет: в чистом

виде этих денег в обороте действительно нет. Но есть три источника, откуда они могут появиться: а) накопленные прежде сбережения; б) кредиты (как правило – международные); в) дополнительная денежная эмиссия.

Не в теории, а чисто эмпирически, это стало очевидным в 30-х годах XX века, когда за счет дополнительных эмиссий США и Германия выходили из экономического кризиса. И еще более очевидным это стало в конце XX – начале XXI века, когда кредитные задолженности многих государств превысили разумные пределы.

На наш взгляд, теоретическое понимание этого вопроса могло бы позволить отказаться от значительной доли внешних заимствований, а дополнительную эмиссию денежных средств из расчета ожидаемой прибыли (либо фактической прибыли за предыдущий год) включить в доходную и расходную часть государственного бюджета. Не выполняя этого условия и не прибегая к вышеуказанным источникам, мы обрекаем экономику на дефляцию цен, а последнюю, в свою очередь, – на стагнацию и кризисы перепроизводства. Впрочем, сегодня этого не происходит, скорее, все происходит с точностью до наоборот. Почему? Это мы рассмотрим в §3 гл. 5.

Кроме того, выводы пространственной экономики говорят о том, что помимо затрат на НИОКР по фундаментальным проблемам государство должно взять значительную часть затрат по транзакционным издержкам, связанным с выходом на международные рынки предприятий, добившихся успеха на рынке внутреннем. Это может выражаться в предоставлении льготных кредитов, государственных гарантий при участии в тендерах, в налоговых льготах и т.п. Нечто подобное требуется осуществлять и на региональном уровне. Мера эта временная. Но на данном этапе российский бизнес не в состоянии нести такие издержки, оставаясь при этом конкурентоспособными.

Б) Экономическое время.

С определенного исторического момента человек мыслящий начинает видеть не просто вещи, предметы бытия. Он начинает видеть *процессы*. Эти процессы имеют начало и конец. Промежуток между ними составляет некое *длание*. Попытки измерить это длание приводят к понятию *времени*. Чтобы прийти к этому понятию, человеку понадобилось совершить еще одно открытие – *циклическую повторяемость* многих процессов, особенно заметное в космологических наблюдениях.

Изначально, эмпирически человек оперирует относительным временем, временем, соответствующим определенным ритмам и совокупной длительности тех или иных процессов. Но процессов много, и они разнообразны. Это заставляет искать нечто понимаемое как абсолютное время.

Такое измерение отыскивается в длительности суток (вращение Земли вокруг своей оси) и длительности года (вращение Земли вокруг Солнца). Абсолютное время Ньютона несет в себе несколько иное понимание: «Абсолютное время различается в астрономии от обыденного солнечного времени уравнением времени. Ибо естественные солнечные сутки, принимаемые при обыденном измерении за равные, на самом деле между собой не равны. Это неравенство и исправляется астрономами, чтобы при измерениях движений небесных светил применять более правильное время. Возможно, что не существует [в природе] такого равномерного движения, которым время могло бы измеряться с совершенной точностью. Все движения могут ускоряться или замедляться, течение же абсолютного времени изменяться не может. Длительность или продолжительность существования вещей одна и та же, быстры ли движения (по которым измеряется время), медленны ли, или их совсем нет» [И. Ньютон.

Математические начала натуральной философии. Цит. по Молчанов, 1977, с. 54].

В основе отказа от абсолютного времени Эйнштейна лежит постулат об ограниченности скорости света соответствующими пределами и, самое главное, в ином подходе к определению *одновременности* событий. По определению Эйнштейна одновременность событий может быть зафиксирована только в том случае, если эти события взаимосвязаны.

Поскольку, по мнению Эйнштейна, не существует никакой единой для всех мировой или привилегированной системы отсчета, с которой были бы обязаны соотноситься все события, то никакая система не лучше другой (не является абсолютной, соответственно нет никакого абсолютного времени).

На наш взгляд, последнее утверждение спорно, поскольку все измерения, осуществляемые человечеством – есть предмет *договоренности*. Абсолютность времени, конечно, понятие условное, но вполне поддающееся регламентации.

Все что касается больших скоростей и космических пространств для экономического научного мира носит лишь общепознавательный характер, и мы не считаем целесообразным на этом останавливаться.

На наш взгляд, более значимую лепту в понимание *относительности* времени внес В.И. Вернадский.

Он, а раньше него – Бергсон, говорят о некоем реальном времени как имманентном отражении движения, внутренне присущему каждому виду материи. В 1929 г. Вернадский вводит понятие *биологического времени*.¹⁴

В дальнейшем он пишет: «Мы говорим об историческом, геологическом, космическом и т.п. временах. Удобно отличать биологическое

¹⁴ Работы В.И. Вернадского, касающиеся исследования времени начали печатать только с 1975 г., поэтому приоритет в употреблении термина «биологическое время» связывают сегодня с именем французского гистолога Леконта дю Нуи, который ввел этот термин в оборот в 1936 г.

время, в пределах которого проявляются жизненные явления» [Вернадский, 1980, с. 273].

Отличие биологического времени – в его внутреннем содержании. Это не часы и минуты, а предел чередования поколений. «Предел определяет наименьшее время, потребное для создания нового организма, т.е. не только для создания его (организованности), но и всех сложнейших химических тел – белков и т.п., которые должны быть организмом воспроизведены. Очевидно, что это явление закономерное» [Там же, с. 274].

Научное направление, порожденное пониманием биологического времени стало называться «биоритмологией». В рамках этих исследований изучается многообразие реакций различных организмов на внешние и свои собственные внутренние ритмы.

Исследователь творчества В.И. Вернадского Г.П. Аксенов пишет: «Вернадский обращает внимание на работы Дж. Александера, у которого важны два понятия: понятия о точках-мгновениях и различение понятий изменений и движений. Если во времена Ньютона описывали движение, то новая физика сосредоточилась и на внутренних изменениях вещества, где заменяется одна серия движений на другие, говорит Вернадский.

Вот почему так важно следить за развитием философии, подытоживает этот важнейший, исходный, основополагающий раздел своего трактата («О жизненном (биологическом) времени» - Прим. авт.) Вернадский. Она раньше науки успела подойти к понятию единого пространства-времени. Она отбросила понятие об абсолютном времени и пространстве, и поставила вопрос о научном изучении внутренних свойств пространства-времени. И, наконец, «она дает науке ряд указаний для сбора фактов не вслепую, а по рабочим, солидным и глубоким гипотетическим построениям» (§ 49)» [Аксенов, 2012, с. 148].

Как мы видим, критика абсолютного времени Ньютона ведется совсем с другой стороны, чем у Эйнштейна.

Еще одним фактором отказа от абсолютного времени было то, что на смену наблюдаемым сугубо циклическим устойчивым явлениям пришло понимание *необратимости*. К необратимым процессам стали относить: 1) радиоактивные, 2) эволюцию звезд, 3) историю лика планеты – земной коры, 4) эволюцию видов животного вещества, 5) смену поколений в пределах одного вида, 6) исторический процесс человечества.

Так что же из себя представляет экономическое время? Мне кажется, на этот вопрос сегодня нет однозначного ответа. Рассмотрим варианты и обсудим возможность в различных ритмах услышать экономическую музыку времени.

Как мы отмечали в самом начале книги, экономические циклы между кризисами ни в жигляровской интерпретации, ни в интерпретации Кузнецова, не могут быть взяты за основу, так как в их основе если и есть нечто объективное, то это ритмические сбои *различных* циклов. Нас же интересует то, что действительно может лежать в основе циклов.

1. Жизненный цикл средств производства.

Эта проблема стала предметом исследования сравнительно недавно. Этому вопросу на примере аквасооружений посвящена моя книга [Гельцер, 2006]. Данная проблема интересовала (в том числе и меня) прежде всего с технико-экономических позиций. Как продлить, и стоит ли продлевать жизненный цикл техники и инженерных сооружений, а самое главное – необходимость задуматься еще на стадии проектирования строящегося объекта сколь просто и экономично потом будет демонтировать и утилизировать его. Что оставим мы своим потомкам? Разрушающиеся памятники неразобранных монстров и гниющие свалки отравляющих

отходов или цветущую планету? Еще одна из решаемых в этих исследованиях проблем – как сделать инженерные сооружения способными противостоять техногенным и природным катастрофам?

С позиции экономики, с позиции ее временных ритмов, нас интересует несколько иное. Нас интересует *совокупный* жизненный цикл технических средств, определяющих тот или иной уровень экономики. Мы должны знать его в разрезе по отраслям и регионам. Мы должны понимать, когда и что придет на смену тому, что мы имеем сегодня. Этому должны быть посвящены воспроизводственные и инвестиционные циклы, финансовая и бюджетная политика, наука и образование.

Мы можем приблизительно определить время данного цикла. Смена активных технических средств, таких, как машины, станки и т.п. осуществляется каждые 5 – 10 лет. Во всяком случае, таковы нормы амортизации. Моральный износ иногда ускоряет этот процесс. Через каждые 25 - 30 лет, в среднем, появляются новые поколения машин, кардинально отличающиеся от предыдущих, но происходит это после 4 – 5 модернизационных циклов.

Здания и сооружения обновляются каждые 50 – 100 лет.

2) Жизненный цикл революционных изобретений.

Крылатое выражение К. Маркса о том, что экономические эпохи отличаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими орудиями труда, - достаточно гиперболизировано. На самом деле, пароходы и паровозы, телеграф и электрическая лампочка определили одну техническую революцию, а автомобили и самолеты, радио и телевидение – другую, космос, компьютеры, реактивная техника, новые средства коммуникации – третью. Если эти три этапа объединить в одно целое, то это будет революция двигателей и коммуникаций. От парового двигателя до реактивного и от телеграфа до Интернета лежит промежуток в 130 – 150 лет. То есть, каждые

45 – 50 лет происходят кардинальные обновления в этих областях. Однако, если присмотреться, скажем, к автомобилестроению или телекоммуникационной технике, то и здесь мы увидим радикальные перемены через каждые 25 – 30 лет или быстрее.

3) Процесс воспроизводства, включая инновационно - инвестиционный период.

Здесь мы рассматриваем период с момента «вбрасывания» денег в новое производство и до момента его полной окупаемости. Так вот, с учетом проектирования, строительства, исследовательских доработок, на это уходит в среднем 7 – 10 лет. Однако, жизнедеятельность объектов сроком окупаемости не ограничивается. Она подчиняется срокам радикальной смены технологий, а это происходит, как мы отмечали, также не чаще чем один раз в 25 – 30 лет.

4) Смена поколений.

По сути, это биологическое время в экономике. Демографами принято считать, что обновление поколений происходит каждые 25 – 30 лет. Это время, за которое происходит смена элит, замена одних профессионалов другими.

5) Горизонт предвидения.

Горизонт прогнозного предвидения сегодня ограничен 20 – 50 годами. Горизонт планового предвидения определен советской школой планирования чисто эмпирически в 5 – 7 лет, с ежегодным его уточнением. В западных экономиках иногда ограничиваются 2-я годами.

На наш взгляд, горизонт прогнозного планирования должен быть просто привязан к периодам смены поколений, техники и технологии, то есть, те же 25 – 30 лет.

Из перечисленных циклов нам видится, что биологическое время в 25 – 30 лет имеет определяющее влияние на экономико – технические процессы.

Это тот наименьший *предел*, который, по определению В.И. Вернадского, позволяет не только сменить одно поколение другим, но и *организовать* новое экономическое пространство для вновь пришедшего поколения.

Понимание этого ритма может иметь весьма практические значения при постановке целевых установок и формировании программ развития. Заглядывая в будущее, человек предопределяет свое сегодняшнее поведение. « Этот момент является ключевым, так как в данном случае получается двусторонняя межвременная связь: не только прошлое определяет настоящее, но и будущее сказывается на настоящем» [Балацкий, 2010].

Время делится на рабочее и свободное. Это понятно. Также его логично разделить на *обычное* экономическое и *время предупреждения катастроф*. Если первое можно охарактеризовать как «время – деньги», то второе, как «время дороже денег». Примером тому могут служить работы по предотвращению аварий и стихийных бедствий, подготовка экономики к военным действиям, действия по предупреждению социальных взрывов.

Время предупреждения катастроф зачастую стыкуется в прошлом со *временем упущенных возможностей*. Воочию видится, и, увы, не только автору этих строк, что именно в этом времени последние 10 – 12 лет находится экономика России. Бездеятельность, непрофессионализм, корыстные побуждения одних оплачиваются отсталостью всей страны.

Не сосредотачиваясь на этом вопросе, отметим, что основной упущенной возможностью является то, что Россия в конце 90-х годов, начале 2000-х имела реальную возможность минимизировать налоговую нагрузку на юридические лица до 10 – 15% налога на прибыль, отказавшись от всех других налогов, а в основу формирования бюджета положить рентные сборы, акцизы на алкоголь, табак и роскошь, и, будучи не связанной с ВТО, применить заградительные пошлины. Вторым обвинением является развал научно-технического комплекса и допущенная «утечка мозгов». Третьим –

имитация образовательной реформы. И, наконец, четвертое – это сопротивление эволюционным процессам в социальной жизни.

Сегодня налоги задушили все, что могло еще развиваться. Инвестиционный климат стал таким же, как в Антарктиде. Зато ежедневно обесценивающуюся копилку в 0,5 трлн. долларов отправили на развитие Соединенных Штатов.

Впрочем, вернемся к вопросу времени.

Фактор времени является одним из основных ограничителей в сфере управления, особенно в принятии решений. Если вам необходимо решение к понедельнику, а ученые утверждают, что для изучения проблемы им необходимо три года, то следует исходить из того, что абсолютно правильных решений не бывает. Решения могут быть лучше или хуже, но чаще всего они должны быть приняты в определённый срок. Поставьте перед учёными задачу сузить область неопределённости. Чем больше у них будет времени, тем им удастся сделать это качественнее. В дальнейшем необходимо просто отслеживать исполнение данного решения и корректировать его по мере прояснения проблемы.

Существенную важность имеет понимание и формулирование *текущего момента*. Как справедливо указывает С.П. Никаноров, неумение этого делать ведет к тому, что «господствует ситуационная, а не историческая точка зрения на происходящие события» [Никаноров, 2009, с. 76]. По его

меткому выражению, это напоминает детей в песочнице: «Ах, ты развалил мой домик, а я тебе за это сломаю лопатку!».

Надо признать, что Коммунистическая партия Советского Союза делала это с большей добросовестностью, чем мы можем наблюдать в ежегодных президентских посланиях. В качестве образца видения текущего момента мы отсылаем читателя к указанному источнику [Там же, с. 76-90].

Описание текущего момента регламентировано достаточно определенно. Это:

- анализ результатов достижения целей, поставленных в предыдущий период;
- выявление причин и ошибок, не позволивших достичь необходимых результатов;
- принятые меры, их своевременность и действенность;
- обоснование необходимости корректировок целей и подкрепление их дополнительными средствами;
- анализ текущего момента с учетом полученных результатов, изменившихся обстоятельств, внешних воздействий, нового понимания проблем, научно-технических достижений;
- обоснование новых целей и видоизменение целей, существовавших раньше;
- возникающие отсюда задачи и проблемы;
- обоснование наличия необходимых средств достижения поставленных целей;
- определение лиц и структур ответственных за реализацию поставленных целей;
- установление сроков исполнения и порядка отчетности ответственных лиц и структур;

- изложение модели ожидаемого будущего после реализации поставленных целей.

§7. Несостоятельность теории роста. А что взамен?

Ни одному ученому-системщику не приходило в голову рассматривать рост систем как некий фактор, объективно присущий существованию системы. Речь могла идти о гомеостазе, то есть о сохранении стабильности функционирования и приспособляемости системы к внешней среде. Речь могла идти о развитии системы, когда система достигала такого уровня, при котором она сама себя отрицала, создавая новое образование. В этом плане рост рассматривается как один из элементов развития, но и то – в ограниченных временных рамках и при строгом соблюдении пропорций структуры и элементной базы, так как в противном случае это грозит разрушением самой системы. Рассматривался жизненный цикл существования системы. Но и здесь период роста обязательно сменялся периодом «стабильного взросления», а затем – периодом «старения» системы.

И только экономистам пришло в голову теорию экономического роста сделать приоритетной в своей области.

С позиций нашей теории ограничения диалектики, погоня за количественным ростом делает невозможными поиски предсказуемого развития. Эта теория, в конечном итоге, не дает никаких рекомендаций кроме банальностей типа «необходимо повышать конкуренцию», стимулировать инвестиционную привлекательность, увеличивать вложения в человеческий капитал. Все их прогнозы заканчиваются прогнозами кризисов, причины которых либо лежат за пределами страны, либо за пределами их компетенции.

Никаких конкретных темпов роста они и не обещают. Сразу рассматриваются три варианта – оптимистический, инерционный и пессимистический. Впрочем, для кого-то - это тоже предсказуемая экономика! На уровне: «Вы будете жить долго, если не умрете рано. Жить вы будете лучше, или также, если не хуже».

Чем больше вникаешь в различные (новые и старые) теории роста, тем больше утверждаешься в правоте следующего высказывания [Шарма, 2013, с. 27]: «Никакой волшебной формулы успеха нет, есть только длинный перечень давно всем известных рекомендаций. Для экономического роста требуется обеспечить движение товаров, денег и людей по принципам свободного рынка; стимулировать экономию средств и гарантировать, что банки направят деньги исключительно на эффективные и продуктивные проекты; установить власть закона и обеспечить защиту прав собственности; стабилизировать экономику и держать инфляцию в узде; проводить политику открытых дверей для иностранного капитала, особенно, если по условиям сделки этот капитал приходит вкупе с новыми передовыми технологиям строить новые дороги и школы; досыта кормить детей и так далее, и тому подобное. Но все это лишь сухая теория, клише, хотя в их правильности никто и не сомневается; это просто длинный список того, что надо сделать», ни в коей мере не помогающий понять, каким образом все эти факторы в совокупности приведут – либо не приведут – к экономическому росту конкретно в той или иной стране в тот или иной момент времени».

Даже эти благие пожелания не встраиваются в парадигму последовательных действий. Более того, руководителем авторского коллектива «Стратегия 2020» доказывается [May, 2013], что таких программ и быть не может. Не назначаются ответственные, не указываются сроки. Имя этому дано классиком русской литературы: «Маниловщина!».

Изначально в данной книге я планировал дать анализ Итоговому докладу «Стратегия 2020», хотя ни в каких официальных документах я не нашел признания его как документа государственного или правительственного. Неофициально же он подается как единственно принятая к руководству программа экономического развития страны. Однако, вспоминая принцип, которым руководствовался в свое время мой научный руководитель Борис Васильевич Ракитский при рассмотрении рукописей: «Не подлежит критическим замечаниям то, что не выдерживает критики в целом!»,

Могу лишь поздравить руководителей страны, что после 20-летнего забвения они снова задумались о вопросах планирования и прогнозируемого развития. Правда, их некомпетентность в области экономики и стратегии управления делает эти усилия пока бесплодными.

Если мы отрицаем теорию роста, то возникает вопрос, какова может быть модель развития, к которой можно и следует стремиться.

Нам видится, что здесь возможны, по крайней мере, два различных, но совместимых подхода. Первый, и это мы более подробно рассмотрим в § 2 пятой главы, заключается в том, что в одной стране целесообразно иметь как бы две содержательно различных экономики. Одну – ориентированную на потребителя, в обычном ее понимании, а вторую – экономику перспективного развития инфраструктуры и опережающих технологий. Работу в этих экономиках необходимо вести в переключающемся режиме. Основная – первая. Вторая – вспомогательная, обеспечивающая плавный выход первой из предкризисных ситуаций.

Второе направление – сознательное движение в направлении эволюционных смен экономических систем. Для этого необходимо иметь представление, когда такая необходимость возникает, и в чем она заключается.

Известный американский ученый Джамшид Гараедаги [Гараедаги, 2007] . выделяет пять основных тенденций, характеризующих необходимость экономических реформ: имитация, инерция, оптимизация отдельных частей, изменение правил конкуренции, сдвиг парадигмы.

Разберем эти тенденции подробно.

Имитация. Она проявляется повсеместно – в технологиях, в экономической и социальной политике. Страна катастрофически утрачивает собственные бренды и начинает копировать чужие технологии. Причем, это копирование не дает толчка к развитию собственной науки и инженерной мысли, а, наоборот, сопровождается деградацией этих технологий, растет зависимость от поставок комплектующих и запчастей; собственная наука игнорируется из-за того, что деньги, которые могли бы пойти на нее, идут в оплату чужих изобретений.

В социальной и экономической политике идет осознание необходимости политических и экономических реформ, но вместо этого происходит их имитация, идет так называемое «переодевание костюмов»: милицию переименовывают в полицию, реформу образования подменяют введением ЕГЭ, болтовню о приватизации сопровождают «ползучей» национализацией.

Инерция. Чем больше успехов достигнуто за счет одного какого-то фактора, тем больше этот фактор эксплуатируется, закрывая, при этом, дорогу другим перспективным направлениям. Так, например, зарождается и развивается нефтяное или сырьевое «проклятие». Наступает момент, когда любая попытка изменить инерцию кончается экономическим фиаско.

Оптимизация отдельных частей системы. Властные структуры и отдельные личности, стоящие у власти и не обладающие системным мышлением, а, порой, просто «завязанные» на интересы определенных социальных групп, занимающих привилегированное положение в

существующих параметрах экономического порядка, начинают реагировать на сбой системы ситуационно. Произошло громкое убийство – выслали всех гастарбайтеров из страны без разбора. Кто-то из олигархов заявил, что из-за отсутствия рабочей силы он остановит производство – вернули всех назад. Наука не дает должной отдачи – подчинить Академию наук государству и заставить ее работать в «ручном режиме».

Отсутствие концептуального подхода превращает в «громоотвод» отдельных «виновных» личностей и «непредвиденные» ситуации. Это раздвигает систему, энтропийные процессы начинают доминировать.

Изменение правил конкуренции. Страна вступает в ВТО, создает таможенный союз, уничтожает, практически, малый и средний бизнес, создает преференции торговым сетям, уничтожая городские рынки, создает государственные корпорации, на которые законы конкуренции вообще не распространяются. И все это без моделирования последующих экономических и социальных процессов, по наитию, в результате того, что чей-то лоббизм оказался сильнее.

Сдвиг парадигмы. Суммарный эффект предыдущих факторов является сутью последнего. Страна нуждается в смене целей и ценностей, в системном понимании происходящих процессов. Впрочем, этому и посвящена вся наша книга.

Теперь представьте, что вооружившись некой новой парадигмой, вы начинаете реальные экономические и политические реформы. Я неоднократно указывал, что новые системы, связи, структуры неизбежно ведут к разрушению аналогичных образований отжившего уклада. Какова может быть технология этих разрушений?

Первый принцип достаточно известен: разрушай созидая! Негативный пример игнорирования этого правила – горбачевская перестройка. Прорекламировав необходимость перестройки, ее лидер не смог

сформулировать ни ее целей, ни причин ее проведения, ни задач, которые требовалось решить в определенные сроки.

В 1987 году я работал заведующим лабораторией по организации нефтедобывающего производства в научно-исследовательском и проектном институте г. Нижневартовска. Однажды меня пригласил к себе генеральный директор объединения «Нижневартовскнефтегаз Л.И. Филимонов (в будущем – министр нефтяной промышленности СССР), который иногда пользовался моими консультациями. Он был весьма озабочен и задал мне такой вопрос: «От нас руководителей в настоящее время требуют перестроиться. Я не против. Я готов перестроиться! Но что я должен делать? Что конкретно?» Что я ему мог ответить? Строить капитализм на отдельно взятом предприятии? Мы оба были реалисты и к утопии не стремились. Без законодательной базы, без установок партии он бы не только лишился работы, но и весьма очевидно оказался на скамье подсудимых. Тем не менее, структуру за структурой мы стали переводить на арендные отношения. В будущем именно такой подход себя и оправдал. И все-таки, это было блуждание в потемках, не более того.

Понимание новых ценностей, целей и сроков их достижения участниками процесса – это первое условие для начала пути.

Американским ученым У. Эшби был открыт закон необходимого разнообразия. Наш соотечественник Е.А. Седов, изучая данный закон и его парадоксы, вывел еще одну закономерность: рост разнообразия на высших организационных уровнях обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях.

Практический вывод из этого закона таков: создай новые системы, структуры, связи и только после этого вводи ограничения старых форм существования.

Вообще, я хотел бы обратить внимание на то, что ничего не ведая об этом законе, старое также пытается ограничить разнообразие появления

новых структур, чувствуя в них свою гибель. Однако, здесь начинают действовать другие законы: идеи нового овладевают массами, особенно, в сопоставлении с постоянно дискредитируемым старым. Я полностью солидарен с [Назаретян, 1996, с. 53], указывающим на уязвимость теории Гумилева Л.Н. о пассионарности: «По моим наблюдениям, пассионарными бывают не этносы, а идеи (типа христианской, исламской или коммунистической), создающие массовую мотивацию напора, так что импульсы имеют, скорее не биоэнергетическое, а информационное происхождение».

Решающее значение в применении этих теоретических познаний имеет фактор времени. Причем, это значение двойко. Запаздывание с реформами приводит к тому, что разрушения начинаются раньше, чем удастся сформулировать цели и стратегию их достижения. Это, зачастую, отбрасывает страну в своем развитии назад. Второе значение этого фактора заключается в том, что начав реформы – нельзя беспричинно останавливаться в их проведении. Вы сразу окажитесь в «тисках» между новаторами и сторонниками старого. И в борьбе «кто - кого?» вы окажитесь ненужными ни первым, ни вторым.

Возвращаясь к вопросу несостоятельности теории роста необходимо осознать следующую истину: экономика – важное, но только обслуживающее звено социальной жизни. Экономическая система – субъектная система. Человек в ней не только главная производительная сила, но и главная цель системы. Рост продукта под названием ВВП, или под другим названием, имеет смысл, если за этим стоит реальный рост благосостояния, но, в первую очередь, человек должен иметь права, свободы, доступ к человеческим ценностям. Прочность системы определяется ее наиболее слабым звеном, а в социальной жизни – это наименее обеспеченная часть населения. На место теории роста должна прийти теория социального развития. Это требует

смены, прежде всего, приоритетов. С того исторического момента, когда на смену пролетариату, как главенствующему в сфере производства, приходит человек творчества, экономика перестает быть причиной социального развития. Они меняются местами – социальное становится двигателем экономического прогресса.

§8. Концептуализм как методология философского уровня.

« Системные исследования – это специфическая область. Сюда есть смысл обращаться тогда, когда не понятно, куда вообще можно обратиться. Когда мы готовы послушать кого угодно, любую гадалку, о чем угодно. Тогда это учение, эта методология вдруг сможет что-то подсказать... Когда же только чуть распутают проблему, и если удастся едва наметить стратегию действий – еще далеко не решить задачу! – оглядываясь на сделанное, забывая об исходном, обычно восклицают: «Да кто же этого не знает! Это же очевидно!».

[Скляров, 2013, с. 111]

Бытие, Наш Мир есть не что иное, как мир систем. Методологические принципы исследования этих систем не могут ни приобрести обобщающего, общефилософского значения.

Его основные принципы – это видение исследуемой системы в целостности относительно окружающей среды. Даже расчленяя эту целостность на элементы, концептуалист исследует их функционально с позиции целостности системы. При этом, предметность элемента также не ускользает из поля зрения исследователя. Связующим фактором систем являются их целевые установки. Элементы, связи, структура,

функциональность – все должно быть подвергнуто анализу с позиции этого фактора.

Эмерджентность систем не есть выражение *неаддитивности*, т.е. такой сумме элементов, которая превышает арифметическую сумму слагаемых. Целостность – это вообще не сумма составляющих. Это качественно новая структура жизнедеятельности.

Однако, концептуальность, общая теория систем, не ограничивается констатацией анализа систем. Ее интересуют возможные точки воздействия на систему и характер этих воздействий, обеспечивающих наибольшую эффективность функционирования этих систем.

Концептуальность – это прогнозный поиск будущего системы. Система всегда рассматривается в развитии, хотя и в циклической форме движения.

Глава 4

Организационные основы экономики.

Не буду скрывать, что эту главу изначально планировалось начать с параграфа о связях. Мы уже касались этого вопроса в предыдущих главах, но здесь предполагалось это сделать более подробно. Никакой сложности в этом вопросе не предвиделось, тем более, что он достаточно проработан (как нам казалось) и в общей теории систем, и в экономической теории, то есть – в политэкономии. Еще бы, ведь именно экономические отношения являются предметом изучения экономической науки. Не все, правда, с этим согласились [См., например, Камаев и др., 1996, с. 5-9], считая, что речь идет о деятельности людей в процессе производства и распределения, но сути это никак не меняло, потому что деятельность или поведение людей суть те же отношения. Однако, поменяйте понятие «отношение» на понятие «связь» и возникает масса вопросов о характере этих связей, о том, между кем и кем эти связи устанавливаются, и все ли эти связи равноценны? А так ли уж эквивалентны экономические отношения? Почему тогда есть сторона победившая и сторона проигравшая?

Кто-то скажет: « Так для того, чтобы получить ответы на эти вопросы, требуется рассмотреть всю палитру этих отношений в системе». Так вот, позволю себе усомниться! Нам опять пытаются функциональность объекта выдать за его сущность (См. вопрос о сути денег). А это совершенно разные вещи. И вот тут оказывается, что мы имеем в данном вопросе на карте политэкономии, да и в какой-то степени, в ОТС, одни белые пятна.

Разобраться в этом вопросе действительно не так просто. И поэтому, в начале, мы рассмотрим вопрос о собственности. Почему? Читатель поймет из последующего изложения.

§1. Собственность.

«Не говори: «Отчего это прежние дни были лучше нынешних?», потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом».

[Ветхий Завет, книга Екклесиаста]

«... Всякая собственность является *частной* по определению».

[Чернышев, 2007, с. 205]

«Социализм – святое дело, но где взять столько священников?»

Председатель сенатской комиссии США
по иностранным делам Дж. Фулбрайт

Вот стоило кому-то сказать, что собственность бывает частной, общественной, коллективной и т.д., и все затараторили: «Да! Да!». Вот здесь она такая, а вот здесь – другая, а там – вообще третья! Но нашелся автор, вынесенный нами в эпиграф, который с этим не согласен. Правда, доказывает он это особенностями русского языка, находя общность понятий в словах «собственность» и «обособленность».

Естественно, нас такое доказательство удовлетворить не может. Поэтому мы обратимся к изначальному смыслу этого понятия, данному еще в римском праве: *собственность, это строгое соблюдение юридической триады – владение, пользование, распоряжение*. Частная собственность отвечает этим критериям *безусловно*.

Что же могут сказать по этому поводу любители порассуждать об общественной собственности? Если эта триада распространяется на все общество, то должен существовать правовой механизм, дающий реализовать это право каждому его члену. И механизм этот должен быть простой и доступный. Ну, например, не хочу я иметь с этим обществом, погрязшим в безделье, коррупции, глупости и пьянстве, ничего общего. Отдайте мою долю из общей собственности, и я буду ею пользоваться и распоряжаться

самостоятельно, или вообще вывезу ее за границу. Так ведь нет! Великие теоретики мне расскажут сказки о том, как хороша эта общественная собственность, и какой я негодяй, что этого не понимаю. Но тогда для меня эта собственность просто абстракция, да и не собственность вовсе, а нечто другое. Ну, так и назовите это по-другому, зачем же честных людей обманывать?

Но характеристика частной собственности не исчерпывается правовой триадой. Она несет на себе существенную психологическую, экономическую и социальную нагрузку.

В *экономическом* плане частная собственность создает конкурентную среду, а через нее – стремление к техническим и организационным новшествам. В *психологическом* плане частная собственность неразрывно связана с мотивацией получения прибыли, а значит, и с эффективностью производства. В *социальном* плане она порождает ответственность за сохранность средств производства и привлечение высококлассных специалистов, а значит и обеспечением последних надлежащим уровнем существования. Частная собственность открывает дорогу к инициативе, самостоятельности. Собственник может разом изменить свое социальное положение, минуя какие-либо бюрократические ступени карьерного роста. Он владелец предприятия, предприниматель, и он уже – Very Important Person. Наконец, в частной собственности реализуется *институт* продолжения рода. Это не просто животное рождение детенышей, но и обеспечение наследников материальными возможностями развития. Если хотите, в частной собственности реализуется институт борьбы за существование внутри вида. А еще, открываются дороги для культурного развития, получения более высокого уровня образования, благотворительной деятельности.

Что может этому противопоставить общественная собственность? Сказать, что все эти блага – только для избранных? Но разве сама она дает возможности общественного роста не избранным? Только какими средствами и кого она делает избранными? Партийных и хозяйственных бюрократов? Народных кровопийц в генеральских погонах?

И, тем не менее, мы не согласны с Чернышевым, что собственность бывает только частной, а государственная собственность – это только разновидность частной собственности [Там же, с. 206].

У частной собственности есть два антипода: государственная и монопольная собственность. Иногда она сочетает в себе и то и другое одновременно.

Общее, что объединяет эти две формы собственности – это антагонизм по отношению к собственности частной, нетерпимость к конкуренции.

Государственная собственность подпитывается эгалитаризмом народных масс: «Отнять и поделить!».

Социалистический лагерь разрушен, но дело его живет и побеждает, только в другой форме. Во всех развитых странах более 50% ВВП финансируется за счет государственных расходов, и, в основном, государственным же сектором и воспроизводится. Это влечет за собой непомерный рост бюрократии. Со всеми достоинствами и гнусностями этого класса (а по численности это уже не социальная группа, а именно класс) вы можете ознакомиться в [Мизес, 2005].

Указанный автор неоднократно подчеркивает, что дело не в личностях, а в системе, которая их порождает. Бюрократ назначается на должность определенным лицом, и только стремление угодить этому лицу является основным двигателем его деятельности. Его не интересует прибыль – государство всегда обеспечит ее ростом тарифов или субсидиями из бюджета. Соответственно, нет стремления к технологической и организационной

новизне. Более того, всякая новизна представляет для бюрократии опасность: можно потерять место из-за сокращения аппарата. Можно, также, допустить ошибку, за которую накажут. А вот за положительный результат, если и поощрят, то копейками.

Однако, частнособственнические инстинкты в крови у каждого. И они реализуются, не смотря на все законы и запреты: воровство и коррупция процветают. Это не отклонение от нормы – это реализация системных недостатков. В Советском Союзе воровала вся страна: наверху это называлось коррупцией, а внизу были просто «несуны». Коррупцию наверху гасили привилегиями. Размерам таких привилегий могли позавидовать крупные частные предприниматели.

Бюрократический аппарат сродни паукам в банке. Там своя борьба за «откаты» и взятки. Каждого, кто пытается оказать содействие частному бизнесу, да и вообще, оказать кому-то содействие, причем на всех законных основаниях (а противоречий в законах всегда хватает), начинают обвинять в нечистоплотности. Поэтому, благих дел лучше вообще не делать, или делать их за такую плату, которой хватит, чтобы заставить замолчать злые языки.

Иногда эти внутричиновничьи конфликты приобретают форму игры в «плохого» и «хорошего» следователей. Результат такой игры тот же: получить от предпринимателя деньги в виде «отката» или другой формы взятки.

О стремлении к разрастанию бюрократического аппарата не говорит только ленивый. Российские же госкорпорации – это вообще вещь в себе. Они не регламентированы законом и практически финансово не подконтрольны никому.

При этом, повторимся еще раз, рост социализации подпитывается народными массами. Стоило только Путину и Медведеву высказаться, что у них нет цели построить в России госкапитализм, и они за приватизацию

некоторых крупных активов, как Интернет взорвался от ругательств, что распродается последнее народное добро.

Меня всегда умиляет народная вера в то, что они чем-то владеют из того, что принадлежит государству. В 1991 г. Украина объявила, что она считает своими курорты в Крыму, которые раньше принадлежали ЦК КПСС, в том числе и Форос. Больше всех, к моему удивлению, переживали и возмущались люди, которые ни до ни после не имели ни одного шанса попасть в эти «райские уголки». Причем, люди образованные выглядят порой более наивными, чем люди из рабочего класса.

Конечно, россиянам, пережившим чубайсовскую приватизацию – одно это слово ассоциируется с жульничеством и обманом. Сегодня еще нет – нет, но даже президентом поднимается вопрос о том, что цена, заплаченная за нефтяные компании на залоговых аукционах, слишком низкая. Но и это ложь! За эти компании не уплачено ничего! В банках-покупателях открывались счета бюджетных организаций типа «Пенсионный фонд». Из денег, которые поступали на эти счета, выдавались кредиты государству под залог нефтяных активов. Они, естественно, не гасились, и нефтяные компании переходили в собственность банков. А затем - уже из прибыли присвоенных компаний, а большей частью из ворованных денег, выведенных из под налогообложения – оплачивались долги перед бюджетными организациями. Единственное, на что действительно пришлось потратиться, это на предвыборную кампанию Ельцина и на оплату услуг авторов этой «гениальной схемы». И при этом, кто-то утверждает, что за господином Чубайсом нет ничего криминального?

А кто может объяснить, куда подевались созданные им приватизационные фонды вместе с собранными у народа ваучерами? В других государствах это вопросы для правоохранительных органов, а у нас они называются риторическими.

Но главный наш вывод заключается в том, что тенденция социализации в форме роста государственной собственности будет нарастать, и делать это она будет за счет уничтожения частного капитала. Бюрократическому аппарату выгодно выставлять частный капитал эксплуататорами, людьми, не думающими ни о чем, кроме наживы и т.д. (по Марксу и Ленину, вместе с Кейнсом в придачу, ратовавшего, как известно, за рост бюджетных расходов).

Да, частная собственность реализует себя в государственной собственности, но только вот в таком извращенном виде – в виде воровства и непомерных привилегий.

Мы ведем речь исключительно о формах собственности, но у читателя может сложиться мнение, что автор вообще против государства, бюджетных расходов и социализации как таковой. Отнюдь! Вовсе не Кейнсу, а Великой октябрьской социалистической революции мир обязан тем, что доступность для всех слоев населения образования, медицинского обслуживания пенсионного обеспечения, стало общепризнанным требованием. Строительство социализма в СССР поставило в практическую область вопросы целеполагания и возможности работы по единому плану. Но мы против госкапитализма, против узурпации власти чиновниками, которых никто не выбирал, но которые вершат зло, прикрываясь народными интересами.

Более того, я погрешил бы против научной истины, если бы согласился со следующим высказыванием, неоднократно цитируемого мною автора [Мизес, 2006, с. 161]: «Немецкие марксисты ввели в обиход новое изречение: «Если социализм не соответствует природе человека, природа человека должна быть изменена». Они не понимают, что если природа человека изменится, то он перестанет быть человеком».

Люди, жившие в социалистическом обществе, могут привести массу примеров неподкупности врачей, ученых, преподавателей, людей с низким

уровнем достатка, но считающих неприемлемым получать какое-либо вознаграждение за проявленную честность. Это сродни поступкам верующего человека, чурающегося греха. Нравственные убеждения могут быть сильнее материальной заинтересованности, сильнее отговорок: «Сегодня все так живут (поступают)!».

Воспитание нравственных законов чести – это социологическая задача. Задача экономистов – формирование такой экономики, которая как можно реже вступала бы в противоречие с этими законами, как можно меньше создавала бы соблазнов для их нарушения.

Вторая тенденция – это монополизация экономики, образование транснациональных компаний (ТНК), образование глобальных финансовых структур. Вытеснение конкуренции лишает их статуса частной собственности. Их источник богатства – монопольная прибыль – не присущая и не доступная частному капиталу. Частная собственность для них такая же помеха, как и для чиновника. Их аппараты также раздуты клерками – родными братьями и сестрами чиновничьей камарильи, с зарплатами, сравнимыми с доходами арабских шейхов.

Эти монополии, как бы они не назывались – естественными или неестественными, пользуются широкой поддержкой госаппарата и бюрократии, и, как не странно, левых партий, а через них, опять-таки, народных масс. Монополистов немного, и с ними легче договориться, а самое главное – результативнее. Они тешат своей мощью имперские амбиции. С ними проще вести экспансию на международном рынке, вести энергетические и финансовые войны. При этом, далеко не всегда осознается, что внешняя политика – это всегда продолжение политики внутренней.

Однако, финансовая аристократия (а это люди далеко не стремящиеся фигурировать в верхних строчках списков, составленных журналом «Форбс», это люди не просто богатые, но богатые в пятом и более поколении) отлично

понимает, что когда будет покончено с частным капиталом, то возьмутся за них. И сделать это будет несложно. Будучи людьми дальновидными, они ищут выход из этой ситуации.

Этот выход ими найден – это международный терроризм. Монополии всегда были катализаторами войн. Но эта война - особая.

За любым крупным терактом, начиная с покушения на Александра II в 1881 г. в России, за этими действиями всегда торчат уши государственных силовых структур. Так было с Азефом, убийством Столыпина, а затем Кирова. Американцы, наверно, припомнят Линкольна и Кеннеди.

Как это делается хорошо описал Умберто Эко в книге «Пражское кладбище» [Эко, 2012]. Не поленимся коротко изложить эту схему.

Полиция находит некую группу людей, брызжащих на установившийся порядок. Далее, в эту группу внедряется провокатор, который начинает подбивать этих людей на решительные действия. Через него эти люди формируют цель, обеспечиваются оружием, необходимыми документами и т.д. Совершится ли теракт или нет – решается в самом конце. И решают это не преступники, а те, кто их ведет.

Такое преступление можно раскрыть до его совершения. Это тоже часто делается: спецслужбы доказывают свою работоспособность, факт разоблачения показывает их нужность. Учащающиеся разоблачения ставят вопрос об увеличении финансирования работы спецслужб, о целесообразности увеличения их штатов. Все это сопровождается награждениями и повышением в званиях.

Однако, успехи эти быстро забываются, а политический эффект от них весьма непродолжителен.

Реальный эффект может быть достигнут только от состоявшегося теракта. У такого акта есть видимая и невидимая стороны. Видимая - заключается в том, что социальные и экономические проблемы отступают на

десятый план. Между правительством и народом нет никаких противоречий, все беззащитны перед надвигающейся угрозой. Нация едина, и это единство надо крепить.

Во главе власти должна быть «сильная личность», способная расширить и укрепить позиции спецслужб, и «железной рукой» покарать преступников, навести в стране порядок.

Невидимая сторона имеет цели, отстоящие во времени намного дальше. Эти цели, так или иначе, связаны с ограничением прав людей. А самое главное, достигается это тем, что осуществляются они как бы под давлением этих же самых людей. Повсеместное размещение видеокамер, обыски при посадке на самолет, а теперь и на поезда, запись всех телефонных разговоров, контроль с помощью тех же телефонов за всеми вашими перемещениями, вашими связями и контактами.

Я разговаривал со многими людьми, которые выражали восхищение по поводу того, что как сегодня должно быть легко ловить преступников. При этом, до сознания этих людей не доходило и не доходит, что чиновничье-полицейское государство способно сделать преступником любого законопослушного гражданина. Эти люди уверены, что Сталины и Гитлеры – в далеком прошлом, и нас это никак не касается. Между тем, люди XIX века - начала XX века еще в большей уверенности пребывали по поводу времен инквизиции. Правозащитники, боровшиеся за отмену смертной казни, даже представить себе не могли, что через какой-нибудь десяток лет в их стране будут массово расстреливать несовершеннолетних детей без суда и следствия.

Значимость террористических актов для политиков мы могли наблюдать после событий 11 сентября 2001 г. Рейтинг Дж.Буша резко вырос. Народ сплотился вокруг своего

президента. И при этом с 47% до 60% выросла доля поддерживающих его экономическую политику! Вот как пугающе легко можно управлять толпой!

Я не боюсь быть белой вороной, выступая сегодня против тотального финансового контроля. У меня вообще создается убеждение, что обозначенная мною группа людей (финансовых аристократов) приняла решение, что их круг должен быть ограничен, и не следует его размывать новыми «выскачками». То, на чем они богатели – низкие налоги, офшоры – должно остаться в прошлом. Для них нет границ и законов, свои деньги они и сейчас укроют в тихих гаванях, а вот для остального мира эта дорога должна быть закрыта. Государство не знает меры в своих налоговых поборах. И сегодня российские предприятия выживают только за счет того, что проедают амортизационные отчисления, не имея возможности при этом обновить свои производства, и за счет налоговых схем, в том числе, и с помощью офшоров.

В молодые годы автору пришлось работать какое-то время начальником контрольно-ревизионного отдела одного строительного главка. В мои обязанности входило выявлять воров, растратчиков, нецелевое использование средств. Однажды мне попала в руки брошюра, в которой рассказывалось, как эти процедуры осуществлялись в России до революции. Поразили воспоминания одного ревизора, который из года в год выявлял воровство у одного прораба, а хозяин оставлял эти факты без последствий. Наконец, он решился задать вопрос хозяину, почему он так поступает. Ответ был прост и мудр: «Пусть ему кажется, что он чуть-чуть умнее меня, что у него есть свобода. Весь вопрос в мере!. Пока он не перешел установленную мною разумную меру – он не преступник. Если бы он не воровал, я бы все равно ему эти деньги доплачивал за старательность. Но я не уверен, что он получил

бы от этого большее удовлетворение, чем зарабатывая деньги таким образом».

Мы нигде не встречали социологических исследований по данному вопросу, но когда государство, как бы невзначай, дает себя немного обмануть, не выигрывает ли оно гораздо больше на том доверии, которое получает взамен?

Лавинное наступление на наши свободы, на наши права, преследует одну цель: установить и закрепить такой миропорядок, который устраивает ТНК, такие финансовые компании, как J.P. Morgan. То, что содействие в своей деятельности они нашли в мусульманских радикалах, нет никакой случайности. Еще в противостоянии Израилю во второй половине XX века последние проявили себя как фанатики, как люди, готовые жертвовать собственными жизнями ради своих идей. А американские войны на их территориях лишь подливают масла в огонь.

Предвижу такие обвинения в свой адрес, что от анализа экономической системы я скатился к теории заговоров. Думаю, в ответ, что это чистой воды чистоплюйство. Заговоры сопровождают мировую историю с гораздо большей регулярностью, чем классические революции. И часто они заканчивались не только дворцовыми переворотами, но и решительно меняли облик государств и ход мировой истории. В России вообще в основном все реформы сверху проходили после таких заговоров.

Но когда власть (политическая или экономическая) концентрируется в руках узкого круга лиц, заговоры становятся неизбежными, они становятся реальным фактором осуществления целей этого узкого круга.

Анализируя формы собственности, я невольно описал пессимистическую модель нашего возможного будущего. Те две тенденции, в направлении которых сегодня движется мировая экономика – это и есть причина глобального мирового кризиса, обрушившегося на нас в начале XXI

века. Обе тенденции бесперспективны. И эта бесперспективность давит на сознание людей, на экономические процессы все сильнее и сильнее.

Но тенденции, потому и есть тенденции, что они нарастают по экспоненциальной траектории. Политики, рвущиеся к власти каждые 4 – 5 лет, будут все больше и больше обещать социализацию, раздувая бюджеты, увеличивая налоги и наращивая чиновничье-полицейские штаты. Теракты будут продолжаться с регулярным постоянством, оставляя нам все меньше и меньше свобод.

Можно попробовать призвать вернуться назад к капитализму. Но человечество никогда назад не возвращается, называя людей, выступающих с такими призывами, романтиками. Вот и я от подобных шагов воздержусь.

Так заканчивался этот параграф в первом издании книги. Честно признаюсь, что выхода из сложившейся ситуации на тот момент я не знал. Несмотря на некоторое продвижение, я оставался под влиянием фетиша собственности, внесённого в экономическую науку К.Марксом и Ф.Энгельсом. Ещё в «Манифесте коммунистической партии» они заявили, что свою теорию могут выразить одним положением: уничтожение частной собственности. С тех пор мир разделился на капитализм и социализм. В первом, якобы, царствовала частная собственность – основа любой эксплуатации, во втором – полное обобществление и распределение по труду.

Однако экономическая история показала абсолютную ошибочность этих постулатов. И капитализм может вполне функционировать как государственный капитализм, и социализм создаёт свою чиновничью-административную олигархию. Общественная или частная собственность – это всего лишь формы организации экономических процессов. Проблема эксплуатации лежит в распределительных отношениях. А последние определяются властными структурами – политическими, экономическим, финансовыми. Капиталист сегодня сам, в своей массе, является лицом эксплуатируемым чиновничьей братией и финансовыми манипуляторами.

Социализм, понимаемый как работа каждого на благо всех, как общество, стремящееся минимизировать нетрудовые доходы, являющиеся сутью эксплуатации одних другими, - это прежде всего народовластие умеющее обеспечить за счёт налогового режима и рентных платежей социальную справедливость. Общественная форма собственности должна обеспечить прежде всего контроль над основными сырьевыми ресурсами и рентой, получаемой с их добычи. Глупостью оказывается отказ от частной собственности пока она доказывает своё превосходство в

эффективности в сравнении с собственностью общественной. Понимание этого вопроса – ключ к будущей эволюции общества. Более подробно этот вопрос мы предполагаем рассмотреть в следующей своей книге.

§2. Ретроспектива форм собственности.

Кроме рассмотренных нами частной, государственной и монопольной собственности, различают, также, собственность во взаимосвязи с тем, какое положение в ней занимает трудящийся. Он может быть вещью, на равном положении со скотом – и эта форма носит название рабовладельческой. Отсутствие права на бесосновательное убийство и право на часть собственного труда делает из раба крепостного. Превращение работника в наемную рабочую силу формирует капиталистическую собственность. Когда право найма становится монополией государства, мы имеем дело с социализмом.

Здесь все относительно просто, за исключением одного. В науке существует убеждение, что одна форма собственности побеждает другую исключительно экономическими средствами.

Позволим себе в этом усомниться. Рабство с регулярным постоянством появлялось вновь и вновь вплоть до XIX века в США и Латинской Америке, и в XX веке в России, причем в самой отвратительной своей форме под эгидой ГУЛАГа, когда человека и за скотину-то не считали. Скотину принято было беречь и кормить, так как хозяин понимал, что имеет с нее выгоду. Гулаговская система не считала нужным даже этого.

Говорить при этом о неэффективности рабского труда не приходится. При минимальных затратах выжимается максимум пота. Да и с творчеством

было все в порядке. В советских «шарашках» творили целые институты ученых. А каков эффект воздействия на тех, кто остался на свободе! На этом эффекте строилась вся «милитаризация труда».

На наш взгляд, это тот случай, когда нравственность становится более веским аргументом по сравнению со всеми остальными.

Крепостничество крестьянства на Руси, несмотря на его официальную отмену в 1861 г., фактически продержалось еще сто лет. Говорить в этом случае о каком-то эффективном превосходстве сложно, но устойчивость казалось бы давно устаревших отношений опять налицо. И нравственная составляющая в причинах их отмены тоже. Ни в 1861 г., ни в конце 50-х годов XX столетия крестьянство было неспособно к революционным действиям и самостоятельному изменению положения.

Мы пишем это для того, чтобы сказать, что экономические рамки эффективности узки и ненадежны. Экономика, не берущая в расчет права и свободы граждан, соблюдение принципов справедливости, наиболее важных человеческих ценностей, превращается в узко технологическую науку, не способную, в конечном счете, отличить человека от станка, на котором он работает. И не важно какими понятиями она при этом прикрывается – «рабочая сила» или «человеческий капитал».

§3. Связи.

«Связь между объектами и (или) событиями: свойство или свойства множеств объектов и (или) событий, которыми они не обладают, если взять их по отдельности».

[Акофф, Эмери, 1974, с. 245]

«Самой важной концепцией системы является идея, что все изменения обуславливаются «петлями обратных связей»... Мы часто

рассматриваем причину и следствие
односторонне. Мы говорим, что действие А
вызывает результат В. Но такое понимание не
полно. Результат В представляет новое состояние
системы, изменения которой в будущем
повлияют на действие А»

Д.Форрестер

Экономическая теория рассматривает *отношения между людьми* по поводу производства, обмена и присвоения материальных благ. Что означает здесь термин «по поводу»? Тоже отношения? Но политэкономия принципиально утверждает, что она рассматривает только отношения между людьми. Фактически же мы думаем, что это не так.

Общая теория систем рассматривает «субъект – субъектные» и «субъект – объектные» связи. Это уже более определено. Рассматривая элементы экономической системы, мы уже описывали «субъект – объектные» связи со средствами производства: «человек – инструмент», «человек – оборудование», «человек – машина». Мы рассмотрели взаимосвязь «человек – носители научной информации». Такие взаимосвязи мы бы назвали функционально – технологическими. Но поскольку технико-технологические вопросы лежат несколько за пределами экономических исследований, то мы, во избежание путаницы, назовем их функционально-организационными. Это субъектно-объектные связи первого рода.

Субъектно-объектные связи второго рода – это связи собственности, описываемые правовой триадой (владение, использование, распоряжение).

В современной экономико-правовой системе эта триада получила более развернутое и широкое трактование. По А. Оноре [Таблица заимствована у: Виноградов, 2012, с. 23] механизмы частной собственности реализуются как через систему поощрений, так и систему запретов:

Права собственности	Объяснение
1. Право владения	Право исключительного физического контроля над благами
2. Право использования	Право применения полезных свойств блага для себя
3. Право управления	Право принимать решения, кто и на каких условиях будет получать доступ к использованию блага
4. Право на доход	Право обладать результатами от использования блага
5. Право суверена	Право на отчуждение, потребление, изменение или уничтожение блага
6. Право на безопасность	Право на защиту от экспроприации благ и от вреда со стороны внешней среды
7. Право наследования	Право на передачу блага по наследству или завещанию
8. Право на бессрочность	Право неограниченного во времени обладания благом
9. Запрет вредного использования	Обязанность использования блага способом, не наносящим вред имущественным и личным правам других лиц
10. Право на ответственность в виде взыскания	Возможность взыскания блага в уплату долга
11. Право на остаточный характер	Право «естественного возврата» переданных кому-либо правомочий по истечении срока передачи, право на применение институтов и механизмов защиты нарушенных прав

Особенности этих связей и первого, и второго рода таковы, что субъект, вступивший в эти субъектно-объектные отношения, уже не

может рассматриваться как самостоятельный субъект. Возникают микро- и макросубъектно-объектные системы. И в дальнейших исследованиях они могут рассматриваться только как интегрированные функциональные системы.

Субъектно-объектные отношения первого порядка не самостоятельны и, как правило, вторичны по отношению к субъектно-объектным связям второго порядка.

В дальнейшем мы лишь с большой натяжкой можем говорить о субъектно-субъектных отношениях. За каждым субъектом стоят те или иные материальные элементы экономики. И, как правило, они не эквивалентны, что создает асимметрию и обеспечивает функциональность всей системы.

Связи бывают *нейтральными*, когда воздействие и противодействие равны, при известной совокупности их отношений с другими элементами и окружением. А также связи с *направленным эффектом*, когда одна сторона обладает *эффекторными* свойствами, а другая – *рецепторными* [Карташев, 1995, с. 303]. Если бы мы имели дело с техническими системами, то здесь определение таких связей не было бы особой проблемой. Но как определять такие связи в экономике?

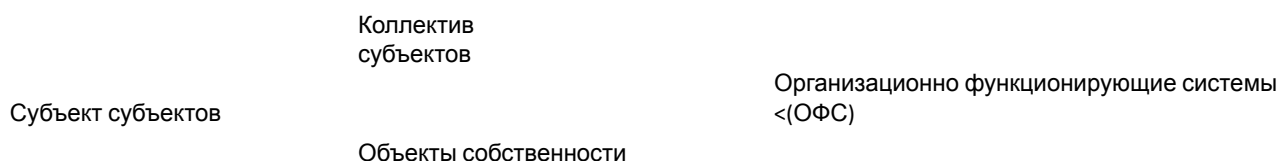
Поэтому здесь уместно вспомнить, что экономические отношения – это столкновение интересов, а значит, мы имеем дело с противоречиями. О формах этих столкновений мы уже писали.

Экономическая система определяется комбинаторным сочетанием совокупности отношений, помимо организационных и собственности, также отношений производства, обмена, распределения и потребления. По ним отслеживаются причинно-следственные связи системы. С любыми изменениями причины связана группа альтернативных изменений следствий, «каждая из которых представляет сеть причинно-следственных отношений» [Никаноров, 2008, с. 424]. Системообразующим фактором этой замкнутой

системы может быть только цель функционирования, содержащая в себе задачи развития и поддержания сохранности системы.

С ростом масштабов производства система «субъект – объект собственности» превращается в систему «субъект – коллектив субъектов – объекты собственности (они же – технические объекты приложения труда)».

Точнее, даже так:

Тем самым «субъект-собственник» превращается в «субъект субъектов», на которого ложится ответственность не только в вопросах принятия решений, но и вся ответственность за деятельность созданной им системы.

Отсюда мы можем говорить, что организация есть не что иное, как работа по формированию систем, поддержанию этой работы и дальнейшее развитие этой системы. *Иерархия* – это результат упорядоченности работы сложных систем.

Психоаналитические и организационные исследования показывают, что человек не в состоянии контролировать взаимосвязи со своими подчиненными, если их количество превышает уровень 7 ± 2 (число Мюллера) человек. При разрастании социальных систем, в том числе и экономических, выход из этого противоречия достигается путем *делегирования прав и обязанностей*, которое и ложится в основу иерархии.

Насколько важны здесь количественные параметры, мы можем наблюдать по структуре и системе иерархии, сложившейся в армии. Отделение – 7-10 человек, 3-4 отделения – взвод, 3-4 взвода – рота (100-120

человек). Рота – это та самая боевая единица, в которой все знают всех, и каждый в достаточной степени знает место каждого. Батальоны, полки, дивизии, корпуса, армии формируются по тому же принципу: 3-4 части/соединения в возрастающей структуре.

Надо сказать, что с середины XX века число Мюллера, которое в некоторых источниках называется числом Колмогорова, подвергается сомнению, и нормы управляемости расширяются до 50 и более. Объясняется это тем, что число Мюллера предполагает исключительно прямой контроль. Специалисты же организационного дизайна рассматривают еще, как минимум, четыре координационных механизма [Дрогобыцкий, 2013, с. 138]: стандартизацию процессов, стандартизацию выпуска, стандартизацию квалификации и взаимное согласование. По-видимому, здесь важны два момента: индивидуальные способности руководителя и объем информационного потока. Но, осуществляя организационный дизайн, необходимо помнить (и мы писали уже об этом выше), что между двумя элементами А и В возможны только две связи: $A \rightarrow B$ и $A \leftarrow B$. Третий элемент С увеличивает число возможных связей до шести.

Если же образуется коалиция, когда два элемента вступают в союз и совместно влияют на третий, то число возможных связей возрастает до двенадцати. То есть, число связей возрастает экспоненциально. Делегирование прав облегчает и повышает организацию, но при этом возрастает значение контроля.

Организационная система требует не только *направляющих* воздействий относительно цели, но и *обратной связи* по результату этого воздействия.

Направляющие воздействия могут преследовать следующие цели:

- изменение условий функционирования элементов системы;
- изменение соотношения элементов системы;
- перемещение элементов производства в пространстве и времени;

- изменение процессов с учетом нового знания о системе;
- корректировка целевых установок системы или ее подсистем;

Процесс общения и формирования взаимодействий может осуществляться в следующих формах:

- обсуждение
- разъяснение
- заявление
- награждение
- наказание
- угроза
- обещание
- приказ
- регламентирование (закон)

Характеристики этих форм можно найти в [Акофф, Эмери, 1974, с. 185].

Система стремится к тому, чтобы обратные связи осуществлялись по тем же каналам, по которым осуществляются меры воздействия. Однако, в этом случае «субъект субъектов» сталкивается с посредничеством, которое вольно или невольно стремится к *цензурированию* информации, что выражается в фильтрации, сгущении и редактировании [Там же, 1974, с. 185].

Редактирование информации может осуществляться с пользой и во вред. В первом случае это достигается путем группирования, систематизации и обработки информации, устранения информации, не являющейся существенной. Посредник не только обрабатывает, но и хранит информацию, как это делают в библиотеках и архивах. При необходимости эта информация извлекается. Но, тем самым, возникает возможность создания «пробок», влекущих запаздывание информации и вообще недоведения ее до заинтересованного лица в отсутствии прямого запроса.

Фильтрация всегда связана с оценкой информации. Посредник всегда испытывает соблазн дать ту часть информации, которую ожидает услышать руководитель. Сгущение информации преследует цель не только сократить объем информации, но и структурирование фактов таким образом, что одни события выпячиваются, а другие – преуменьшаются или замалчиваются.

Все это требует выстраивания каналов обратной связи, которые образуют свою систему. Этой цели могут служить и прямые контакты с исполнителями всех подведомственных звеньев, создание системы сбора информации независимой от лиц ответственных за те или иные процессы, периодических возможностей обращения к руководителям напрямую им не подчиненных.

Посредником в случае конфликта сторон экономических отношений может выступать арбитр. Одна из функций последнего заключается в том, чтобы выяснить суть разногласий и сформулировать убеждения и взгляды сторон в приемлемой для них форме. В идеале, после этого, необходимо попытаться найти условия, при которых каждая спорящая сторона будет считать обоснованной позицию его противника. Тем самым, облегчается процесс разрешения спора. Независимость и объективность арбитров во многом определяет функциональность экономической системы.

Экономические связи были бы рассмотрены нами не полностью, если бы мы не ввели в рассмотрение еще одного субъекта, а точнее, еще одну такую системную структуру, как государство. Данная структура формируется на основании государственной собственности, в том числе, и на атрибуты власти со стороны лиц, избранных народом, возглавляющих эту структуру, и лиц назначаемых на должности и составляющих чиновничье-полицейский аппарат.

Положение государства в экономической системе не определяется размером государственной собственности.

Государство, благодаря праву формировать и устанавливать налоги, превращается в акционера всех экономически действующих организаций. И, казалось бы, в этой ситуации следовало бы ожидать от него партнерских отношений с частным бизнесом, но при этом мы наблюдаем следующую картину [Мизес, 2006, с. 114]: «Противостояние, с которым люди сталкивались раньше в борьбе за свободу, было простым и понятным каждому. На одной стороне – тираны и те, кто их поддерживал, на другой стороне – сторонники народного правления. Политические конфликты представляли собой борьбу различных групп за свое господство. Решался вопрос, кто должен править? Мы или они? Меньшинство или большинство? Деспот, аристократия или народ?

Сегодня модная философия этатизма сбила всех с толку. Политические конфликты больше не рассматриваются как столкновения между различными группами людей. В них видят войну двух принципов – добра и зла. Добро воплощено в великом Боге – Государстве, материализации нетленной идеи нравственности, а зло – «в грубом индивидуализме» эгоистичных людей. В этом противостоянии Государство всегда право, а индивидуумы – всегда неправы. Государство представляет общественное благо, справедливость, цивилизацию и высшую мудрость. Индивид – всегда лишь жалкий негодяй, порочный глупец».

Сегодня государство – это эдакий ассоциированный мытарь, от которого нет спасения, и по суммарному ущербу он зачастую превосходит захватническую интервенцию иностранных государств.

Однако, подведем итог. Связи – это то, что превращает совокупность элементов в систему. Организационно-технические связи первого порядка и отношения собственности (связи 2-го порядка) формируют микро- и макроэкономические системы, которые в производстве и на рынке выступают как подсистемы со своими целями, задачами, количественными и

качественными характеристиками. Причем, подсистемы 1-го порядка являются структурами систем 2-го порядка. На базе последних формируются предприятия, учреждения, государственные институты. В первом случае объекты служат инструментами, используемыми субъектами. Во втором, - субъекты по сути сами являются инструментами по отношению «субъект-субъектов», но не сами по себе, а как системы «субъект – объект». Однако, не надо здесь искать марксистскую уничижительность, рассматривающую рабочих как придаток машин. Речь идет исключительно о целевых установках, которые мы подробно рассмотрим в следующих параграфах, и о характере отношений не как «субъект – субъектных», а как «систем – системных».

Взаимосвязи, в которых участвует государство как экономический субъект, мы назвали бы связями 3-го порядка, которые в своей совокупности отражают макроэкономику. Особенность этих связей мы обсудим в разделе, посвященном государству.

Элементная база, которую мы рассмотрели в предыдущих главах, лишь в своем перечне является одинаковой во всех государствах. Количественно она формирует ресурсную базу, по которой можно судить о потенциальных возможностях государства. Но элементная база еще существенно различается и качественным составом. И определяющим в этой совокупности является человеческий ~~капитал~~ потенциал. Не удивительно, что в критикуемой нами теории роста, единственная доказуемая прямая корреляция роста зависит от вложений именно в человеческие ~~капитал~~-возможности [См. Хелпман, с. 64].

Но элементная база является лишь набором, перечнем ресурсов. Системой их делают взаимосвязи, на характер которых в еще большей степени оказывают влияние национальные особенности.

Взаимосвязи действуют по принципу «воздействие – отклик». Однако, здесь кроются серьезные проблемы. В первую очередь – это время отклика.

Воздействие, если оно преследует какую-то целевую установку, должно быть достаточно сильным, чтобы изначально преодолеть *порог чувствительности*.

К примеру, для того, чтобы преодолеть негативную демографическую тенденцию снижения рождаемости, вводится «материнский капитал». Мера необходимая, но явно недостаточная. Очевидно, что здесь необходимы более кардинальные решения.

Социальные явления, как и физические, и химические, иногда приобретают необратимый характер. Воздействие, если оно несвоевременно, может вообще не возыметь последствий. Раскрестьянивание привело к тому, что люди ни за какие деньги не хотят возвращаться к земле. То же самое произошло с рабочими. Массовые сокращения и закрытия заводов в начале 90-х годов привели к тому, что люди переместились в торговлю, в сферу услуг. Завод для них сегодня – это маленькая тюрьма. Они в большинстве своем уже никогда туда не вернутся.

Тем не менее, даже если реакция своевременна, необходимо время чтобы установить проблему, выявить причину и выработать решение, а также изыскать ресурсы воздействия. Далее, преодолев порог чувствительности, опять необходимо время (так называемый переходный период), чтобы ощутить отклик.

При этом, одни воздействия могут накладываться на другие, и либо гаситься ими, либо иметь экспоненциальный рост. «Если бы у систем не было переходных процессов, то время переходного периода всегда было бы равно нулю, и системы были бы абсолютно безынерционными. Но таких систем нет и любой системе присуща инерционность в той или иной степени» [Гайдес, 2005, с. 71].

Реакции на запаздывания и всплески специалиста знакомого с теорией систем и неспециалиста будут видны невооруженным взглядом, так как будут значительно отличаться. Для последних характерно ситуационное

реагирование. Такое реагирование приводит к тому, что систему начинает лихорадить, а решение проблем не наступает. Именно поэтому эконометрические модели, основанные на поведении, в лучшем случае могут дать краткосрочный прогноз, но совершенно не годятся для долгосрочного прогнозирования. Но именно эти разработки методично преподносятся Нобелевским комитетом как высшие достижения научной мысли.

Концептуалист никогда не пойдет по этому пути. Он изучит историю системы за максимально возможный период, выявит ее структуру, вносимые изменения и *траекторию поведения*. При этом система новых взаимодействий будет комплексной и взвешенной. Одной из наиболее важных проблем – это выявить точки приложения усилий и характер этих усилий. Принципиальное отличие понимания взаимосвязей в ОТС от экономической теории заключается в том, что ОТС видит здесь взаимоотношения не отдельных личностей, а личности со всей экономической системой. Успех в отдельной сделке, в отдельном акте воздействия через петлю прямых или обратных связей может привести к самым плачевным результатам. Именно в понимании этого отличается концептуалист от ситуационщика.

Но именно ситуационщик, да еще и мыслящий в основном подсказками из-за океана, оказался, к сожалению, во главе реформ в России в начале 90-х годов прошлого века. Имя ему – Егор Гайдар. Последовательность его действий поражает некомпетентностью, последствия – ужасают.

Вместо того, чтобы связать избыточную массу денег приватизацией мелких активов (магазинов, объектов сферы услуг, жилья и т.п.), он заморозил, а затем обесценил сбережения людей, копивших их десятилетиями путем затрат колоссального труда и потерь здоровья на северах и стройках коммунизма. Совершенно безосновательно поднял цены в промышленности в тысячи, а порой и в десятки тысяч раз, при этом

заморозив их на сырьевую продукцию. Поднял ставку рефинансирования до 210% и перестал печатать деньги. Затем за бесценок приватизировал обанкротившийся сырьевой и банковский сектор. Настежь открыл двери для импорта, окончательно уничтожив российское производство. При этом поднял налоги, превратив их в бич для предпринимателей, и перевернул с ног на голову всю методику учета. И все это только для того, чтобы ликвидировать дефицит и ввести рыночные отношения. «Шок без терапии!» - таков вердикт народа на эту экономическую политику.

Из-за прекращения финансирования практически были уничтожены научно-технический и строительный комплексы. История не знала такого падения производства ни в одной стране даже в условиях ведения военных действий. Народ стал вымирать, специалисты – толпами покидать страну. Передовая сверхдержава была, по сути, стерта с географической карты Земли! Удивляюсь только, почему до сих пор нет в центре Москвы памятника Великому Реформатору!

Впрочем, портрет этого человека следует дорисовать. Весной 1993 г. мне довелось обменяться мнениями с депутатом Верховного Совета от Ханты-Мансийского округа В.П. Тихоновым. Я высказал предположение, что действия правительства в данной ситуации можно интерпретировать как выполнение заказа со стороны Администрации США, на что он мне ответил: «Доказательств этому у нас нет, но по совокупности действий очень на это похоже!»

Прошли годы... И вот лет 15 – 17 после этой встречи, в одной из программ центрального телевидения, посвященной одному из «героев» того лихолетья, демонстрировалось интервью с Филатовым С.А., бывшим руководителем администрации при Президенте РФ Б.Н. Ельцине в 1993 – 1996 гг. Суть его повествования была такой: «Когда я зашел в кабинет к Ельцину, он сидел, обхватив голову руками. Я спросил: «Что случилось,

Борис Николаевич?» - «Понимаешь, американцы обещали кредиты в 30 млрд. \$, если я назначу Гайдара премьер-министром... Обманули, сволочи!». Тут же сюжет переключился на интервью с А.В. Коржаковым, руководителем охраны Ельцина в те годы: «В тот период, - говорил генерал, работники ЦРУ расхаживали по Кремлю как у себя дома. Давали советы!». Выводы пусть каждый сделает сам.

Нельзя не согласиться с оценкой реформ начала 90-х годов, данную в [Явлинский, 2014, с. 151-152]: «...Якобы эпохальные «рыночные реформы» 1992 – 1993 гг. – это один из самых вредных мифов, до сих пор живущий среди части российского политического класса и политизированного слоя интеллигенции. Нельзя – не только с моральной, но и с чисто технической точки зрения – считать реформами утрату властями контроля над бюджетом и денежным обращением, гиперинфляцию, отказ правительства от социальных обязательств не только по отношению к населению в целом, но и государственному аппарату.

Неприлично называть реформированием страны не просто подталкивание, но даже публичные призывы к государственным служащим не надеяться на бюджет, а «крутиться» и искать себе доходы «на стороне» Нельзя считать приемлемыми «временными издержками» резкое ослабление правопорядка и снижение степени соблюдения

правовых норм, разрушение современных социальных лифтов и фактическую легитимацию криминальных доходов. Наконец, нельзя ставить себе в заслугу ситуацию, когда правительство фактически не контролировало ни использование активов, формально находившихся в государственной собственности, ни процесс их передачи в частный сектор – и то и другое если и регулировалось, то исключительно частными договоренностями и схватками интересов.»

И далее: «...В любом случае нельзя – абсолютно неправильно! – называть реформами беспомощное и бессмысленное следование за стихийным развитием событий и своего рода освящение их *post factum* официальным признанием. Фактически это было проявлением коллективной безответственности новых элит, самонадеянно взявшихся за управление огромным и сложным государством, не имея для этого ни сил и опыта, ни четких представлений о том, что они собираются делать, ни умения проводить собственную выбранную линию в жесткой и опасной обстановке.»

Страна, пережив кратковременный всплеск, вызванный перестройкой, после длительного периода застоя была

ввергнута в исторический отстой, в котором пребывает и поныне. Вот перечень достижений «Великого Реформатора»:

- 1) Инфляция достигавшая, в период его пребывания у власти, сотен и тысяч процентов. Этот метод ограбления народа так понравился власти, что он до сих пор находится на вооружении в качестве основного регулирующего механизма. Регулирующую её бездарность и бездеятельность.
- 2) Уничтожение сбережений, заработанных при советской власти, а затем неоднократно повторенное для всех работающих по найму и пытавшихся что-то сберечь.
- 3) Превращение страны в бандитское государство. Органы правопорядка и судебная система были превращены в придаток либо бандитских структур, или коррупционной власти.
- 4) Налоговая нагрузка и методология учёта на десятилетия уничтожила привлекательность российского бизнеса.

- 5) Государственная собственность, созданная трудом ни одного поколения советских граждан в тяжелейший период сталинских репрессий, войн и брежневского безвременья, раздавалась практически бесплатно ловкочам, оказавшимся поблизости от власти.
- 6) Средства массовой информации превратились в обслуживающую структуру власти и олигархической верхушки.
- 7) Возросла смертность, а также эмиграция из страны. Сокращение народонаселения стало адекватным периодам ведения кровопролитных войн.
- 8) Наука, образование, культура стали финансироваться даже не по остаточному принципу, а по принципу дачи подаяния: хочу дам – хочу не дам.

Здравствующие соратники «Великого Реформатора» очень любят порассуждать о наполнившихся полках в некогда полупустых магазинах. По этому поводу очень ярко высказался писатель Юрий Поляков: «Мы имеем экономику,

построенную на «реформах», обобравших основную часть населения и фактически ничего не предложивших взамен. Да, у нас полные прилавки, но если бы советская власть отобрала вклады, сократила пенсии и зарплаты, распахнула внутренний рынок в ущерб отечественному товаропроизводителю, посадила бы науку, культуру, армию, образование на голодный паёк..., полагаю, совковые продмаги ломились бы от икры, а ненадеванным импортом были бы завалены все универмаги от Камчатки до Карпат. У нас изобилие от бедности, а не от процветающей экономики.»[Поляков, 2014, с.283]

Военные люди после подобной характеристики их деятельности обычно стреляются, а наши реформаторы строчат и строчат мемуары. «В массе своей народ считал необходимыми реформы и верил, что они изменят его жизнь и жизнь его детей к лучшему. Эта вера была цинично обманута, и на плечах миллионов людей, мечтавших о демонтаже советской системы в России, к власти пришла группа циников, действовавших большевистскими методами по принципу «цель оправдывает средства, а власть оправдывает всё».[Явлинский, 2014, с.163]

Однако вернёмся к теоретическим вопросам.

До сих пор мы в своей работе отождествляли понятия «связь» и «отношения». Однако, связи, понимаемые с позиции ОТС, отличаются от принятого в экономике понятия отношений. Если экономическая теория видит здесь исключительно некое противоречие, обусловленное объективной реальностью и, как правило, однозначность его разрешения, то ОТС стремится подчинить обе стороны взаимодействия своим целевым установкам, и поэтому способна видеть многовариантность решений. Существенным фактором для взаимосвязей является то, что, помимо сказанного, это ещё и энергетическая категория. Она всегда связана с затратами труда. *По сути – это и есть сам труд!* И здесь он предстаёт гораздо шире чем представляют его экономисты прошлого и современности.

«Бытие определяет сознание! – это одна из основных ошибок К. Маркса. Бытие консервирует сознание, приковывает его к прошлому и настоящему. Диалектическое развитие бытия возможно только под воздействием осознания будущего. И в этом смысле влияние сознания на бытие более действенно. И если связь определяется как преобразование составляющих входного вектора в составляющие выходного вектора, то одним из составляющих входного вектора всегда является сознание в форме так или иначе оформленной цели.

Все сказанное можно отнести к связям взаимодействия, преобразования, развития, управления. ОТС же рассматривает палитру взаимодействий более широко. Э.Г. Юдин в свое время предложил такую их классификацию [См. Юдин, 1978, с. 187-189]:

1. Связи взаимодействия, которые подразделяются на связи свойств и связи между отдельными людьми, коллективами и социальными системами. Эти связи также подразделяются на корпоративные и конфликтные.
2. Связи порождения или генетические (связь типа «А отец В»).
3. Связи преобразования, которые реализуются через определенный объект, обеспечивающий или резко интенсифицирующий это преобразование, либо реализуемый путем непосредственного взаимодействия двух или более объектов.
4. Связи строения (структурные связи).
5. Связи функционирования, которые автор подразделяет на связи состояния и связи типа энергетических, трофических, нейронных и т.п.
6. Связи развития.
7. Связи управления.

К этому перечню можно добавить внешние и внутренние связи, обратную связь, связи гомеостаза, связи, характеризующие скачек, развитие (хаос, бифуркация, отбор).

Выше мы говорили о пороге чувствительности системы, когда воздействие на систему обеспечивает ее реагирование в нужном направлении. Но еще А.А. Богданов в «Тектологии» указывал на существование другого порога воздействия – порога устойчивости системы, когда активность воздействия на нее превышает возможность ее сопротивления. За этим следует разрушение системы. И выражается это, прежде всего, в разрушении внутрисистемных взаимосвязей. Диапазон воздействия, в котором не происходит разрушения системы, принято называть *буферной областью*, или *диапазоном устойчивости* системы. Необходимость разрушения определенных систем есть неизбежный процесс

развития. Здесь следует иметь в виду, что воздействие на систему с целью ее разрушения требует определенных затрат энергии, поэтому целесообразно сосредоточиться на ключевых структурах, но оборотной стороной такого сосредоточения является цепная реакция разрушений. Когда развитие является идеологией, государство в состоянии вырабатывать стратегию и тактику необходимых разрушений. Когда же эта идеология подменяется лицемерием развития и нескрываемым догматизмом разрушения, рано или поздно, обретают стихийный характер.

Причем, наступает физическое и/или моральное старение антиэволюционных систем. Их разрушение происходит большей частью изнутри, а потому значительных энергозатрат воздействия не требуют.

Устойчивость системы к разрушению, по Богданову, определяется наиболее слабым звеном. Экономические системы неизбежно рушатся, увлекая за собой политические структуры, когда теряют свойство содержать самих себя. Поэтому мы с определенным оптимизмом смотрим на бездарные потуги сохранить сырьевую направленность экономики, как и на бесконечные желания жить всегда в кредит.

Наш оптимизм укрепляет и тот закономерный факт, что устаревающая система пытается сохранить себя, создавая избыточные звенья. Расчет делается на то, что при массированном воздействии вероятность того, что хоть какое-то звено уцелеет и спасет всю систему, возрастает. Однако, с каждым разом возрастают и затраты на создание избыточных звеньев. Порой это напоминает попытку тушить пожар керосином. Именно такую схему действий сегодня напоминает мировая денежно-кредитная система.

Частным вариантом избыточных звеньев являются резервы или депо. Эдакая искусственная емкость, откуда можно черпать стратегический ресурс в кризисной ситуации. Но, обычно, это тот самый ресурс, который требуется для эволюции системы. Гибкость системы приносится в жертву ее

устойчивости. При глубоком рассмотрении цена этого депо такая же, как цена бумажных денег, зарытых глубоко в землю. В один прекрасный день этими бумажками можно будет обклеивать комнаты в Кремле вместо обоев.

Вопросы обратной связи в системе чрезвычайно важны. И мы на них остановимся еще раз.

Система, если она система (абстрактные закрытые системы мы сейчас не берем во внимание) – всегда функциональна. Эту функциональность мы можем обнаружить благодаря тому, что системы имеют входы и выходы. Движение ресурсов, взаимосвязи, образуют так называемые *потоки*. Если система имеет узлы регулирования, и эти узлы напрямую или через промежуточные звенья связаны с потоками, то мы можем говорить о *контуре обратной связи*. ОТС различает два вида обратной связи: *положительную* (имеющую еще название «порочный круг»), когда регулирование приводит к росту происходящих изменений; и *отрицательную*, когда изменения подавляются. Наиболее простой пример отрицательной обратной связи – регулирование температуры в помещении при помощи термостата. Положительную или экспоненциальную связь мы наблюдаем в науке. Когда одно открытие порождает другие открытия и изобретения.

Усиливающая обратная связь порождает экспоненциальный рост, когда прирост пропорционален достигнутому результату, а время удвоения постоянно. «Усиливающая обратная связь способствует развитию системы в том же направлении, что и первоначальное изменение. Если система начала изменяться в благоприятном направлении, то это огромное преимущество. Если же первоначальное изменение оказалось негативным, то усиливающая обратная связь обеспечит ее движение по порочному кругу, ведущему к гибели системы» [Дрогобыцкий, 2013, с. 371].

Отрицательные обратные связи всегда превалируют в системе – иначе бы она пошла в разнос. Отрицательную обратную связь называют еще

,
уравновешивающей. Она противостоит изменениям и стремится не выпускать систему из равновесного состояния.

«... Уравновешивающая обратная связь может быть как положительной, так и отрицательной. Если мы стремимся изменить исследуемую систему, уравновешивающая обратная связь будет нам мешать и мобилизует все имеющиеся ресурсы для сопротивления изменениям. А если же мы стремимся сохранить систему, подверженную разрушительным действиям, то эта связь приобретает положительные качества и становится стабилизирующей силой» [Там же].

Как верно отмечается в [Жилин, 2010, с. 121]: «...В целенаправленных системах обратная связь играет еще одну крайне важную роль – она направляет функциональные системы к цели». Ранее эта идея высказывалась Складовым и Анохиным.

Итак, казалось бы, все очень просто: есть проблема – создай регулирующее устройство. С. Паркинсон идет еще дальше, доводя идею до абсурда, предлагая на каждую проблему создавать по министерству. Но тут мы видим, что начинают действовать другие законы. Две противоборствующие структуры (два противоречия) образуют такое зеркальное единство, что проблема и борцы с ней просто не могут жить друг без друга так, что порой не отличишь, где первые, а где – вторые. Поэтому не следует ждать победы полиции над преступностью, а от армии – ликвидации внешней угрозы.

Система не терпит ситуационных решений. Вся система должна быть выстроена на решение целевых установок. Более того, любая проблема «готова» к прямому воздействию, она ожидает его. И лишь системный подход может выстроить свои действия так, когда проблеме в ней не окажется места.

Связи в совокупности с элементами системы образуют объемные элементные системные сети. Это создает ее устойчивость, и всякие попытки

воздействовать на нее, встречают сопротивление. Сети имеют определенные сгустки в виде подсистем, которые и формируют структуру системы. Выделение нами первого, второго и третьего уровней взаимосвязей, возможно, в дальнейшем облегчит математическое и графическое моделирование системных сетей, и выведет науку на некоторые новые рубежи, пока нам недоступные.

§ 4. Миссия человечества. Цели и целеполагание целедостижение.

«... Основные источники неблагополучия людей (от личности до человечества) лежат как раз в несовершенстве целеполагания».

[Пригожин, 2010 с. 101]

«Лидерство высшего качества – это создание и освоение новых методов мышления, целеполагания и целедостижения.».

[Там же, с. 211]

Цель – это основной системообразующий фактор. Без цели система не существует. Цель у системы одна и задается она системой более высокого уровня. В этом смысле цель также объективна, как и результаты ее достижения. С этим могут не согласиться многие ученые, но это аксиома. И как аксиому мы могли бы взять ее без доказательств. Тем не менее, мы попытаемся ее обосновать. Впрочем, достаточное обоснование этого мы находим в работе [Гайдес, 2005].

В частности, он пишет [Гайдес, 2005, с. 25]: «Сегодня цель трактуется как один из элементов поведения и сознательной деятельности человека, который характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определенных средств. Цель выступает как способ интеграции различных действий человека в некоторую последовательность или систему (Такова позиция, в частности, Анохина и

Карташева – Авт.). Таким образом, цель трактуется как чисто человеческий фактор, присущий только человеку.

Осталось всего ничего – приложить понятие «цели» не только к психологической деятельности человека, но и к самому понятию «система», потому, что основным отличительным признаком любой системы является ее предназначенность какой-либо цели. Следовательно, цель становится не только перед человеком, но и перед каждой системой вне зависимости от ее сложности».

Как объяснить «предназначенность какой-либо цели»? Речь здесь идет о целостности Мира и взаимосвязанности его структур. Каждая система есть структурное составляющее некой более сложной системы. Последняя и задает те целевые параметры, в которых обязана действовать ее структура.

Гайдес предлагает строить ОТС на четырех аксиомах:

- 1). У системы есть *одна* постоянная генеральная *цель*.
- 2). Цель для систем ставится *извне*.
- 3). Для достижения цели система *должна действовать* определенным образом. Этот принцип включает в себя закон сохранения, закон причинно-следственных ограничений, закон иерархии целей.
- 4). *Результат* действия систем существует независимо от самих систем.

Последняя аксиома достаточно спорная. Но об этом – ниже.

Итак, есть цель системы, цель-задание, внешняя цель. Она объективна и не зависит от нашего понимания ее, знания, желания и признания, так как задается помимо нашей воли извне. Осознать ее – одна из задач человечества. И сделать это оно может только через науку.

Но вот, что Гайдес пишет дальше [Там же, с. 33]: «...Цель перед системой всегда ставит другая система, а сами системы, включая человека,

свободой воли не обладают. У нас есть свобода выбора действий для достижения цели, но нет свободы выбора самой цели».

Попробуем с этим разобраться. В §2 гл. 1 мы указывали, что ОТС рассматривает пять потенциальных степеней свободы, которые возможны при наличии установленной цели. Но, по большому счету, цель нашего существования не установлена. Да, Гайдес пишет [Там же, с. 128], что предназначение любой системы в этом мире – сохранить себя и развиваться для того, чтобы иметь возможность реализовать поставленную перед ней цель. Но истинная цель нам пока не доступна. Хотя и это уже не мало! Поэтому, в пределах указанной неопределенности, человек получает свободу поиска цели, а также свободу в формировании условий и методов ее реализации.

Таким образом, есть объективная цель-задание, которую мы в дальнейшем будем называть *миссия человечества*. На данном историческом этапе она заключается в том, чтобы *сохранить себя в Нашем Мире и развиваться*. Для этого мы формируем *цели-стремления*, чтобы добиться определенных *результатов*, соответствующих нашему пониманию миссии.

Кратковременность жизни человека требует, чтобы цель обладала таким свойством, как *потенциальная достижимость*. Поэтому цель-задание в том виде как она понята на данном историческом этапе (и в этом есть первое проявление субъективности) дробится на части, на временные отрезки. Являясь плодом индивидуального или общественного сознания, в ней проявляется вторая сторона субъективности. Таким образом, наши цели-стремления субъективны по сути.

Сохранение и развитие вполне можно объединить одним словом – *выживание*. Чтобы читателю не показалось, что это достаточно абстрактная, размытая цель, считаю целесообразным привести по этому поводу несколько выдержек из воззрений ~~по этому поводу~~ российского философа А.П. Назаретяна: «Еще в юности меня поразила острота О. Уайльда: самое

страшное наказание, какое Бог способен придумать для человека – исполнение всех желаний. Потом я узнал, что в психологии это называется мудреным термином экзистенциальная фрустрация, синдром Мартина Идена, а проще – потерей смысла жизни» [Назаретян, 1996, с. 150]. «Теперь уже социальный прогресс видится не как изначальный путь к совершенству и не как самоцель, ради которой допустимы чуть ли не любые жертвы, но как *средство выживания*... Чтобы выжить, люди вынуждены были углублять целенаправленное вмешательство в стихийные процессы и тем самым неуклонно удаляться от естественного состояния, все более опосредуя отношения с природой. И чтобы совладать с усиливающимся могуществом, они должны были совершенствовать культуру самоотказа – «не во имя будущего, а во имя того вечного настоящего, в котором прошлое и будущее – едины» [Там же, с. 94-95¹⁵].

И далее: « Если бы выживание можно было бы обеспечить консервацией наличного, то жизнь была бы простым и, откровенно говоря, скучным занятием, а природа и общество (коль скоро оно бы каким-то чудесным образом возникло) были бы лишены драматизма и действительно от истории свободны. Но мир устроен таким образом, что выживание – нетривиальная задача. И чем сложнее неравновесная система, тем больше интеллектуальных затрат требуется для сохранения ее устойчивости. Включение прогрессивного развития в качестве кардинального средства делает выживание *творческим занятием*, ограничивающим стандарт, насыщенным напряжением и перспективой» [Там же, с. 95].

В научном плане «сама по себе задача выживания не относится ни к идеологии, ни к собственно научной сфере... *Если же выживание цивилизации принять за определяющую ценность, то вся остальная система ценностно-нормативных предпочтений сегодня не может строиться иначе*

¹⁵ А.П. Назаретян приводит цитату из Бердяева Н.А.

как при самом прямом участии междисциплинарного научного знания» [Там же, с. 129].

Говоря о сегодняшнем дне, указанный автор подчеркивает необходимость исторического перехода от упорядочивания насилия к устранению насилия как фактора международного общения [Там же, с. 121].

Теперь – о четвертой аксиоме. Результаты действия, как правило, не совпадают с поставленными целями. Можно ли говорить в этом случае, что они независимы от самих систем? Нам видится, что это не так. *Результат есть критерий соответствия целей установленной миссии.* Застой, кризис, деградация – есть сигнал об ошибочности целей и необходимости либо их корректировки, либо изменения средств и методов их достижения. Как правило, требуется и то, и другое.

Однако, вернемся к экономике. Мы помним, что до Маркса это была наука о богатстве народов. В трактовке Маркса перед человечеством была поставлена цель ликвидации частной собственности и построения коммунизма. Эдакого общества всеобщего благоденствия.

В партийных документах советских времен цель экономики формулировалась как рост благосостояния народа. Современные экономисты «запали» на темпы роста ВВП и т.п. Наша трактовка цели экономики – *создание материальных условий жизнеобеспечения и развития человечества для реализации предназначенной ему в Нашем Мире миссии.*

Однако, чтобы избежать обвинений в скрытом экономическом детерминизме, мы подчеркнем, что этим не исчерпывается цель вообще. Экономика, по образному выражению, это всего лишь «хоздвор», который позволяет нам создать некие материальные условия существования. Общая цель – намного шире и увлекательнее. Это создание здорового (в физическом и нравственном смысле) общества свободного от насилия, и реализующего

себя исключительно в творческой деятельности. И если мы делаем акцент на экономике, то только потому, что этому вопросу посвящена наша книга.

В нашем мироздании, помимо «хоздвора», есть еще и «гостиная», где мы празднуем и торжествуем, печалимся и объясняемся в любви, есть «политическая кухня», есть «рабочий кабинет», где мы предаемся творчеству и различным хобби, есть поля политических и спортивных сражений. И настоящая наша жизнь не ограничивается подобными «помещениями», а протекает именно в этих «комнатах». Вот почему экономика сама по себе не может быть мерилom успехов и достижений. Не может быть критерием эволюционного развития.

Целостность мира и его системность понятия неразделимые. Причинность внутреннего развития системы не может быть детерминирована только каким-то одним из элементов системы, и даже только какой-то одной из её подсистем, какой бы важной и значительной она ни казалась. Причины также системны как и структура составляющая целостность во взаимосвязи с внешней средой. На каждом историческом этапе, в каждой конкретной ситуации значимость одних причин может преобладать над другими, но в другой ситуации они могут меняться своими значимостями. Кроме того, обратные взаимосвязи периодически меняют причины и следствия так, что каждое превращается в свою противоположность. Прямые же взаимосвязи способны как ускорить развитие

системы, так и привести её к разрушению. Причём на разных этапах развития это могут быть одни и те же причины.

Всё сказанное не исключает того факта, что среди перечисленных элементов экономической системы есть доминирующие. Прежде всего это сам человек. Бессубъектной экономики не бывает. На второе место мы ставим знание и его носители. Всё остальное – материальные ресурсы. Человек вооружённый знаниями в состоянии менять ресурсную базу. Не сразу. В рамках временного аспекта. Но, тем не менее, ресурсная база имеет подчинённый характер.

Понятие «Нашего Мира» мы оставляем таким же, как его дал Гайдес [Там же, с. 127]: « Нашим Миром является та наибольшая и всеохватывающая система, в которой по законам иерархии существуют все объекты в качестве ее подсистем (систем n -го порядка), известные и неизвестные нам, которые могут взаимодействовать между собой, не входя в противоречие с законами сохранения и причинно-следственных ограничений».

Двигаясь логически до конца в соответствии с этой формулировкой, мы, конечно, вправе задать вопрос, а откуда может возникнуть цель-задание для этой Глобальной системы? Одним из ответов на этот вопрос может быть только гипотеза о возможном существовании некоторой субстанции, развивающейся по другим законам, нежели Наш Мир, и обладающей неким Высшим Разумом. Возможно, что наш мир построен по принципу змеи,

кусающей себя за хвост – его начало находится там же, где находится конец, то есть, одна система переходит в другую, образуя некий замкнутый цикл. Ответа на этот вопрос мы не знаем, а значит с научной точки зрения мы должны допустить любой из возможных вариантов. И в этом смысле, может быть впервые с материалистических позиций, мы допускаем нечто, что можно назвать Божественным началом. Но в любом случае, не вызывает сомнения, что мы имеем дело с неким генетическим кодом эволюции законы которого строги и последовательны.

В чем может заключаться миссия человечества? На мой взгляд, она будет непростой и благородной. Мы рекомендуем, по данному вопросу, ознакомиться с работами Побиска Кузнецова и Михаила Веллера. Нам же сложно рассуждать о том, что закрыто пеленой времени. Очевидно, однако, что сам человек, как биологический вид, в ближайшие столетия в значительной степени преобразуется. Развитие биологии, генной инженерии и появление вместо компьютеров нейросистем позволит сделать его если не бессмертным, то, во всяком случае, продлить жизнь несопоставимо с живущими ныне. Все это в совокупности с развитием техники сделает его практически неуязвимым в космическом пространстве. Нам думается, что этот мир лежит за пределами экономики, а значит и за пределами нашего исследования.

И, все-таки, вернемся к вопросу заданности цели извне. Это ключевой момент общей теории систем, и в нем необходимо разобраться досконально.

Главное критическое замечание в этом вопросе заключается в правомерности распространении антропологического подхода на неодушевленную природу. Какие цели могут быть у Солнечной системы или у лежащего на дороге камня? Хотя этот пример не совсем корректный, так как в первом случае мы имеем дело с системой, а во втором – просто с отдельно взятым объектом. Но это сейчас не важно.

Важным для нас будет признание наличия субъектных и бессубъектных систем. Общим для них являются то, что они существуют в некой внешней среде, которая по отношению к ним является более глобальной системой, а они в ней – неким структурным образованием. Система всегда выступает как *«дискретная модель непрерывного бытия»* [Волкова, Денисов, 2006, с. 233]. Разнообразие развития структур не может нарушить целостности бытия и иерархической соподчиненности. Отсюда цель для подчиненной структуры выступает как некий *коридор развития*, границы которого определяются более высокой единицей целостности. Безусловно, термин «цель» здесь не совсем уместен и только создает путаницу. Но целевая направленность коридора развития не вызывает сомнения. Возможно, что вместо термина «цель», правильнее говорить о подчиненном содействии структурных образований.

Особенности субъектных систем также очевидны. Субъект, во-первых, в состоянии выявить данный коридор развития сначала эмпирическим путем, а затем и на научной основе. Он делает это на основе собственного целеполагания и достигнутых на этой основе результатов.

Во-вторых, границы субъектной системы размыты в том плане, что субъект постоянно расширяет сферу своей деятельности, переходя из более простой структуры в иерархически более сложную.

В-третьих, субъект сам формирует технические организационные и другие системы, подчиняя их себе и взаимодействуя с их помощью на более глобальные системы.

В-четвертых, субъект, как исследователь, изначально сам вычленяет те или иные системы и их глобальный эффект. Результатом таких исследований становятся либо доказательства объективного существования таких систем и их функциональных особенностей, либо доказательства надуманности вычлененных структур.

Подходить к любому объекту с позиции цели его существования есть не что иное, как вульгаризация Общей теории систем. Тот же камень на дороге может рассматриваться как некая система взаимодействия атомов и молекул между собой. Но он сам является элементом, маленькой частицей земной коры. И его коридор развития не может быть вычленен из этой целостности. При желании это можно сделать, только всегда ли это нам так необходимо? Построение систем, выявление их целевых установок, функциональности – задача не из простых и не терпит легковесных суждений.

И всё-таки читатель должен понять отличие нашего толкования цели от того толкования, которое дано Гайдесом. В нашем понимании *цель есть процесс взаимодействия объективного (более глобальная система) и субъективного (человек, общество) на определённом этапе развития. Объективное обладает свойством проявления. И чтобы быть познанным, оно, по крайней мере должно себя проявить в достаточной мере. Человек, общество могут по разному понимать объективное не только в силу его*

недостаточной познаности, но и в силу социальной неоднородности общества, в силу существующей дифференциации интересов. То, что одним видится как назревшая цель развития, другим может представляться как крушение всех надежд, как итог напрасно прожитой жизни. Это крайние точки. Но они объясняют нам почему объективная цель растворяется в нашей субъективности и претерпевает, так называемую, декомпозицию, о которой более подробно мы поговорим ниже. В общем виде цель предстаёт перед нами как проблема развития и выживания. Но во временном ракурсе цель приобретает конкретно-исторические очертания и социальную (классовую) направленность. Последовательность объективных целей есть фактически генетический код эволюционного развития мира. Его познание открывает нам завесу будущего. Горизонт предвидения будущего тем шире, чем более мы понимаем этот генетический код. Последний не есть лапласовская детерминированность мира. Но это есть дорожная карта человечества, не предерживаться которой можно, но при этом следует понимать, что такой путь – себе дорожке. Цель или в более общем виде – подчинённое развитие структурных

образований, выражающееся в их предназначении – это то, что в конечном счёте и обеспечивает целостность мира. Причём обеспечивает так, что внешнее (объективное) проявляет себя как внутренняя потребность (субъективное самовыражение), тщательно вуалируя имеющее место быть насилие. Коридор развития целостен и однозначен. Цель вариантна по способам достижения, по исторически-временному характеру возникновения, по используемым ресурсам. Поэтому проблема заключается не в целеполагании, как это видится сегодня в науке, а гораздо шире – в **целепостижении**.

Исследованию генетического кода эволюционного развития мы планируем посвятить следующую нашу книгу. Пока же считаем необходимым ограничиться сказанным.

§5. Эволюция систем и блоков управления. Общественное сознание.

«В любой системе важнейшей точкой приложения рычага служат убеждения людей, образующих систему, потому что именно убеждения поддерживают систему такой, какова она есть.»

Дж.О`Коннор, И.Макдермотт

Рассматривая эволюцию систем, М.А. Гайдес выделяет *генерацию* – объединение минеральных элементов в систему, что создает *пассивную* защиту. Это путь от ионных и газовых облаков до кристаллов. Но для защиты только пассивных средств не достаточно. И следующий этап – это *обмен веществ*. Система сохраняется постоянно, восполняя разрушенные части. Таков мир растений. Уже здесь мы наблюдаем элементы самоорганизации.

Но растения не могут предвидеть предстоящие разрушения, у них нет понятия о пространстве, и они не видят ситуацию вокруг себя. Следующий уровень – это животный мир.

Далее Гайдес выделяет человека на основе того, что он накапливает знания, но Гайдес не видит и не понимает значения описанных нами носителей знания, хотя и указывает на то, что у человека, в отличие от животных, появляется вторичная сигнальная система, которая позволяет сохранить личный опыт в виде письма для других поколений.

На этом Гайдес останавливается в анализе эволюционного развития, констатируя, что эти системы различаются по сложности блоков управления. Упрощенно это выглядит так. Стадия генерации определяется связями между элементами, и может обеспечивать лишь пассивную защиту. Рецепторы, обеспечивающие взаимосвязь с окружающей средой и обеспечивающие обмен веществ, служат блоком управления у растений. У животных появилась первая сигнальная система в виде врожденных и приобретенных рефлексов и сложных поведенческих реакций. Вторая сигнальная система человека позволяет учитывать коллективный опыт, опыт поколений, предвидеть ситуацию и осуществлять целеполагание. Мы находим, что это не вполне достаточный анализ. Безусловно, человек изначально существо социальное. Но социальность социальности рознь. Многие животные существуют и могут вести свою жизнь только в стаде или в стае, и в этом

смысле они тоже социальные. Однако, появление орудий труда, развитие носителей знаний, а также появление средств массового воздействия на человеческое сознание (радио, пресса, телевидение, интернет) делают определяющим в развитии не индивидуальное, а общественное сознание. Этому в значительной степени также способствует появление государственности и возрастающая значимость государственного аппарата. С одной стороны, общественное сознание может где-то проигрывать сознанию индивидуальному – ведь надо еще суметь договориться. Но договорившись, по объему знания и силе воздействия общество и общественное сознание не в пример могущественнее индивидуального. Оно позволяет объединить усилия больших масс людей, направить их деятельность на установленные цели. При возникновении проблем появляется возможность услышать самые различные мнения по конкретному вопросу вплоть до противоположных. Их обсуждение и анализ позволяет сократить количество возможных ошибок в деятельности общества.

Общественное сознание само по себе инерционно, хотя, в определенные исторические моменты, и способно на спонтанные решения. Попытка за счет недемократических способов (монополия на СМИ, цензура, навязчивая пропаганда, внедрение однопартийных систем и т.п.) еще более законсервировать общественное сознание, самоубийственна по своей сути.

Индоктринация – некритическое принятие личностью (и обществом в целом) чужих идей (доктрин), свойственна людям вообще, но особенно, если их еще и изолируют от других идей (доктрин). В этом плане необразованными и демократически неорганизованными людьми управлять намного легче. Однако, в этом случае не следует забывать об эволюционном развитии. Авторитарное общество в этом плане всегда раздираемо противоречиями. Доказать свое право на существование они пытаются экономическими успехами. Но достичь последних невозможно без роста

образования. Образование же порождает сомнения в праве автократии на существование. В этом плане коммунизм был обречен, впрочем, как и другие виды диктата.

Мы уже не раз отмечали, что развитие общества может идти только на основе продвинутого сознания. Такого сознания, которое может увидеть недостатки сегодняшнего бытия и сформировать цели будущего, в котором этих недостатков либо не будет, либо они примут менее губительную форму.

Грубый воинствующий материализм породил экономический детерминизм, от которого на словах пытаются откреститься марксисты, списывая это понимание на бедного Лафарга [Лафарг, 2007]. Однако, это легко опровергается множественными проявлениями указанного недостатка в самих трудах Маркса, выражающегося следующим образом: «1) трактовка экономики как реального базиса, по отношению к которому всё остальное в обществе есть надстройка; нечто вторичное, производное; 2) принцип примата производства; 3) ограничение производительного труда лишь теми видами, которые относятся к отраслям материального производства; 4) развитие производительных сил как всегдашняя причина изменения производственных отношений; и ряд других» [Ракитский, 2010, с. 14]

Историко-материалистический подход в политэкономии, помимо того, что забывает о ситуациях, когда причина и следствие меняются местами, зачастую

выдаёт сложившуюся последовательность событий за причинно-следственную связь. Под воздействием науки и человеческого опыта изменяются технические элементы экономики. Происходят изменения и во взаимосвязях. Иногда они происходят также под воздействием науки и опыта, иногда под воздействием изменившихся технических средств. Однако процесс изучения постоянно изменяющихся общественных отношений, задача многократно более сложная чем изучение технических проблем. Отсутствие научной общественной теории, позволяющей визуализировать будущее, заводит человечество в тупик, экономические проблемы начинают решаться с помощью военных действий, теоретическая слепота приводит человечество в уныние и отчаяние. И никакое изменение производительных сил на ситуацию повлиять не может. Только появление теории, превращение её в идеологическую базу определённых движущих сил, признавших эту теорию, способно продвинуть общество на следующую ступень развития. Но даже при этом не факт, что данная теория ни окажется безошибочной, и человечеству ни придётся через некоторое время всё начинать сначала.

Этот, описанный нами очень схематично, процесс изменения социальных условий жизни гораздо богаче, сложнее и разнообразнее, чем открытие Маркса, заключающееся в том, что «анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» [Маркс, 1859, с. 6]. Развитие этой идеи вылилось «в придание исключительных причинных свойств материальному производству, материальным производительным силам, способу производства материальной жизни, материальным условиям существования экономических отношений... Все общественные отношения, за исключением экономических, лишались таких свойств – быть причинами общественного бытия и развития.» [Ракитский, 2010, с.55]

Тем не менее, вера в экономические успехи без умственных усилий, без активного участия народа в политической жизни страны, без создания гражданского общества и правового государства живет и побеждает. Отрезвление приходит, например, вместе с падением цен на нефть, с возникшей социальной напряженностью. Но и тут у нерадивых политиков найдутся виноватые в виде спекулянтов и политиков зарубежных государств.

Борьба за общественное сознание – это основной плацдарм сегодняшней борьбы между силами добра и зла. Для того, чтобы победить в этой борьбе, вовсе нет необходимости, чтобы 100% населения восприняло ваши идеи. Нет необходимости даже в 51%, то есть, в большинстве. Общественное сознание определяет всегда некая критическая масса, составляющая не более 7 – 10% населения. Это элита общества – либо находящаяся у власти, либо идущая ей на смену. При этом, 4-6% хватило бы для создания некой критической массы, способной обеспечить дальнейшую победу. Это, безусловно, условие недостаточное, но необходимое.

«Утечка мозгов» за границу, которая, как эпидемия, охватила всю Россию, быть может самое страшное преступление сегодняшнего российского государства. Потеря этой части населения не только лишает страну последних надежд на прогрессивные перемены, но и на сохранение целостности страны.

Государственный социум и общественное сознание – это не предел развития систем.

Границы будут рушиться, формируя мировое сообщество и мировое сознание. Сегодня в этом плане быстрее всех продвигается Европа. Возможно, она где-то даже опережает время и испытывает в этом плане дополнительные сложности. Но, чем бы ни закончился этот эксперимент, он будет не менее ценен, чем опыт межнационального сожительства в Советском Союзе, а ныне – в России.

Независимо от того, как быстро по времени будет складываться это мировое сообщество, политика современного государства должна строиться с ориентацией на будущее.

Однако, ничуть не противореча вышесказанному, мы хотим заявить прямо, что именно это ближайшее будущее требует приостановить интеграционные процессы.

Это наше убеждение основано на том, что Западная цивилизация, и об этом мы будем говорить ниже, переживает сегодня цивилизационный кризис. Он начался не сегодня, но сегодня он ускорился, и во многом этому способствовало крушение социализма в Советском Союзе.

Идти сегодня вслепую за Западом – это не что иное, как поддаться общему психозу толпы и ринуться к пропасти.

Ничего хорошего мы не видим и в тех интеграционных потугах, которые осуществляет сегодня Россия в рамках Таможенного союза, и ВТО. В первом случае попытки перекупить союзников кредитами и газонефтяными подачками обречены на провал и разорение России. Такие союзники разбегутся сразу же, как закончатся эти подачки, а то, что они в скором времени закончатся – это не вызывает сомнений. Что же касается ВТО и подобных ему финансово-кредитных базельских соглашений, это путь в пропасть в фарватере западной цивилизации. Нельзя не согласиться с мнением [Львов, 2000, с. 9]: «В этой ситуации России нельзя довольствоваться очередной ролью козла отпущения за мировой грех индустриальной и постиндустриальной цивилизации, смиренно ожидать очередных испытаний судьбы, пока историческое провидение нащупает новый глобальный баланс, продлевающий существование мира. Как минимум, мы не должны собственными действиями у себя дома и во внешней политике усугублять мировой кризис, а добиваться глобального перераспределения рисков, связанных со спорадически возникающими обострениями этого кризиса.

И в этом поиске самоидентификации ничто – *включая институты плановой экономики* (выделено нами) – не может быть отброшенным в угоду «чистоте» антисоциалистической доктрины, как ничто – *включая западные методы государственного прессинга экономики* (выделено нами) – не может

быть принято только потому, что фактически применяется в рамках системы, альтернативной социализму».

Прежде чем бежать толпой (и не важно, возглавляем мы это движение или движемся в его хвосте) в сторону пропасти, необходимо вырабатывать *идеологию*, на базе которой только и возможна реальная здравая интеграция. И в основе этой доктрины не может лежать экономика, которая не базируется на нравственных и духовных ценностях эволюционного развития общества.

Идеологический нигилизм, который сегодня присутствует в правящих и либеральных кругах, свидетельствует лишь об уровне компетенции и честности власть имущих и претендующих на нее. Эти люди исподтишка, молча проводят свою воровскую идеологию, только прикрываясь отсутствием идеологии.

В качестве антиидеологического пугала используются методы тоталитарных режимов. Нам пытаются доказать, что наличие идеологии и эти методы неразделимы. Нас пытаются убедить так, чтобы мы смирились навсегда с тем, что политика – это грязь, и другой политики быть не может.

На самом деле, идеология – это не больно! Это всего лишь взгляд на сегодняшний мир с позиций современного научного понимания. Это демократический поиск дороги в будущее. Выработка стратегических целей и тактики их достижения. Не бойтесь в этот путь отправиться в одиночку. Если ваша дорога ведет к храму, а не к борделю, то вы не будете одиноки. И не верьте тем, кто будет вас убеждать, что эта дорога невозможна из-за отсутствия денег. За этим стоит не что иное, как неверие в мотивацию людей принципами добра и справедливости, которые, в конечном итоге, в совокупности с разумными организационными шагами, и решает радикально проблему дефицита денег и других ресурсов.

Россия, несмотря на ее экономическую отсталость, имеет, как никакая другая страна в мире, уникальную возможность выйти из тенденций

европейского и североамериканского цивилизационного кризиса, избрав свое направление развития.

При этом, мы абсолютно не ратуем за изоляционизм социалистического толка, за очередной «железный занавес». Отказ от западных ценностей вовсе не исключает, а предполагает значительную их преемственность, но на иной идеологической базе.

В экономическом плане инвестиционный климат в стране должен быть не просто благоприятным и конкурентоспособным, но и *безопасным* в плане ожидаемой развязки цивилизационного кризиса. Поведенческая траектория России в этом плане может не только смягчить сам кризис в Европе, но и помочь некоторым странам миновать его. Потому действия России не могут и не должны быть агрессивными по отношению к другим странам. Хотя, идеологическая и экономическая самостоятельность, особенно на начальном этапе, повлечет за собой хулу и непонимание.

Проблема идеологии напрямую стыкуется с *национальной идеей*. Если мы говорим о необходимости избежать западноевропейского цивилизационного кризиса, то в общем виде речь может идти о создании (формировании) новой цивилизации. Не пытаясь сформулировать это более конкретно, и не вдаваясь в дискуссионные вопросы, которые в значительной степени уже продвинуты в научной литературе, нам бы хотелось сформулировать некоторые критерии, которым должна отвечать эта национальная идея.

1). Она должна отвечать задачам и проблемам времени, а не быть «высосанной из пальца».

2). Поскольку речь идет о России, то в словосочетании «национальная идея» мы не можем не сделать ударения на первом слове. Но, по своей сути, это должна быть национально-имперская идея. В этом плане она будет наиболее соответствовать менталитету и характеру российского народа.

Слово «имперская» говорит только о значимости идеи, но не предполагает ни агрессии, ни гегемониям, ни навязывания своих идей другим народам.

3). Она должна быть реальной, но глобальной по масштабам деятельности.

4). Она должна быть увлекательной для масс и элит.

5). Она должна решать практические задачи не только будущего, но и настоящего.

6). Она не должна быть агрессивной, но привлекательной для других стран и народов.

7). Она должна соответствовать специфическим особенностям России, позволяющим именно ей решать подобные проблемы.

Отсутствие такой идеи вследствие отсутствия государственной идеологии сегодня мы компенсировали бы простым лозунгом: «Мы это можем!». Мы можем поставить перед собой небольшие, но реальные цели, а добиваясь их, шаг за шагом доказывать себе: «Да, мы это можем!». И однажды мы поймем, что мы можем гораздо и больше. Тогда и придет понимание национальной идеи. Заманчиво выглядит предложение писателя Юрия Полякова [Поляков, 2014, с. 216-220] определить в качестве национальной идеи 4 «Д»: державность, духовность, достаток, демократию. Только вместо изрядно дискредитировавшей себя демократии мы бы предпочли видеть «народовластие». Впрочем, это не противоречит и мнению Юрия Полякова.

§ 6. Ценности.

«...Связь между целями и ценностями бесспорна. А именно: ценности определяют цели, а не наоборот».

[Пригожин, 2010, с. 17]

История знает две великие книги, которые изменили судьбы человечества. Одна из них – Библия, другая – «Капитал» К. Маркса. Первая посвящена ценностям человечества, вторая, по сути, отбросив их, поставила перед человечеством определенную цель. Авторитет первой в части утверждаемых ценностей (не зависимо верит человек в Бога или нет, и к какой конфессии принадлежит) незыблем и поныне. Ошибки второй оплачены кровью миллионов, поруганными судьбами и отсталостью России.

О чем это говорит? Да только о том, что ценности выше целей. В понимании своих целей мы субъективны, а значит, можем быть неправы, можем ошибаться. В этой ситуации ценности служат «флажками запрета», за которые заходить нельзя. Если цель, какой бы красивой она не была, требует пренебречь этими флажками – остановитесь! Вы на ложном пути!

Ценности несут функцию *необходимых условий развития*. Поэтому они должны постоянно трансформироваться в цели и как условие, и как самоцели.

В [Пригожин, 2010, с. 21-23] приводится следующая классификация ценностей.

Прежде всего, они делятся на материальные и нематериальные.

По происхождению:

- *органичные* - которые по природе присущи данной личности;
- *обретенные* – усвоенные под воздействием воспитания, образования, средств массовой информации, в ходе трудовой или общественной деятельности. Это ценности, которые в наибольшей степени могут быть подвергнуты изменению;
- *избранные* - определяющие, в конечном счете, целевые установки личности.

По направленности:

- *антропоцентрические* – определяющие развитие личности и направленные исключительно на нее. К таким ценностям можно отнести семью, дом, благосостояние, а также честь, свободу, достоинство, самореализацию;

- *социоцентрические* – это ценности уровня общественной значимости: долг перед Родиной, законность, демократия. Это категории более сложного порядка, и поэтому каждый может наделять их своим пониманием, вплоть до взаимоисключающих;

- *сакральные* ценности – ценности, так или иначе связанные с верой в Бога: праведность, смирение, любовь к ближнему.

К этому перечню мы могли бы еще отнести *элитарные* ценности – ценности, связанные с совестью и честью. Эти ценности элитарны тем, что они не связаны со страхом наказания в этом или загробном мире. Они элитарны в соответствии с сократовским замечанием: «мудрому не нужен закон, у него есть разум». Это не фанатизм глупца, а простые человеческие поступки, продиктованные внутренним пониманием норм нравственности. Они скорее жертвенны, но никогда не агрессивны.

И опять мы обращаем ваше внимание на существование индивидуальных и общественных ценностей. Не может индивидуум добиться своих целей, если они не коррелируются с ценностями, овладевшими общественным сознанием. Общественные цели способны объединить или разъединить общество, вызвать общественный энтузиазм или депрессию, обеспечить доверие правительству или его молчаливое отторжение.

Ценности, в отличие от целей, стабильны. Они, практически, не подвержены изменениям. Но на разных исторических этапах их значимость в глазах людей может менять их места. Не претендуя на истину в последней инстанции, позволю себе привести иерархию ценностей здравомыслящего общества. И начнем мы с материальных ценностей:

- *Ценность любой человеческой жизни.* Любое общество должно думать, как себя сохранить. Но только одна постановка такого вопроса требует пересмотреть Конституцию, изменить военную доктрину, изменить концепцию здравоохранения, изменить отношение к дорожному строительству и автомобилестроению, к миграции и эмиграции, гендерологии общества, и провести не просто пенсионную реформу, а реально озаботиться положением стариков в обществе, кардинально решить жилищную проблему и изменить положение женщины в обществе, производящих в течение года больше аборт, чем рождается детей (и это при развитой продаже контрацептивов). А чего стоит в этом смысле пенитенциарная система? А как у нас борются с алкоголизмом, с наркозависимостью? Соответствует ли этим понятиям бюджетная политика?

- *Здоровье нации (населения страны).* Все, что сказано в предыдущем абзаце, можно было бы перенести в этот пункт. Проводить Олимпиады и побеждать на них, возможно, тоже необходимо, но куда важнее иметь физически здоровое общество. Это дешевле, чем лечить больных. Здоровый образ жизни должен быть культом с рождения, особенно – в школе, да и по всей жизни. Спортивные площадки должны быть доступны всем, а не только богатым. Города не должны строиться без велосипедных дорожек, а в спортивные комплексы нельзя добираться по полтора часа. Здоровье требует надлежащего лечения и лекарств. Борьба с фальсификацией этих продуктов должна быть на уровне развитых стран.

- *Образование и наука.* У нас совершенно отсутствует концепция образования. Все, что мы наблюдаем, это возня вокруг ЕГЭ, которая в образовательном процессе должна занимать даже не второе, а десятое место. Никто не может ответить на вопрос: какого человека мы хотим видеть в возрасте 18 лет, и как этого достичь?

Только недавно задумались о том, какова зарплата учителей. Еще с советских времен так сложилось (опять же из-за неправильной расстановки ценностных приоритетов), что в педагогические вузы и училища идут люди, которые не имеют шансов поступить в иные вузы, а не по призванию. И это в основном женщины (ничего не имея плохого в виду в отношении женщин, полагаем, что сложившаяся непропорциональность присутствия мужчин в образовательном процессе накладывает свой качественный отпечаток на воспитание). И общество не задумывается, что именно этим людям мы доверяем души наших детей. Что ждем мы от нового поколения?

Введение ЕГЭ, в качестве единого критерия оценки человека вступающего в жизнь, свидетельствует прежде всего о низком интеллектуальном уровне развития самих чиновников от педагогики. Любое тестирование – это есть определённая попытка экзаменующего выявить так называемый коэффициент интеллекта IQ у экзаменуемого. Но, как известно, наряду с IQ существует ещё и EQ – коэффициент эмоционального интеллекта. Он характеризует общительность, настойчивость, невозмутимость в стрессовых ситуациях, умение осознать и контролировать свои эмоции, чувствовать и понимать эмоции других людей. По мнению видных учёных в этой области знания интеллект и эмоции тесно взаимосвязаны, и именно их сочетание позволяют человеку максимально реализовать свой потенциал в личной жизни и профессиональной

деятельности. Ещё в 1995 году Д.Гоулман с соавторами в книге «Emotional Intelligence» (изданной, кстати, под несколько иным названием и у нас в России) на основании проведенных исследований указывал, что успешность любой деятельности лишь на 33% определяется тем, что мы относим к IQ, а на 67% - эмоциональной компетентностью (EQ). Для руководителей это отличие выражено ещё сильнее: 15% успеха определяется IQ, остальные 85% - это EQ. Бездарное управление в педагогике может породить только массовую бездарность, которая и будет управлять нашей страной в будущем.

Ценность ученых низка, а отношение к ним – безалаберно. Потеряна преемственность научных поколений. Наиболее способная молодежь при первой же возможности покидает страну. Для людей типа медведевых, заявляющих, что если специалист решил уехать из страны, то он все равно уедет, понятие генофонда страны – простое сотрясение воздуха. Реформы для них – это контроль над денежными потоками и переодевание костюмов. При этом мы вовсе не говорим о необходимости ограничения в праве передвижения. Мы за то, чтобы правительство задумалось о том, как создать комфортные условия этим специалистам в своей стране.

- *Собственность страны и частная собственность.* Нам принадлежит одна седьмая часть суши. Эта территория насыщена природными ресурсами. При нашем отношении к такому богатству, мировое сообщество рано или поздно поставит вопрос о его эффективном использовании и о праве российского народа в одиночку распоряжаться таким богатством.

В [Чернышев, 2007, с. 29-45] приводятся 10 сюжетов сравнительно честного отъема у нас этого богатства. Капитализация активов страны чрезвычайно низка. По оценке того же автора [Там же, 2007, с. 48], по сравнению с Западом, аналогичные активы в нашей стране в среднем в 40 раз дешевле (оценки производились в 2004 -2005 гг, сейчас ситуация еще хуже). Природные богатства страны не оценены и не включены в хозяйственный оборот. Отсутствие уважения к частной собственности, правовой нигилизм, коррупция, налоговая система, инвестиционная политика – все это обесценивает труд многих поколений и наше природное достояние.

Коррупция в армии, в правоохранительных органах вызывает большие опасения в том, что наши границы «на замке». Не бывает сильной армии при чахнущем производстве. Приоритеты международной политики основаны на дружбе с одиозными режимами, имперских (ничем не подкрепленных) амбициях, на утрате политической значимости, приобретенной страной после 1945 г.

Незыблемость частной собственности при узаконенных рейдерских захватах, при «басманном» правосудии, при чиновничьей коррупции не может быть обеспечена в должной мере.

- *Жилищная политика.* На протяжении 75 лет советской власти осуществлялась политика закрепощения населения путем ограниченного жилищного строительства и привязывания людей к предприятиям, к определенному месту жительства [См. по этому поводу: Меерович, 2012, с. 198 - 245]. Проблема дефицита жилья, проблема моногородов, обслуживающих одно предприятие, оказавшихся сегодня ненужными и незагруженными, плавно от Советского Союза перешла России.

Президентская программа «Доступное жилье» осталась на бумаге. Более того, ситуация с каждым годом усугубляется. Муниципалитеты вздули цены на городскую землю, в разы возрастает стоимость подключения к

коммуникациям, безгранично число согласований, коррупция, инфляция. Все это поднимает цены на квадратные метры до заоблачных высот. С другой стороны, «замораживание» зарплаты в связи с отсутствием роста производства, безумные проценты за ипотеку напрочь закрыли дорогу к решению проблемы. Само наличие такой проблемы в XXI веке – позорное пятно на всем управленческом аппарате государства.

- *Дорожное строительство и транспорт.* Дураки и дороги – извечные проблемы российской действительности. Мы не можем не согласиться с [Вассерман, 2012, с. 167], который пишет: «Похоже, нашим властям не ведома транспортная теорема, многократно доказанная всей мировой историей: если межрегиональные связи развиваются медленнее самих регионов, государство разваливается». На самом деле, у нас ситуация выглядит еще хуже. У нас значительная диспропорция в развитии регионов. Ссылаясь на доклад А. Хлопонина на Госсовете 21.07.2006 [Ореховский, 2010, с. 11], приводит такие цифры: объем промышленного производства между самыми благополучными и самыми неблагополучными регионами в 2000 г. отличался в 64 раза, к 2005 г. он возрос до 281. Разница в доходах региональных бюджетов на душу населения выросла за 5 лет с 50 до 194 раз. Разница в объемах инвестиций на душу населения с 30 до 44 раз, уровень безработицы – с 29 до 33 раз.

Неконтролируемая централизация привела к гипертрофированному развитию Москвы. При огромных незаселенных территориях в ней сосредоточилось более 10% населения, превысив все имеющееся население за Уралом.

Плохие автомобильные дороги дополняет дороговизна билетов на авиаперевозки внутри страны, порой вдвое – втрое превышающие стоимость билетов на такое же расстояние при поездке за рубеж. Отсутствие в достаточном количестве малой авиации в условиях бездорожья делает недоступными малые города и поселки.

Сеть железных дорог не развивается, подвижной состав – устарел. Коммерческая скорость составов - на уровне середины XX века.

Одной из качественных характеристик автомобильных дорог и автотранспортных средств является смертность в дорожно-транспортных происшествиях. Ежегодно погибает более 30 тыс. человек. Более половины из них умирает из-за того, что им с опозданием оказывается первая медицинская помощь.

- *Экология.* Сегодня страна превращена в свалку мусора и радиоактивных отходов. Факты, порой, потрясают воображение. В [Меркурьева, 2013] рассказывается о беспрецедентном государственном преступлении: умышленном создании наземного хранилища оружейного урана и плутония на ПО «Маяк» в Челябинске.

Мусороперерабатывающие заводы в стране практически отсутствуют. При этом, загрязняются огромные территории. Расценки на открытых свалках таковы, что окупаемость существующих заводов могла бы быть достигнута за 3-5 лет. Однако, согласовывать строительство таких заводов практически не удастся. Перед администрацией городов ставятся простые условия: дайте гарантию соблюдения тарифов в соответствии с бизнес-планом на период окупаемости завода и гарантию того, что мусор не будет вывозиться на открытые свалки. В ответ: «Никаких гарантий – стройте на свой страх и риск». И это предлагается частным инвесторам. Но и за счет бюджетных средств такого строительства не ведется.

Описать все проблемы, связанные, скажем, с разливами нефти, с отходами свиноферм и птицефабрик, здесь не представляется возможным, да и не входит в нашу задачу.

Из нематериальных ценностей на первое место мы бы поставили *борьбу с коррупцией и воровством*. Однако, эта проблема никогда не будет решена без *честных выборов, открытой политической борьбы*, в результате

которой обеспечивается периодическая сменяемость власти, наличия *независимой прессы* и таких же *независимых правоохранительных и судебных органов*. Здесь мы имеем клубок проблем, которые частично рассмотрены мною в «Открытом письме к партиям, не прошедшим на выборах в Государственную Думу» в декабре 2011 г. и размещенную в данной книге в качестве Приложения 2, к которому мы и отсылаем читателя.

Приоритет ценностей над целями призван сформировать в экономике психологию **доверия**, являющуюся концентрированным итогом соблюдения нравственных принципов. И только на этой базе можно перейти к изменениям в институциональной реальности.

С советских времен наши Конституции напичканы всеми правами и свободами, присущими демократическим обществам. Однако, законодательная практика делает все, чтобы эти права оставались только на бумаге: либо отсутствуют механизмы реализации этих прав, либо принимаются такие законы, которые низводят эти права и свободы до ничего не значащих категорий.

Наиболее важные ценности того или иного общества носят цивилизационный характер. Речь о кризисе Западной цивилизации ведется с начала XX века такими авторами, как О. Шпенглер, Й. Хейзинг, П. Бьюкенен, А. Тойнби, П.А. Сорокин. Характерны названия посвященных этой теме книг: «Закат Европы», «Осень средневековья», «Сумерки идолов», «Понятие и трагедия культуры», «Проклятая культура», «Кризис европейского человечества и философии», «Неудовлетворенность культурой», «Конец Нового времени» и т.п.

Цивилизационные кризисы, как и любые другие кризисы, имеют внутренний характер и образуются в результате диспропорций,

складывающихся между целями и ресурсами их достижения. Цивилизационные диспропорции возникают в результате гипертрофирования, казалось бы, оправдавших себя в исторической ретроспективе, существующих ценностей.

В [Лексин, 2012, с. 79] отмечается: «Новейшей западной цивилизацией оставлены в наследство ценности прав человека, его свободы и достоинства, ценности рыночной организации экономики и начавшейся глобализации. И было бы странным полагать, что доступность научно-технических решений постиндустриального общества вкупе с глобальным разделением труда и навыками «жизни в кредит» не изменили *прежнее отношение* к потребностям. Стало нужно больше всего (товаров, услуг, финансов, демократии и т.п.) и гипертрофия ненасытного потребления обрела тотальный облик».

В чем это выражается? Идеология потребления стала вытеснять и подменять многие нравственные принципы:

- Если ты такой умный, то почему до сих пор бедный?
- Все покупается и продается.
- Если что-то нельзя купить за деньги, это можно купить за большие деньги.

Этот перечень афоризмов можно продолжать и продолжать.

Успешность человека определяется уровнем накопленных потребительских благ. Причем, зачастую, никого не интересуют способы этого накопления. На пропаганде потребления кормятся киноиндустрия, реклама, телевидение и т.д.

Индивидуальные ценности потребления вытесняют и делают постыдными разговоры об общественных ценностях.

Однако, на наш взгляд, цивилизационный кризис Запада выражается в потребительском перекосе общественного сознания и повседневного быта. К существенным факторам этого кризиса мы бы отнесли еще две вещи:

1. Отрыв финансовой системы от нужд, потребностей и закономерностей экономики, цветущий как плесень - паразит на здоровом теле общества, и
2. Отсутствие необходимой системы контроля за чиновничье-полицейским государством, или, во всяком случае, отставание решения этих проблем от потребностей времени.

Нет ничего предосудительного в том, что вечно отсталая Россия ринулась в беспрецедентную гонку за этой «жар-птицей» потребления. Народ действительно устал от нищеты и дефицита «заморских тряпок». За полученное право купить без очередей и унижительного «блата» джинсы и кусок колбасы, основная часть населения 20 с лишним лет терпимо относится к тому, что в этой гонке преуспели не многие, да к тому же не за счет своего ума и таланта, а за счет близости к государственной кормушке.

Народ еще и сегодня во многом страдает не от переизбытка потребления, как материальными ценностями, так и демократией и человеческими правами, но от их недостатка. Однако, ни до большинства народа, ни до его элиты пока не доходит, что западная цивилизационная система сложилась и находится в кризисе. Таким странам, как Россия в ней отводится место аутсайдера и полигона, позволяющего удерживать этот кризис в хроническом состоянии, не доводя его до крайности. Роль таких стран, как Россия, это роль «козлов отпущения», на счет которых будут отнесены все издержки данного кризиса. И мы здесь не говорим, что Запад плохой или в чем-то виноват. Он будет так действовать потому, что у него нет

другого выхода, а правящая верхушка России делает все, чтобы этот сценарий осуществился.

Благополучие экономически развитых стран, в том числе и благоденствие рабочего класса этих стран, базируется на неэквивалентном обмене с менее развитыми странами, а попросту на эксплуатации народов этих стран. Составляющие этой эксплуатации таковы:

1. Политическая зависимость менее развитых стран от стран-сателитов, позволяющая последним свободно проникать на рынки аутсайдеров, при этом открывая свои на весьма кабальных условиях. Эта зависимость проявляется, когда более слабые страны заставляют участвовать в военных и экономических акциях против третьих стран в угоду более сильным.
2. Финансовый контроль над рынками. Об этом мы подробно писали в первой главе в разделе о деньгах.
3. Создание резервных валют и постоянное их обесценивание. Превращение в должников не

только жителей своей страны, не только своих государств, но и всего мирового сообщества.

4. Использование коррупционных форм осуществления государственной власти в развивающихся странах в свою пользу. Пусть читателя не вводят в заблуждение периодические пиар-компании по обличению коррупции. Это не более чем дымовая завеса, и один из рычагов воздействия на в чём-то несговорчивых политиков.
5. Формирование и поддержка транснациональных монополий диктующих не только свои неэквивалентные цены на рынках, но и просто вытесняющих с рынка всех неудобных.
6. Концентрация интеллектуальной собственности (ноу-хау, программное обеспечение, открытия, изобретения, кино-, теле- и видеоиндустрия, обучение). Целенаправленная организация «утечки мозгов», патентование открытий и изобретений «с запасом», когда патентуются не только совершённые открытия и осуществлённые изобретения, но и всё то, что

потенциально может появиться в будущем. Введение такого юридического и финансового порядка регистрации патентов для иностранцев, который фактически непреодолим для них.

7. Использование технических достижений, требующих крупных капитальных и научно-технических затрат (самолётостроение, средства войны и обороны, автомобилестроение, судостроение и т.д.)
8. Неограниченная и неприкрытая интервенция на рынках слаборазвитых стран и создание «пробок» на своих.
9. Брендирование товаров. Возможности значительных вложений в качество и рекламу товаров массового спроса, а затем использование бренда как основную составляющую цены товара.
10. Концентрация капитала (стимулирование его вывоза из слаборазвитых стран) за счёт возможностей предоставления более благоприятных условий и использование его для роста эксплуатации этих стран.

У меня нет цели все бедствия слаборазвитых стран списать на страны более развитые. Для многих из них характерны свои внутренние недостатки неминуемо низводящие их в разряд отсталых:

1. Непомерные масштабы коррупции в высших эшелонах власти.
2. Установление диктаторских и авторитарных режимов, выводящих за рамки социально-экономических процессов инициативу народных масс.
3. Раздутые военные бюджеты.
4. Формирование распределительных отношений в пользу узкой группы лиц, представляющих правящую верхушку и чиновничий аппарат.
5. Недостаточное внимание образовательным и научным институтам. Иногда их полная деградация.
6. Отсутствие нравственных принципов в деловой сфере, порождающее принцип недоверия.
7. Значительная концентрация национальных и религиозных институтов не способствующих развитию экономических процессов.

8. Сложившиеся интересы элит не коррелирующие с экономическим развитием государства.

На чем строится наша идея о возможности построения в России новой цивилизации? Да на том простом основании, что у нее нет другого выхода. Другой выход – это окончательно развалиться на обломки бывшей империи, оставив навсегда в истории отдельные моменты своего величия. К тому же, России свойственно восставать из пепла долгих смутных лет, когда многим кажется, что только и осталось вогнать последний гвоздь в крышку гроба и отправить эту страну в небытие. Я не готов и не хочу выступать сегодня в роли пророка и говорить: «Вот вам 10 заповедей, которые помогут вам построить новую цивилизацию!». Эти заповеди народ должен выносить внутри себя сам, и не важно, сколько их будет, и родить в муках поиска и дискуссий. Тем более, что целеполагающая экономика будет отличаться динамичностью, периодической сменой приоритетов целей и ценностей. В этой ситуации методология выбора целей и ценностей, а также организационные принципы их достижения в научном плане важнее, чем перебор возможных направлений. В основе развития должен стать эволюционный процесс, а не упыри, тормозящие его ради того, чтобы просидеть в руководящем кресле 4 или 6 лет.

Однако, одну заповедь, с которой следует начать, я все-таки выскажу: «Мы достойны лучшей жизни и готовы ради этого трудиться, а если надо, то и бороться, не жалея сил!».

Призываю ли я этим самым к революции? И да, и нет. Принятие этого лозунга само по себе будет революцией. Произойдет ли это мирным путем, или путем насильственной смены элит – мне не дано знать. Но если существующая элита не найдет в себе силы изменить свою идеологию, а в это верится с трудом, она достойна того, чтобы быть изгнанной и заклеянной.

В заключение параграфа хочу привести небольшую часть интервью, уважаемого мной экономиста Юрия Болдырева, данное им газете «Завтра»: «...Огромное количество, реально влияющих на мир, осознаёт и стремится осознавать не мир вокруг себя, а исключительно своё место в этом мире, причём с легкостью принося любые, даже самые фундаментальные, интересы этого мира в жертву своему месту в нем. Вульгарно, либеральная идея подразумевает, что это и есть нормальный и единственный механизм развития – к общему интересу исключительно от приоритета личного. Что ж, соглашусь с тем, что это один из сильнейших механизмов, правда не только развития, но и деградации. В то же время точно не единственный механизм. И вот именно вокруг этого-то и вся коллизия (обосновываемая бесконечно и разнообразно, и религиозно, и этически): возможно ли выстроить новый мир, в котором соотношение мотивов и весов было бы в большей мере в пользу приоритета общего блага? Все великие революции и цивилизации имели какие-то свои варианты ответа.

Журналист: *Есть мнения, что мир стоит на перепутье, что либеральная модель – и экономическая, и*

политическая, и моральная – себя исчерпали и не привели к раю земному.

Болдырев: А разве она должна была к нему привести? Она должна была и привела к некоторому подобию рая для ограниченного круга «достойных». А на самом деле скорее допущенных. Мы воспринимаем это как дефект модели, но «достойные», напротив, полагают это свидетельством ее совершенства...» [Болдырев, 2012, с. 180-181].

§7. Планирование.

«Система тем более организована, чем больше у нее возможностей противостоять возмущениям относительно «достижения выбранной цели».

[Рапопорт, 1969 с. 98]

Планирование, как элемент управления, существовало всегда. Именно предвидение и планирование своих действий отличает человека от мира животных. Но именно марксистской политической экономией эта деятельность поставлена в основу развития экономики как общественная потребность. И в этом ее заслуга.

Беда же заключалась в том, и эта беда до сих пор преследует и науку и практику, что планирование рассматривалось как антипод рынка. Рынку отводилось подчиненное место быть урегулированным планом.

Сама постановка вопроса, по сути, сводилась к тому, что если меняется погода, то виной всему барометр. Соответственно, нужен такой барометр, который всегда будет показывать «ясно».

Некоторые «умники» считают, что Советский Союз лишь немного не дотянул до компьютерной революции. И именно это не дало ему возможности реализовать все прелести централизованного планирования. В действительности, беда централизованного планирования заключалась не в отсутствии компьютерной техники, а в игнорировании мнений и потребностей людей, в фактическом нигилизме по отношению к закону стоимости, в догматической приверженности не оправдавшим себя схемам (пропорциям).

В отличие от директивного планирования многие развитые страны применяют индикативное планирование. Такое планирование носит рекомендательный характер. Эффективность такого планирования не всегда достаточно высока, но оно, во всяком случае, не наносит такого вреда экономике, как директивность советских планов. Мы думаем, что будущее – за разумной комбинацией обоих методов планирования, а также за методами регулирования.

Рынок, а под ним мы понимаем в данном случае всю цепочку экономических процессов от инвестирования до сбыта, – самоорганизующаяся система. Мы можем говорить о возможности государственного регулирования рынка, но никак о его замене процессом планирования.

Однако, саморегуляция рынка периодически осуществляется дорогой ценой – ценой экономических кризисов. Советская пропагандистская машина убеждала, что путем планирования, сбалансирования экономики кризисов можно избежать. Идеологи капитализма считают кризисы неизбежными и непредсказуемыми.

Позволим себе усомниться в правильности обеих точек зрения. Но сначала давайте разберемся, что следует понимать под планированием. При этом будем иметь в виду, что мы говорим о планировании на государственном уровне. Хотя, не исключено, что большая часть постулатов может быть применена и в других подсистемах, в таких, как административный район или предприятие.

Как мы уже писали, планирование является лишь одной из функций управленческой деятельности. Но такой функцией, которая должна определить все другие аспекты этой деятельности. Если данное условие не выполняется, планирование утрачивает свою значимость.

Планирование может быть *полным* и *ограниченным*. Под полным планированием мы понимаем создание такого плана, который охватывает экономику государства в целом. Ограниченное планирование основывается на выполнении отдельных целевых задач. Именно в таком (ограниченном) планировании достигнуты наибольшие успехи, особенно в США и Японии. Сосредоточение на отдельных ключевых задачах может определить развитие всей экономики. Например, Япония, после окончания Второй мировой войны осуществила следующее поэтапное выполнение задач: сначала была обеспечена сырьевая база экономики страны, на ее основе создана перерабатывающая промышленность, и лишь затем страна стала форсировать машиностроительные отрасли и производство товаров народного потребления. Параллельно была всенародно осуществлена программа качества. Сегодня наука и производство этой страны сосредоточены на роботизации и компьютеризации.

Из американских программ наибольшей известностью пользуется программа высадки человека на Луну.

Но есть факты и негативного планирования целевых программ. Мы помним, как в начале 2000-х годов российское правительство напирало

такое количество программ, которое не имело и не могло иметь финансового подкрепления из бюджета и других источников. В результате все они с треском провалились. Правда, вспоминать об этом сегодня никто не любит.

Как полное, так и ограниченное планирование предполагает следующий комплекс действий:

- выбор целей;
- определение желаемых и возможных сроков их достижения;
- транспозиция целей на исполнителей и задействованные подсистемы;
- создание пошаговых программ по достижению поставленных целей;
- мониторинг и контроль исполнения программ;
- корректировка программ, а в исключительных случаях – и целей.

О наличии теории полного планирования мы ничего не знаем, кроме того, что было в Советском Союзе. Однако, этот опыт не пропал даром. Его идеи были успешно трансформированы Китаем, и на этой почве достигнуты весьма заметные успехи.

Полное планирование отличается от ограниченного комплексностью целей и постановок задач. В этой связи вполне уместно полное и ограниченное планирование трактовать, соответственно, как комплексное и программно-целевое.

Общая теория систем двойственна по своей сути. Одна ее часть – *дескриптивная* – изучает, как системы себя *ведут*. Другая – *нормативная* – трактует, как они *должны себя вести* [См. Сенгута, Акофф, 1969, с. 384].

В этой связи мы должны сказать прямо и откровенно, что в современном состоянии экономика непредсказуема. В силу описанных нами проблем и противоречий она кризисна *перманентно*. Ее нацеленность на рост совершенно абстрактного показателя ВВП делает ее неустойчивой при каждом «дуновении ветерка», будь то мошенничество с ценными бумагами, или раздувание «пузырей» на фондовой бирже и на рынке недвижимости.

Комплексное планирование в нашем понимании – это не просто сбалансированность целей и средств. Это прежде всего *выстраивание* экономики как целенаправленной системы.

Сегодня мы можем обозначить лишь общие принципы такого планирования:

1. Необходимо наличие концептуального понимания максимально долгосрочных целей и перечня ценностей, в рамках которых будет осуществляться развитие.

Сегодня политики стыдятся таких подходов, но это, скорее, свидетельствует об уровне их компетенции, чем о неактуальности проблемы.

2. Должны быть определены прогнозный (в нашем понимании – период смены поколений в 25 – 30 лет) и плановый периоды (длительность последнего в 5 лет способствовала бы смене технических поколений).

3. Перечень целей и ценностей должен быть ранжирован по приоритетам. В прогнозном периоде эти приоритеты могут трансформироваться и меняться местами.

4. С позиции поставленных целей должен быть зафиксирован текущий момент, то есть, состояние системы в настоящем.

5. Сложным моментом будет моделирование будущего и моделирование достижения поставленных целей. Однако, это необходимо сделать для того, чтобы понять, что придется подвергнуть разрушению, что – трансформации, что должно быть создано вновь, и к каким социальным последствиям это может привести.

6. Не менее сложной является проблема транспозиции целей на подсистемы, в том числе, и обеспечение заинтересованности и поддержки осуществляемых задач народными массами.

7. Соизмерение поставленных целей с имеющимися средствами, изыскание, при необходимости, дополнительных ресурсов. Критический

анализ адекватности средств поставленным целям. Лозунг «Цель оправдывает средства!» оставим фашистам и сталинистам, и, лучше всего, только в историческом прошлом человечества.

8. Большинству целей будут соответствовать количественные показатели, но главный вопрос, который они должны решить – снятие общественных противоречий. Именно в них кроются причины всех кризисов. Социальная направленность экономики безальтернативна как аксиома, не требующая доказательств.

9. Развитие предполагает инновации, но ничто так не нарушает пропорций воспроизводственного процесса, как инновации. Эту особенность необходимо учитывать, моделируя процессы, исходя из вновь сложившихся обстоятельств, оперируя при этом производственными комплексами, а не ведомствами и отдельными предприятиями.

10. Финансовые структуры, оперирующие огромными средствами, но имеющие отдаленное отношение к производству, должны быть либо ликвидированы, либо поставлены в подчиненное положение по отношению к производству. Так, например, фондовые биржи могут и остаться, но это должно быть центром привлечения инвестиций, а не скопищем спекулянтов. Для этого достаточно ограничить сроки перепродажи акций, хотя бы одним годом. Не представляет трудностей и пресечение раздувания «пузырей» на рынке недвижимости. Банки должны делать свое дело – обслуживать расчеты и кредитовать производство и население, а не жить своей собственной жизнью, создавая различные пирамиды. Все, что не работает на цели системы, системе вредит. Понятно, что это опасный тезис в руках «дураков и негодяев», но не для них пишется эта книга. К тому же, не будем забывать о значимости разнообразия, обеспечивающего эволюционность развития.

Описанные здесь шаги комплексного планирования позволят в значительной степени уменьшить риски кризисных явлений, присущих

современной экономике. Исключить их на 100% невозможно, но для этих случаев сегодня накоплен значительный арсенал регулирования: стимулирование платежеспособного спроса, снижение процентных ставок, остановка предприятий под реконструкцию и т.д. и т.п.

Понятие «кризис» должно перейти в другую плоскость. Под этим термином необходимо будет понимать необоснованное отклонение от поставленных целей, запаздывание во времени в сравнении с принятой программой, некачественную проработку целей и средств, игнорирование общественных ценностей. Впрочем, о кризисах мы подробнее поговорим в одном из следующих параграфов.

Комплексное планирование не может быть не чем иным, как *государственной экономической политикой*. Общественные цели – это результат (возможность) видения системы в целом. Система не есть сумма элементов или структур ее составляющих. Командир полка не может сформулировать стратегию сражения. Это по силам только главнокомандующему. Аналогично ситуация выглядит и в общественном развитии.

При этом, необходимо всегда помнить: долгосрочные цели – системообразующий фактор. Их достижение ведет к отрицанию существующей системы и к выходу на новый качественный уровень, на новую систему. Отсутствие целей есть не что иное, как утрата экономического суверенитета. Особенно – для слаборазвитых экономик. Это жизнь по принципу – день прошел, и ладно, то есть, просто блуждание в потемках эволюции.

Кстати, принципы эволюционного развития, описанные нами в §5 гл. 3, вполне могут быть методологической основой планирования.

Описанного нами комплекса планирования не существует сегодня ни в одной стране. Опыта такой работы нет¹⁶, его необходимо наработать. Будут и ошибки, будут и недовольные. Но если есть прорывные технологии, есть и прорывная экономика. Овладеть ею - большая и благородная задача. Технологическим революциям в Англии и Америке предшествовали общественные организационные преобразования. Хотелось бы, чтобы этот опыт учла Россия. Другого шанса у нее может и не быть.

Значительный опыт сегодня накоплен крупными корпорациями. Он вполне может быть творчески применен в государственном планировании.

Так, видится бессмысленность в директивности доведения до предприятий каких-либо показателей. Скорее здесь желательна информация в обратную сторону – от предприятий. Далее должны следовать обработка и анализ этой информации, и корректирующее согласование.

Все показатели, так или иначе, носят запаздывающий характер. Только на финише мы узнаем – достигли мы их или нет. Но в этом случае ничего уже исправить нельзя [Кови, Мангески, Хьюменг, 2013, с. 58-79]. При понимании экономики как системы требуется постоянный поиск *опережающих показателей*, поддающихся воздействию и регулированию, и обеспечивающих достижение целевых задач. Много в данном случае по силам осуществить самому предприятию, но при этом, ему желательно, находиться в постоянном диалоге с государством. Впрочем, для государства это тоже желательно.

Уже в планировании мы сталкиваемся с вариантностью достижения целей и, самое главное, с *элементами неопределенности*. Признание факта неопределенности есть не что иное, как объективная составляющая предсказуемой экономики. Это парадокс! Но, если не учитывать этот

¹⁶ К исключениям, возможно, следует отнести опыт первой пятилетки в СССР, связанной с реализацией программы ГОЭЛРО, когда еще не возобладали диктаторские идеи, и еще были живы экономисты с научным пониманием планируемых процессов. Авт.

парадокс, нам остается только одно: наблюдать, как после всеобщего ознакомления с планом, он медленно предается забвению.

Только при еженедельном отслеживании его выполнения можно увидеть, как изменяются условия и потребности бизнеса, которые не могли быть учтены при составлении плана. При этом план ни сколько не теряет своей актуальности.

«Стоит людям махнуть рукой на цель, кажущуюся им недостижимой, то, какой бы стратегически важной она ни была, им остается только одно: окунуться в вихрь неотложных дел. В конце концов, это хорошо знакомое и привычное для них явление. В подобной ситуации ваша команда играет для того, чтобы не проиграть, а не для того, чтобы выиграть, а эти два понятия разделяет колоссальная пропасть» [Кови, ..., 2013, с. 113].

Экономический процесс в рамках ОТС можно моделировать как преобразование одних *запасов* (ресурсов) в другие (потребляемая продукция) путем движения потоков.

В конечном итоге, нас всегда интересуют запасы, но, зачастую, вместо этого измеряются ничего не объясняющие потоки. К таковым, например, относятся ВВП, а к первым – национальное богатство.

[Дрогобыцкий, 2013, с. 259] пишет: «Часто бывает так, что не имея возможности измерять то, что надо, мы измеряем то, что можем, и, более того, даже изоощаемся в измерении неверных критериев. Но, чем точнее мы измеряем неверные критерии, тем быстрее и увереннее приближаем кончину своей экономической системы.

Нам удалось бы избежать многих неудач, если бы мы хотя бы приблизительно оценивали действительно важные параметры, вместо того, чтобы тщательно и предельно точно измерять бесполезные показатели».

Поскольку основной целью экономической системы является выживаемость и развитие, то самым пристальным вниманием планирования должны быть охвачены следующие вопросы:

1. Численность населения.
2. Безопасность населяемого пространства в широком смысле (охрана границ, экология, межэтнические разногласия и т.п.)
3. Обороноспособность страны и готовность вооруженных сил к военным действиям.
4. Возможные политические претензии по территориям и ресурсам и готовность к отражению этих «вызовов».
5. Возможности прироста населения (естественным путем и за счет миграции).
6. Увеличение интеллектуального потенциала населения.
7. Здоровье населения.
8. Образование.
9. Патриотичность и вовлеченность населения в оборону страны (реальная и потенциальная).
10. Анализ ресурсов экономики.
11. Состояние технологий, обеспечивающих экономические преимущества в международных отношениях и в экстремальных ситуациях.
12. Динамика развития экономической системы.
13. Благополучия населения как элемент устойчивости к критическим ситуациям.
14. Состояние медицины вообще и состояние медицины катастроф в частности.
15. Резервы страны на случай ЧС.
16. Развитие транспорта и транспортной системы.
17. Межнациональное единство.
18. Способность экономики к трансформации в критических ситуациях.
19. Определение возможных рисков.
20. Моделирование действий при наступлении случаев риска.
21. Профилактика рисков (политических, технологических и т.п.).
22. Формирование благоприятной окружающей среды.

23. Экономический потенциал страны и его возможность противостоять негативным явлениям (войны, экономические блокады, финансовые атаки и т.п.).

§8. Прогнозирование и моделирование.

«Тот, кто ищет будущее, которое уже наступило, и предвосхищает его последствия, по-новому воспринимает мир. Новое событие, как правило, вполне заметно, надо только заставить себя увидеть его последствия. А потом уже довольно легко определить, что делать дальше. Иными словами, благоприятные возможности вовсе не так далеки и туманны. Но в первую очередь необходимо выявить общую тенденцию, модель или шаблон».

[Друкер, 2008, с. 170]

Реальный горизонт прогнозного предвидения в экономике, на наш взгляд, не может быть длиннее цикла смены поколений, то есть, приблизительно определенный в 25 – 30 лет.

Столь длительный срок превращает элементы неопределенности в *объект Неизвестности*. Эта Неизвестность многих повергает в шок на столько, что их убеждением становится полный отказ от прогнозов. В данном случае происходит непонимание того факта, что будущее имеет свойство влиять на настоящее с неменьшей силой, чем влияет на него прошлое.

Прогноз важен не только целевыми установками, которые еще надо определить и сформулировать, но он важен самой постановкой проблем и концепциями, в которых осуществляется поиск решения этих проблем.

Приведем такой пример. Первый автомобиль появился 29 января 1886 года. В это время были уже поезда, но «от двери до двери» ездили на лошадях. Представим теперь, что в году эдак 1885 мы в своих прогнозах ставим задачу «олошадить» всех жителей нашей страны к 1910 году. Это

пример неправильного прогноза! А что же мы должны были прогнозировать в условиях, когда об автомобилях нам ничего не было известно? Правильным здесь могла быть постановка вопроса: «Что должно прийти на смену лошади?»

В своем ответе мы вновь могли бы допустить ошибку: в качестве нового средства передвижения мог бы рассматриваться паромобиль, электромобиль или что-то еще. Но это был бы значительный *сдвиг* к поиску определенности.

В следующих прогнозах мы вправе поставить вопрос о том, что же придет на смену автомобилю. Для этого нам пришлось бы собрать в одну систему такие элементы, как дорога, средство передвижения, система навигации, компьютерное оснащение автомобиля и человека. Возможно, роль последнего сведется к роли пассажира. Но даже при этом, все элементы системы должны будут обслуживать именно его. Логично предположить, что к этим элементам необходимо будет добавить нечто еще, что в корне изменит наше представление о средствах передвижения. Например, магнитную подушку. Возможно, нам придется разделить человекопотоки и перевозку грузов, отправив последние под землю, организовав некие продуктопроводы.

Итак, есть варианты. На начальной стадии их могут быть десятки. Первая задача – отобрать из них не более 2 – 3 рабочих вариантов. Такова первая стадия искусственного отбора инноваций. Далее логично тратить деньги на проработку каждого из вариантов. Проблема *выбора* одна из ключевых в ОТС.

«Выбор представляет собой действие, придающее целенаправленность динамике исследуемой системы. Он определяется моментом времени, когда представляется возможность реализовать одно действие из множества допустимых. При осуществлении функции выбора необходимо помнить, что,

как правило, вернуться к состоянию системы, предшествующему выбору, будет нельзя» [Дрогобыцкий, 2013, с. 273].

Тем не менее, мы считаем нецелесообразным останавливаться на этой проблеме в данном контексте и отправим читателя к [Дрогобыцкий, 2013, с. 273-306].

Наряду с техническими прогнозами, и даже опережая их, следует рассматривать различные парадигмы социального развития. Например, наша парадигма развития, приведенная в данной книге, базируется на существовании частной собственности. Возможно, что с позиции какой-то части общества она будет неприемлемой. Нет ничего зазорного в том, что государство профинансирует разработку альтернативной парадигмы, свободной от частной собственности.

Следует отметить, что прогнозирование имеет целую палитру методологий для построения будущего. Один из таких методов я бы назвал «прогнозом свободного социального архитектора». Дело в том, что в архитектуре иногда практикуется такой подход: главный архитектор получает задание нарисовать архитектурный проект здания, совершенно не озабочиваясь, из каких материалов оно будет строиться, какие в нем будут применены конструкции, какими механизмами оно будет возведено. Все это не его проблема, а тех инженеров, которые будут воплощать его идею в жизнь. Кстати, по такому принципу была запроектирована знаменитая гостиница «Бурж аль Араб» в Дубае.

По такому же принципу без привязки к срокам прогнозирования может быть воссоздано общество будущего. Не надо бояться, что оно будет выглядеть утопичным. Любая утопия является таковой только до тех пор, пока не появятся социальные силы, готовые превратить ее в реальность.

Итак, имея некий Идеал будущего, мы определяем *пороги сложности* – социальные, технические, технологические. Преодоление этих порогов наукой и промышленностью выведет нас на *реальный* прогноз.

Неизвестное будущее может быть как со знаком + так и со знаком - . Экстраполяция прошлого на будущее необходима, но недостаточна. Мы не можем исключать стихийные бедствия неведомых масштабов, прибытие на Землю инопланетян, или еще чего-то в этом роде.

«Частоту редких событий невозможно установить на основании эмпирических наблюдений по той простой причине, что *эти события происходят редко*. Поэтому нам необходимо априорное представление о них; чем реже событие, тем больше ошибка оценки, получаемой стандартными индуктивными методами (скажем, частотным отсчетом) и, соответственно, тем больше зависимость от априорного представления, экстраполируемого в область событий низкой вероятности» [Талеб, 2013, с. 548].

Этот автор написал книгу «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости». Под термином «черный лебедь», заимствованным у Поппера, он понимает события мало предсказуемые по своей сути. И хоть содержание 700-страничной книги вполне можно было бы изложить на 7 – 10 страницах, сохранив при этом все ругательства (в основном, совершенно справедливые) в адрес экономистов, математиков и философов, но по существу этих неопределенностей автор прав: «Упрощенное, обывательское, академизированное, знаменитое понятие «доказательства» становятся ненужным. В отношении Черных лебедей вы действуете так: заслоняетесь от негативных (или открываетесь навстречу позитивным), даже если у вас *нет доказательств*, что они могут явиться, подобно тому, как при посадке на самолет мы проверяем, нет ли у пассажиров оружия, хотя у нас *нет доказательств*, что они террористы...

Вероятностный мир не в ладу с «доказательствами», но в мире Черных лебедей дела обстоят еще хуже» [Там же, с. 546].

Составленный прогноз требует своей детализации на каждые 5 лет развития, то есть, на 5, 10, 15, и 20 лет, и должен составлять с планом органическое единство.

Формирование прогноза и плана не конец, а только начало работы. Проработка вариантов, просчеты моделей, отслеживание продвижения к целям, превращение Неизвестного в Возможное, а затем и в Очевидное – таков непростой путь к предсказуемой экономике. *Предсказуемая экономика - это прежде всего предсказуемость процессов и процедур.* Понимание не только учеными и политиками, но и простыми обывателями - *что делается и для чего.* Цель всегда выступает как ожидаемый результат. Предсказуемость результата всегда *условна*. Но значимость этой условности несоизмерима с безусловным неведением вектора движения.

Одним из главных инструментов проверки работоспособности системы по фактору достижимости результата является моделирование. При всем разнообразии систем и разновидностей дополнительных инструментальных средств существует ограниченное число принципиальных моделей: модель «черного ящика», модель состава и структурная модель, или модель «белого ящика».

Моделирование есть не что иное, как попытка отображения реальной системы (фрагмента реального мира) на различных носителях знания в вербальной, графической, математической и виртуальной формах. Модели бывают статическими и динамическими.

Модель «черного ящика» предполагает, что у исследователя отсутствуют сведения о внутреннем содержании системы, а задаются только входные и выходные связи системы со средой. Границы системы не описываются, а подразумеваются. Такие модели имеют широкое применение

при исследовании элементарных частиц, изучении влияния лекарства на живой организм, определении последствий воздействия человека на природу, воздействия регулирующих механизмов на деятельность предприятия, и т.п.

Простота этой модели обманчива. Наиболее сложным в ней является определение перечня входов и выходов. Критерием отбора здесь является целевое назначение модели. Несущественное и маловажное, по мнению исследователя, исключается. Но здесь и могут подстергать исследователя основные ошибки.

Модель состава системы – это то, чем мы с вами занимаемся, читатель. Она предполагает вычленение элементов системы, ее структуры. Создание таких моделей неоднозначно. Другими исследователями может быть построена совсем другая экономическая модель.

Помимо того, что люди отличаются различными знаниями о системах, в [Дрогобыцкий, 2013, с. 90-91] отличаются еще три важных причины этого явления: *«Во-первых*, разные модели состава получаются вследствие того, что понятие «элементарность» можно определить по-разному. То, что с одной точки зрения является элементом, с другой оказывается подсистемой, подлежащей дальнейшему разбиению.

Во-вторых, как и другие модели, модель состава является целевой, а для различных целей один и тот же объект потребуется разбить на разные части...

В-третьих, поскольку всякое деление целого на части является относительным и условным, то *границы между подсистемами* в рамках модели состава тоже условны. Это относится и к границам между самой системой и окружающей средой».

При этом речь идет не о разных системах, а о разных моделях одной системы.

Структурная модель тоже нам не чужда, так как она представляет собой некоторый симбиоз модели состава и модели «черного ящика». В структурной модели указываются элементы системы, связи между элементами внутри системы и связи определенных элементов с окружающей средой. Описание системы в этом случае является наиболее полным и подробным. Поэтому такую модель называют еще моделью «белого» или «прозрачного» ящика.

Будущее, как бы оно ни было загадочно и непостижимо, не возникает *ниоткуда* и *из ничего*. Будущее создается сегодня. И для того, чтобы оно открыло свои завесы, необходимы две вещи: научная методология и *индустрия* будущего. Остановимся на этом подробнее.

Окружающий нас мир кажется нам сложным и хаотичным только потому, что для его объяснения мы используем неадекватные концепции. Стоит нам преодолеть этот недостаток и то, что вчера казалось хаотичным и непонятным, становится простым и закономерным. «Следовательно, сложность и хаотичность, - отмечается в [Дрогобыцкий, 2013, с. 308], - не являются непременными характеристиками современной действительности, они всего лишь особенности нашего восприятия и понимания».

Если мы хотим понять не отдельные явления, а процессы, поведение окружающего нас мира вообще, то нет другого научного восприятия, если мы его не изучаем как *целостность*. Междисциплинарность и системность вещи близкие, но не тождественные. Совмещение разрозненных фактов вещь практически бесперспективная, если эта деятельность не вооружена научной методологией.

Понимание целого достигается при единообразном взгляде на элементный состав, структуру, их функциональность и исследование отдельных процессов. Вместе с описанием внешней среды эти исследования

позволяют создать сначала формальную, а потом и конструктивную модель системы.

Содержательность моделей достигается путем их многократных интерпретаций. «В конечном итоге последовательные приближения должны привести к комплексному образу целого» [Дрогобыцкий, 2013, с. 311].

Для познания будущего недостаточно одного желания. Нужны смелость и свобода общества, чтобы поставить под сомнение свои писанные и неписанные законы существования. Общество должно осознать, что это не только его право, но и благо, которого необходимо добиваться любой ценой.

Тиранам и автократам эта дорога не нужна. Их будущее – это идеологизированные цели, не подлежащие сомнениям и обсуждению. Но свобода сомнений – это одна из свобод, которая далеко не реализована человечеством.

Американский ученый Рассел Акофф считал, что выбор лежит в основе человеческого развития, а моделирование является средством активизации этой способности. Конечная цель любого моделирования – это попытка замены сложившегося, существующего образа мира, проявляющего присущие ему недостатки, изобилующего процессами неудовлетворительного порядка, которые становятся причиной порождения представлений о желаемом будущем.

По [Дрогобыцкий, 2013, с. 315] интерактивное моделирование реализуется в два этапа:

- описание беспорядка и формулирование проблемы;
- идеализация и выработка решений.

При этом существует три традиционных способа определения проблемы:

- как отклонение от нормы;
- как недостаток ресурсов;

- как противопоставление назревшим готовым решениям.

Когда мы говорим о проблеме как об отклонении от нормы, мы оперируем решениями в рамках существующей системы, считая ее жизнеспособной и способной к эволюционным изменениям.

Второй подход – это постоянный поиск снятия ресурсных ограничений. Постоянное переосмысление подходов к ресурсной базе обрекает мальтузианские научные теории всегда становиться несбыточным жупелом устрашающих антиутопий. А.П. Назаретян [1996, с. 116], ссылаясь на расчеты доктора географических наук В.В. Клименко, сделанных по просьбе самого Назаретяна, пишет: «Если бы – вообразим невероятное – в верхнем палеолите объявился ученый-глобалист, вооруженный знанием географии, экологии, математики, он бы строго доказал, что наша планета (даже при благоприятных условиях) способна прокормить от силы пять миллионов человек. Профессиональный безупречный расчет грешил бы при этом только одной «философской» ошибкой: игнорировался творческий фактор развития».

Третий способ определения проблем свидетельствует с одной стороны о том, что человечество накапливает, по мере изучения, количество стандартных решений. Единственное, о чем необходимо помнить, - что решения, оказавшиеся эффективными в одном случае, могут оказаться бесполезными в другом.

Интерактивное моделирование, в отличие от обозначенных выявлений проблем, определяет проблему как сбой в системе в процессе достижения цели. Это может быть и отклонение от нормы, и фиксация несбалансированности целей и средств, и прогноз о возможных последствиях нынешнего поведения.

Чаще всего сбой системы происходит не в результате ошибок и провалов, а как результат чрезмерной эксплуатации отдельных факторов,

принесших в определенный период времени значительный успех. Зачастую исследователь преднамеренно гиперболизирует проблему дабы привлечь к ней внимание. Дальнейший анализ и столкновение мнений показывают способы «лечения»: система требует фундаментальных изменений или проблема устраняется локальными методами воздействия.

Последовательность итераций имеет свой набор процедур и ограничений [См. Дрогобыцкий, 2013, с. 316-318].

Интерактивное моделирование позволяет не только воссоздать модель внедрения, но и заблаговременно отсеять ошибочные действия, а значит, избежать их в будущем. Она позволяет получить первые познания о системе, которой еще нет.

Интерактивное моделирование включает в себя *анализ системы*, описанный нами выше, *анализ препятствий* (ресурсная база, столкновение интересов, взаимодействие с другими структурами и внешней средой), *анализ динамики* (анализ процесса достижения цели).

Итак, первый принцип прогнозов, методология которых нами описана, говорит о том, что *сегодняшние* проблемы могут быть нашими будущими успехами или катастрофами (если оставить их без решения).

Второй принцип – это анализ *последствий событий*, которые уже произошли. К таким событиям можно отнести, например, демографические процессы. Люди, которые займут свои рабочие места через 20 лет, должны родиться уже сегодня. Они должны получать образование, а значит – им нужны школы и детские сады, спортивные сооружения и парки отдыха. Им нужны учителя, тренеры, будущие профессора.

И с пенсионерами вопрос достаточно понятен. С достаточной степенью уверенности мы можем сказать, кого нам придется лечить, и от чего лечить.

Чтобы поставить фундаментальные знания на службу человечеству, они должны быть получены нами уже сегодня. В 50 – 60-х годах представления о

кибернетике, о компьютерных технологиях были романтическими и наивными, но о них уже знали, их прогнозировали и во многом предугадали их значимость.

Культурные изменения также происходят не вдруг и не сразу. И, прежде всего, это касается информационного общения, материальной базы развития культуры.

Армия будущего формируется в результате политики государств, складывающейся сегодня. Договор между США и СССР от 1972 года о сдерживании и сокращении ядерных вооружений на полвека вперед определил тенденции развития в этом направлении.

Промышленные и рыночные структуры, особенно в плане глобалистики, - это тоже области, в которых будущее уже наступило сегодня. Таможенный союз, европейское экономическое сообщество, рост экономики Китая – безусловно, таят в себе еще много неизвестного в своих проявлениях. Но они есть, и с высокой степенью вероятности будут определять экономическое будущее мира. Для того, чтобы определить как они могут развиваться в науке прогнозирования существует *сценарный* подход.

«В контексте сценарного метода под сценарием понимается гипотетическая последовательность развития во времени и пространстве событий, составляющих в совокупности эволюцию СЭС¹⁷ в интересующем исследователя разрезе» [Цигичко, 2009, с. 174].

К событиям, которые уже наступили, можно отнести *ресурсный потенциал* страны, а также научно-технический и промышленный потенциал экономики.

Нам уже сегодня известны проблемы будущих поколений, особенно экономические. Но, чем дальше от нас эти проблемы, тем меньше мы их воспринимаем, смотря на них словно через уменьшительное стекло.

¹⁷ Социально-экономических систем – Авт.

«Изменения, создающие будущее, которое уже наступило, можно выявить путем систематического поиска» [Друкер, 2008, с. 164].

Знания, которые мы имеем сегодня, на многие годы вперед будут определять форму и содержание образования. Они же будут определять также учебные материалы, школьное оборудование, конструкцию школьных зданий, организацию и управление процессами исследования.

Многие тенденции в экономике очевидны и предопределены сегодняшней ситуацией – это поиск альтернативной энергетики, проблема переработки отходов, создание техники, сооружений, материалов, используемых в них и приспособленных к утилизации уже на стадии проектирования и изготовления.

Многое из того, что перечислено нами в п. 5 §1 гл. 2 касательно тенденций научно-технического развития – это тоже будущее, наступившее уже сегодня.

Поиск будущего – это не только вопрос методологии. В стране должна сложиться индустрия будущего. Не ангажированные и прикормленные «специалисты» должны определять «Стратегии – 2020», а в целом Академия наук во всех аспектах своей деятельности.

Будущее может быть и подражанием другой стране, добившейся успехов в определенных направлениях, или результатом распространения идей, реализованных в отдельных интеллектуальных областях. Надо быть готовым сделать что-то принципиально новое.

На будущее должны работать не только научно-исследовательские институты, но и крупные и средние предприятия. Для этого они должны иметь прибыль свободную от налогообложения, которую они могли бы направить на эти цели. Какие-то затраты на перспективу, на будущее могли бы списываться и на себестоимость.

Страна должна быть нацелена на социальные реформы, на технологическую модернизацию независимо от смены президентов и партийного состава Государственной Думы.

§9. Суперсинергетика – как это понимать?

Под влиянием работ Ильи Пригожина о саморазвивающихся сложных системах в 70-х годах XX столетия заговорили о неаддитивности систем по отношению к составляющим их элементам. Имелось в виду то, что система, если ее рассматривать как сумму слагаемых ее элементов, намного превосходит арифметическую сумму слагаемых.

Однако, элементы в системе не складываются и не суммируются, они взаимодействуют, образуя взаимосвязи. Система и элементы ее составляющие – вещи качественно несопоставимые, и попытка сложения элементов может рассматриваться как математическая ошибка.

Более того, например, в субъективных системах некоторые элементы, взятые сами по себе, абсурдны. Что, скажем, могут представлять собой деньги в экономической системе без человека? Или те же предметы труда?

Новое понимание, выросшее в отдельную научную дисциплину, ввел Хакен [Хакен, 1980] под названием синергетика. Синергетика рассматривает уже не элементы как таковые, а их функции, а сами функции – векторно относительно развития. Сложение однонаправленных функций в систему и приводит к синергетическому эффекту – к нелинейному результату (усилию) в развитии. Само образование системы, это уже синергетика.

Внутренние противоречия и способы их разрешения обеспечивают стабильность системы и количественный рост отдельных структур. Периодическое изменение состояний системы приводит к отрицанию старой системы и формированию на ее основе нового системного образования.

Неизбежны и внешние воздействия, которые способствуют изменению структуры. Так обеспечивается преемственность и развитие.

Однако, в силу указанных нами ограничений диалектики, системы достаточно консервативны, они стремятся к гомеостазу и эволюционируют в силу *неконтролируемого* зарождающегося разнообразия.

Как мы уже указывали, система из одного состояния может перейти только в смежное состояние, предопределенное развитием, но скорость перехода, формы перехода многовариантны. Поскольку, в большинстве случаев, этот процесс происходит *стихийно*, то он экономически затратен и социально разрушителен. Новый синергетический импульс системе может придать только наличие в ней субъекта, превращающего эту систему в целеполагающую и планируемую относительно поставленных целей. Это обеспечивается за счет более строгой векторной направленности всех функций элементов, целевой направленности потоков и последовательному снятию противоречий.

Экономика, построенная по этому принципу, не есть экономика роста потребительского спроса. Это – *экономика развития*, это - *экономика решения социальных проблем*, это – *экономика инновационного расширения границ экономической системы*, это – *экономика духовного развития общества*.

Система, обретая целеполагание и плановые рычаги управления собой – это и *есть суперсинергетическая система*.

Мы вовсе не утверждаем, что такая система застрахована от кризисов. Ошибочность выбора целей даже может ускорить наступление системного кризиса. Однако, если система не заидеологизирована и не заполитизирована, если в ней есть место свободе слова и плюрализму, то такая система способна заблаговременно определить свое состояние и скорректировать траекторию своих действий.

§10. Устойчивость экономической системы.

Устойчивость в ОТС в совокупности с проблемой кризисов – это, по сути, аналог математической теории катастроф. На наш взгляд, это наименее разработанная часть общей теории. Большинство исследований этот раздел вообще игнорирует, делая фигуру умолчания. Применение же известных результатов к конкретным социально-экономическим объектам мне пока вообще не попадалось. Вряд ли будет правильно объяснить это сложностью проблемы, хотя и это имеет место быть, так как научный мир любит сложные проблемы и охотно за них берется. Возможно, просто не вызрела актуальность проблемы, и потому считается достаточным отделаться от нее двумя – тремя общими фразами.

Наиболее цельное представление данной проблемы мы находим у Урманцева Ю.А. и его ученика Астахова В.В. В [Астахов, 2014, с. 88-97] приводится около 40 определений этого понятия, в том числе и Урманцева, из которых выводится следующее окончательное понимание: *«Устойчивость – это свойство системы S совпадать по признакам $\{П\}$ до и после изменений $\{И\}$, вызванных действием факторов $\{Ф\}$ »*.

То есть, речь идет о том, что под воздействием внутренних или внешних факторов, направленных на разрушение системы, та способна возвращаться в некое прежнее состояние, определяемое некими признаками, и эта способность и называется устойчивостью.

Главная претензия к этому определению заключается в том, что в нем нет *эволюции* изменений, нет целевой функции в мире системного содействия. Упоминания этого нет ни в одном из 40 приведенных определений.

Действительно, на протяжении всей жизнедеятельности системы, мы наблюдаем либо исполнение кода ее жизнедеятельности от рождения до

смерти, либо эволюцию, заключающуюся в смене одной системы другой, однородной. Но в обоих случаях мы наблюдаем изменения, и именно эти изменения до поры, до времени позволяют нам говорить об устойчивости системы, но не о возврате к прежним признакам.

Итак, по нашему пониманию, система *должна* быть устойчива в *пределах* установленной ей цели-задания более высокой по уровню системой. И в этом смысле она должна пройти свой путь развития, а значит – путь установленных изменений. После этого она теряет свою устойчивость и погибает, возрождаясь тем или иным образом, в другой системе.

Таким образом, Правило №1 будет гласить: *устойчивость – это жизнедеятельность системы от рождения до исполнения своей миссии, включающей и время естественного умирания.*

Но в ОТС принято рассматривать другой процесс, а именно, когда некие факторы (внешние или внутренние) пытаются разрушить систему в процессе ее жизнедеятельности, не дожидаясь ее естественной смерти, а стараясь всячески ее приблизить.

Однако, при игнорировании нашего понимания устойчивости, во многом утрачивается понимание фактора воздействия на жизнедеятельность системы, а также всего процесса устойчивости.

Поясним это примером. В самолетостроении есть тест на встряску. Когда испытательный образец собран, прежде чем запускать его в полет, его подвергают длительной тряске, и смотрят, что, так сказать, отвалится. Так обнаруживают слабые места в системе под названием «самолет». Затем его подвергают другим испытаниям. Так достигается совершенство летательного аппарата.

После окончания испытаний, если они прошли достаточно успешно, мы можем говорить о сохранении *основных признаков* данного типа самолета (внешний вид, технические характеристики). При этом, многие детали

конструкции могли претерпеть, и наверняка претерпели, значительные изменения.

Мы рассматриваем абсолютное большинство воздействий и внутренних, и внешних, как необходимый элемент развития систем. Их предназначение – не разрушить систему воздействия, хотя это и случается, по-видимому, «в назидание» другим аналогичным системам, а развить ее, иногда и путем уничтожения слабых звеньев.

Почему мы так не говорим обо всех воздействиях? Потому, что нельзя исключить и нестыковку различных систем, и случайный характер воздействия. Но, даже и в этом случае, субъектная система, если она не подверглась уничтожению полностью, в состоянии сделать выводы и попытаться выработать меры безопасности.

Поэтому, наша трактовка устойчивости системы для случаев воздействия на систему в процессе жизнедеятельности, или Правило №2, будет такой: *устойчивость – это свойство системы сохранять свою жизнедеятельность, по возможности совершенствуясь, под воздействием внутренних и внешних факторов, обусловленных в большинстве своем процессом эволюционного развития.*

На наш взгляд, также необходимо ввести понятие «диапазон устойчивости». Оно описывает параметры возможных воздействий по силе и во времени, при которых система способна сохранить свою жизнедеятельность. Напомним, что самым опасным в этом случае являются застой и стагнация (пример с лягушкой, сваренной на медленном огне). Система, не замечая усилий воздействия, «засыпает» и «ржавеет». Любое внешнее воздействие лишь завершает разрушение, но не является его причиной. На это обращает внимание и Сенге П.: «Ирония в том, что *сегодня главной угрозой для нашего выживания, для*

выживания наших организаций и всего общества в целом являются не какие-либо неожиданности, а медленные, постепенно развивающиеся процессы: гонка вооружений, экологический кризис, развал национальной системы образования, старение основных средств производства».[Сенге П. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации. Цит. по Ксенчук, 2011, с. 273].

Общая теория систем давно подметила, что устойчивость системы достигается её неравновесностью. Одним из первых это подметил венгро-советский учёный Бауэр Э.С.: «Все и только живые системы никогда не бывают в равновесии и исполняют за счёт своей свободной энергии постоянно работу против равновесия, требуемого законами физики и химии при существующих внешних условиях» [Бауэр Э.С. «Теоретическая биология», 1935, с.43. Цитир. по Урманцев, 2009, с. 128]. И вторая цитата: «Этот принцип имеет ясный термодинамический смысл: так же как устойчивое равновесие характеризуется тем, что будучи нарушено, всегда наступает вновь, так и в организмах, в живой материи, неравновесное состояние сохраняется постоянно и обладает всеми признаками

устойчивости [Бауэр Э.С. «Принципы теоретической биологии». «Социалистическая реконструкция и наука», 1935, вып.9, с. 7-13. Цитир. по выше указанному источнику.]

Поскольку воззрения современных системщиков фактически не изменились, то следует обратить внимание на то, что у нас большие сомнения, что это относится только к живым системам. Во всяком случае к социальным это относится наверняка. Во-вторых, там где Бауэр видит «термодинамический смысл», мы видим эволюционный процесс развития совмещённый с генетическим кодом изменений заложенным в ту или иную систему. Системные кризисы нарушают устойчивое развитие и делают его неустойчивым. Поэтому исследование кризисов является одной из важнейших научных задач. Тем более, что эта неустойчивость чаще всего и приводит к эволюционным скачкам.

В ходе своего исторического бытия общество формирует необходимые ему институты, которые в дальнейшем начинают сами себя фетишизировать. Особенно это касается государственного устройства, идеологий, церквей мировых религий. Любые попытки самоорганизации общества, так или иначе затрагивающие

интересы этих институтов, воспринимаются ими и транслируются в общественное мнение как попытка разрушить и дезорганизовать само общество. Но этим их защита не ограничивается. Начинается законотворчество по ограничению прав и свобод, которое само по себе преступно, но превращает волеизъявление граждан страны в противоправную деятельность. Две, на первый взгляд противоречивые задачи: обеспечение устойчивости общественного бытия и обеспечение коренных, сущностных перемен, на самом деле взаимосвязаны следующим образом: «...Коренные (сущностные) перемены есть самый надёжный и самый подходящий... способ обеспечения устойчивости общества. [Ракитский, 2011, с.31].

Современник Бауэра и, по сути, основоположник общей теории систем Богданов А.А. обращает внимание на другую сторону устойчивости: *«Устойчивость целого зависит от наименьших относительных сопротивлений всех его частей во всякий момент* – закономерность громадного жизненного и научного значения... Во всякой борьбе оно есть принцип и нападения, и защиты – в войне, в простой драке, фехтовании, шахматной игре, охоте и т.п. [Богданов, 1989, Кн.1, с.217]. Но и Богданов не

рассматривает этот элемент как необходимый и важный источник эволюционного развития.

Теперь мы можем попробовать перейти к экономической системе. Применимо ли к ней Правило №1?

Безусловно. И оно возможно в трех случаях:

1. Жизнедеятельность системы обеспечивается наличием субъекта системы. Экономика существует, пока существует общество. Гибель общества означает и гибель экономической системы.
2. При рассмотрении экономической системы в рамках одного государства – такая система существует, пока существует данное государство. Поглощение, разделение, завоевание данного государства приводят к уничтожению данной системы.
3. В нашем понимании, об экономике можно говорить при наличии следующих аспектов: ограниченные ресурсы, растущие (превышающие возможности ресурсов) потребности и адекватные этому системы распределения. При отсутствии этих аспектов утрачивается и понятие экономики.

Отсюда следует первый вывод, что Робинзон никакой экономической системы создать не может. У него нет проблем распределения. Он – просто биологическое существо, обеспечивающее себе условия жизни.

Второй наш вывод таков: мы не видим реальных механизмов общественных форм присвоения, которые позволяют обществу называться социалистическим. То есть, они могут быть, но в очень ограниченных рамках. Но мы не исключаем возможности построения коммунистического общества, когда ресурсная база опережает потребности человечества, и распределительные процедуры утрачивают свою роль. Такое общество тоже нельзя назвать экономическим. Тем не менее, любая экономическая система в

ходе своей жизнедеятельности постоянно переживает некие «*фазовые переходы*», которые свидетельствуют о существенном изменении и обновлении системы. Как мы отмечали, такие *регулярные* фазовые переходы связаны со сменой поколений.

Средняя продолжительность человеческой жизни сегодня составляет 70 – 75 лет. Однако, мы берем период в 25 – 30 лет, так как именно через такой промежуток времени происходит сменяемость людей в иерархических структурах.

Помимо регулярных фазовых переходов, существуют *глобальные* фазовые переходы, связанные со сменой формаций (рабовладельческий строй – феодальный – капиталистический), а также со сменой цивилизаций (смена ценностей, культур, целевых установок).

Определение периодичности глобальных фазовых переходов требует отдельных исследований, но, в первом приближении, смена формаций происходит раз в 1000 лет, а цивилизаций – раз в 500 – 600 лет. То, что различные формации и цивилизации меняются в различных странах не одновременно и длительное время существуют рядом, сути периодичности не отменяет. Влияние новых форм на старые в той или иной степени ломает границы государств.

Что оказывает воздействие на устойчивость экономической системы? Это окружающая среда и внутренние противоречия системы. Но из первой главы данной книги нам известно, что к окружающей среде относятся правовая система, культура, человеческие ценности, политика. Это говорит о том, что человек сам в состоянии активно воздействовать на экономическую систему. От того, каковы будут эти воздействия, зависит динамика и качество экономического прогресса.

§11. Кризисы, революции, реформы.

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру».

[Ветхий Завет, книга Екклесиаста]

Общая теория систем часто оперирует понятиями «бифуркация», «скачки», «системный беспорядок», «фазовый переход» и принципиально избегает понятий социального порядка, таких как «кризисы», «революции», «реформы». Исключением, правда, является ОТС Урманцева, который отводит кризисам определенное место. Однако, нам трудно согласиться с его трактовкой, так как под кризисами понимаются *изменения*. В развитии [Артюхов, 2014, с. 196] это выглядит так: «Тем самым, в наиболее общем случае кризисом системы назовем такое ее состояние, в котором все или часть «первичных» элементов и (или) все или часть отношений, и (или) все или часть законов композиции системы претерпели *качественные* преобразования (или сложные преобразования, включающие качественные)». И еще одно важное уточнение этого же автора [Там же, с. 197]: «... То, что традиционно именуют «кризисом», с точки зрения не только ОТС, но и естественных наук – есть не что иное, как стресс, подразумевающий одновременное ухудшение большинства ключевых характеристик системы. Безусловно, стресс с высокой вероятностью способен перерасти в кризис, но это, тем не менее, не кризис, а скорее предкризисная ситуация».

Такая трактовка превращает в кризис весь эволюционный процесс, ибо, что есть эволюция, если не качественные изменения? Естественно, для понятия «революция» в этой теории вообще не остается места. Об этом и не

упоминается. С такой терминологической путаницей невозможно подходить к конкретным системам, не внося при этом неразбериху в их понимание.

Не думаю, что я выйду за пределы общего понимания кризиса в других науках, если сформулирую его определение так: *кризис – это выход системы из нормального режима функционирования. Это сбой работы, грозящий системе разрушением привычного для нее состояния, а иногда и гибелью (прекращением жизнедеятельности системы как таковой). Кризис – это всегда угроза целостности системы, угроза выхода за рамки коридора устойчивости.*

Такая ситуация, конечно, вызывает стресс, но это уже как следствие.

Кризис всегда носит *предупредительный* характер. Таким он и остается, если система возвращается в прежнее рабочее состояние самостоятельно, либо после определенного на нее воздействия.

Если выход из кризиса достигается путем изменения состояния системы, носящим характер качественного скачка в развитии, то такой переход мы можем назвать *«революцией»*.

И, наконец, если система в состоянии правильно оценить предупредительные кризисы, а также предвосхитить их возникновение (в медицине, например, это часто удается), и плавно перевести себя в новое состояние, либо устранить возбуждающие эффекты, то действия, с помощью которых это достигается, мы бы назвали *реформами*.

Таким образом, мы видим два типа кризисов: кризис-предупреждение и кризис-революция. Революции могут быть со знаком + или – , в отличие от реформ, которые чаще положительны по результату, или сводят ситуацию к нулю. Впрочем, это слишком упрощенная трактовка.

Причиной кризисов являются обострения противоречий, вызванных либо внутренними причинами, либо спровоцированные внешней средой. Возникает режим бифуркации – столкновения разнонаправленных интересов,

перерастающих в процессы. С позиции нашего представления об эволюции мы можем дать какую-то оценку результатов последующей революции, присвоив ей знак + или –. Но это в целом. Но если рассматривать результат подетально, то мы всегда найдем наряду с положительными явлениями и отрицательные, и наоборот.

Между революцией и реформами сложно провести черту в силу того, что последними часто маскируются (имитируют) революции, сводя, в конечном счете, процесс к «переодеванию костюмов». Система при этом начинает стагнировать. Так произошло, например, с «косыгинскими» реформами, о которых у нас речь пойдет несколько ниже. Иногда к реформам относят спокойно протекающую часть революции.

Однако, мы бы разделили эти два понятия по следующей цели: реформы – как деятельность по предупреждению «кризис-революций», и революции – как результат таких кризисов.

Пока только в качестве гипотезы мы предполагаем, что цикличность существует исключительно для понятия «кризис-революция», и эта цикличность в своей основе содержит смену поколений, определенную нами в 25 – 30 лет. «Кризисы-предупреждения» стохастичны и спонтанны, а если кризисами признать застой и стагнацию, то они могут охватывать весь период или значительную его часть между «кризисами-революциями». Причем, скажем, застойный характер цивилизационного кризиса может накладываться на экономические «кризисы-предупреждения» и привносить в него свою специфику.

В этой связи нам бы хотелось отметить особенности последних кризисов-предупреждений: .

1). Ценообразование перестает быть колебательным процессом вокруг стоимости, а под воздействием психологических процессов, рекламы и

искусственного ажиотажа приобретает форму «надутых пузырей», которые рано или поздно (а чаще – в нужный для кого-то момент) лопаются.

2). Финансово-кредитная политика перестает быть стабильной:

а) игнорирует установление масштаба цен к золоту;

б) жизнь в долг превращает в норму настолько, что долги становятся невозвратными;

в) темпы роста доходности финансового сектора не только превышают прибыль, полученную в производстве, но и становятся тормозом для развития промышленности.

г) налоговая система превращается в освященный государством грабёж.

3). Простое мошенничество крупных компаний или финансовых корпораций, заключающееся в подтасовывании отчетности, в сокрытии количества (объема) обесцененных бумаг, дезинформации экономического сообщества об имеющихся активах. Разоблачение подобных афер все чаще становится поводом для новых кризисов.

4). Сиюминутные политические амбиции отдельных лидеров, стремящихся выполнить свои нереальные предвыборные обещания, либо «раздуть» социальные программы к очередному сроку своего переизбрания. Сюда же можно отнести и некомпетентность этих лидеров, и их желания поучаствовать в маленьких победоносных войнах.

Ситуационное мышление современных политиков не позволяет им увидеть в кризисах-предупреждениях глубинных причин происходящего. Они видят, как правило, только то, что послужило поводом для кризиса и борются только с этим. Поэтому, кризис-революции для них всегда непредсказуемы, случайны, и являются результатом злых помыслов внешних сил.

Экономика в цивилизационных кризисах носит не определяющий, а подчиненный характер. Цивилизационные причины следует рассматривать

как внешний фактор, воздействие которого приводит к кризисам, по форме выглядящим как экономические. Понимание истинных причин кризисов неизбежно позволяет глубже разобраться в закономерностях процессов, а значит, в их предвидении и способах преодоления.

Касательно кризис-революций, их суть в столкновении отжившего старого с нарождающимся новым. Определенный нами период в 25 – 30 лет позволяет воспитать политиков новой генерации, позволяет сложиться новой идеологии противостоящей идеологии правящей верхушки, образоваться социальным группам, поддерживающим эту идеологию. Все это происходит на фоне обновления знаний, технологий, информационных потоков.

Частично, свою гипотезу о 25 – 30-летнем социально-экономическом цикле мы можем подтвердить следующим образом. Если мы сосредоточимся на России, и за точку отсчета возьмем 1914 год, то мы увидим, что к этому моменту двигатель внутреннего сгорания начинает массово вытеснять паровой двигатель. Авиация перестает быть экзотикой и становится реальной военной составляющей и транспортной службой. Автомобили начинают вытеснять гужевой транспорт. Появляется автоматическое оружие, танки. Электричество используется в промышленных масштабах.

Техническое перевооружение нарушает почти столетнюю мирную эпоху Европы. Россия в течение последующих 7 лет переживает Первую мировую войну, две революции и Гражданскую войну.

1939 год. В стране проведена индустриализация промышленности и коллективизация сельского хозяйства. Наука проводит испытания ракетных двигателей. Поставлен вопрос об использовании атомной энергии в мирных и военных целях. Электроэнергия становится основным энергетическим ресурсом промышленности. Освоено поточное производство. Военная техника прошла свой цикл 25-летнего обновления, приобретя качественно

иные характеристики. То же можно сказать и о заводском оборудовании. В биологии и сельском хозяйстве ведутся исследования по генетике и селекции.

Шесть лет Второй мировой войны кардинально изменяют социальный облик страны. Сталинизм продолжит существовать, но дни его фактически сочтены. Репрессии еще имеют место, но они уже не носят массового характера, и вызывают уже неоднозначную реакцию в обществе.

Год 1964. Началась космическая эра и эра автоматизированных систем управления. Реактивная авиация вытесняет «авиацию пропеллеров». Железнодорожный транспорт переходит на электрическую тягу. Строятся первые атомные электростанции. Появляются станки с программным управлением (ЧПУ). 1964 год в Советском Союзе связан с завершением периода «оттепели», снятием со всех постов Н.С. Хрущева и вступлением в период длительного «застоя», ростом влияния «неосталинистов».

Смена руководства в стране знаменуется началом косыгинских экономических реформ, которые к 1970 году были сведены на нет. Открытие нефтяных месторождений в Западной Сибири превращает страну в заложницу экономической модели «сырьевого проклятия». Назревшая перестройка отодвигается, а страна погружается в застой.

1989 год. Это год фактического начала перестройки. Мир на пороге компьютерной революции. Мир осваивает новую электронику, робототехнику. На первый план выходит качество продукции. Осваиваются новые методы организации производства. Советский Союз еще продолжает числиться сверхдержавой, но техническое отставание все больше и больше дает о себе знать. Страна все больше превращается в сырьевой придаток запада.

За этот период люди успели несколько раз побывать на Луне, созданы космические челноки. В космосе постоянно работает космическая станция с

космонавтами на борту. Появился персональный компьютер, изобретен сотовый телефон.

Перестройка заканчивается путчем 1991 г., распадом Советского Союза и расстрелом парламента в 1993 г. Страна отрекается от социализма и реставрирует на своей территории капиталистические отношения. Выборы 1996 г., сопровождающиеся залоговыми аукционами, окончательно формируют в стране «воровской капитализм».

За последний 25-летний период мы пережили два кризис-предупреждения в 1998 и 2008 – 2011 годах, которые в расчет не принимаем.

Обращает на себя внимание и внешняя экономико-социальная составляющая всех перечисленных кризисов. Как «близнец» России в них всегда присутствует Германия. В первых двух случаях как военный противник, в 1961 году кризису предшествует конфликт с Западом по поводу Западного Берлина и строительства вокруг него разделительной стены. 1989 год знаменует разрушение Берлинской стены и последующее воссоединение двух Германий.

В той или иной степени во всех перечисленных переломных моментах присутствуют и Соединенные Штаты. Карибский кризис 1962 года и связанный с ним конфликт 1961 г. по Западному Берлину во многом способствовали смене руководства в Советском Союзе.

Конец 80-х годов прошлого века характеризуется искусственным снижением цены на нефть до 15\$, организованным США вместе с Саудовской Аравией, а также втягиванием СССР в новый виток гонки вооружений имитацией успехов в программе СОИ (Стратегической Оборонной Инициативы), связанной с превращением космоса в военный полигон.

То есть, данный цикл вовсе не является прерогативой России. Через Россию в него оказываются вовлеченными страны Восточной Европы, Япония и Китай. Через Германию – страны Центральной и Западной Европы. Участие в этом цикле США делает его мировым. Эти циклы также свидетельствуют о значимости России в мировом процессе независимо от состояния ее экономики в тот или иной период. Можно ли это экстраполировать на будущее – покажут события 2014 – 2020 гг. Кроме того, мы предполагаем, что в XIX веке такой точкой отсчета была Франция, а в будущем может стать любая другая страна.

Я не уверен, что и в дальнейшем столь строго будет соблюдаться 25-летний период. Но то, что в период с 2014 по 2020 год нас ждут существенные перемены, у меня не вызывает сомнения.

ИТ-технологии, компьютеры, сотовые телефоны, навигаторы кардинально изменили экономические и социальные процессы. Космические спутники обеспечивают связь на Земле, ведут видеонаблюдение, контроль за климатическими процессами и за исполнением договоренностей в военной области. Присутствие человека в космосе стало постоянным. Расшифрована ДНК человека. Нанотехнологии перешагнули этап научных исследований и переходят в практическую плоскость. Человечество осознало опасность ядерных взрывов на Земле и в космосе. Резко возросли требования гуманности к военным технологиям.

В следующем 25-летию нам следует ожидать значительных успехов в робототехнике, значительных успехов в создании искусственного интеллекта. Медицина победит рак и значительно продвинется в возможностях продления жизни. Станет возможным уничтожение болезней на генетическом уровне.

Гораздо сложнее предсказать социально-политические изменения. Со всей очевидностью мы наблюдаем закат эпохи Ельцина – Путина. К власти придет новое поколение политиков, которые постараются избавиться от грязи

нечестных выборов, начнется борьба с коррупцией. Закончится государственная монополия на СМИ. Россия действительно приступит к реальным радикальным прогрессивным реформам.

Гораздо сложнее предсказать социально-политические изменения. Представьте, что мы сами находимся в конце 1988 – начале 1989 гг. Тенденции достаточно очевидны. Гонка вооружений достигла своего пика. Экономики США и СССР перегружены военными расходами. Ядерные запасы угрожают жизни всего человечества. Мир устал от военных угроз и требует разоружения.

Социалистический лагерь во главе с Советским Союзом переживает кризис. Застойные тенденции становится невозможно скрывать. Объявленная перестройка не имеет целей и не дает результатов. А.Д. Сахаров заявляет о необходимости пересмотра союзного договора об образовании СССР.

На основании этих фактов многие события 1989 – 1996 годов были вполне ожидаемы и предсказуемы. Но только по интегральным характеристикам. Предсказать конкретные события типа разрушения Берлинской стены или путч 1991 года не взялся бы никто, и сделать это, в нашем понимании, не реально.

Если мы вернемся в 2014 год, то в международном плане обнаружим долговые кризисы в США и Западной Европе, достигших своих критических значений. Мы обнаружим ведение военных действий Соединенными Штатами в Ираке и Афганистане. Гноящейся раной является Сирия. Очень высока вероятность того, что инициативу по разрешению кризиса в этой стране тоже возьмут на себя США, и режим Асада падет. Но это станет еще одной головной болью американцев.

Превращение США в экспортера нефти и снятие эмбарго с Ирана предположительно обрушат рынок нефти, что не может не сказаться на всей мировой экономике. Искусственное же сдерживание цены на золото

закончится его головокружительным ростом до 3000, а может и до 5000\$ за унцию. К этому времени финансовые воротилы успеют превратить свои бумажки в твердую валюту.

Конфликт правительства и оппозиции на Украине нарастает, превращаясь в гражданскую войну, и грозит перерасти в международный конфликт с применением вооруженных сил. Экономические санкции по отношению к России бумерангом ударят по Западной Европе. Зима 2014 – 2015 годов может для обеих сторон оказаться весьма трудной.

Нам видится, что на этот раз источником мирового кризиса будут США. Но Россию он изменит радикально. Вполне логично ожидать объявления со стороны США дефолта по галопирующему долгу страны. Этому могут способствовать другие кризисные явления в политике и экономике страны. Сепаратистские движения в США со стороны некоторых штатов гораздо сильнее, чем это предполагают многие живущие за их пределами. Кризис вполне может обострить эти настроения. За дефолтом в США последует цепочка дефолтов стран Западной Европы.

Мы также не исключаем организацию искусственных терактов на своих территориях с целью перенаправить недовольство масс в сторону от экономических и политических проблем. В ситуации масштабного мирового кризиса нельзя экстраполировать существующие проблемы и пути их разрешения в обычных условиях. Такие периоды можно сравнить с авиационной катастрофой, когда система в состоянии противостоять какому-то одному, ну двум, сбоям в своей работе. Но когда сбоев больше, и они накладываются один на другой, происходит экспоненциальный рост нарушений работы системы. То, с чем система справлялась долгие годы, не срабатывает. Катастрофа становится неминуемой.

Не будем скрывать, что нам известны предсказания некоторых известных эзотериков о том, что 44-й президент Соединенных Штатов будет

последним президентом этой страны, что в его президентство страна распадется, либо начнет утрачивать мировое лидерство.

Пусть эти предсказания останутся на совести этих эзотериков. Мы не можем их ни подтвердить, ни опровергнуть. С позиции сегодняшнего дня такое развитие событий кажется маловероятным. Однако, поскольку мы предполагаем, что это будет один из самых серьезных мировых кризисов, которые знало человечество, то такой исторический подход исключать не стоит.

Назаретян А.П. [Назаретян, 1996, с. 6-7] справедливо замечает: «Со школьных лет нам проповедовали расхожую теорию, будто революции осуществляются обнищавшими массами. На уроках истории рассказывали анекдоты, наподобие того, как королева Франции Мария-Антуанетта, услышав за день до начала восстания, что у крестьян нет хлеба, якобы заявила: «Пусть едят пирожные»... Между тем, еще в прошлом веке выдающийся историк А. де Токвиль убедительно доказал: революции всегда следуют за годами экономического роста, расширения политических свобод и возможностей. В частности, в 80-х годах XVII века – в преддверии революции – уровень жизни французских крестьян и ремесленников был самым высоким в Европе».

Впоследствии, концепцию Токвиля немного уточнили: «... за этим периодом следует короткий период относительного спада, часто связанного с неудачной войной. Быстро увеличивающийся разрыв между социальными ожиданиями, продолжающими по инерции расти, и снижающимися объективными возможностями усиливает напряжение, чреватое взрывом» [Там же].

В ситуации объявленных дефолтов Россия останется без своей иллюзорной копилки в полтриллиона долларов, а Центробанк утратит значительную часть своих резервов. В совокупности с падением цен на нефть

режим Путина окажется полным банкротом в политическом, экономическом и социальном смысле. И это будет вполне заслуженный итог режиму, установившемуся после 1993 года.

К сожалению, нынешние власти сделали все, чтобы в стране не сложилось конструктивной оппозиции (партии, сидящие в Думе, финансируются Кремлем, и к таковым не относятся). Поэтому, смена режима, скорее всего, пройдет через очередного «штрейкбрехера» от партии власти, типа Хрущева или Горбачева. Такие революции «сверху» характерны для России. Сопровождаются они метаниями взад – вперед, влево – вправо. Кончается это тем, что такой лидер становится ненужным никому, а побеждает, порой, наиболее безнравственная сторона, готовая пренебречь законом ради власти. К 2021 году мы сможем увидеть, как это произойдет в очередной раз. Затем ситуация стабилизируется.

Как произойдет смена власти, сегодня не сможет сказать никто. Но этот путь не имеет альтернативы. Новому правительству, каково бы оно не было, для того, чтобы выйти из кризиса и открыть дорогу реальному развитию, необходимо будет решить следующие задачи:

1. Изменить политическую систему страны, добившись реального разделения властей и покончить со скрытой формой монархии.
2. Обеспечить реальное волеизъявление народа путем открытых и честных выборов.
3. Положить конец коррупции в высших эшелонах власти.
4. Радикально снизить налоги и переориентировать налоговую систему на рентные платежи.
5. Кредитно-финансовая система должна занять обусловленное законами экономики соответствующее ей место – обслуживание производственной деятельности и научно-технического прогресса

Мы не будем продолжать этот список, иначе наша книга превратится в некую партийную программу. Этого перечня достаточно, чтобы понять сложность предстоящих задач, их направленность и силу сопротивления, которая будет их сопровождать по мере реализации.

Обращает на себя внимание и такая закономерность: каждый последующий кризис-революция тесно взаимосвязан с предыдущим. Возникает впечатление, что человечество как бы берёт передышку, чтобы вернуться к нерешённым проблемам вновь. Так Вторая Мировая война была по сути продолжением решения проблем Первой Мировой. Первая Мировая породила социалистическую революцию и первую страну социализма СССР. Вторая Мировая привела к формированию целого социалистического лагеря, распространившегося на 1/3 Земного шара. Следующий кризис поставил в повестку дня необходимость Перестройки в социалистическом лагере. И такая перестройка ожидалась от брежневского режима и косыгинских реформ. Однако данную проблему пришлось уже решать в период следующего кризиса и, конечно, не лучшим образом. Время было упущено.

Кризис 1989-1996 годов ознаменовался распадом СССР и возвратом многих стран к капиталистическим отношениям. Однако Россия не стала при этом органической структурой мирового сообщества. И вина в этом не только России. Исходя из этого следует ожидать, что целостность России вновь будет подвержена испытаниям. Проблема во взаимоотношениях с Украиной, и в частности с Крымом, выглядит как один из факторов ожидаемого процесса.

Россия также пережила экономический упадок. Этот кризис для России неизбежно будет ключевым. Либо она сможет преодолеть негативные

тенденции и возродится как собирательница земель и мировой политический центр, либо окончательно утратит своё значение.

Догадки о тождественности войны и экономического кризиса высказал ещё Шумпетер Й.А. в начале XX века. Он писал: «Все сразу согласятся с тем, что, например, начавшаяся война может вызвать столь значительные нарушения, что мы вправе говорить и о наступлении кризиса.» [Шумпетер, 2008, с. 394] И далее: “Прекращается импорт и экспорт, нарушается система цен и стоимостей, обязательства не могут быть выполнены, якорная цепь кредита рвётся — всё это, возможно, имело место в действительности и, конечно, представляет собой кризис. И такой кризис нельзя объяснить чисто экономически, поскольку его причина — война — фактор внеэкономический. Кризис возник в результате войны и в то же время объясняется воздействием этого инородного тела на экономику страны.” [Там же]

С определённым прозрением тут у Шумпетера наличествует большая путаница. Прежде всего перепутана причина со следствием. Не война порождает кризис, а кризис реализуется через военные действия. Меняется форма его течения, приобретая крайние меры. Объяснить же

кризис “чисто экономически” действительно невозможно. Это социально-экономическое явление, а поскольку в его основе лежит ещё и смена поколений, то в определённой степени мы можем утверждать и его биологический характер. Это утверждение абсолютно не означает неизбежность войн в будущем. Человек как социальное существо обязательно положит конец такой форме разрешения противоречий.

Развал СССР привёл к установлению однополярности в мировой политике, которое взяло на себя США. Системы «не любят» значительного нарушения симметрии. И это не может продолжаться слишком долго. Биполярность будет восстановлена одним из следующих способов или их комбинацией: рост политической значимости в противовес США со стороны Китая, экономическое и политическое возрождение России, распад и/или экономический упадок в Соединённых Штатах.

И в заключение хотелось бы обратить внимание еще на один хронологический момент.

Первая мировая война началась для России 1 августа 1914 года.

Вторая мировая война - 1 сентября 1939 года.

Н.С. Хрущев был освобожден с занимаемых постов Октябрьским пленумом ЦК КПСС, который состоялся 13 октября 1964 года. Но ему предшествовал Президиум ЦК КПСС, решения которого легли в основу документов Пленума.

1989 г. изобиловал событиями, к наиболее существенным из которых, мы могли бы отнести I съезд народных депутатов, который проходил с 25 мая

по 9 июня, и II съезд, собравшийся с 12 по 24 декабря. Однако, ключевым моментом, на наш взгляд, было падение Берлинской стены – 9 ноября.

Исходя из этого, я буду удивлен не менее читателя этой книги, если начало ожидаемых событий придется на первую, а скорее – вторую декаду декабря 2014 года. Я буду удивлен, поскольку, не являюсь предсказателем, а лишь только пытаюсь исследовать экономические и социальные процессы. Причины столь *жесткой* периодичности в 25 лет и 1 месяц нами пока не могут быть объяснены.

Глава 5. Структура экономической системы.

§1. Понятие структуры и принципы структурирования.

Понятию структуры и исследованию различных структур посвящены многочисленные исследования. Некоторые авторы (напр., Жилин, 2010) несколько упрощенно подходят к этому вопросу, выдавая за ~~систему~~ **структуру** то простую классификацию, то диалектическую пару, то группу объектов, объединенных обратной связью. Другие (напр., Тода М. и Шуффорд Э.Х. мл., с. 335) понимают под структурированием любые возможные способы расчленения системы. Остальные формулировки либо не вызвали у нас интереса, либо следуют в фарватере этих двух воззрений.

Действительно, исследователь вправе рассматривать любую декомпозицию системы как ее структурный состав. Но мы бы предложили принять более строгую формулировку, при которой под структурой можно понимать только такое расчленение системы, когда составляющие ее части сами образуют системы (подсистемы). В этом случае под структурой системы следует понимать **внутренне присущий ей набор устойчивых взаимосвязанных между собой подсистем, имеющих определенный набор состав элементов, составляющих целостность подсистемы** в совокупности со специфическими связями, объединенных единой целью и образующих, в связи с этим, устойчивую систему внутри более глобальной системы.

Под специфическими связями мы понимаем такие связи, которые присущи именно глобальной системе и не выходят за ее рамки. Например, элементом экономической системы является человек. Сам по себе он может рассматриваться как биологическая (физиологическая) система. Но с позиции

экономики человек, с этой стороны, нас интересует весьма отдаленно. Поэтому, элементы системы сами по себе не образуют структуры и подсистемы при заданных нами условиях. В этом случае: не любое расчленение есть структурирование. Именно такое строгое понимание мы будем учитывать в дальнейшем изложении нашей книги.

Биолог У.Матурана наряду с понятием структура вводит понятие *паттерна* системы. Паттерн – это принципиальная схема конфигурации системы. Структура – различные способы реализации паттерна. Паттерн экономической системы – это «производство – рынок – распределительная система»(возможна и более сложная схема, но в данном случае нам важно разъяснить суть). Структура – это то, как реализуется паттерн в конкретных условиях. Это разделение важно для выстраивания государственной экономики.

Структура системы теснейшим образом связана с понятием *иерархии*. Для того, чтобы образовалась иерархия, система должна быть *централизована*. Централизация системы обеспечивается ~~одним~~ из доминирующим элементом системы, вокруг которого формируется вся глобальная система. Для Солнечной системы таким элементом является Солнце, для экономической – люди.

Для иерархии – это необходимое условие, но недостаточное. По мере развития субъектные системы становятся целеполагающими системами. Последние формируют отдельную, специфическую общность людей, которая, с одной стороны, в силу своего положения, способна осознать общие цели, а

с другой – имеющая возможность (ресурсы) добиваться их осуществления, используя всю систему в целом. Идеальное (цели) начинает доминировать над материальным. И в этом нет ничего не научного – такова диалектика.

Иерархию систем формируют определенные связи внутри системы, которые характеризуются тем, что могут ограничивать или расширять степени свободы деятельности подсистем. Иерархичность в системах формируется двояким образом: 1) более глобальная система подчиняет себе свои структуры; 2) система (подсистема) внутри себя выделяет блок управления, которому делегируется право управления всей системой (подсистемой).

Как в технических, так и в социальных и биологических системах второй вариант иерархии обусловлен дефицитом времени на переработку огромных массивов информации необходимых для анализа целевых установок, выработки функционалов поведения и принятия решений. Кроме того, данный блок управления становится центром получения всей необходимой информации от функционирующей системы, обеспечивая себе такой кругозор, которого не имеет ни один элемент, ни какая-либо другая подсистема.

Даже в технических системах такая концентрация «власти» представляет значительную угрозу. Например, если это сделано в ядерных боевых комплексах упреждающего удара. Для уменьшения опасных последствий прибегают к дублированию систем и разделению функций управления.

С целью повышения качества управляемости и, опять-таки, для выигрыша во времени, некоторые функции управления могут делегироваться внутренним подсистемам.

Для экономики специфичны организационные структуры – формальные и неформальные объединения людей, призванные решать проблемы

материального производства. Лишь в той мере, в которой они решают именно эти проблемы, они являются экономическими. Всякого рода финансовые пирамиды, живущие собственной жизнью и озабоченные проблемами другого порядка, - не более, чем язвы на теле экономики. А поэтому место им на свалке истории. Если хотя бы эту, одну единственную истину нам удастся довести до сознания читателя, можно будет считать наш труд по написанию этой книги не напрасным.

Главенствующим иерархическим звеном в экономической системе является *государство*. Но только те условия, которые возводят его на верхнюю ступень иерархии, должны одновременно и ограничивать его права. Свою материалистическую сущность система должна постоянно доказывать своей способностью заменять государство (управленческую верхушку, элиту), если оно перестает понимать общие задачи системы и сосредотачивается исключительно на своих собственных. Однако, необходимо признать и то, что порой недостаточно элите осознать прогрессивность целей общего развития, необходимо еще суметь это понимание донести до общества в целом. И если общество не готово к такому пониманию, то иногда и не грех немного отступить. И, наоборот, неготовность сотрудничать с наиболее прогрессивно мыслящими людьми, приводит к тому, что верх берет третья сила, отбрасывая развитие вспять. К таким примерам следует отнести революции в России 1917 года, и революцию в Иране 1978 года.

Самостоятельность иерархических структур условна. Если иерархические структуры не справляются со своими задачами, система обратной связи «переворачивает пирамиду» - базовые элементы берут управление на себя меняя как иерархические структуры, так и систему

взаимосвязей. В государственной социальной системе демократические процедуры призваны снизить негативные ожидания обратных связей. Для этого раз в 4-6 лет проводятся выборы парламента и президента. Пирамиду как бы искусственно на короткий срок переворачивают. Однако властные структуры и «денежные мешки» давно научились эту процедуру превращать в иллюзию переворота. Техническое развитие, изменение средств коммуникаций, образовательный уровень людей ставят в практическую плоскость вопрос о замене демократии на народовластие. Более детально этот вопрос мы надеемся рассмотреть в своей следующей книге.

Формальные экономические структуры мы могли бы подразделить на три группы в соответствии с градацией взаимосвязей:

1. Государство и структуры взаимодействующие с ним напрямую.
2. Структуры, формируемые собственником (собственниками) внутри самостоятельных юридических образований.
3. Структуры организационно-технического характера.

Однако, объединение людей бывает формальным (юридически оформленным) и неформальным. Структуры вообще необходимо разделить на формальные и неформальные. Если первую категорию в экономической системе образуют фирмы, корпорации, домохозяйства, государства, различного рода учреждения, то вторая категория есть не что иное, как институциональная экономика.

При рассмотрении экономики как системы институциональная экономика вписывается в данную систему взглядов весьма органично. К сожалению, это научное направление находится лишь в зачаточном состоянии. Оно все еще только пытается доказать свое право на жизнь. Между тем, любая *национальная* экономика может быть описана только через свои институты. *Исторический* ракурс состояния экономики без институтов – пустая абстракция. В научной литературе стало модным связывать развитие экономики с требованием изменения институтов. Но при этом нет научного обоснования институциональных структур, к которым было бы целесообразно стремиться. Нет вообще стройной нормативной теории институтов экономической системы. Нам видятся в будущем такие теоретические дисциплины как:

- Институты религии, обычаев и нравов в экономике и их влияние на транзакционные издержки;
- Институты права и экономика;
- Институты культуры и народных традиций и их влияние на экономику;
- Институциональные особенности частной собственности в России;
- Контракты и их исполнение в институциональных особенностях России;
- Институциональные особенности в трудовом процессе;
- Влияние институтов планирования и прогнозирования на развитие экономики.

Как видите, под институциональной экономикой мы понимаем всю палитру социальных отношений, не являющихся чистой экономикой, но так или иначе с ней взаимодействующих.

Отсюда следует сделать два вывода:

1). Экономика, которую нам оставили классики, существует только в головах ученых. В реальной жизни она шире и богаче, охватывая весь спектр социальных отношений.

2). Не существует экономики *вообще*, не существует экономики без национальной окраски, без национально-генетического кода.

Взгляд неоклассиков и неолибералов на экономику исключительно через призму рыночных отношений, с позиции рационального поведения и никогда не существующих равновесий в значительной степени сегодня себя дискредитировал, а иногда просто вызывает саркастическое удивление.

Так, институционалист Дж. Ходжсон задается вопросом: «Чем отличаются фирмы от рынка?», который постепенно переходит в вопрос: «Почему вообще существуют фирмы?» [См. Ходжсон, 2003, с. 282 - 310]. Данному вопросу отводится целая глава, в которой приводятся различные мнения уважаемых ученых. Читая эти страницы, создается впечатление, что люди вообще не знают, что существуют технологии, что у фирмы существует собственник (собственники), и рыночные отношения внутри единого владения равносильны бессмысленному и бесконечному перекладыванию денег из одного кармана в другой, с необходимостью каждый раз вычислять, а не обманул ли меня этот карман, а не нанес ли он ущерб другому моему карману. Все рассуждения ученых сводятся к одному: есть внутри фирмы рыночные отношения или их нет, и каковы были бы трансакционные издержки, если бы их туда ввести. Сам Ходжсон [Ходжсон, 2003, с.307] упоминает и технологии, и собственников, но при этом настаивает на своей аргументации.

Непонимание особенностей функционирования структур приводит и к более серьезным ошибкам. Так, [Ведута, 1999] небезосновательно пытается доказать, что экономика Советского Союза, согласно идеям Сталина, строилась по принципу: одна страна – одна фирма. И все дело «испортили»

рыночники, которые не сумели постичь всей гениальности этой идеи. Рынок, в его понимании, должен был носить лишь счетно-учетную функцию.

В этой теории нет места не только институционализму. В ней нет места ни индивидуальным, ни коллективным интересам. Есть «гаечки» и «винтики», есть «шестеренки». И все, что мешает крутиться данному механизму, должно быть превращено в лагерную пыль (об этом Ведута, конечно, не пишет, но мы-то знаем историю).

Наше понимание планирования не имеет с этой системой ничего общего. Никто не хочет, и не будет жить ради плана, кем бы он ни был составлен. План должен существовать для того, чтобы мы поняли лучше наши интересы, перспективы и не создавали искусственно проблемы, которые потом героически надо было бы преодолевать.

§2. Тенденции инновационного процесса производства.

Напомним, исследуя процесс производства, К. Маркс сначала рассмотрел процесс простого воспроизводства, затем – расширенного. Он определил два подразделения общественного производства: I. Производство средств производства, и II. Производство предметов потребления. Он определил также, что валовый продукт (y) каждого производства состоит из

$$c + v + m = y$$

где c – постоянный капитал, v – переменный, или заработная плата рабочих, m – прибавочная стоимость.

В конечном счете, им были выведены определенные пропорции, необходимые для расширенного производства, которые мы считаем сегодня ошибочными (См. гл. 3 § 6), так как они не учитывают научно технический прогресс. Возьмем на себя смелость утверждать, что процесс производства,

рассмотренный К. Марксом в главах XX и XXI первого тома «Капитала», слишком упрощен и примитивен, в результате чего сделаны не только неправильные выводы, но и упущена возможность выявить многие тенденции, с которыми экономика столкнулась в XX и XXI веках.

При всем при этом, нам следует снять шляпу перед этим ученым, также как и перед основоположником учения физиократов Франсуа Кенэ, обративших свое внимание на проблему общественного капитала.

Приходится только сожалеть, что с 20-х годов XX столетия интерес к этой проблеме угас, и даже в Советском Союзе, где плановая экономика требовала более глубоких подходов к общественному воспроизводству (причины переключения западных экономистов на проблемы воспроизводства индивидуального капитала нам понятна), марксовы понятия были превращены в догму, и нарушить табу на их пересмотр и развитие никому не оказалось под силу.

Но и сегодня одиночные попытки осуществить такой анализ (См. Маевский, Малков, 2014) пока не впечатляют, хотя их следовало бы поприветствовать.

Мы думаем, что данная тема заслуживает отдельной книги, касаясь же ее сейчас, мы ставили целью лишь определить возможные направления будущих исследований и привлечь к этому вопросу внимание ученого мира.

Прежде всего, следует изменить методологию исследования и его цели. Оставим пока в стороне вопрос о пропорциях, складывающихся в процессе обмена между его подразделениями. Вероятно, они существуют, но пусть ими займутся специалисты, владеющие лучше нас математическим аппаратом. Нас же должны интересовать не пропорции, а *тенденции развития*. Подчеркиваю: не просто роста, а развития. Это – первое.

Второе. Мы считаем необходимым усложнить формулу строения капитала:

$$c + v + m = y \quad (1)$$

до

$$c + v + s + l + m = y \quad (2)$$

где c – основные фонды (в первой формуле это постоянный капитал)

v – заработная плата;

s – затраты на НИР и опытно-экспериментальные работы;

l – затраты на сырье;

m – прибавочная стоимость, которую в дальнейшем целесообразно разложить на составляющие:

$$m = r + t + b + p \quad (3)$$

где r – рента, t – налоги, b – банковский процент, p – промышленная прибыль, y – валовый продукт.

Третье. Мы не будем ограничивать себя рассмотрением только двух подразделений: I. Производство средств производства, и II. Производство предметов потребления.

Мы введем в обзор весь классифицируемый спектр производства. В дальнейшем, мы можем ввести в него торговлю (сектор обмена), банковский сектор и государство.

Итак:

III. Производство сырья.

IV. Наука и опытно-экспериментальное производство.

V. Производство постиндустриальной продукции.

Последнее направление поясним особо. К нему мы относим, в отличие от большинства экономистов, не услуги, а тиражируемую интеллектуальную продукцию. К ней мы относим киноиндустрию, программное обеспечение компьютерных технологий, аудио- и видео индустрию, образование, поставленное на коммерческий поток, IT – технологии, права и лицензии на производство продукции и пользование теми или иными технологиями. Короче, все то, что продается внутри страны и на экспорт миллионными тиражами так, что права собственности при этом остаются у первоначально приобретших их владельцев.

Соответственно, этот вид продукции мы не включаем ни в I-е, ни во II-е подразделение, а в формулу строения капитала (2) мы можем добавить затраты на нее под буквой i. Тогда формула строения капитала приобретает вид:

$$c + v + s + l + i + (r + t + b + p) = y \quad (4)$$

Обменный сектор (VI), банковский сектор (VII) и государство (VIII) при определенных допущениях мы можем, при необходимости, тоже рассматривать как сумму слагаемых (при их наличии) по формуле (4).

Поскольку в разумной экономике VI и VIII секторы должны существовать за счет прибавочной стоимости, и это буквенно нами учтено, то реклама и торговля есть часть производственных затрат. Обозначим их через букву f , и зафиксируем окончательную формулу общественного производства:

$$c + v + s + l + i + f + (r + t + b + p) = y \quad (5)$$

Если рассматривать первые пять подразделений более внимательно, то мы с вами увидим, что на сегодняшний день мы расписали не столько строение общественного капитала внутри отдельного государства, сколько сложившуюся структуру международного разделения труда.

Четвертое наше отступление от марксистской методологии будет заключаться в следующем. К. Маркс пишет [Маркс, 2011, с. 471]: «... Лишь некоторая часть примененного основного капитала потребляется целиком, и, следовательно, лишь стоимость этой части переходит на продукт. Другая часть основного капитала, т.е. машины, здания и т.д. существует и продолжает функционировать по-прежнему, хотя стоимость этого основного капитала и уменьшилась вследствие годового износа. Если мы рассматриваем стоимость продукта, то этой продолжающей функционировать части основного капитала *для нас не существует* (выделено нами - Авт.) . Она составляет часть капитальной стоимости, *независимую* (выделено нами - Авт.) от этой вновь произведенной товарной стоимости, существующую наряду с последней». В нашем анализе эта часть стоимости (и физические элементы ее составляющие) будут *существенны и зависимы*.

Мы с вами разделили общественное производство на 8 подразделений. Такое деление мы пока оставим для будущих исследований и для плановых органов, которые, мы уверены, рано или поздно появятся. Пока же, для простоты изложения, возьмем те два подразделения, которые выделил К. Маркс, и оставим буквам те значения, которые им даны во II-м томе «Капитала» (у нас это формула 1). Процессы, которые мы рассмотрим в этих

двух подразделениях, без проблем можно будет распространить и на те подразделения, которые выделены нами.

Несколько опережая события, скажем, что всем известно, как инновации методично разрушают сложившиеся пропорции в системе, а вместе с ними периодически нарушают экономический процесс. Нас интересует не только то, почему это происходит, но в большей степени – каким образом системе удастся длительное время самоорганизовываться и противостоять этому фактору.

Предположим, что основной капитал изнашивается за 10 лет и разделим его условно по времени своего существования. Для этого условимся, что по стоимости он составляет 500 000 неких условных денежных единиц (у.д.е.), которые равномерно распределены по годам в I подразделении и 100 000 у.д.е. во II подразделении. Предположим, также, что норма амортизационных отчислений для всех основных средств составляет 10%. Также для простоты изложения воспользуемся пока формулой (1). Остальные цифры, примененные нами, будут тоже условны.

Итак, если мы разложим валовый продукт этих подразделений структурно по каждому году существующих основных средств, то это будет выглядеть так:

Схема 1.

I подразделение

Основные средства

$$\text{1-ого года существования} \quad 50000c_1 + 10000v_1 + 5000m_1 = 65000y_1$$

$$\text{2-ого года} \quad 50000c_2 + 10000v_2 + 5000m_2 = 65000y_2$$

.....

$$\text{10-ого года} \quad 50000c_{10} + 10000v_{10} + 5000m_{10} = 65000y_{10}$$

$$\text{Итого:} \quad 500\,000c + 100\,000v + 50\,000m = 650\,000y$$

II подразделение

Основные средства

$$\text{1-ого года существования} \quad 10000c_1 + 2000v_1 + 1000m_1 = 13000y_1$$

$$\text{2-ого года} \quad 10000c_2 + 2000v_2 + 1000m_2 = 13000y_2$$

.....

$$\text{10-ого года} \quad 10000c_{10} + 2000v_{10} + 1000m_{10} = 13000y_{10}$$

$$\text{Итого:} \quad 100\,000c + 20\,000v + 10\,000m = 130\,000y$$

$$\text{Всего:} \quad X \quad X \quad X \quad 780000$$

Как видит читатель, в нашей модели мы пока предположили одинаковую производительность основного капитала по всем годам своего существования. На самом деле, такого не бывает, но дальнейшее наше изложение как раз и преследует своей целью показать не только то, как бывает на самом деле, но и динамику происходящих изменений.

Итак, у нас с вами наступил год, когда основные средства с 10-летним сроком службы должны быть заменены на новые, с более высокими техническими показателями. Эти показатели, по нашим вполне допустимым экономическим расчетам, должны выражаться в 3% роста валовой продукции и 5% роста производительности труда. Это в целом по каждому подразделению. Но достичь этого можно только благодаря замене основных средств, отслуживших свой срок. В жизни допустимы и другие варианты, но таковы условия нашей модели. Теперь наши формулы годовой продукции сдвинутся на один год, и схема будет выглядеть следующим образом:

Схема 2.

I подразделение

Основные средства

$$1\text{-ого года существования} \quad 50000c_1 + 5000v_1 + 29500m_1 = 84500y_1$$

$$2\text{-ого года} \quad 50000c_2 + 10000v_2 + 5000m_2 = 65000y_2$$

$$3\text{-ого года} \quad 50000c_3 + 10000v_3 + 5000m_3 = 65000y_3$$

.....

$$10\text{-ого года} \quad 50000c_{10} + 10000v_{10} + 5000m_{10} = 20000y_{10}$$

$$\text{Итого:} \quad 500\,000c + 95000v + 74500m = 669500y$$

II подразделение

Основные средства

$$1\text{-ого года существования} \quad 10000c_1 + 1000v_1 + 5900m_1 = 16900y_1$$

$$2\text{-ого года} \quad 10000c_2 + 2000v_2 + 1000m_2 = 13000y_2$$

$$3\text{-ого года} \quad 10000c_3 + 2000v_3 + 1000m_3 = 13000y_3$$

.....

$$10\text{-ого года} \quad 10000c_{10} + 2000v_{10} + 1000m_{10} = 13000y_{10}$$

$$\text{Итого:} \quad 100\,000c + 19000v + 14900m = 133900y$$

$$\text{Всего:} \quad X \quad X \quad X \quad 803400$$

Вполне логично предположить, что такая замена основных средств осуществляется не на всех предприятиях одновременно, а концентрировано

на отдельно взятых предприятиях. Это происходит по многим причинам: наиболее продвинутый менеджмент, большая доступность к кредитным ресурсам и т.д., но в нашей модели главную роль играют сроки старения оборудования.

Представим теперь, что мы представители предприятий 10-го года существования основных средств в последней схеме. Наше оборудование теперь не только устарело физически. Оно устарело и морально. Кстати, морально оно устарело во всех временных промежутках, начиная со 2-го года существования.

Должно ли это найти свое место в учете? Если мы хотим видеть реальную картину, то да. Это значит, что амортизация должна начисляться не равномерно по годам, а ступенчато, нарастая. И сроки ее начисления должны сокращаться, скажем, с 10 лет до 8 или еще меньше.

Мы также видим, что со стороны наших конкурентов резко увеличилось предложение продукции. При этом улучшилось качество (уменьшилась материалоемкость его, снизилось энергопотребление, улучшился дизайн, интерфейс, появилась автоматика и т.д.) и одновременно появилась возможность снижения цены. Но покупательная способность населения при этом снизилась, так как часть работников оказалась высвобожденной.

Возможно, понимание всех этих проблем приходит к менеджерам не на второй, а на третий, четвертый или пятый год замены основных средств, но рано или поздно оно приходит. А с ним и понимание того, что двигаться в этом направлении по инерции – значит с опозданием выйти на конкурентный рынок, то есть подвергнуть себя риску банкротства. Но даже если вы и есть тот самый предприниматель, который первым вышел на рынок с новой продукцией и новыми технологиями, вы понимаете, что емкость рынка не безгранична, и наращивание объемов представляет, по крайней мере, серьезный риск.

Что в этой ситуации будет делать предприниматель?

Можно остановить развитие, но это противоречит законам капиталистических отношений. Возможно, для кого-то такое решение окажется приемлемым, но в большинстве случаев оно будет отвергнуто. Впрочем, временное закрытие предприятий, в том числе и на реконструкцию, не такое уж редкое явление. Но логичнее всего предположить, что наш

Предприниматель будет искать новые *ниши* для приложения свободного капитала.

При интенсивном развитии производства эти ниши формирует наука, научно-технический прогресс. Но тут вступают в силу другие ограничения. Переориентировать производство сравнительно легко малому и среднему бизнесу. Иное дело в случае с крупными, якорными в своей отрасли предприятиями.

Развитие малого бизнеса не прихоть, не цель формирования среднего класса - это побочный эффект. Малый бизнес — это основа гибкости экономической системы в современных условиях. Не случайно, что в развитых странах он обеспечивает до 60% ВВП.

Однако, малый и средний бизнес размещен в основном во II подразделении. I подразделение составляют, в основном, крупные предприятия.

Как решается проблема в этом случае? Наука и экономическая практика выработали и здесь определенные принципы:

1. Диверсификация производства. Одна компания осуществляет свой бизнес в нескольких, зачастую нестыкующихся, направлениях, и в зависимости от конъюнктуры рынка переводит свой капитал из одной отрасли в другую.

2. Бюджетное финансирование инфраструктурных программ и оборонных заказов. Это кейнсианское изобретение, позволившее США и нацистской Германии выйти из экономического кризиса в 30-е годы XX столетия. Если первое направление способствовало созданию благоприятных возможностей для развития экономики в целом, то второе привело к гонке вооружений и выбрасыванию народных денег в топку войны, либо просто на ветер. К тому же, политики не понимали, что эти программы надо включать периодически, при возникновении стагнаций в экономике, а не превращать их в нечто постоянно действующее. В результате, это приводит к гипертрофированию данных расходов.

Вообще приоритет в этом вопросе надо отдать не Кейнсу, а советскому экономисту Фельдману Г.А. В опубликованной [Фельдман, 1928] ещё в 1928 году статье он предлагал изменить марксовы расчёты

воспроизводственного процесса и перенести производство средств производства для средств потребления из 1 подразделения во второе и рассматривать после этого каждое подразделение как две экономики со своей спецификой.

С 50-х годов XX столетия к этим направлениям добавилась космическая программа. Она позволила снизить витки оборонных затрат.

Однако, на наш взгляд, здесь есть над чем работать. Конечно, есть программы, которые невозможно останавливать. Скажем, не так-то просто увольнять, а потом вновь набирать высококлассных специалистов. Но желательно, чтобы эти направления работали в переключающемся режиме: есть свободные емкости рынка – предприятие работает на рынок, стагнация – переключается на бюджетное финансирование.

Непонимание этого факта превратило меры по чрезвычайному спасению экономики в некий абсолютизм. На радость чиновникам и политикам государственные бюджеты распухли до предела. Налоги превысили разумные размеры, бюджеты стали дефицитными, а государства превратились в государства-должники. И все это сопровождается зачастую бездоказательными песнопениями о возрастающей роли государства.

Мы вовсе не опровергаем и не умаляем этой роли. Но все, даже нечто положительное, если оно не до конца осмысленно и возведено в абсолютизм, превращается в свою противоположность.

Сегодня эта чрезвычайная мера не работает. Все чаще правительства прибегают к ее замене – прямым подачкам крупному бизнесу из кармана налогоплательщиков.

Такой подход объективно оправдан, но он имеет целый ряд недостатков. Во-первых, налогоплательщики не понимают, почему эти подачки делаются «добрыми людьми» из правительства за их счет, да еще людям далеко не нуждающимся. Во-вторых, это позволяет держать крупный бизнес на коротком поводке: «Тебе дам, а тебе не дам!». Дележ идет в пользу тех, кто имеет более мощное лобби. В России эти процессы вообще таинственны и непрозрачны.

Можно ли открутить пленку назад? Задача, скажем, не из простых. Но, во всяком случае, дальнейшее наращивание военных, космических и

инфраструктурных программ целесообразно совмещать только с периодами стагнации, а, выйдя из них, принимать меры к сокращению этих расходов.

3. Перевод предприятий тяжелой индустрии, особенно с экологически вредными и тяжелыми процессами в развивающиеся страны. Наряду с уходом от экологических проблем в своей стране, с возможностями использования дешевой рабочей силы, с возможностями расширения рынков сбыта, на эти страны перекладываются и кризисные риски.

4. К сожалению, сегодня возобладала либерально-монетарная политика горе-экономистов, считающих, что пожар надо тушить керосином, а именно – раздувая потребительский спрос путем нагнетания денег и ничем не обеспеченного кредитования. Крах этой политики сегодня осознается всеми. Все усилия политиков и банкиров теперь сводятся лишь к тому, чтобы отсрочить момент взрыва. Но приводит это лишь к такому результату, когда потенциальная мощь его «в тротиловом эквиваленте» с каждым годом только возрастает.

Итак, если мы внимательно посмотрим на перечисленные выше четыре пункта, то увидим, что в сегодняшней экономической ситуации они себя в значительной степени исчерпали.

Инновационный процесс приобретает черты общественно-опасного характера. Но остановить его или перенаправить вне плановой экономики невозможно. Инфляционное нагнетание денег в экономике и рост необеспеченных кредитов наряду со спросом на товары и услуги породили огромный спрос на инновации. Ситуации, когда плюс переходит в минус, сегодня экономистами не учитывается. Здесь мы имеем дело еще с одной экономической ловушкой. Мы можем ее назвать ловушкой опережающего эффекта инноваций. Одну из сторон, связанную с этим мы рассмотрим в следующем параграфе.

Читатель спросит: «Ну и где же выход из этой ловушки?». Выход, к сожалению, может не понравиться, а по тому, он не реален: остановить рост производства и привести в нормальное состояние финансовую систему. А в дальнейшем – перевести экономику на плановые рельсы. Но то, что не по нутру политикам и ученым, сделает за них неизбежный кризис.

Конечно, кризис – не самое лучшее время для реформ. Скорее всего, правительствами вопрос будет решен так, как он решался уже много раз вплоть до достижения уровня гиперинфляции.

Количество обратных связей в системе всегда больше, чем прямых, и это не позволяет системе пойти «вразнос». Этот тезис касается и задач роста. Эволюция экономической системы *задана* во времени. И все попытки перехитрить эту заданность оплачиваются пока человечеством кризисами и социальными катастрофами. Выход из этой ситуации мы видим в формировании переключающейся экономики: в состоянии подъема – производство товаров, в состоянии стагнации или приближения к ней – развитие инфраструктуры, укрепление обороны, космоса, сооружений спортивного и социального назначения. В первом случае – работают деньги домохозяйств и бизнеса, во втором – преимущественно бюджета.

§3. Должники и кредиторы, или причины перекоса экономической системы.

В §6 третьей главы мы воспроизвели вопрос, волнующий многих экономистов: «Откуда берутся деньги на оплату прибавочной стоимости, если в оборот возвращаются только деньги на оплату издержек производства?» Вопрос этот значимый, но задан он не совсем корректно, и это мы увидим при еще одном анализе схем общественного производства, приведенных нами в предыдущем параграфе.

Мы видим, что во второй год производства после замещения устаревшего 10-летнего основного капитала (Схема 2) валовый продукт I-го подразделения вырос на 19500 у.е. при снижении затрат на заработную плату на 5000 у.е. Соответственно, прибыль выросла на 24500 у.е.

Во II-м подразделении валовый продукт вырос на 3900 у.е., затраты на зарплату уменьшились на 1000 у.е., а прибыль увеличилась, соответственно, на 4900 у.е.

Как мы видим, разница между прибылью и приростом валовой продукции составляет 6000 у.е. Она равняется экономии, полученной на выплате заработной платы. Но эти 6000 у.е. были у предпринимателя от продажи продукции прошлого года. Значит, в этом году они составили его сбережения, которые он может направить в следующем году на потребление или развитие производства.

Мы с вами не знаем пока, откуда брались дополнительные деньги до сих пор, но предположим, что мы имеем дело со сбалансированной

экономикой, и деньги для приобретения валового продукта предыдущего года в обороте были. Значит, вопрос о дополнительных деньгах может касаться не всей прибыли, и даже не ее прироста, а только прироста объемов валовой продукции – 19500 у.е. в I-м подразделении и 3900 у.е. во II-м.

Но и это вовсе не означает, что нам необходимо увеличить денежный капитал на 23400 у.е. (оборачиваемость денег нас пока не интересует).

Предположим, что дополнительно полученная прибыль в обоих подразделениях делится на две части: 50% идет на капитализацию и 50% - на увеличение потребления. Эта пропорция сохраняется и на ту часть, которую составило увеличение валового продукта.

Таким образом, в I-м подразделении мы имеем:

12250 у.е. – на развитие

12250 у.е. – на прирост потребления

Во II-м:

2450 у.е. – на развитие

2450 у.е. – на прирост потребления

Однако, мы видим, что весь прирост II-го подразделения составил 3900 у.е. Значит, из 14700 у.е., предназначенных в обоих подразделениях на рост потребления, может быть потрачено только 3900 у.е., а оставшиеся 10800 у.е. должны будут уйти в накопление, или перенаправлены на развитие производства. В нашем случае это пока не имеет никакого значения, так как в любом варианте мы эти деньги должны сначала найти.

В то же время, на развитие производства запланировано 14700 у.е. Часть из этих средств должны быть направлены на приобретение переменного капитала. Остаток – на приобретение постоянного капитала. Но I подразделение дало прирост 19500 у.е. Это означает, что в любом случае часть объемов I подразделения не будет выкуплена, что может быть расценено как перепроизводство, оставшееся для реализации в следующем году.

Если собственники I подразделения найдут 3900 у.е., чтобы выкупить весь прирост товаров II подразделения, то 2450 у.е. из них будет потрачено на развитие производства. И если при этом приблизительно сохранится соотношение между постоянным и переменным капиталом, то 350 у.е. будет потрачено на наем новой рабочей силы, а 1100 у.е. вернется в I подразделение

на покупку основных фондов. То есть эти деньги совершат двойной оборот. Тем самым денежный дефицит у нас составляет 22300 у.е. ($23400 - 1100$).

Итак, в левой части формулы общественного производства мы имеем стоимость произведенного капитала. В правой – не только его сумму, но и потенциального покупателя. Если продукт общественно признан, он должен быть куплен. Из предыдущих рассуждений мы видим, что недостаток средств составляет 22300 у.е., который не может купить ни капиталист, ни рабочий. Кто же этот загадочный покупатель? И откуда он может взять деньги?

Таким источником могут быть либо сбережения прошлых лет, либо кредиты. Предположим, что в нашей модели сбережений либо нет (за исключением амортизационных отчислений), либо они сохраняются неизменными, и мы можем пользоваться только теми сбережениями, которые образуются в расчетах нашей модели. Поскольку мы берем экономическую систему в период ее динамического развития, то такое предположение вполне соответствует реальной действительности. Деньги на наем рабочей силы берутся из реализации продукта предыдущего года.

Таким образом, этот некто – есть субъект (субъекты), имеющий доступ к кредитам, и на средства этого источника выкупается остаток продукции.

Итак, получив деньги от владельца кредита в сумме 22300 у.е., собственники направят 3900 у.е. на потребление. Деньги в сумме 10800 у.е., не нашедшие потребительских товаров, будут направлены в сбережения, 350 у.е. будет направлено на наем дополнительной рабочей силы на новый год (II подразделение), а еще 14350 у.е. ($22300 - 3900 - 10800 - 350 + 6000 + 1100$) будут направлены на развитие производства (еще раз напомним – 1100 у.е. участвуют в обороте дважды, а 6000 у.е. это сбережения текущего года).

Рассмотрим теперь Схему 3, предполагающую обновление основных фондов 9-го года существования из Схемы 1, который теперь будет 1-м.

На развитие в обоих подразделениях планировалось направить 14700 у.е. ($12250 + 2450$). С учетом дефицита продукции II подразделения естественно предположить, что эти деньги будут направлены в отрасли этого подразделения. Предположим также, что дефицит этих производственных средств был очевиден, и I подразделения произвело их в необходимом количестве. В реальности такого может и не быть, но необходимость уравнивания спроса и предложения лишь отодвинет эту ситуацию во времени.

Рассматриваемые нами проблемы от этого не изменятся. Но модель усложнится. Поэтому мы позволим себе такое допущение.

С учетом 5% роста производительности труда при неизменном вложении в постоянный капитал затраты на заработную плату должны сократиться на:

$$19000 \times 0,05 = 950 \text{ у.е.}$$

И это сокращение должно быть достигнуто за счет очередного 9-го года замены основных средств. Отсюда V_1 в новой схеме будет равно:

$$V_1 = 2000 - 950 = 1050 \text{ у.е.}$$

Соотношение переменного и постоянного капитала в этом году будет таково:

$$1050 : 10000 = 0,105$$

Если мы направляем на развитие II подразделения еще 14350 у.е., то они разделятся следующим образом:

$$1050 : 10000 = x : (14350 - x)$$

$$x : (14350 - x) = 0,105$$

$$x = 0,105(14350 - x)$$

$$x \approx 1502 - 0,105x$$

$$1,105x \approx 1502$$

$$x \approx 1360$$

Таким образом, II подразделению понадобится дополнительно 1360 у.е. для увеличения переменного капитала. 350 у.е. нами уже было зарезервировано ранее. Значит, из дополнительно направленных 14350 у.е., на развитие производства 1010 у.е. будут направлены на увеличение переменного капитала, а 13340 у.е. на покупку постоянного капитала. Таким образом, в I подразделение останутся нереализованными.

$$19500 - 13340 = 6160 \text{ у.е.}$$

Обновление в 10000 у.е. должно нам дать 3%-й прирост продукции по всему подразделению.

$$133900 \text{ у.е.} \times 0,03 = 4017 \text{ у.е.}$$

$$\text{То есть: } y_2 = 13000 + 4017 = 17017$$

Прирост за счет дополнительных основных фондов возьмем из расчета:

$$10000 : 17017 = 13340 : x$$

$$x = 17017 \times 13340 : 10000 = 22700 \text{ у.е.}$$

Таким образом, объем II-го подразделения должен составить:

$133900 + (4017 + 22700) = 160617 \text{ у.е.}$, то есть, 4017 у.е. за счет обновления, а 22700 у.е. – за счет прироста постоянного капитала

Также рассчитаем и переменный капитал во II-м подразделении, воспользовавшись при этом более точной формулой:

$$19000 \text{ у.е.} \times 1,03 \times 0,95 = 18592 \text{ у.е.}$$

$$18592 + 350 + 1010 = 19952$$

То же самое для обоих подразделений:

$$(95000 + 19000) \times 1,03 \times 0,95 = 113592 \text{ у.е.}$$

Для I подразделения определим этот показатель как разницу между общим расчетом и показателем для II подразделения:

$$113592 \text{ у.е.} - 19952 \text{ у.е.} = 93640 \text{ у.е.}$$

Все изменения осуществляются в 1-м году существования основных средств Схемы 3, которые заменяют нам средства 9-го года из Схемы 1.

Прирост валовой продукции в I подразделении рассчитывается как разница между общим приростом и приростом во II подразделении.

$$(803400 \times 1,03) - 160617 = 666885 \text{ у.е.}$$

Итак,

Схема 3

I подразделение

Основные средства

1-ого года существования	$50000c_1 + 8640v_1 + 3745m_1 = 62385y_1$
2-ого года	$50000c_2 + 5000v_2 + 29500m_2 = 84500y_2$
3-ого года	$50000c_3 + 10000v_3 + 5000m_3 = 65000y_3$

.....

10-ого года	$50000c_{10} + 10000v_{10} + 5000m_{10} = 65000y_{10}$
Итого:	$500\ 000c + 93640v + 73245m = 666885y$

II подразделение

Основные средства

1-ого года существования	$23340c_1 + 2952v_1 + 13425m_1 = 39717y_1$
2-ого года	$10000c_2 + 1000v_2 + 5900m_2 = 16900y_2$
3-ого года	$10000c_3 + 2000v_3 + 1000m_3 = 13000y_3$

.....

10-ого года	$10000c_{10} + 2000v_{10} + 1000m_{10} = 13000y_{10}$
Итого:	$113340c + 19952v + 27325m = 160617y$
Всего:	X X X 827502

Прежде, чем рассматривать новые пропорции обмена, мы теперь можем сформулировать некоторые правила:

1. Между приростом валовой продукции и прибылью есть некоторая взаимосвязь, которая регулируется при помощи экономии ресурсов, средств накопления и кредитов.
2. Мы пока рассмотрели вопрос экономии по заработной плате, которая напрямую увеличивает прибавочную стоимость и при этом создает определенный ресурс в виде денежных средств. Такой же эффект мы могли бы предполагать от экономии амортизационного фонда, затратив, скажем, на приобретение основных фондов не 50000 у.е., а 40000, с учетом их возрастающей производительности. Такой выигрыш возможен, но только для отдельного капиталиста, так как при этом основные средства на 10000 у.е. не находят своего сбыта. И в целом, класс капиталистов выигрыша не получает. Но получает конкуренцию, что с позиций развития можно рассматривать со знаком «+».

В Схеме 3 мы можем наблюдать падение объемов и эффективности в I подразделении при обновлении 9-го года существования основных фондов по Схеме 1, которые теперь у нас стали 1-м годом.

С позиции технического развития это не логично. Но это объяснимо с позиции спроса. Правда, в реальности снижение спроса скорее коснется не 1-го года обновления (хотя часто бывает и такое, когда новая продукция еще не завоевала своего потребителя), а устаревшую продукцию, выпущенную

9-м и 10-м годом существования основных средств. Что будет свидетельствовать о моральном износе этой техники.

Это говорит о том, что данная модель имеет вполне реальные варианты своего усложнения, но мы убеждены, что они могут только усилить наши конечные выводы, но не опровергнуть их.

Прирост валового продукта во 2-м году составил у нас 24102 у.е. II подразделение перекрывает выплаты по зарплате:

$$160617 - 93640 - 19952 = 47025 \text{ у.е.}$$

Если опять предположить, что 50% прибыли направляется на потребление, то мы можем констатировать, что

$$(73245 - 27325) : 2 - 47025 = 3260 \text{ у.е.}$$

Даже при таком росте объемов II подразделения 3260 у.е. не находят предложения и будут направлены на сбережения

По результатам 2-х лет у нас накопилось:

$$10800 + 3260 = 14060 \text{ у.е. сбережений.}$$

В Схеме 3 мы видим, что I подразделение выпустило меньше продукции, чем в предыдущем году. Но, с учетом нереализованных объемов предыдущего года в сумме 6160 у.е., на развитие у нас имеется излишек в сумме $666885 + 6160 - 669500 = 3545$ у.е. постоянного капитала.

Направим его весь на развитие I подразделения. Это потребует следующих расходов на переменный капитал:

$$93640 \times 1,03 \times 0,95 = 91627 \text{ у.е.}$$

$$93640 - 91627 = 2013 \text{ у.е.}$$

$$10000 - 2013 = 7987 \text{ у.е.}$$

$$50000 : 7987 = 3545 : x$$

Отсюда –

$$x \approx 556 \text{ у.е.}$$

Из 50285 у.е., предназначенных в этом году на развитие, мы реально можем направить на развитие:

$$3545 + 556 = 4101 \text{ у.е.}$$

Но также мы можем погасить кредит предыдущего года в сумме 22300 у.е. Ну и, скажем, 5%, которые начислены за его использование ($22300 \times 0,05 = 1115$ у.е.).

Таким образом,

$$50285 - 4101 - 22300 - 1115 = 22769 \text{ у.е.}$$

Эту сумму мы будем вынуждены положить в банк в качестве сбережений на развитие.

Правда, не все так просто. И сбережения на потребление, и сбережения на развитие мы сможем сделать только при условии, что кто-то у нас купил на эту сумму выпущенную нами продукцию. Более того, кредит в 22300 у.е. нам также нет необходимости гасить, так как не факт, что потребителем этого продукта были капиталисты или рабочие (хотя мы этого и не предполагали изначально), а некто третий, кто и является покупателем продукции. А чтобы продукция по Схеме 3 была полностью реализована, вновь нужны кредиты по следующему расчету:

$$827502 - 803400 = 24102 \text{ у.е.}$$

$(95000 + 19000) - (93640 + 19952) = 408 \text{ у.е.}$ – экономия на переменном капитале.

$27325 : 2 \approx 13663 \text{ у.е.}$ – прибыль II подразделения, направляемая на развитие. Поскольку она у нас не задействована, то мы ее в расчет не берем.

Таким образом, нам понадобится кредит или покупатель на сумму

$$24102 + 408 = 24510 \text{ у.е.}$$

С учетом предыдущего кредита:

$$22300 + 24510 = 46810 \text{ у.е.}$$

Но при этом накопительная часть составит:

$$50285 - 4101 = 46184 \text{ у.е.}$$

3-й год. Первым становится 8-й год из Схемы 1.

Схема 4.

I подразделение

Основные средства

1-ого года существования	$53545c_1 + 8543v_1 + 22919m_1 = 85007y_1$
2-ого года	$50000c_2 + 8640v_2 + 3745m_2 = 62385y_2$
3-ого года	$50000c_3 + 5000v_3 + 29500m_3 = 84500y_3$
4-ого года	$50000c_4 + 10000v_4 + 5000m_4 = 65000y_4$

.....

10-ого года	$50000c_{10} + 10000v_{10} + 5000m_{10} = 65000y_{10}$
Итого:	$503545c + 92183v + 91164m = 686892y$

II подразделение

Основные средства

1-ого года существования	$10000c_1 + 1571v_1 + 6247m_1 = 17818y_1$
2-ого года	$23340c_2 + 2952v_2 + 13425m_2 = 39717y_2$
3-ого года	$10000c_3 + 1000v_3 + 5900m_3 = 16900y_3$
4-ого года	$10000c_4 + 2000v_4 + 1000m_4 = 13000y_4$

.....

10-ого года	$10000c_{10} + 2000v_{10} + 1000m_{10} = 13000y_{10}$			
Итого:	$113340c + 19523v + 32572m = 165435y$			
Всего:	X	X	X	852327

Итак, в 3-м году расчетов валовый продукт II подразделения перекрывает зарплату обоих подразделений.

$$165435 - 92183 - 19523 = 53729 \text{ у.е.}$$

Однако, он не перекрывает прибыль, направляемую на потребление:

$$53729 - (91164 + 32572) : 2 = - 8139 \text{ у.е.}$$

Эту сумму мы вновь сможем направить в сбережения на личное потребление после реализации продукции, которая вырастет у нас до:

$$14060 + 8139 = 22199 \text{ у.е.}$$

Увеличатся накопления на развитие:

$$61868 - 20007 = 41861 \text{ у.е.}$$

$$46184 + 41861 = 88045 \text{ у.е.}$$

Значительные накопления на потребление и развитие вполне нас могут ввести в заблуждение, что именно за счет них капиталистические собственники смогут раскупать весь прирост валовой продукции. Однако, если бы мы включили в расчет налоги, то эта сумма значительно бы снизилась. Но тогда бы в расчеты нам пришлось бы ввести государство.

Возможен и еще один вариант, что внутри капиталистического сообщества произошло перераспределение собственности. Люди, имеющие сбережения с прошлого года в сумме 46184 у.е. выкупили вновь созданную собственность в размере 41861 у.е. В этом случае сумма сбережений не изменилась, но потребность в кредитовании сбыта продукции третьим лицам отпала. В противном случае понадобилось бы кредитование по следующему расчету:

$$852327 - 827502 = 24825 \text{ у.е.}$$

$$(93640 + 19952) - (91164 + 19523) = 2905 \text{ у.е.}$$

$$27325 : 2 \approx 13665 \text{ у.е.}$$

$$24825 - 2905 - 13665 = 8255 \text{ у.е.}$$

В принципе, чтобы закрыть проблему сбыта, перераспределение собственности может затронуть только эту окончательную сумму.

Чтобы перейти к Схеме 5, нам необходимо договориться, что из 20007 у.е. увеличения основных фондов в Схеме 4 (8-й год обновления основных средств в Схеме 1) 13665 у.е. идут на развитие II подразделения, а $(20007 - 13665) = 6342$ у.е. – на развитие I подразделения.

Дополнительные средства по зарплате нам понадобятся:

в I подразделении – 342 у.е.

во II подразделении – 1573 у.е.

Чтобы не утомлять читателя, расчеты мы опускаем. Дополнительные средства мы берем из сбережений.

4-й год. Первым становится 7-й год из Схемы 1.

Схема 5.

I подразделение

Основные средства

1-ого года существования	$53342c_1 + 6903v_1 + 22362m_1 = 85607y_1$
2-ого года	$53545c_2 + 8543v_2 + 22919m_2 = 85007y_2$
3-ого года	$50000c_3 + 8640v_3 + 3745m_3 = 62385y_3$
4-ого года	$50000c_4 + 5000v_4 + 29500m_4 = 84500y_4$
5-ого года	$50000c_5 + 10000v_5 + 5000m_5 = 65000y_5$

.....

10-ого года	$50000c_{10} + 10000v_{10} + 5000m_{10} = 65000y_{10}$
-------------	--

Итого:	$509887c + 89086v + 108525m = 707499y$
--------	--

II подразделение

Основные средства

1-ого года существования	$23665c_1 + 2724v_1 - 8426m_1 = 17963y_1$
2-ого года	$10000c_2 + 1571v_2 + 6247m_2 = 17818y_2$
3-ого года	$23340c_3 + 2952v_3 + 13425m_3 = 39717y_3$
4-ого года	$10000c_4 + 1000v_4 + 5900m_4 = 16900y_4$
5-ого года	$10000c_5 + 2000v_5 + 1000m_5 = 13000y_5$

.....

10-ого года	$10000c_{10} + 2000v_{10} + 1000m_{10} = 13000y_{10}$			
Итого:	$127005c + 20247v + 23146m = 170398y$			
Всего:	X	X	X	877897

Здесь мы наблюдаем некоторую условность наших расчетов. При увеличении основных фондов во II подразделении (при обновлении 7-го года) более чем в два раза мы вправе были ожидать такой же скачек роста и валового продукта. Но тогда мы бы значительно превысили бы 3% рост II подразделения в целом и общего валового продукта. Либо мы должны были бы обозначить падение объемов в I подразделении. В реальности возможны все варианты, в том числе и наш. Скажем, оборудование не вышло на проектные мощности из-за сложностей его освоения. Или новая продукция не была оценена потребителем, и пришлось сдерживать рост производства. Возникло перепроизводство каких-то товаров, и пришлось сократить их изготовление.

Но для нас важно другое. Из наших расчетов видно:

1. Проблема денежного роста касается не вопроса прибыли, а общего роста объемов производства. Хотя эти проблемы и взаимосвязаны между собой.
2. Решается эта проблема следующими способами:
 - а) путем экономии на заработной плате;
 - б) путем привлечения покупателя со стороны, а это может быть либо экспортер, либо покупатель, которому доступны кредиты (на последнем мы остановимся дальше);
 - в) путем использования сбережений;
 - г) путем перераспределения собственности внутри класса собственников, что также требует использования сбережений.

Итак, чтобы не утомлять читателя дальнейшими расчетами, мы остановимся на этом, а несогласные с выводами могут продолжить эти расчеты сами. Мы же подведем некоторые итоги.

Нет никаких оснований утверждать, что производство средств производства должно опережать производство средств потребления. Впрочем, нет доказательств и обратного. Вопрос в какой сектор необходимо направить больше инвестиций решается либо рынком, либо конкретными целями государства. Догматизм

в этом вопросе сродни абсурду. При желании, получить доказательство этому не сложно. Для чего предлагаем любителям математических расчётов в используемой нами модели искусственно из года в год перераспределять инвестиции так, чтобы, скажем $\frac{3}{4}$ из них шли на производство средств производства, а $\frac{1}{4}$ на производство средств потребления. Мы не сомневаемся, что при интерпретации расчётов вы получите модель экономики СССР 70-х - 80-х годов XX столетия: простаивающий станочный парк, дефицит рабочей силы, отсутствие производственной дисциплины, т.к. увольнение рабочего только увеличит дефицит и простои; пустые прилавки магазинов, ничем не обеспеченные денежные накопления народных масс... Догматическая дань моделям без учёта потребностей – вот суть данной интерпретации.

Потребность в том или ином развитии, возможно, определяется более сложной моделью, чем используемая нами. Это определяется гораздо большими факторами, чем это могут предоставить экономические расчеты. Здесь требуется знать и состояние экономики страны, и ее экономическая политика на перспективу, и техническое строение капитала, специализация страны на международном рынке, потребности рынка, социальную направленность экономики. Естественно предположить, что в различные исторические периоды эта направленность меняется. А потому, не следует создавать новые догмы. Изжить бы старые. **Но главное, что демонстрируют данные расчёты – это *ограниченные возможности регулирования производственного процесса со стороны рынка.*** С нарастанием масштабов производства такое регулирование возможно путём увеличения не только частоты кризисов, но и их разрушительной силы.

Государственное регулирование путём прогнозирования и планирования становится объективной необходимостью.

Кроме того, данная система регулирования рынком обречена на деградацию. Она полностью подчинена исключительно человеческим потребностям и способна только потакать им. Она не в состоянии выйти на решение глобальных социальных задач таких как борьба с бедностью, обеспечение мирных процессов разрешения международных конфликтов в мире, борьба с распространением пустынь, обеспечением всемерной экологичности производства и т.п.

При анализе вышеприведенных схем мы неоднократно наблюдали, что система общественного обмена не может осуществляться в полном объеме, если в этом не участвует некая, не входящая в данную систему, сторона, выкупающая некоторый избыток товаров и одновременно вбрасывающая в эту систему деньги.

Как мы уже отмечали, такой стороной может быть экспорт товаров на зарубежные рынки. Но возможны и другие варианты решения проблемы:

1. Часть произведенной общественной продукции должна уничтожаться целенаправленно или путем кризисов.
2. В нашей модели предполагалась неизменность цен. Но оборачиваемость могла бы быть достигнута путем их снижения. То есть, система периодически должна находиться в состоянии перманентной дефляции.
3. Должен существовать некий покупатель, который имеет возможность делать деньги из ничего.
4. Происходит концентрация богатства за счет банкротства одних и поглощения их другими.

Экономическая история показывает, что на практике в разные периоды реализуются все пять вариантов, включая экспорт.

В XIX и начале XX века, когда действует золотой стандарт, мы можем наблюдать как непродолжительные периоды подъема сменяются стагнацией,

обусловленной дефляцией цен, а затем и кризисами перепроизводства. Уход от золотого стандарта позволил, с одной стороны, бесконечно наращивать кредитование, а с другой стороны – создать класс паразитов, который не умеет порой даже заточить карандаш и поручает это сделать своим многочисленным секретарям, но, при этом имеет доступ к печатному станку и возможности набивать денежными бумажками свои карманы.

Реальная модель сегодняшней экономики существенно отличается от той, что мы дали в расчётах тем, что методично увеличивается правая сторона уравнения, обозначенная нами через (y) без относительно к требованиям, возникающим в левой его части. Увеличение происходит, как это мы уже ни раз отмечали через рост кредитов и инфляции. Это меняет формулу расчётов, так как в затратах требуется учитывать проценты по кредиту (никакая прибыль этот рост выдержать не может). Кроме того, такой подход стимулирует рост цен. Происходит всеобщее «надувание пузырей», но особенно оно заметным бывает на фондовом рынке, на сырьевых биржах и рынке недвижимости. Когда лопаются отдельные пузыри, то ситуацию спасают дополнительным вбрасыванием денег на рынок. Повторение этих процессов учащается иногда, как в 2007-2009 годах переходя в лавину. Лавина «лопнувших пузырей» сопровождается лавиной банкротств и потерей населения своих сбережений или достаточно значительного их обесценения. Мировая экономика не только лишила себя финансовых резервов. Но она даже не имеет концепции формирования новой финансовой системы. Любая крупномасштабная война или экономическая депрессия способны ввергнуть её в хаос и прозябание.

Пока же, создавая дополнительный потребительский спрос, кредитор при этом беззастенчиво не только изымает значительную часть прибыли, но и увеличивая затраты (вот он один из основных источников инфляции) нагло залазит в карман каждого потребителя. В отличие от капиталиста, он не производит ничего! Нет сегодня ничего благороднее чем раздавить эту гадину сосущую народную кровь!

Рост кредитования обеспечивается двумя способами: 1. Банки, ангажированные Центральным банком, выпускают ценные бумаги, которые скупаются Центробанком, и тем самым увеличивается эмиссия денежных средств. 2. В банковской системе начинает работать так называемый мультипликатор ссуд (не путать с денежным мультипликатором), когда кредит, выданный одним банком, позволяет выдавать кредит следующему банку, превращая иногда кредит в 1000 у.е. в 10 кредитов на общую сумму в 10000 у.е. Принципиально это ничем не отличается от финансовой пирамиды. Возврат кредитов обеспечивается за счет эмиссии новых ценных бумаг, как принято выражаться «на открытом рынке». На графике 5.3.1¹⁸ приводится динамика роста денежной массы в США за период с 1975 по 2014 год.

График 5.3.1

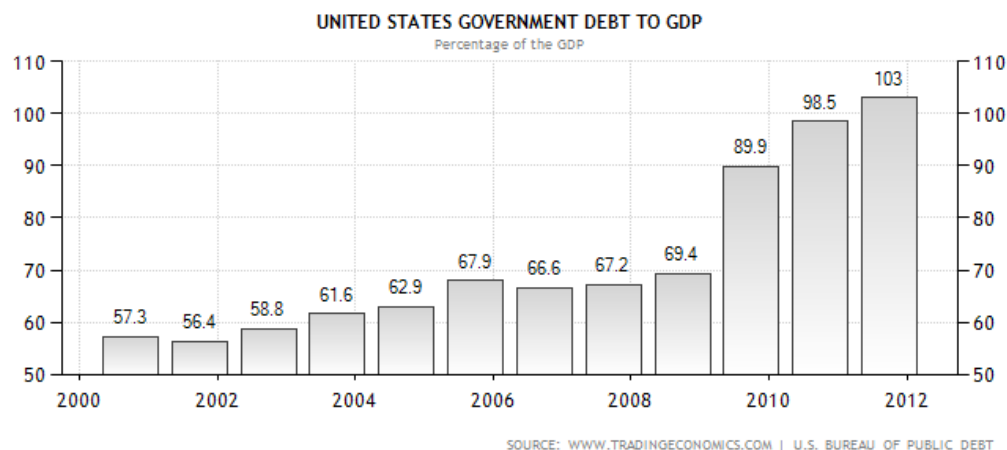
¹⁸ Оригинал таблицы на английском языке можно найти по адресу: http://www.data360.org/dsg.aspx?Data_Set_Group_ID=2052. Авт.

Мы рассмотрели с вами, как и по каким причинам возрастает задолженность по кредитам бизнеса и потребителей, которых стимулируют к взятию потребительских ссуд в банках с целью увеличения спроса. Но есть еще рынок государственных займов. И если бизнес и домохозяйства чередуют периоды заимствований и расчетов, то государственные займы в большинстве своем просто «проедаются» социальными расходами. Существует порочная практика, когда бюджеты формируют парламенты, а займы берут исполнительные власти. У них нет противоречий, пока не наступит срок платить по долгам. Эти займы берутся не под будущий профицит – парламенты об этом даже не задумываются и никаких гарантий кредиторам не дают, а вопрос сводится лишь к тому: может ли бюджет обслужить данный долг, то есть, своевременно выплатить проценты и гашение кредита обеспечить новыми заимствованиями или нет? То есть та же пирамида, только в зеркальном отражении.

Что мы имеем в итоге? Растет денежная масса, а с нею – кредитная задолженность (См. графики 5.3.1 и 5.3.2)

График 5.3.2

Динамика соотношения **совокупной задолженности к ВВП в США** в 2000-2012¹⁹

Часть людей (банковские акционеры и их менеджмент) сидят на этом потоке, не ограничивая себя ни в дивидендах, ни в бонусах, ни в «золотых парашютах». Ни для кого не секрет, что прибыльность финансовых институтов давно уже сравнялась с прибылью в промышленности. Возвратность средств бесперспективна и приобретает чисто условный характер. Это просто краткосрочная проводка на счетах двух банков – центрального и коммерческого, с ростом в одну сторону – денежной массы и кредитов, с соответствующей динамикой рассовывания этих средств по карманам топ менеджеров и банкиров. Никогда ещё в истории человечества жизнь ростовщиков, причём особой формы ростовщиков, ссужающих миру не свои деньги, а деньги вкладчиков и ничем не подкреплённые финансовые инструменты «не была столь заведомо прибыльной и безопасной, как в нынешние времена.» [Болдырев, 2012, с.268]. По словам этого же автора мы наблюдаем победу ростовщической революции – «государства и государственная власть подчинены интересам групп ростовщиков». [Там же, с. 269]

¹⁹ Данный график можно найти на сайте: www.tradingeconomics.com. Авт.

Как реально деформируется вся экономика путём применения политики “дешёвого кредита” описывается в [Явлинский, 2014, с. 45-46]: «...Исчезла необходимость балансировать доходы и расходы – хронические должники теперь всегда могли получить кредит, который можно было никогда не возвращать, а лишь пролонгировать тем или иным способом, причём постоянный рост номинальных доходов и низкие процентные ставки имели своим следствием то, что первоначальный долг постоянно снижался в пропорции к текущим доходам.

Исчезла необходимость сберегать часть текущих доходов для создания резервов – правительства могли в любой момент мобилизовать нужные ресурсы за счёт эмиссии своих обязательств, будучи все в меньшей степени подвержены действию институциональных ограничений, а физические лица – рассчитывать на систему социальных гарантий, которые также в возрастающей степени финансировались за счёт новых долговых обязательств.

Исчезла необходимость снижать зарплаты и издержки в случае падения производительности или ухудшения конъюнктуры – долговая (и в значительной степени инфляционная) экономика отучила от этого целые страны. Исчезла необходимость ликвидировать неконкурентноспособные с точки зрения издержек отрасли в развитых странах – благодаря расцветающей «экономики брендов»..., во многом основанной на исторической ренте, улавливаемой «старыми» индустриальными странами, последние оказываются в состоянии сохранить за собой

большую часть распределяемых доходов даже в случае переноса основной части производства в менее развитые страны.

Наконец, в этом же направлении действовал и расцвет так называемой «новой экономики»... - появление большого количества денег в нетрадиционных сферах, связанных с обслуживанием сферы деловых услуг (в том числе, всё новых сфер, производных от производных), безусловно, способствовало быстрому и в большинстве случаев малооправданному с точки зрения реальной производительности росту доходов в этих странах.

Таким образом, в силу изменившихся условий в последние два-три десятилетия общая экономическая дисциплина в США и странах Западной Европы существенно ослабла. Помимо прочего, это означало ещё и то, что заметно уменьшились и возможности контроля со стороны общественных институтов за поведением бизнеса; за тем, чтобы его действия не отклонялись от норм и практик, соответствующих принципам цивилизационной деловой деятельности.»

Когда-то К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте коммунистической партии» выдвинули лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Но если марксисты призывали к кровавой революции, мы просто призываем отказаться от выплаты долгов. Пример Греции показывает, что фактически расплатиться по ним невозможно. Мы же в своей статье [Гельцер, 2011], которую с трудом удалось разместить в интернет-журнале, доказывали, что страны-должники находятся между «лезвиями ножниц»: с одной стороны – необходимость гасить долги, с другой – рост социальной напряженности при попытке их выплатить. Народам этих стран просто необходимо понять, что никому они ничего не должны. А если и должны были, то давно уже

расплатились. Все, что они взяли – это пустые бумажки. Частично, благодаря этим долгам, они поучаствовали в дележе избыточного пирога и даже простимулировали рост этого пирога. Но приходит и время отрезвления.

«Восьмеркам» и «двадцаткам» глав государств, периодически собирающимся на свои «тусовки», пора бы было и самим поставить этот вопрос на повестку дня. Ан, нет, их беспокоят террористы и финансовый контроль. И это естественно. Мир поделился на должников и контролеров. Должник *должен* быть под неусыпным контролем. Необходимо отслеживать его перемещения, необходимо знать, где и в каком размере хранит он свои сбережения. И лучше, если он сам будет просить об этом контроле над собой. Бедный Сноуден! Он и не подозревает об истинных причинах гонений за свои поступки.

§4. Новая теория денег.

Любая субъектная система будет работать так, и решать такие задачи, которые перед ней поставил субъект. И будет она это делать до тех пор, пока не обнаружится, что ее цели противоречат целям других структур этой системы. За счет действия обратных связей эти другие структуры раз за разом нейтрализуют все усилия системы №1. Формируется экономическая (если речь идет об экономике) ловушка: невозможно остановиться – продолжать опасно. Момент своевременных действий был, но он упущен. Кто-то знал и предупреждал, но многим, и при этом влиятельным, было выгодно тех знающих не слышать. Они и не слушали. «После нас – хоть потоп!» - эта фраза на века.

Сегодня вся финансовая система подчинена одной цели – спросу. Спрос на деньги определяет процентную ставку и массу денег в обращении. Последняя определяет товарный спрос. Инфляцией борются с безработицей. Кредитами закрывают бюджетные дефициты.

Сказать, что этот опыт не дал ничего положительного, было бы преувеличением и ложью. Мы уже писали, что любой эксперимент в экономике даже с отрицательным результатом дает массу научной информации, хотя, естественно, он проводится не для этого. Но эксперименты с бумажными деньгами дали и положительный эффект, от которого не сможет отмахнуться ни один честный критик.

Каковы эти положительные моменты? Остановимся на них подробнее.

1. В предыдущем параграфе мы видели, что расширенное инновационное производство перманентно создает денежный дефицит, который в определенные промежутки времени приводит к кризисам перепроизводства и становится тормозом развития. Перепроизводство является ни чем иным как отражением факта неплатёжеспособности, в основе которой лежит отсутствие денег. Искусственное «вбрасывание» финансовых средств на рынок обеспечивает рассасывание товарных пробок. В масштабах страны это позволяет сглаживать кризисные ситуации, не доводя их до крайности. А на уровне предприятий возникает возможность более эффективной инновационной перестройки производства.

2. Экономические проблемы и психология толпы – вещи тесно взаимосвязанные. Кризисы, отдельные, а тем более многочисленные банкротства банков и крупных компаний, способны породить панику и массовое изъятие денег с банковских депозитов. Возможность с помощью государства в этот период не приостанавливать платежи имеет исключительно важное психологическое и экономическое значение. Такие транши осуществлять в валюте золотом было бы нереально.

3. Увеличение государственных расходов позволяет переключить производство на строительство инфраструктуры, военных и космических технологий.

4. Значительный интерес представляет американский опыт под названием «слишком большой, чтобы обанкротиться». Речь о крупных системообразующих банках, чье банкротство может обойтись экономике дороже, чем их спасение от разорения.

5. С этим связана роль центрального банка как кредитора последней инстанции, который готов в нужный момент взять на себя ответственность по проблемным финансовым институтам.

6. Интересен также опыт обратного воздействия на производственный процесс путем регулирования процентной ставки по межбанковским кредитам

О негативных процессах сложившейся денежной системы нами написано немало страниц в этой книге. Здесь имеет смысл только обобщить главное. Откройте любую книгу о деньгах, финансовой системе, о банковском деле. 90% текста посвящено финансовым рискам и способам их избежать. Сколько студентов «засыпалось» на экзаменах, раскрывая термины «хеджирование», «деривативы», «свопы» и прочей ерунде. Возникает только один вопрос: как при этой тоталитарной войне с рисками удалось не только банковскую систему, но и всю мировую экономику превратить в зону безысходного риска, исключительно благодаря сложившейся финансовой системе? Налицо оптимизация деталей при отсутствии целостного взгляда на систему. К слову сказать, кризис 2007-2009 годов показал, что всеобщее страхование рисков только вуалировало их опасность никак не влияя на состояние общего риска системы.

Вот что по этому поводу пишет Явлинский Г.А. в своей книге «Рецессия капитализма – скрытые причины»: «В ряде моментов, как в случае с... «дефолтными свопами», происходило (по крайней мере, на первый взгляд) распределение рисков между более широким кругом субъектов. Однако в любом случае риски не только сохранялись – они даже возрастали, поскольку становясь в значительной степени скрытыми и неявными, провоцировали неосторожные, необдуманные инвестиции в финансовые активы. В целом произошло тотальное возрастание рисков в экономике.» [Явлинский, 2014, с.30]

Однако, на наш взгляд, основным фактором риска финансовой системы является преимущественно фиктивный характер денег, т.е. наличие такой денежной массы, у которой нет товарного покрытия. По различным оценкам, существующим в экономической литературе,

товарное покрытие финансовых инструментов в США оценивается в размере $1/3$ денежной массы до 10%.

Сегодня экономика напоминает человека, стоящего на голове. Долго находиться в таком положении неудобно, да и небезопасно. Финансовая система превратила себя в цель экономической деятельности, возмнив, что штампование денежных знаков и есть смысл жизни всего человечества.

Возьмем на себя неблагодарную роль с этим не согласиться. Финансовая система всего лишь инструмент для решения социальных и экономических вопросов. Необходимо указать ей свое место и очертить ей те цели, которые она должна достигать.

Деньги, в своей первоначальной сущности, есть мера стоимости и средство упрощения и удешевления обменных операций. Любая *мера* только тогда может выполнять свою функцию, когда она имеет свой стандарт, и все его придерживаются. То, что понятно любому каменщику и плотнику, бывает очень трудно объяснить банкирам с гарвардским образованием, ушибленным кривыми спроса и предложения. *C'est la vie!* Такова ирония нашей жизни. Вернуть деньгам стабильность на основе золотого паритета - это *первая* принципиальная наша позиция.

Рассматривая функциональность денег в 1 главе настоящей книги, мы указывали, что в современной экономике сущность денег изменилась. На том этапе, новое определение сущности нами дано несколько в эмоциональной форме. Здесь же пришло время рассмотреть этот вопрос по существу.

А существо вопроса заключается в следующем. Деньги из элемента экономической системы превращаются постепенно в цель её существования. Такая тенденция существовала и раньше. При феодализме это выражалось в накоплении сокровищ. Но ранний капитализм разрушил эту тенденцию как ущербную. Он показал, что если богатство

не самовозрастает, превращаясь в капитал, то оно обесценивается. В стремлении к самовозрастанию капитала общество решало и проблему своего развития. При этом развитие обеспечивалось как побочный продукт. Что ж в природе это происходит всегда и всюду. Возьмите, например, процесс размножения животного мира.

В процессе самовозрастания капитала деньги были одной из промежуточных его форм, периодически превращаясь в производственную и товарную формы. Но отказ от золотого паритета и перманентное наращивание денежной бумажной массы, а также формирование различных финансовых рынков привело к тому, что производство оказалось далеко не самым прибыльным вложением денег, и при этом достаточно хлопотным. Более того, производство приобрело подчинённый характер по отношению финансов. Необходимость производства определяется лишь в той степени, в какой оно необходимо для паразитирования финансовых структур. Это обусловлено тем, что развитие на прямую сегодня определяется кредитованием. Последнее же живёт своей собственной жизнью совершенно далёкой от потребностей общества и стоящих перед человечеством задач.

Нестабильность денег породила проблему как сохранить накопленные средства. Деньги стали вкладываться в недвижимость, в инвестиции на фондовой бирже, в предметы искусства, банки их стали привлекать под высокие проценты на депозиты. Иногда эти процессы создают иллюзию роста производства и потребления. Но по

сути такие вложения есть один из способов непроизводительных расходов ради замораживания средств и превращения и превращения их в растущую (или хотя бы не обесценивающуюся) форму сокровищ.

Большая часть населения, пытающаяся играть в эти игры, оказывается обманутой и обворованной. Фондовые рынки и рынки недвижимости периодически раздувают «пузыри», которые лопаются. И оказывается, что не обесценивается только элитная недвижимость, на которую у среднего класса никогда не будет денег, а на фондовой бирже выигрывают, за редким исключением, только те, кто имеет доступ к инсайдерской информации. Банки банкротятся, вежливо помохав ручкой своим вкладчикам, а государства раздувают такую инфляцию, что прошлый труд миллионов трудящихся обесценивается так, что никакие проценты по депозитам этих потерь компенсировать не могут. Ну и, как мы уже неоднократно писали, одним из способов ограбления народных масс стал ссудный процент. Если к этому добавить монополизацию производства, его огосударствление, преследующее одну цель – формирование бесконтрольных коррупционных схем обогащения чиновничества, то такая экономика не имеет практически никаких стимулов к развитию. Сегодня оно ещё происходит, но не благодаря стремлениям некоторых политиков, а скорее вопреки их стараниям. Просто есть общественные тенденции, которые разрушить не так легко. Но общий ступор мировой экономики сегодня налицо, и

скрыть его средствами косметологических примочек уже не удаётся.

Таким образом, сущность современных денег заключается в том, что они превращаются в искусно управляемую цель, которая для одних является способом нетрудового и весьма значительного способа обогащения, а для основной массы населения эта цель оказывается не более чем призрачным миражом, а, по сути, способом их перманентного обворовывания под прикрытием «объективных экономических кризисов».

Изменение сущности денег и концентрация капитала узким кругом лиц в корне изменили рынок и конкуренцию. Можно с помощью антимонопольных законов периодически разрушать монополии, хотя такой, потребной сегодняшнему дню, системы нет ни в одном государстве, даже в США. Можно разрушать финансовые пирамиды, чтобы на их месте возникали другие. Но сути вопроса это не изменит. Рынок и конкуренция, в том виде котором они есть, исчерпали себя, и обеспечить должного развития в будущем не в состоянии. При этом мы не утверждаем, что от них необходимо отказываться.

На вопрос: что делать? Мы отвечаем. Если система даёт сбои и не выполняет своих целевых функций, то она требует радикальных изменений. Если коротко, то должны быть изменены основные сущности, создающие процесс торможения развития и введены некоторые важные новые факторы. При чём процесс должен быть не только

революционным по сути, но он должен быть революционным и во временном промежутке.

О золотом паритете мы уже сказали. Второй фактор тоже прост, но требует общественного осознания. Он заключается в том, что человечеству необходимо понять одну простую вещь, понять и суметь это отстоять. Она заключается в том, что кредитный процент – это категория **не экономическая, а нравственно-ценностная**. Он, а точнее его неприменимость, есть неотъемлемая часть того самого ценностного коридора, в которых экономика может и должна существовать.

Легко догадаться о гримасах на лицах либералов-рыночников, только что прочитавших последний абзац. Я даже знаю каков будет их первый возглас: «А как же банковская система?! Она же погибнет!» Да, господа, в том виде, в котором она существует – туда ей и дорога! Вообще, в идеале, банковская система видится как полностью национализированная структура. Но это не факт. В любом случае, на хлеб с маслом ей хватит тех комиссионных, которые она заслуживает выполняя свою посредническую миссию.

Третий фактор – это государственное целевое планирование развития экономики и построение кредитно-дотационной системы в соответствии с этим планированием. **Сущность денег должна быть вновь изменена!** Они должны стать простым рабочим инструментом в достижении государственных целевых задач. Доступность кредитов должна определяться не

банковскими служащими за определённый откат, как это происходит сегодня, не чиновниками, с точно такими же замашками, а 1) целевыми задачами; и 2) конкурсной готовностью их выполнять. При этом нельзя исключить, что часть средств, если этого требует поставленная задача, предприятиям может быть передана в виде дотаций, но только после надлежащего выполнения задачи путём преобразования кредита в дотацию.

И вот ещё одна крамольная истина: целевые задачи должны иметь ограничение не по финансам (это, как мы договорились, инструмент, а не целевая функция – деньги государство умеет печатать), а по материальным и человеческим ресурсам. Финансовые ресурсы ограничиваются товарной массой на рынке и её стоимостной оценкой – решение же этой задачи многовариантно, но мы останавливаться на этом сейчас не будем. Сбалансированность денежной массы по золоту также не должна быть сто процентной. Деньги связанные целевыми программами и товарной массой с рынка не уходят. Соотношение сбалансированности должно определяться эмпирически, в том числе и потребностями импортных закупок. Недостаток денежных ресурсов обеспечивается привлечением инвестиций, но это отдельная проблема, выходящая за рамки данного параграфа.

Опорочить можно любую теорию, в том числе и нашу, представленную на этих страницах. Я даже подскажу как. Достаточно запустить её в условиях нашей необузданной коррупции, и тогда приватизация 90-х годов покажется вам

мелким жульничеством. И тут мы снова упираемся в политическую систему и контроль общества за исполнительной властью. Однако в рамках теории денег рассмотрение конституционного порядка не предполагается.

Остановимся ещё немного на реалиях сегодняшнего дня. Помимо процентных ставок, услуги банков, особенно в России, непомерно дороги. Приходится только сожалеть, что ни антимонопольный комитет, ни другие государственные службы на это не реагируют.

На ограниченности денежного ресурса сегодня кормятся многие финансовые институты. Сначала они вам обещают найти инвесторов или кредиторов. Гарантией этому является их принадлежность к швейцарским или каким-нибудь люксембургским компаниям, или многолетнее пребывание на финансовом рынке. Для этого вам надо заказать у них бизнес-план, финансовый расчет и другие, в общем-то, необходимые для этого случая документы. Страдая от нехватки денег, вы с надеждой вываливаете изрядную сумму за работу этих негодяев. И все это ради того, чтобы в конце пути они вам объяснили, что ваш проект достаточно рискованный, и никто не хочет его финансировать. Но бывает и другой вариант, когда проект оказывается действительно привлекательным, эти люди начинают готовить рейдерский захват. Организованный ими кредит или инвестиции имеют такие условия, что в конце концов ваш бизнес окажется в их руках.

Однако, это частности. Поэтому вернемся к нашей теории. Стабильность денег как меры стоимости должна быть законом, и за неисполнение этого закона должны нести ответственность, как правительство, так и руководители центрального банка, вплоть до уголовной. И в этом случае никакой независимости центрального банка не должно быть. Кстати, нам совершенно не понятно, из каких таких соображений доходы от эмиссии денег принадлежат центральному банку.

Опять же вопрос: как сохранить стабильность валюты при финансовых манипуляциях других государств и спекулятивных действиях крупных финансовых компаний?

Любая агрессия требует соответствующих действий. Российское государство, в случае принятия этой теории, во-первых, должно будет обзаводиться союзниками, готовыми играть по строго установленным правилам. Государства, не готовые присоединиться к этим правилам, должны

испытать всю меру заградительных пошлин на свои товары, и пусть создают свою собственную ВТО с теми, кто не принимает эти правила игры. Думаю, что поначалу это будет непросто. Нам будут грозить санкциями и ответными мерами. Но принципиальность, экономическая логика и нравственность позиции будут привлекать все больше и больше сторонников. Поверьте, мы победим.

Действия недружественных финансовых компаний на финансовых рынках России должно быть запрещено. Также имеет смысл оценить – так ли уж все эти рынки нам необходимы. Умные подчиняются обстоятельствам. Мудрые подчиняют обстоятельства себе.

Перечисленные **ВЫШЕ** шесть пунктов чрезвычайной эмиссии имеют вполне строгие, поддающиеся описанию границы. Они носят временный характер, и при определенных профессиональных действиях центрального банка, не обязательно должен сопровождаться изменением курса рубля. Но как временная мера, такие действия могут оговариваться законом.

Решая эту задачу, деньги должны обеспечивать вторую важную цель – обеспечить *доверие* к государству. Щепетильное отношение к частной собственности каждого гражданина – с этого должна начаться дорога к правовому государству.

Особых пояснений требует позиция по дефициту финансовых ресурсов, возникающих из расчетов предыдущего параграфа, и отмеченных нами в п. 1 немного выше.

На наш взгляд, эта сумма вполне расчетная. Покрытие этого дефицита путем кредитования нецелесообразно и даже ошибочно. Поскольку дефицит этот идет по нарастающей, а значит, и кредитование должно идти по нарастающей без перспектив потенциальной возвратности. По нашему убеждению, эту часть прибыли, получаемую от дополнительной эмиссии денег, следует рассматривать как специфический социальный доход. Деньги на его покрытие должны печататься Казначейством, минуя центральный банк, и отражаться как определенная отдельная строка в бюджете. Было бы правильно, чтобы в расходной части адресатом этих денег в части потребительских товаров были пенсионеры и инвалиды, а в части средств производства – наука и социальная инфраструктура.

Банковский сектор научился сегодня реально ограждать себя от всякого рода рисков. Невозвратность компенсируется с лихвой залогами, да и происходит это обычно, когда основная часть долга уже возвращена. За

банкротствами банков стоит либо воровство путем сговора, либо безответственное отношение к деньгам вкладчиков – игра на биржах, покупка небанковской недвижимости и т.п. Не выполняя своей главной функции – развитие производства, они позволяют себе рисковать чужой собственностью, не неся при этом фактически никакой ответственности. Государство же выплачивает страховую часть депозитных вкладов и, как ни в чем не бывало, умывает руки, считая, что оно выполнило свой долг.

Ни политики, ни руководители экономических ведомств не понимают при этом, что доверие людей невозможно купить ни за какие деньги. Оно завоевывается годами. Доверие – сверхэффективная экономическая категория. Через доверие лежит дорога к патриотизму и к трудовому энтузиазму народных масс. Мы убеждены, что небанковская деятельность, напрямую или через свои структуры, должна быть законодательно запрещена. За сговор и воровство люди должны сидеть в тюрьме, а банковские вклады должны быть неприкосновенны. Будут ли убытки возложены на банковскую ассоциацию, или это сделает государство, пусть даже за счет налогоплательщиков, не столь важно. Разоряется частный банк, но деньги, финансовая система сегодня ассоциируется исключительно с государством. Поэтому, банковская система должна быть надежна и бесперебойна. Деньги должны храниться не за рубежом, а в своей стране. Более того, жители других стран должны стремиться положить деньги в наши банки, будучи уверенными в их стабильности и надежности, отдавая предпочтение рублю как валюте, которой можно доверять. Масштаб цен российских денег может быть установлен в золоте или серебре. Это можно сделать и в двух металлах, но самое главное, чтобы на них стояла и соблюдалась надпись: «... Российский рубль обеспечивается всем достоянием республики».

Хотя бы для этого необходима стоимостная оценка национального богатства, которого сегодня нет на учете национальных счетов. И не только оценка, но и вовлечение его в оборот путем выпуска на него ценных бумаг, которые должны стать основой государственных гарантий под кредиты и западные инвестиции.

Впрочем, эти ценные бумаги вполне продуктивно могут работать и на внутреннем рынке.

Уважаемый мною автор [Аникин, 2009, с.59] пишет: «На советских деньгах тоже было написано, что они обеспечиваются всем достоянием государства. Однако, это нисколько не добавляло им престижа и

устойчивости». И далее [там же]: «На деле деньги должны быть обеспечены не инертным и пассивным богатством, каково бы оно ни было, а, во-первых, непрерывным производством и оборотом товаров, во-вторых, централизованным запасом драгоценных металлов и разменностью бумажек на металл».

Но уже на 142 странице он пишет: «Стабилизация марки (в период кризиса 1919 – 1923 гг. – Авт.) была осуществлена путем создания новой валюты с использованием идей, уже опробованной (кстати, неудачно, из-за отсутствия надлежащих механизмов – Авт.) во времена французской инфляции 1790-х годов: формальное обеспечение ипотекой на земельную собственность и недвижимость».

Говорить о гарантиях твердости советского рубля, на основании того, что было на нем написано, то же самое, что вести разговоры об СССР как о самом демократическом государстве в мире на основании статей, записанных в его Конституции. Написать действительно можно, что угодно. Проблема заключается в том, чтобы создать реальный механизм исполнения сделанной декларации.

Залоговая система фактически означает расширение товарной массы в обращении. Она означает, что ее собственник готов потенциально вынести ее на рынок в случае невозврата кредита. Однако, это условие не находит своего отражения ни в количественной теории Ирвинга Фишера, ни у Кейнса, ни у Фридмана. Уравнение обмена должно выглядеть так:

$M \times V + K = P \times Y + Z$, где:

M – предложение денег на товарном рынке;

V – скорость денежного обращения;

K – выданные кредиты;

P – уровень товарных цен ;

Y – совокупный выпуск (доход);

Z – **Стоимость предоставленных залогов.**

Вообще-то, здесь, по большому счету, отсутствует равенство, так как залогов принимаются, обычно, с дисконтом в 30 – 40%. Но кредиты реальные, а залогов для рынка – лишь потенциальные. В конце концов, во избежание критики, уравнение можно записать так:

$$M \times V + K = P \times Y + kZ, \text{ где}$$

k – стоимость залога с учетом дисконта, при этом $k < 1$.

Однако, по понятным причинам, создается ситуация неравновесия на рынке:

$$M \times V + K > P \times Y$$

Но такое неравновесие создает потенциал привлечения дополнительных ресурсов. В краткосрочном периоде этот потенциал обычно лимитируется наличием на рынке свободной рабочей силы. При достижении неизбежного (экономисты обычно называют его нормальным, но в такой формулировке не понятно, почему он нормальный) уровня безработицы, который сегодня определяется в размере 4 – 4,5% от числа занятых, дальнейшее наращивание кредитов способно породить инфляцию.

В данном случае, мы рассматриваем исключительно производственные кредиты. Кредиты потребительские лишь частично подкрепляются залогами (ипотека, автокредиты). К тому же кредиты не только берутся, но и возвращаются. Поэтому в общем виде формула должна выглядеть так:

$$M \times V + K_z + K_v - K_c = P \times Y + kZ, \text{ где:}$$

K_z – залоговые кредиты

K_v – потребительские кредиты без залогов

K_c – возврат кредитов

В зависимости от того,

$$K_z + K_v > K_c \text{ или } K_z + K_v < K_c$$

знак равенства может меняться на «больше» или «меньше».

Наши принципы просты, немногочисленны и понятны. Основной же постулат звучит так: «Жить надо по средствам!». Строгость исполнения этих принципов позволит сделать экономику не статистическим обманом, а реально понятным, соизмеримым и предсказуемым процессом.

Расширение материальной базы обеспечения бумажных денег, твердое масштабирование цен, строгое соблюдение правил игры, понятных всем, и

обеспечивающих надежность не только денег, но и всей банковской системы в целом, правовое уважение частной собственности – составляющие, которые обеспечат желание россиян и российских компаний хранить деньги в России и продавать свои товары за рубли, а у зарубежных компаний – продавать за рубли свои товары. И только в этом случае рубль может рассчитывать на то, чтобы стать надежной резервной мировой валютой.

Можно сколько угодно высказывать благие пожелания о превращении России в мировой финансовый центр. Мы же предлагаем реальную дорожную карту. Никто не обещает, что будет легко ее реализовать, но дорогу осилит идущий.

§5. Рассеивание и концентрация целей.

В теории организации давно известны так называемый закон департаментализации. Суть его, приблизительно, заключается в том, что, во-первых, существующей практике свойственно нечеткое формулирование целей, и, во-вторых, для обеспечения реализации цели ее необходимо разделить на ряд подцелей. В результате, каждая структура начинает жить своей жизнью, не стыкуя свои действия с другими структурами и с организацией в целом. И, чем ниже мы опускаемся по иерархической лестнице, тем меньше шансов обнаружить понимание или хотя бы знание о генеральной цели.

Обычно называют четыре причины такого положения: трудности в передаче адекватной информации, наличие коммуникативных тромбов, наложение личных интересов, абсолютизация собственных (локальных) целей [См., например, Пригожин, 2010, с. 242].

Не отрицая всего сказанного, следует, все-таки, признать, что это очень поверхностный взгляд. Поверхностно даже само видение проблемы.

Тут вот в чем дело. Внешняя цель, цель-миссия, доступна нам в достаточно общем виде. Выбор конкретной внутренней цели осуществляется в конкретном времени под давлением конкретных причин воздействия внешней среды и внутренних противоречий, а также с учетом научно-технических и организационного состояния на момент постановки цели. Понимание этих причин, как правило, не систематизировано, не профильтровано, не ранжировано, не обсуждено и зависит зачастую, лишь от

интеллектуальных способностей лидера сформулировать, отталкиваясь от них, общую цель.

Но, даже сделав это, возникает проблема того, что одну и ту же цель можно достичь разными способами. Теория систем и теория организации располагают различными методиками решения этой проблемы.

Рассеивание целей, которое осуществляется затем – это не недостаток, и не просто организационная задача, выполняемая, как многие считают, с ошибками или присущими этой задаче объективными недостатками. Дело в том, что цель мы ставим перед системой. Прийти к этой цели должны не отдельные личности или структуры, а вся система, во всей своей целостности. И вопрос заключается не только в том, чтобы осуществить декомпозицию цели, но и *учесть интересы* каждой подструктуры, каждого элемента. Люди, стоящие на нижнем иерархическом уровне, могут, порой, предъявить постановщику цели гораздо больше претензий в том, что он оторвался от жизни, и не понимает чаяний своих «подданных». Они хотели бы «служить» совсем другой цели. И ведь как часто они оказываются правы.

Дорога к цели не проста!

Это постоянный диалог людей, структур и иерархий между собой. Схематично это выглядит так: формулирование и разъяснение общей цели → декомпозиция цели → отслеживание исполнения и сбор информации о достигнутых результатах и степени доверия избранному пути → коррективы декомпозиции и разъяснительной работы, при необходимости – коррекция цели или способов ее достижения. И – все с начала.

Однако, и здесь нужна мера. Попытка учесть всё чревата тем, что руководитель и его окружение попадают в так называемый вихрь неотложных дел. Этого допустить нельзя. Как поет известный певец: цель – она всегда должна быть в прицеле. Касательно организационной дисциплины в достижении целей мы могли бы посоветовать обратиться к [Кови и др., 2013].

§6. Государство и его роль.

«Неверно, что предоставленные самим себе люди всегда действуют себе на пользу; более того, даже если они действуют в своих интересах, это не всегда хорошо для общества в целом».

Ирвинг Фишер[Цит. по Назаретян, 2013, с. 230]

«Действия одного человека никогда не приведут к созданию системы городских парков или хотя бы к удобной планировке улиц.».

Там же [Цит. по Назаретян, 2013, с. 231]

«Допустим, вы управляете автомобилем. Это всего лишь машина, которая привозит вас туда, куда вам нужно. Но вы не в силах управлять растущим деревом. Вы не управляете своим пятнадцатилетним сыном. А лидеры не в состоянии управлять своими организациями. Организации – это сообщество людей, такая же живая система, как дерево или подросток. Здесь не может быть управления. Здесь нужен садовник, а не водитель».

П. Сенге "Танец перемен: новые проблемы самообучающихся организаций"

С позиций общей теории систем и в контексте изложения нашей книги государство может рассматриваться, во-первых, как самостоятельная социально-экономическая система, взятая в рамках административно-политических (государственных) границ; во-вторых, как отдельно взятая исторически выделенная структура, назначение которой – выполнять управленческие функции всей системы в целом, то есть, как государственно-политический и экономический аппарат.

В этой связи мы можем, наконец, обобщить материал и ответить на вопрос: что же такое экономическая система?

Итак, экономическая система – это часть социально-экономической системы, взятой в рамках государственных границ той или иной страны, назначение которой – обеспечить материальное развитие и выживание всей государственной системы в целом. Эта система имеет специфический элементный состав, формальную и неформальную структуры, находящиеся в сети взаимосвязей и в состоянии содействия.

Системообразующим фактором является целевое назначение системы, которое ограничено коридором (рамками запретов) общечеловеческих ценностей. На место производства богатства, динамического роста ВВП, роста благосостояния мы ставим, предварительно это обосновав, динамику развития и выживания. Развитие это не всегда рост, тем более количественный. Надежность системы определяется наиболее слабым ее звеном, а укрепление звеньев не всегда сопровождается ростом системы. Развитие также зачастую несет в себе качественные изменения, как правило, значительно более существенные, чем количественный рост. Человечество

оказывается сегодня, порой бессильным измерить эти изменения. Но это никак не умаляет их значимости. И, наконец, аспект выживания, с одной стороны, органически связанный с развитием, с другой – признающий и возможность кризисов, и противоречивость научно-технического развития, и требование такой расстановки приоритетов человеческой деятельности, при которой гибель человечества, если не исключается, то сводится к возможному минимуму.

Экономическая система – обслуживающая система социально-политической и культурной жизни людей. Критерием ее эффективности является рост объема свободного времени, которое человечество может посвятить другим видам деятельности.

Критерием ее социальной справедливости является отсутствие бедности, наличие максимально равных стартовых возможностей людей, сокращение поляризации богатств различных слоев населения.

Государственный аппарат сам по себе является сложноструктурированной системой, основными функциями которой являются:

- обеспечение безопасности государственной социально-экономической системы в пространственных рамках ее границ;
- законотворчество и поддержание правопорядка внутри страны;
- постоянное нивелирование крайностей: борьба с бедностью – с одной стороны, ограничение монопольных тенденций и ликвидацию постоянно формирующихся преимуществ избранных («победитель получает все») – с другой;
- обеспечение безопасности населения в самом широком смысле: экология, фальсификация товаров и услуг, борьба с наркотизацией населения;
- обеспечение развития путем формирования для него всех необходимых условий: прогнозирование, планирование, регулирование, формирование необходимых институтов, обеспечивающих разнообразие, отбор и продвижение всего прогрессивного;
- поддержание нравственных и культурных устоев общества.

Перечисленное нами, по большому счету не является функциями государственного аппарата управления. На самом деле, их гораздо больше. Но еще в период своих занятий по организации производства я пришел к выводу, что описание функций отдельного должностного лица или какой-либо организации возможно лишь после того, как определена их *сфера*

,
ответственности, за которую с них можно спросить. При этом выясняется, что даже самое загруженное лицо или структура имеют очень короткий перечень ответственных поручений. **Ответственность, это и есть определённая форма целевого предназначения той или иной системы.** Ответственность реализуется через функции, каждая из которых должна быть обеспечена правами и обязанностями. Часто права и обязанности тождественны, но далеко не всегда. Права еще должны ~~обеспечивать~~ **предоставлять** доступ к определенным ресурсам.

Функция, не обеспеченная в должной мере правами, реализовываться не будет. Права и обязанности реализуются через взаимосвязи. В борьбе с бюрократизмом этот вопрос очень важен. Взаимосвязи должны быть простыми, минимальными и, желательно, регламентированными. Любое желание чиновника расширить свои требования и полномочия должно осуществляться ~~им самим и за свой~~ **ЕГО счет и за счет его собственных усилий.**

Каждая функция должна иметь критерий (оценку) своего исполнения. Желательно, чтобы с последними были увязаны материальные и моральные стимулы поощрения и наказания.

Идеалом политического устройства общества сегодня является демократия. И, несмотря на то, что многие ее недостатки очевидны, попытки навязать ее всему миру, особенно в форме ее американского образца, чрезвычайно агрессивны.

К основным ее недостаткам мы бы отнесли следующее:

1. Расширение избирательных прав часто превращает демократию в охлократию.
2. Средства массовой информации, в зависимости от того, в чьих руках они находятся, и от того, как они используются, легко превращают демократию в клептократию или олигархическую структуру. Манипулирование общественным сознанием – одна из основных опасностей, продуцируемых самим государством.
3. Делегирование прав происходит сверху – вниз и практически игнорируется делегирование снизу – вверх.

На наш взгляд, демократия требует своего развития, которое не исключает некоторых ограничений. Так, демократия вполне может быть

дополнена *меритократией*, то есть, системой, в которой положение человека в обществе определяется его способностями.

Наряду с парламентом в государстве вполне может действовать Совет старейшин. Однажды сформированный его состав должен действовать и пополняться не за счет выборов, а за счет кооптации в него путем решения самого Совета. Членом Совета может быть только человек, чьи достижения можно назвать «достоянием республики». Это могут быть ученые, спортсмены, тренеры, артисты, космонавты, военачальники, бывшие политические деятели. Совет должен быть наделен правом законодательной инициативы и правом вето на решения парламента. Возможна передача ему прав требования импичмента президента, требования отставки отдельных членов правительства, а также отзыва некоторых депутатов.

Такой орган необходим ещё и для того, чтобы преодолеть негативную ситуацию, справедливо отмеченную Болдыревым Ю.Ю.: «Идеи великих философов актуальны всегда, но парадоксальным образом всегда не востребованы. В том смысле, что востребованы слишком узким слоем людей, да ещё, как правило, целенаправленно отстраняемых от возможности влиять и на массовое общественное мнение, и на тех, кто фактически управляет обществом и государством».[Болдырев, 2012, с.566] Необходимо конституционно предоставить такое право влияния, сформировав указанный орган с властными полномочиями.

Мы не считаем зазорным предложение сформировать под эгидой государства структуру из бывшей аристократии в форме Дворянского собрания. Люди, для которых власть, государство не рассматриваются как временная кормушка, которые бережно сохраняют культурные и национальные традиции, имеют право быть услышанными. И это вполне можно совместить с частичной реституцией. Это было бы еще одной формой признания незыблемости частной собственности, и только бы повысило доверие к государству.

Несмотря на то, что государство давно и активно участвует в экономических процессах, одним из самых обсуждаемых вопросов среди

ученых-экономистов остается вопрос о степени возможного участия государства в экономике [См., напр., Гринберг, Рубинштейн, 2013].

При сегодняшнем уровне развития эту проблему нельзя решить по принципу «вообще». Только анализ каждой функции в отдельности с учетом конкретного времени и конкретных проблем может дать ответ о степенях свободы, предоставляемых экономике. Нам сегодня видится потребность в новой теории государственного управления экономическими макропроцессами. Очевидным должен остаться только один принцип – государственное вмешательство возможно и необходимо там, где не срабатывает принцип саморегуляции, либо процесс его срабатывания обходится для общества слишком дорого. Государственное же вмешательство способно ускорить и удешевить этот процесс. Не исключено, что при этом придется ущемить интересы отдельных групп.

В процессе перехода от демократии к народовластию Россия сделала огромный шаг назад в 1993 году, расстреляв свой парламент. В дальнейшем, правящие круги только усугубили эту ситуацию. Замена Советов Думами не только значительно сократила число парламентариев, но и значительно ограничила их в правах. Исполнительная власть просто упивается своей бесконтрольностью, безнаказанностью и невменяемостью

Численный состав Советов, особенно на местах, в городах и регионах имел очень важное значение. Он полнее отражал социальный состав общества, позволял различным его слоям донести до власть имущих свое мнение. Он позволял шире вовлекать людей в обсуждение насущных проблем, более существенно контролировать исполнительную власть.

Мне пришлось работать в городском Совете, насчитывавшем 90 человек (сейчас их заменяет 12 – 15 «думцев»). Не скрою, результат голосования определяли 3 – 5 наиболее подготовленных интеллектуально депутатов. Но какая это была школа для остальных! Крикуны, пришедшие добиться «народного счастья» за 3 дня, к концу работы Советов превращались в нормальных парламентариев, понимающих, что такое закон, откуда берутся в бюджете деньги и как трудно их справедливо распределить. И это они выносили в свои семьи, в свои трудовые коллективы, об этом они рассказывали своим избирателям.

Единственным официальным контрольным органом за расходованием бюджетных средств сегодня является Счетная палата. При этом, всем хорошо известно, что такая стабильность ни к чему кроме как к сращиванию воров и

проверяющих не приводит. К тому же, система проверок не отличается публичностью. В то же время, эту работу вполне могли бы выполнить лицензированные аудиторские компании, с обязательной публикацией результатов проверок в Интернете под угрозой лишения лицензии в случае их искажения.

Процессы самоуправления подавлены сегодня не только политической системой, но и неверием людей в возможность добиться справедливости, недоверием к судам и правоохранительным органам. Никакие реформы полиции не дадут результатов в борьбе с преступностью и коррупцией, если им не будет оказана поддержка народных масс. Но это возможно только при наличии доверия к работе полиции, а для этого нужны не только терпение и годы упорного труда, но и сама постановка цели и методика ее достижения.

А пока же, один только пример. Раскрываемость автоугонов по Москве составляет ~ 7%. Остальные исчезают бесследно. Трудно поверить, что такое возможно без сотрудничества угонщиков с полицией.

То или иное движение народных масс принято связывать с *личностью* в истории. Такая обтекаемая формулировка затуманивает вопрос о какой, собственно, личности идет речь. Личностями в истории бывают и ученые, и писатели, и военачальники. Найдется немало имен из их числа, которые так или иначе повлияли на ход исторических событий, на изменение общественного мнения, мировоззрения, на изменение нашего быта и производственных технологий. Но в общей теории систем особое место занимает личность, сокращенное наименование которой – ЛПР, рассматривается как лицо, принимающее решение.

В государственной экономической системе это первое лицо государства (в России – Президент РФ). Поэтому, во избежание двусмысленности, дальнейшие наши рассуждения касаются именно этой личности. Однажды [Гельцер, 2005, с.67], я уже касался этого вопроса, но эта проблема далеко не закрыта.

При рассмотрении личности как ЛПР, марксистский тезис о том, что появление личности продиктовано исторической необходимостью, звучит, по крайней мере, как недоразумение. Личность, отождествляемая с ЛПР, должна обладать определенными качествами: природный ум, образование, крепкое здоровье, ораторские способности, смелость, решительность, умение воспринимать критику и прислушиваться к несовпадающим мнениям, организаторские способности, наличием целостного представления о

развитии общества и адекватной программой реализации этих представлений. *Такая личность нужна всегда, в любой исторический момент.*

В то же время, мы уверены, такие личности в любую эпоху существуют и не в одном экземпляре. Но здесь имеют место три проблемы:

1. Личность должна иметь возможность раскрыться.
2. Должны существовать критерии и методы выбора личности из имеющихся кандидатур.
3. Победа личности в результате выборов не обеспечивает ей успеха, если у нее нет команды единомышленников. Количественно эта команда должна составлять такую критическую массу, которая при расстановке на ключевые посты, способна обеспечить необходимую траекторию развития.

Первая проблема решается свободой слова, многопартийной политической системой и равным доступом к средствам массовой информации. Однако, в реальности, наиболее выдающиеся личности проявляют себя не благодаря таким возможностям, а вопреки их отсутствию, пройдя через замалчивания, гонения и преследования. С одной стороны, это свидетельствует о нездоровой обстановке в обществе, об отсутствии в нем реальной демократии, с другой – в личности выпячиваются такие черты, как смелость и стойкость. Общественные симпатии незаметно подменяются сочувствием к личности как к невинной жертве. При этом, другие ее качества либо затеваются, либо начинают идеализироваться, чего бы не произошло в нормальных условиях. Так, во власть попадают такие люди, как Ельцин, разочарование в которых наступает сразу после того, как с них спадает ореол страдальцев.

Отсутствие законных способов равноправной самореализации зачастую порождает экстремизм, заражая общество радикализмом. Военные перевороты разных мастей являются следствием таких устремлений.

Что касается второй проблемы, то здесь речь идет вовсе не о создании так называемых «фильтров», на которые горазда сегодняшняя правящая верхушка, преследующая единственную цель – отсеять инакомыслящих. Ничего лучше, чем свободные выборы, общество на сегодня не придумало. На наш взгляд, более предпочтительным является парламентская республика, когда сначала избирается парламент, а он, в свою очередь, формирует

исполнительную власть. В этом случае обеспечивается и решение третьей проблемы, и вопрос замены не оправдавшего надежды лидера проходит оперативнее и проще. При президентской республике заслуживает внимания американский опыт региональных праймериз и 1,5-годовой срок предвыборной кампании. За этот срок и претендент успевает себя проявить, и избиратель сделать свой выбор, и формируется команда единомышленников.

Власть всегда пытается отождествить себя с государством, забывая о том, что она лишь небольшая, пусть и значимая структура данного сообщества. Власть всегда временна. Задача Конституции и всех общественных институтов *запретить* принятие временной властью решений ограничивающих права и свободы населения, определить нормативы, изменение которых подвластно только самому народу. Власть должна быть ограничена в распоряжении национальными природными ресурсами. Любая попытка их отчуждения или использования в корыстных целях, за счёт приватизации властных полномочий, должна рассматриваться как прямая измена родине.

И ещё один аспект властных структур, требующий контроля, о котором мы писали выше который очень верно подмечен Болдыревым Ю.Ю.: « ...Разворовать страну можно и в долг, отнимая будущее у своих детей. И это... один из принципиальных дефектов демократического механизма правления... Все правители хотят понравиться, быть переизбранными вновь и, если это только возможно, скрыть негативные последствия своего правления. А что же легче: возьми в долг за рубежом – граждане не заметят и не поймут. Для окончательного запутывания им ещё будут размеры госдолга отсчитывать в процентах не от бюджета

(из которого долг надо выплачивать), а в процентах от ВВП – вроде цифра получается раз в 5-7 меньше и кажется не такой страшной.»[Болдырев, 2012, с.519-520]

Демократические выборы имеют еще один существенный недостаток, который заключается в том, что претендента провоцируют на обещания, а при приближении срока перевыборов – на заигрывание с избирателем. Такие тенденции не могут не вступать в противоречие с предлагаемой нами системой планирования. Поэтому целесообразно придать аппарату, занимающимся прогнозами и планированием определенную независимость от исполнительной власти, а также усложнить корректировку принятых программ под воздействием конъюнктуры.

И, наконец, критическая масса единомышленников определяется не количественным большинством в руководимом аппарате, а возможностью этих людей занять в нем ключевые посты, обеспечивая необходимое влияние.

И, все-таки, главной проблемой деятельности государства остается вопрос сочетания государственных и общественных интересов. Само наличие общественных интересов трактуется некоторыми исследователями как сущность недемократических социально-экономических систем. Эти обвинения заставляют даже уважаемых мною ученых [См., например, Гринберг, Рубинштейн, 2013, с. 425] открещиваться от «любых версий подчинения индивидуальных интересов общественным потребностям».

Чего здесь больше – непонимания или лицемерия в угоду популярным теориям – мы не знаем. Но выводы явно не соответствуют содержанию книги.

Все индивидуальные интересы заканчиваются там, где начинаются интересы других индивидуумов. И в этом смысле они всегда должны быть общественно признаны. Общественные интересы – это также индивидуальные интересы, но либо не осознанные частью общества, либо не признанные таковыми другой частью. Разделение интересов на индивидуальные и общественные весьма условно. И здесь нет места ни сводимости, ни иерархии. Вопрос всегда в форме их реализации, чувстве меры, соблюдении ценностных критериев. Проблема, на самом деле, кроется в том, что государство имеет неизмеримо больше возможностей в навязывании своего понимания общественных интересов – иногда реальных, иногда мнимых, иногда гипертрофированных, иногда просто ошибочных. А

потому оно неизбежно должно находиться под контролем, власть должна быть рассредоточена и сменяема.

Отсутствие доминанты общего над индивидуальным никогда не позволит сформировать общие цели, выстроить под них экономическую, культурную и социальную политику, создать необходимые формы сотрудничества, а не конфронтации. На базе гипертрофированной индивидуальности расцвёл буйным цветом ложный гуманизм. Там, где следует сразу и категорически пресечь насилие (чтобы не было вольного толкования, отмечу, что в данном случае я веду речь о межнациональных, межэтнических эксцессов насилия), начинаются увещевания и дипломатические игры политиков. В результате вместо десятков провокаторов, которых можно было бы уничтожить в результате одной акции, гибнут тысячи невинных граждан, конфликты перерастают в гражданские войны и затягиваются на годы.

Этот же ложный гуманизм ведёт стремительно мир к разрушению семьи, а с нею и всех культурных устоев общества. Вместо того, чтобы ясно и чётко заявить, что всё то, что противоречит продолжению человеческого рода — противоестественно. Вместо того, чтобы чётко и ясно обозначить, по сути, медицинскую и моральную проблему, связанную с гомосексуализмом, и выработать методики и другие способы решения этой проблемы, помочь людям преодолеть эту пагубную зависимость, которая сродни наркотической, мы сегодня наблюдаем массивную рекламную компанию восхваления физического и морального уродства. Не мало упреков нами адресовано

православной церкви, но в данном вопросе её последовательная позиция достойна похвалы.

Ошибаться могут все – и ученые, и политики, и даже общество в целом. Но, если при этом не нарушаются демократические принципы, в том числе, право меньшинства на отстаивание своего мнения, плюрализм и т.д., то это не более, чем право общества на ошибку, которую оно же и исправит. Лишь в тоталитарном обществе это превращается в трагедию. Инакомыслие воспринимается как угроза устоям. «Железная рука» кем-то установленной истины силой ведет людей к счастью всего человечества.

Но для нас важно понять, где следствие, а где причина. Не общественные интересы порождают тоталитаризм, а тоталитаризм обосновывает свое существование красивыми фантиками псевдообщественных интересов.

Таким образом, проблема лежит не в экономической плоскости, плоскости интересов, а за их пределами – в той социально-политической организации общества, которую смогли сформировать для себя народные массы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

**«Если известно, что это за система,
каким образом она характеризуется
в количественном отношении, каковы
логические взаимосвязи внутри системы
и каковы они по отношению к остальной
части мира, то может быть использована
вся мощь предсказания.»**

[Бир, 2010, с.13]

Постановка вопроса об экономике как системе приводит нас к парадоксу, что то, что мы сегодня называем экономикой, подлежит «лечению», но не путем устранения отдельных симптомов проявления болезни, а путем радикального системного исправления. Можно сколько угодно винить отдельных политических лидеров, министров, различного рода чиновников во всех смертных грехах, но если система позволяет им совершать эти грехи, то ничто их не остановит, кроме изменений условий работы самой системы. Один из творцов «японского экономического чуда» Эдвардс Деминг говорил, что если в организации есть проблемы, то на 98% в этом виновата система и только на 2% - люди!

Немало страниц этой книги мы посвятили важности понимания этого вопроса применительно к личности, ее команде, элите, процессу формирования общественного сознания. Но главным в этой системе был и остается простой человек. Он является главным звеном в цепи обратной связи. И если мы правы, в своих убеждениях, то любая попытка проигнорировать этот процесс закончится тем, что именно эти простые люди будут пробивать себе дорогу через кризисы и революции, а в основу их убеждений, быть может, лягут теоретические принципы, изложенные в этой книге.

Когда-то П.К. Анохин выделил важнейшее отличие живой природы от неживой как «опережающее отражение действительности». Наша анатомия, физиология и психика самой природой направлены на предвосхищение важных для выживания воздействий. Но эволюция сегодня ставит перед

человеком новую, более сложную задачу - научиться заглядывать в более далекое будущее, формулировать цели в соответствии с ожидаемым будущим и научиться эти цели достигать. Как существо социальное и технически вооруженное, он подготовлен к решению этой задачи. Сама попытка перевести ее в практическую плоскость свидетельствовала о значительном скачке в нашем развитии. Ребенок делает первый шаг и ... падает. Но лишь глупец скажет, что его постигла неудача, и потому ему следует отказаться от ходьбы. Впрочем, он все равно никого не слушает. Он станет делать это вновь и вновь, пока ходьба не станет для него привычным, обыденным делом.

Говоря о предсказуемости экономики, нам следует дать более развёрнутое понятие этой категории как некоторый вывод изложенного.

Ломов Б.Ф. и Сурков Е.Н. в своей книге «Антиципация в структуре деятельности» пишут: «Мышление – это прежде всего предвидение. Антиципация, базирующаяся на забегающей вперёд работе мозга, представляет собой проявление познавательной активности субъекта, позволяющей в ответ на стимулы, действующие только в настоящем, предугадывать ещё не наступившие события, используя накопленный в прошлом опыт, и быть готовым к встрече с ними» [Цит. По Ксенчук, 2011, с.69] Предвидение заложено эволюцией не только в нашу психику, но в физиологию и анатомию. Предсказуемость, от указанного понимания предвидения, имеет временное, более долгосрочное значение. Поэтому оно не может не базироваться на научном понимании эволюции и общественного развития.

Предсказуемость – это адекватное восприятие действительности в её динамике развития. Предсказуемость экономическая есть понимание системности общественных процессов, эволюционности их развития, постоянное отслеживание технических, технологических, организационных и социальных форм идущих на смену существующим формам; постоянное развитие методологии прогнозирования; развитие не в результате стихийных

процессов, а под влиянием заранее составленного плана. Предсказуемость без цели, без желания предвидеть, что во многом адекватно желанию достичь цели – пустой звук. Предсказуемость – это процесс познания будущего и способов его достижения. Предсказуемость – это методологическое требование к науке, через которое она только и может реализовать себя как истина, хотя бы в относительной форме.

Предсказуемость не есть абсолютное предвидение. Оно субъективно, в различной степени приближённо, а иногда и контринтуитивно (имеется в виду получение противоположных результатов вместо ожидаемых). Но это методология практического эволюционного продвижения. Это способ познания системы, в которой мы живём. Жить в предсказуемом мире – это извечная мечта человечества. Но для этого не только необходимо предугадывать будущее, но и совершать такие поступки сегодня, которые будут иметь предсказуемые последствия в нашем будущем. Мы считаем, что человечество созрело для того, чтобы перевести эту идею из абстрактного пожелания в практическую плоскость.

Некоторые проблемы международных сопоставлений национальных экономических показателей для оценки уровней общеекономического развития стран

В последние несколько десятилетий во всем мире возрос интерес к международным сопоставлениям наиболее важных макроэкономических показателей (валовой национальный продукт (ВНП), валовой внутренний продукт (ВВП), национальный доход (НД) и др.). Прежде всего, это связано с расширением внешнеэкономических связей, углублением интеграционных процессов, интенсификацией международного экономического сотрудничества.

Правительства всех стран мира хотят знать, какое место занимает их страна в мировой региональной экономике, в каком соотношении находится экономика их страны с экономиками других стран, с которыми они сотрудничают или конкурируют на мировых рынках. В связи с этим ими организуются различные международные сопоставления макроэкономических показателей или они охотно соглашаются участвовать в таких сопоставлениях. Большую активность в этой области развили международные политические и экономические организации (Организация Объединенных Наций (ООН), ОЭСР, Всемирный банк и др.). Для решения задач, связанных с организацией различных форм международного экономического сотрудничества, им необходимы сравнимые и сопоставимые в международном плане данные о наиболее важных макроэкономических показателях. Такие данные они используют не только для анализа тенденций развития мировой и региональной экономики, но и для решения практических задач: оказания помощи странам на цели социально-экономического развития, предоставления кредитов, финансирования совместных проектов, определения доли взносов стран в бюджеты организаций.

Сравнимые в международном плане данные о валовом внутреннем продукте и смежных показателях применяются также международными

организациями для построения экономических моделей с целью анализа влияния различных факторов на темпы экономического роста и другие макроэкономические переменные. Будучи заинтересованными в обеспечении международной сравнимости макроэкономических показателей различных стран, международные организации занимаются вопросами теории и методологии сопоставлений, выступают в качестве организаторов и координаторов расчетов в данной области. Особенно значительна в этом отношении деятельность ООН, в рамках которой уже четверть века существует проект по международным сопоставлениям.

Таким образом, вопрос о международных сопоставлениях ВВП и других показателей достаточно актуален и представляет научный и практический интерес.

Работы по измерению объема национального производства начались еще в 30-е годы XX века экономистом Саймоном Кузнецом в Департаменте коммерции США. Первые оценки национального дохода сделаны Кузнецом в 1934 году. В этой работе впервые появились счета национального дохода и продукта. Кузнец пересчитал счета национального дохода США до 1869 года. Впервые доклад о национальном доходе и производстве США за период 1929-1935г.г. был представлен Конгрессу США в 1937 году. До этого никто не имел детальных представлений об экономической деятельности страны. Между тем, термин «макроэкономика» до 1939 года в печати вообще не употреблялся. В 1971 году за свои исследования Саймон Кузнец получил Нобелевскую премию.

До 1991 года базовым показателем в макроэкономических исследованиях был валовой национальный продукт - ВНП. Начиная с 1991 года и до настоящего времени таким показателем стал валовой внутренний продукт - ВВП.

ВВП стал основным индикатором для совместимости с Системой национальных счетов Организации Объединенных Наций (СНС ООН).

Получение сопоставимых данных в единой валюте суверенных государств является одной из международных проблем статистики. Существует несколько способов оценки.

1. Оценка на базе среднегодового валютного курса. Данный способ оценки позволяет получать сопоставимые стоимостные показатели разных стран мира в единой валюте с помощью пересчета по валютному курсу. Наиболее распространенный способ сравнения стран. Используется в большинстве международных организаций, включая ООН, для определения шкалы членских взносов, так как взносы выплачиваются в одной валюте, а валютный курс отражает стоимость покупки данной валюты.

2. Оценка на базе сглаженного за три года валютного курса, которая называется методом Атласа. Метод Атласа разработан Всемирным банком для собственных целей.

3. Наиболее объективным методом оценки, отражающим уровень развития стран в единой валюте, является оценка на базе паритетов покупательной способности (ППС), которая проводится в рамках Программы международных сопоставлений (ПМС).

ПМС разработана в конце 1960-х годов Статистической комиссией (отделом) ООН в сотрудничестве с рядом других международных организаций с целью проведения регулярных сопоставлений. Это один из наиболее сложных международных статистических проектов, осуществляющий гармонизацию национальных методологий, концепций и терминов по выбору товаров представителей и сопоставлению цен. В рамках проекта координируется работа по сбору, проверке, обобщению и сопоставлению данных о фактических ценах более чем 1000 наименований товаров и услуг на национальном и региональном уровнях.

ПМС представляет собой международный проект сопоставления ВВП и ППС валют значительного числа стран мира. В соответствии с решением Статистической комиссии ООН на ее 39-й сессии (26-29 февраля 2008 года) в настоящее время в рамках реализации ПМС ООН проводится очередной раунд глобального международного сопоставления по данным за 2011 год (ПМС 2011). Этот раунд, координируемый Всемирным банком, проводится по 6 регионам мира: Африка, Западная Азия, страны Тихоокеанского региона, Латинская Америка, страны – члены ОЭСР и ЕС, страны СНГ. Ожидалось, что в ПМС 2011 примут участие около 180 стран мира. Предыдущий раунд глобального сопоставления проводился за 2005 год.

Полный цикл работ по сопоставлениям, включая подготовку, согласованный сбор и проверку первичной информации, обработку данных и расчет результатов, представляет собой трудоемкий длительный процесс. Проведение раунда сопоставлений занимает, как правило, 3 года.

Цель настоящего раунда состоит в том, чтобы обеспечить информацией пользователей. Его результаты используются для оценки уровней общеэкономического развития стран мира, анализа мировой и региональной экономики, а также экономики отдельных стран, благосостояния наций, выявления и сравнения эффективности национальных экономик, сравнения экономического потенциала, анализа финансовых возможностей стран, разработки политики и объемов помощи развитых стран развивающимся странам, анализа конъюнктуры рынков (емкости рынков), сравнения уровней цен, изучения международной экономической интеграции, разработки экономических теорий (моделей развития и т.п.). Результаты международных сопоставлений представляют интерес и используются международными организациями (ООН, Европейским Союзом, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Мировым банком, МВФ), правительственными органами, принимающими решения по вопросам формирования экономической политики, организации международного сотрудничества, компаниями, банками, научно-исследовательскими организациями, занимающимися изучением тенденций в развитии региональной и мировой экономики, исследованием роли факторов экономического роста, другими исследователями и пр. в аналитических и практических целях. В наибольшей степени результаты сопоставлений используются в Европейском союзе для распределения объемов помощи между странами-членами ЕС в зависимости от уровня развития.

Главным продуктом Программы международных сопоставлений - ПМС являются оценки паритета покупательной способности (ППС) в отношении базисного года (например, или 1993 года, или 1996 года, или 1999 года, или 2002 г., или 2005г. ...).

ППС рассчитывается как соотношение фактических внутренних цен на определенный набор товаров и услуг в валюте сравниваемых стран, то есть соотношение между двумя или несколькими валютами устанавливается по их реальной покупательной способности применительно к тому или иному набору товаров и услуг.

Иными словами ППС представляет собой количество единиц валюты, необходимое для покупки некоего стандартного набора товаров и услуг, который можно купить за одну денежную единицу базовой страны (или одну единицу общей валюты группы стран).

Чаще всего для сравнения используется доллар США. Если сказать более точно, то в рамках сопоставлений ОЭСР-Евростата ППС выражается в долларах США, в Европейском Союзе в стандарте покупательной силы (СПС) (эквивалентно понятию евро).

ППС используется вместо обменных курсов для пересчета в общую валюту национальных экономических показателей, таких как валовой внутренний продукт (ВВП). Пересчет компонентов использования ВВП стран в единую валюту производится не на базе валютных курсов, а на основе ППС. Принимая во внимание различия в ценах между странами, ППС позволяет сопоставлять размер рынка, структуру экономики и покупательную способность денег. Например, значение ППС российского рубля в 1999г. составило 5,41 рубля за 1 доллар США, в 2002г. – 9,27 руб./долл., в 2005г. – 12,74 руб./долл., а в 2007г. выросло до 14,8 руб./долл. Такая динамика значения ППС говорит об устойчивом падении покупательной силы рубля на протяжении всего пореформенного периода в России.

Важным расчетным показателем является сопоставимый уровень цен. Сопоставимый уровень цен рассчитывается как отношение ППС к валютному курсу. Различие между ППС и валютным курсом используется в качестве критерия выявления «более дешевых» или «более дорогих» стран по сравнению с другой страной. Индексы сопоставимого уровня цен также могут рассчитываться по каждому компоненту расходов ВВП. Сопоставление цен по всему набору товаров и услуг, взвешенных по их доле в ВВП, позволяет определить соотношение цен на уровне ВВП. Отношение ППС на уровне ВВП (глобальный ППС) к валютному курсу отражает общий сопоставимый уровень цен. Этот показатель (которым широко пользуются туристы на бытовом уровне) применяется при разделении стран на «дешевые» (с низкими значениями показателя) и «дорогие» (с высоким национальным уровнем цен). Выявлены закономерности, что более высоким значениям ВВП на душу населения соответствуют более высокие сопоставимые уровни цен.

Например. В 1999г. сопоставимый уровень цен составил по России 22% от США. Это свидетельствует о том, что Россия является более дешевой страной по сравнению с США и что валютный курс российского рубля является завышенным по сравнению с его внутренней покупательной способностью

Новый ППС заменяет оценки с прежним базисом, некоторые из которых относятся к 1993 году, и даже к 1980-м годам. С каждым разом новый ППС позволяет получать результаты, представляющие собой статистически более надежные оценки размера экономики и уровня цен разных стран, так как используются более усовершенствованные методики.

Используемая методология расчетов результатов сопоставлений позволяет получать результаты сопоставлений, независимые от выбора счетной единицы и базовой страны.

Вместе с тем, ППС является статистической оценкой, то есть чисто расчетной величиной, отражающей сложившуюся ситуацию в национальной экономике. Поэтому, как любая другая статистика, ППС подвержен ошибкам выборки, ошибкам измерения и ошибкам классификации. Таким образом, его следует рассматривать как аппроксимацию определенного неизвестного истинного значения. Ввиду процедур, используемых для сбора данных и расчета ППС, невозможно составить точную оценку предела погрешности. Поэтому небольшие различия в оценочных значениях не следует считать существенными. ППС не должен использоваться как показатель занижения или завышения стоимости валюты. ППС не показывает, каким должен быть обменный курс. ППС не отражает спрос на валюту как средство расчетов, спекулятивные инвестиции или официальные резервы.

Международные сопоставления проводятся по региональному принципу 1 раз в 3-5 лет. Сопоставления проводятся международными организациями с участием национальных статистических служб с целью достижения методологически согласованных результатов для всех ее членов.

Если страны имеют стабильный валютный курс, небольшие транспортные расходы, конкурентоспособный, свободный внутренний рынок и идентичное ценообразование, то пересчет ВВП в единую валюту по валютному курсу не исказит динамику ВВП в национальных денежных единицах. Пересчет ВВП по валютному курсу в странах переходного периода

и в развивающихся странах приводит к искажению данных за счет того, что фактический валютный курс неточно отражает исходный экономический потенциал, изменяется не синхронно с темпами инфляции на внутреннем рынке и за счет ряда других факторов.

Основным показателем международных сопоставлений является индекс физического объема ВВП на душу населения, который рассчитывается как отношение ВВП на душу населения сопоставляемой страны к ВВП на душу населения базисной страны (группы стран).

Индексы физического объема ВВП на душу населения развитых стран на базе ППС составляют, как правило, не менее 65% от США (во Франции 68%, в Германии 73%, в Японии 74%, в Люксембурге 128%).

Вместе с тем, ВВП, как и объем ВВП на душу населения, по мнению ученых, не является идеальным показателем развития экономики, поскольку данный индикатор учитывает только объем доходов и расходов на улучшение или стабилизацию качества жизни, экологической обстановки и количества ресурсов в экономике. Однако распределение доходов или расходов на душу населения невозможно узнать с помощью данного параметра.

Валовой внутренний продукт – основной макроэкономический показатель, характеризующий результаты экономической деятельности, темпы и пропорции воспроизводства. На его базе определяются уровни экономического развития стран. Поэтому показатели ВВП занимают центральное место в современной макроэкономической статистике (ее теории, методологии и практике). Международными организациями (ООН, Евростат, ОЭСР, МВФ, МБРР и др.) показатель ВВП рекомендуется в качестве основного показателя в международных сопоставлениях. ВВП применяется при межстрановых сопоставлениях объемов экономической деятельности (размер ВВП по ППС), при сравнении уровня жизни населения (ВВП на душу населения), для характеристики темпов роста экономики (процент прироста ВВП). ВВП также применяется в качестве масштаба для измерения других экономических величин: дефицит государственного бюджета, расходы на социальные нужды (образование, здравоохранение и др.), оборону, размер налоговых поступлений и т.д.

Рассмотрим, что же представляет собой показатель ВВП.

ВВП – это показатель производства данного продукта, который представляет собой стоимость произведенных конечных товаров и услуг. Это означает, что стоимость промежуточных товаров и услуг (таких, как сырье, материалы, топливо, энергия, семена, корма, услуги грузового транспорта, оптовой торговли, коммерческие и финансовые услуги и т.п.), использованных в процессе производства, не входит в состав ВВП. В противном случае ВВП содержал бы повторный счет.

В экономической литературе имеется другое, более обобщенное определение показателя: ВВП – это рыночная стоимость всех конечных товаров и услуг (то есть предназначенных для непосредственного употребления), произведенных за год во всех отраслях экономики на территории государства для потребления, экспорта и накопления, вне зависимости от национальной принадлежности использованных факторов производства.

Однако, сегодня, так называемая, «рыночная стоимость» не может считаться определенной или стабильной величиной, следовательно, ВВП и прочие подобные понятия и категории являются просто некой общепринятой абстракцией.

ВВП – это внутренний продукт, потому что он произведен резидентами. К резидентам относятся все экономические единицы независимо от их национальной принадлежности и гражданства, имеющие центр экономического интереса на экономической территории данной страны. Это означает, что они занимаются производственной деятельностью на экономической территории страны длительное время (не менее одного года). Экономическая территория страны – территория, административно управляемая Правительством данной страны, в пределах которой лица, товары и деньги могут свободно перемещаться. В отличие от географической территории она не включает анклавов других стран (посольства, военные базы и т.п.), но включает такие анклавов данной страны, расположенные на территории других стран.

ВВП – это валовой продукт, потому что он исчисляется до вычета потребления основного капитала. Потребление основного капитала представляет собой уменьшение стоимости основного капитала в течение

отчетного периода в результате его физического и морального износа и случайных повреждений, не носящих катастрофического характера.

Обеспечение сравнимых в международном плане данных о ВВП разных стран требует решения трех задач:

- достижение сравнимого содержания ВВП;

- достижения сравнимой оценки ВВП;

- устранения влияния на сопоставимость показателей ВВП различий в организации экономики.

Первая задача решается на основе применения стандартной методологии исчисления ВВП и представления экономик разных стран в сопоставимом виде. Такой методологией является международный стандарт – Система национальных счетов (СНС) ООН. Статистическая комиссия ООН на своей 39-й сессии в 2008г. одобрила в качестве международного стандарта обновленный вариант системы национальных счетов и рекомендовала перейти на него государствам-членам и международным организациям. СНС служит цели полномасштабного представления экономик стран мира в сопоставимом виде, включая изучение и всесторонний анализ между странами.

Решение второй задачи – достижение однородной оценки – требует проведения сложных расчетов по исчислению паритетов покупательной способности валют (ППС), так как официальные валютные курсы не отражают реального соотношения уровней цен в различных странах, и их применение в сопоставлениях привело бы к существенным искажениям результатов расчетов. По своей форме ППС схожи с валютными курсами, однако их главное отличие от последних состоит в том, что они представляют собой чисто статистическую (счетную) категорию, своеобразный индекс цен, который исчисляют для проведения международных сопоставлений.

ВВП страны может быть выражен как в национальной валюте, и при необходимости, справочно пересчитан по биржевому курсу в иностранную валюту, так и может быть представлен по Паритету покупательной способности (ППС) – для более точных международных сравнений.

Номинальный (абсолютный) ВВП – выражен в текущих ценах данного года.

Реальный (с поправкой на инфляцию) ВВП – выражен в ценах предыдущего или любого другого базового года. В реальном ВВП учитывается, в какой степени рост ВВП определяется реальным ростом производства, а не ростом цен.

Отношение номинального ВВП к реальному ВВП называется дефлятором ВВП.

Фактический ВВП – это ВВП при неполной занятости. Это ВВП, который отражает реализованные возможности экономики.

Потенциальный ВВП – это ВВП при полной занятости. Это ВВП, который будет отражать потенциальные возможности экономики. Потенциальные возможности экономики могут быть намного выше реальных.

ВВП рассчитывается 3 методами по: доходам, расходам и добавленной стоимости (производственный метод).

Объем ВВП рассчитывается в настоящее время в соответствии с рекомендациями неоклассической теории – как сумма добавленной стоимости, созданной на территории страны при предположении, что она создается как в сфере производства, так и в сфере услуг. При этом добавленная стоимость оценивается как разность между доходом предприятия и материальными затратами и не включает косвенных налогов, уплачиваемых с продукции (услуг). В итоге общий объем ВВП отличается от суммарной добавленной стоимости, зафиксированной в сферах производства и услуг, на величину чистых косвенных налогов (косвенных налогов за вычетом субсидий, предоставляемых государством бизнесу).

Международные сопоставления же производятся в отношении ВВП, рассчитанного методом конечного использования (суммирование конечного потребления, валового накопления и сальдо экспорта и импорта). Этот метод позволяет затем подразделять ВВП на некоторое число однородных товарных групп. В отраслевой группировке требуется очень много дополнительных данных, поэтому сопоставления ВВП, подсчитанного производственным методом (суммирование валовой добавленной стоимости, созданной в

отраслях), в рамках ПМС не проводятся (в таб. №1 и №2 приводятся данные реального ВВП и по ПМС в наиболее развитых странах мира за последние десятилетия).

Государственный (национальный) долг – деньги, которые федеральное правительство должно своим кредиторам. При этом, к примеру, применительно к США, к государственному долгу не относятся долги отдельных штатов, корпораций или физических лиц, даже гарантированные государством, а также деньги, принадлежащие получателям социальной помощи в будущем.

Государственный долг – результат финансовых заимствований государства, осуществляемых для покрытий дефицита бюджета. Общий размер задолженности правительства владельцам государственных ценных бумаг равен сумме прошлых бюджетных дефицитов минус бюджетные профициты.

Ведущие страны с развитой экономикой, с одной стороны, являются крупнейшими кредиторами мировой экономики, а с другой стороны, имеют достаточно большой размер собственного государственного долга. Вместе с тем, государственный долг развитых стран полностью секьюритизирован, то есть в его структуре фактически отсутствуют займы, полученные от других кредиторов, в том числе международных финансовых организаций, что характерно для развивающихся стран. На самом деле государственный долг развитых стран представляет собой портфель выпущенных и обслуживаемых долговых ценных бумаг с различными сроками погашения. Преимущества заемщика состоят в удобстве управления таким долгом, так как к ценным бумагам применим широкий круг операций, осуществляемых в зависимости от конкретных целей и с учетом складывающихся экономических условий.

В частности, в США угроза экономического кризиса из-за превышения государственного долга, которое компенсировалось во многом за счет средств пенсионного фонда, на практике разрешается следующим образом. Конгресс США в соответствии с официальным запросом министра финансов США принимает решение об увеличении законодательного предела (лимита) федерального долга США сверх действующего на данный момент установленного ранее значения «потолка» – «порога» долга. Данное решение Конгресса США дает возможность для дальнейшего финансирования

расходов правительства США. Тем самым, повышение уровня планки госдолга позволяет избежать дефолта по обязательствам США в ближайшем будущем.

Увеличение размера государственного долга происходит, как правило, за счет превышения объемов размещаемых долговых ценных бумаг над объемами погашаемых долговых ценных бумаг в течение текущего года.

Легко заметить, что страны с высоким уровнем жизни населения имеют около 60% ВВП к внешнему долгу. Прежде всего, это говорит о кредитоспособности этих стран. У стран с низким уровнем жизни населения, как правило, этот процент составляет около 10% и ниже (См. Таблица №3).

Основной причиной увеличения размера государственного долга является **необходимость покрытия растущего бюджетного дефицита** указанных стран. Данные об отношении сальдо доходов и расходов к ВВП рассматриваемых стран приведены в Таблице №4.

В мировой налоговой практике в качестве показателя **налоговой нагрузки на макро-уровне** служит отношение суммы всех взысканных с налогоплательщиков налогов, вне зависимости от того, в бюджет какого уровня или в какой внебюджетный фонд они поступают, к объему полученного ВВП. Данные о степени налоговых изъятий по отношению к ВВП в различных странах приведены в табл. № 5.

Как видно из данных таблицы № 5, большинство экономически развитых стран мира к настоящему времени практически достигли максимально возможного уровня перераспределения через налоговую систему ВВП и национального дохода. Поэтому обеспечение дальнейшего роста поступлений доходов в бюджеты этих стран возможно в основном за счет изменения структуры налоговых изъятий и обеспечения на этой основе прямой зависимости роста налогов от роста ВВП. Увеличение же ставок налогов, равно как и отмена льгот, по ним чреваты для этих стран как экономическими, так и негативными социальными последствиями.

С 1990 года в мировой практике стал использоваться индекс человеческого развития (ИЧР), методике расчета которого мы обязаны Нобелевскому лауреату А. Сена и группе экономистов во главе с пакистанцем Махбубом-уль-Хаком. Это интегральный показатель, рассчитываемый

ежегодно для межстранового сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образования и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала исследуемой территории. Он является стандартным инструментом при общем сравнении уровня жизни различных стран и регионов.

При подсчете ИЧР учитывается 3 вида показателей:

- Ожидаемая продолжительность жизни (оценивает долголетие).
- Уровень грамотности населения (среднее количество лет, потраченных на обучение) и ожидаемая продолжительность обучения.
- Уровень жизни, оцененный через ВНД на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) в долларах США.

Разработана и научно обоснована обобщенная система показателей, характеризующая количественные и качественные характеристики социально-экономической дифференциации социального развития, включающая:

- коэффициент дифференциации индекса развития человеческого потенциала, характеризующий степень различия в социально-экономическом развитии анализируемых стран, регионов внутри страны, социальных групп;
- коэффициент дифференциации индекса здоровья (долголетия), показывающий, насколько состояние здоровья в одной стране, регионе лучше, чем в другом;
- коэффициент дифференциации индекса образования. Такой показатель определяет степень превышения уровня образования населения в одной стране (регионе или другом объекте исследования) над уровнем образования (грамотности) населения другой страны;
- коэффициент дифференциации индекса дохода, определяющий степень экономической дифференциации анализируемых стран или регионов;
- коэффициент дифференциации индекса смертности, как показатель различий в состоянии здоровья сравниваемых стран или регионов;
- коэффициент дифференциации уровня профессионального образования, отражающий различия в степени охвата обучением второй и третьей ступени образования в исследуемых странах или регионах.

В 2010 году семейство индикаторов, которые измеряют ИЧР, было расширено, а сам индекс подвергся существенной корректировке. В дополнение к используемому ИЧР, который является сводным показателем, опирающимся на среднестрановые статистические данные и не учитывающим внутреннего неравенства, были введены три новых индикатора: Индекс человеческого развития, скорректированный с учетом социально-экономического неравенства (ИЧРН), Индекс гендерного неравенства (ИГН) и Индекс многомерной бедности (ИМБ).

В зависимости от значения ИЧР страны принято классифицировать по уровню развития: очень высокий (42 страны), высокий (43 страны), средний (42 страны) и низкий (42 страны) уровень.

В некоторых переводах оригинального термина Human Development Index (HDI) его также называют Индекс гуманитарного развития (ИГР).

В таблице № 6 мы приводим данные этого индекса за 2013 г. по странам, входящим в первую сотню. Россия в нем занимает 55 место (заметим, что СССР в этом списке был на 26 месте).

Когда вам с трибуны говорят о 5 – 6 экономике мира, вспомните этот показатель.

Публикуемые, приводимые и используемые в печати и других источниках значения рассмотренных нами выше показателей трудно сопоставить: за один и тот же период в разных изданиях приводятся различные значения этих показателей, которые могут существенно отличаться по величине друг от друга. Часто неизвестно в каких ценах (текущих или сопоставимых, масштабе цен какого года) приведены публикуемые значения указанных показателей. К примеру, тот же показатель ВВП только в Википедии приводится в последние годы ежегодно по списку стран в соответствии с данными трех источников: Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка и Всемирной книги фактов (ЦРУ). Причем долларовые оценки ВВП, приведенные в Википедии, получены при помощи подсчета по ППС и по номинальному (абсолютному) значению ВВП, посчитанному с помощью рыночного либо установленного властями обменного курса. При этом значения ВВП по оценкам этих организаций по методике подсчета весьма различаются. Серьезные различия имеются также внутри одной методики, к примеру, внутри подсчета по ППС.

Поэтому за большой период составить динамические ряды вышерассмотренных показателей, тем более для межстрановых и региональных сопоставлений, сложная задача. Такая неразбериха в цифрах приводит зачастую к неправильным выводам, искажает результаты расчетов.

Настоящие статистические данные собраны из открытых источников, в частности новостей, экономических обзоров и материалов статистических агентств. По возможности нами учтены последующие корректировки данных соответствующими организациями по сравнению с первоначальными публикациями. Статистические данные, представленные в таблицах, не могут служить прямым ориентиром для принятия управленческих решений, а предназначены лишь для приблизительной оценки экономической ситуации в развитых странах мира.

Отслеживание траектории развития экономической системы требует построения надежной системы координат, позволяющих видеть динамику достижения целей и приоритетное соблюдение ценностей. Но такая задача сталкивается с весьма значительными трудностями. Эти трудности заключаются в том, что нам необходимо измерять то, что фактически измерению не поддается.

«Часто бывает так, что, не имея возможности измерять то, что нам надо, мы измеряем то, что можем, и, более того, даже изощряемся в измерении неверных критериев. Но, чем точнее мы измеряем неверные критерии, тем быстрее и увереннее приближаем кончину своей экономической системы.

Нам удалось бы избежать многих неудач, если бы мы хотя бы приблизительно оценивали действительно важные параметры, вместо того, чтобы тщательно и предельно точно измерять бесполезные показатели» [Дрогобыцкий, 2013, с. 259].

Еще раньше по данной проблеме высказался [Цыгичко, 2009, с. 29-30]: «... Оценить эволюцию структуры СЭС (социально-экономической системы – прим. Авт.) во времени или сравнить разные структуры между собой, как правило, не удастся без учета качественного функционирования сравниваемых систем, так как отсутствует объективный критерий сравнения. При таком сравнении нарушаются все принципы системного исследования СЭС, потому что не учитываются различия целей и задач систем, различие

структуры, производственной и сырьевой базы и экономического механизма сравниваемых СЭС и т.д.

Несостоятельность подобного подхода очевидна, поскольку корректное сравнение предполагает учет перечисленных системных факторов. Кроме того, корректное сравнение предполагает единство меры, единство функциональной задачи (или цели, если сравнивается вся система в целом) и единство условий. На основании свойств сложных систем в теории систем сформулирован основополагающий принцип измерения, который гласит, что *о качестве функционирования какой-либо системы можно судить только с точки зрения системы более высокого порядка*. Другими словами, находясь внутри системы, невозможно определить эффективность ее деятельности. Для этого надо стать над ней, то есть представить изучаемую систему как часть более общей системы и проводить оценку с точки зрения целей и задач последней».

Реализация принципов измерения и сравнения возможна только при соблюдении системного объекта исследования, а значит, и соответствующего его описания.

Однако, будем объективны. Сама наука экономических измерений – достаточно молода. И даже приведенный нами экскурс в историю этого направления показывает, насколько этот процесс сложен. Но именно сложность и затратность этого процесса требует рационального расходования сил в нужном направлении.

Таблица № 1

Объём ВВП с учётом ППС (млрд. долл. США)

Годы	США	Германия	Франция	Италия	Великобритания	Канада	Япония	Испания	Китай	Греция	Европейский союз
1980	2767,5	771,4	522,7	520,9	471,2	271,3	995,6	255,6	245,5	79,3	3626,4
1990	5750,8	1469,9	1001	999,6	938,7	541,9	2370,8	516,7	902,4	128,5	6949,6
1996	7751,1	1886,3	1239,5	1245,8	1227,8	690	3002,9	659,2	2029,2	161	8753,1
1997	8256,5	1929,7	1297,1	1290,2	1314,9	731,9	3104,9	699,7	2260,6	171,1	9165,5
1998	8741	1982,7	1365,6	1358	1,367,8	770,5	3077,1	750,1	2471,2	177,2	9588,5
1999	9301	2051,7	1424,2	1385,6	1424,2	825	3116	791,5	2698	183,7	9973,3
2000	9898,8	2117,5	1533	1466,5	1533,5	874,1	3287	858,1	2987,9	199,2	10630,5
2001	10233,9	2199,9	1628,2	1554,7	1627,4	909,8	3373,5	919,7	3309,3	216,3	11214,6
2002	10590,2	2263,8	1704,9	1539,9	1702,6	937,8	3471,7	994,4	3669	235,2	11684,4
2003	11089,3	2340,6	1693,2	1571,6	1773,6	989,3	3567,7	1040,2	4121	248,1	12018,8
2004	11797,8	2449	1761,3	1601,4	1897	1048,8	3754,6	1108,1	4664,8	263,9	12652,6
2005	12564,3	2566	1860,7	1657,4	1984,9	1132	3889,6	1188,7	5364,3	270,4	13293,2
2006	13314,5	2759,9	1989,6	1789,4	2124,8	1200,9	4057,9	1338,2	6240,5	298	14428,5
2007	13961,8	2923,6	2112,8	1902,3	2188	1262,8	4267,1	1445,7	7333,3	310,5	15357,7
2008	14219,3	3047,9	2191,2	1996,7	2213,9	1299	4289,5	1510,5	8215	332,7	16043,6
2009	13898,3	2918,2	2178,3	1939,2	2125,4	1274,9	4049,4	1469,1	9049,7	329,5	15611,6
2010	14419,4	3079	2229	1940,6	2197,8	1333,5	4291	1454,7	10124,5	311,4	16022,1
2011	14991,3	3227,4	2311,9	1982,5	2233,1	1427,4	4325,1	1481,6	11301,5	292,2	16539,3
2012	15,684,8	3349,4	2371,9	2017	2333,2	1483,6	4487,3	1510,5	12471	285,7	17066,6

Таблица № 2

Объём ВВП (млрд. долл. США)

Годы	США	Германия	Франция	Италия	Великобритания	Канада	Япония	Испания	Китай	Греция	Европейский союз	Мировой
1960	520,5		60,7	40,4	72,3	41,1	44,3	12	61,4	4,4	365,4	
1970	1000	208,9	146,4	109,3	124,8	86,3	209,1	39,8	91,5	12,5	842	
1980	2862,5	826,1	690,3	470	542,5	274,4	1087	224,4	303,4	53,6	3801,5	
1990	5800,5	1547	1244	1140	1024,6	594,6	3058	520,4	390,3	92,2	7047,2	21901,4
1996	7838,5	2439,3	1572,8	1266,7	1243,2	627	4642,5	622,3	856	139,3	9392,1	30280,3
1997	8332,4	2163,2	1421,5	1200	1384,5	651	4261,8	573,1	952,6	136,1	8854	30190,9
1998	8793,5	2187,5	1468,9	1226,2	1478	631,4	3857	601,3	1019,5	136,8	9161,2	30080,9
1999	9353,5	2146,4	1456,4	1209,8	1518,5	674,3	4368,7	618,3	1083,3	140,8	9160	31210,2
2000	9951,5	1905,8	1326,3	1107,2	1496,6	739,5	4667,4	582	1198,5	127,6	8500,9	32212,7
2001	10286,2	1892,6	1338,3	1124,7	1485,7	732,7	4095,5	609,4	1324,8	131,1	8584,3	32012,3
2002	10642	2024,1	1452	1229,5	1623,6	752,5	3918,3	688,7	1453,8	147,9	9381,1	33273,7
2003	11142,2	2446,9	1792	1517,4	1877,1	887,8	4229,1	885,5	1641	195	11426	37443,6
2004	11867,8	2748,8	2055,7	1737,8	2221,9	1018,4	4605,9	1046	1931,6	230,3	13183,4	42193,2
2005	12638,4	2793,2	2136,6	1789,4	2324,2	1164,2	4552,2	1132,8	2256,9	240,5	13787,9	45620,7
2006	13398,9	2921,3	2255,7	1874,7	2486,6	1310,8	4362,6	1237,5	2712,9	262	14693	49454,7
2007	14061,8	3333,9	2582,4	2130,2	2858,2	1457,9	4378	1443,5	3494,2	305,9	17000,8	55804,9
2008	14369,1	3651,6	2831,8	2318,2	2709,6	1542,6	4879,8	1600,9	4519,9	343,2	18348,3	61258,5
2009	13973,7	3307,2	2619,7	2116,6	2217,4	1370,8	5035,1	1458,1	4990,5	321,9	16367,9	58078,4
2010	14498,9	3312,2	2549	2059,2	2296,9	1614,1	5488,6	1387,4	5930,4	294,8	16287,7	63044,1
2011	15076	3607	2773	2198,4	2464,6	1778,6	5897	1455,9	7322	290,2	17588,5	
2012	16244,5	3401	2612,7	2014,4	2484,4	1821,4	5964	1323,2	8227	248,6	16584	
2013	16803	3635,8	2734,9	2071,9	2535,8	1825,1	4900,7	1358,7		241,8	17227,7	

Таблица № 3

Объём государственного долга стран (млрд. долл. США и % по отношению к ВВП)

Годы	США	Германия	Франция	Италия	Великобритания	Канада	Япония	Испания	Китай	Греция
1965										
1970	380,9 37.6%									
1980	909,0 33.4%		143,3		250,1	125,2	569,3	37,2		12,1
1990	3,206 56.4%		439,1	1074,8	331,6	447,1	2152,5	221,1	27,1	67,6
2000	5,629 57.6%	1138,6 60.20%	763,6 57.30%	1202,3 108.50%	606 41.00%	607,3 82.13%	6802,4 143,8%	345,6 59.40%	197,1 16.45%	132 103.40%
2001	5,77 56.6%	1113,4 59.10%	762,7 56.90%	1218,3 108.30%	553,5 37.30%	605,7 82.66%	6391 153.64%	338,8 55.60%	234,6 17.71%	136 103.70%
2002	6,198 59.0%	1223,3 60.70%	861,3 58.80%	1295,4 105.40%	602,7 37.10%	606,2 80.55%	6528,2 163.99%	362,1 52.60%	275,3 18.94%	150,4 101.70%
2003	6,76 61.8%	1564,8 64.40%	1136,4 62.90%	1580,2 104.10%	726,1 38.70%	679,7 76.56%	7296,6 169.57%	432 48.80%	315,8 19.25%	190 97.40%
2004	7,355 63.2%	1807,9 66.20%	1342,1 64.90%	1802,3 103.70%	895,9 40.30%	739,4 72.60%	8411,1 180.66%	483,8 46.30%	358 18.54%	227,7 98.60%
2005	7,905 63.8%	1899,6 68.60%	1429,6 66.40%	1891,7 105.70%	969,1 41.70%	833,6 71.61%	8523,6 186.44%	489 43.20%	398 17.64%	243,4 100.00%
2006	8,451 64.4%	1976,3 68.00%	1446,7 63.70%	1993,7 106.30%	1061,9 42.70%	920,9 70.26%	8103,4 186.00%	491 39.70%	439,1 16.19%	281,5 106.10%
2007	8,951 64.8%	2170,7 65.20%	1660,7 64.20%	2200 103.30%	1249,7 43.70%	969,8 66.52%	7972,7 183.01%	524 36.30%	684,6 19.59%	328 107.40%
2008	9,986 69.8%	2432,4 66.80%	1940,6 68.20%	2459,2 106.10%	1406 51.90%	1099,6 71.28%	9301,3 191.81%	643,1 40.20%	766,7 16.96%	387,5 112.90%
2009	11,876 85.2%	2465,1 74.50%	2080 79.20%	2464,2 116.40%	1487,8 67.10%	1114,2 81.28%	10586,2 210.25%	787 54.00%	881,8 17.67%	417,4 129.70%
2010	13,529 94.4%	2729,8 82.50%	2116,4 82.40%	2456,4 119.30%	1802,1 78.40%	1341,4 83.11%	11867,4 215.95%	855,4 61.70%	1988,9 33.54%	437,2 148.30%
2011	14,764 99.0%	2903,6 80.00%	2388,9 85.80%	2653,2 120.70%	2078,1 84.30%	1485,6 83.52%	13573,3 229.84%	1025,9 70.50%	2103 28.72%	494,2 170.30%
2012	16,051 103.2%	2777,1 81.00%	2357,5 90.20%	2557,6 127.00%	2200,3 88.70%	1604,9 88.12%	14093 237.35%	1137,3 86.00%	2146,2 26.08%	390,7 156.90%
2013	20453 106,6%	2838,3 78.06%	93.5%	132.3%	92.1%	1626,5 89.12%	243.5%	93.90%	2056,4 22.40%	175.7%

Таблица № 4

Объём дефицита бюджета (сальдо доходов и расходов) в % по отношению к ВВП

Годы	США	Германия	Франция	Италия	Великобритания	Канада	Япония	Испания
1980	2.58							
1990	3.70							
2000	-2.30	1.1	-1.5	-0.8	3.6	2.94	-7.81	-0.9
2001	-1.21	-3.1	-1.5	-3.1	0.4	0.75	-6.04	-0.5
2002	1.44	-3.8	-3.1	-3.1	-2.1	0.03	-7.71	-0.3
2003	3.28	-4.2	-4.1	-3.6	-3.5	0.06	-7.79	-0.3
2004	3.36	-3.8	-3.6	-3.5	-3.5	1.1	-5.95	-0.1
2005	2.43	-3.3	-2.9	-4.4	-3.4	1.67	-4.81	1.3
2006	1.79	-1.6	-2.3	-3.4	-2.8	1.8	-3.65	2.4
2007	1.11	0.2	-2.7	-1.6	-2.8	1.46	-2.09	2
2008	3.12	-0.1	-3.3	-2.7	-5	-0.3	-4.11	-4.5
2009	9.80	-3.1	-7.5	-5.5	-11.4	-4.52	-10.39	-11.1
2010	8.65	-4.2	-7.1	-4.5	-10.1	-4.93	-9.3	-9.6
2011	8.37	-0.8	-5.3	-3.8	-7.7	-3.72	-9.82	-9.6
2012	6.69	0.1	-4.8	-3	-6.1	-3.37	-8.71	-10.6
2013	4.5	0.01	-4.2	-3.0	-6.9	-3.01	-10	-6.7

Удельный вес налоговых поступлений в различных странах по отношению к ВВП (в %)

Годы	США	Германия	Франция	Италия	Великобритания	Канада	Япония	Испания	Греция
1965	24.7	31.6	34.2	25.5	30.4	25.2	17.8	14.7	18.0
1970	25.7	31.5	34.2	25.7	36.7	30.3	19.2	15.9	20.2
1980	25.5	36.4	40.2	29.7	34.8	30.4	24.8	22.6	21.8
1990	26.3	34.8	42.0	37.6	35.3	35.3	28.5	32.5	26.4
1995	26.7	37.2	42.9	39.9	33.6	34.9	26.4	32.1	29.1
2000	28.4	37.5	44.4	42.0	36.4	34.9	26.6	34.3	34.3
2001	27.4	36.3	44.1	41.7	36.2	34.3	26.8	33.9	33.2
2002	25.1	35.6	43.5	41.1	34.8	32.8	25.8	34.4	33.9
2003	24.5	35.8	43.3	41.5	34.4	32.7	25.3	34.0	32.3
2004	24.7	35.0	43.6	40.8	34.9	32.5	26.1	34.9	31.5
2005	26.0	35.0	44.1	40.6	35.4	32.3	27.3	36.0	32.1
2006	26.8	35.7	44.4	42.1	36.3	32.6	28.1	36.9	31.6
2007	26.9	36.1	43.7	43.2	35.7	32.3	28.5	37.3	32.5
2008	25.4	36.5	43.5	43.0	35.8	31.6	28.5	33.1	32.1
2009	23.3	37.4	42.5	43.4	34.2	31.4	27.0	30.9	30.5
2010	23.8	36.2	42.9	43.0	34.9	30.6	27.6	32.5	31.6
2011	24.0	36.9	44.1	43.0	35.7	30.4	28.6	32.2	32.2
2012	24.3	37.6	45.3	44.4	35.2	30.7		32.9	33.8

Данные таблиц №1 - №5 взяты из следующих источников:

- 1) <http://kaivg.narod.ru/gdp.pdf>
- 2) <http://www.indexmundi.com/facts/france/gdp>
- 3) <http://countryeconomy.com/gdp/italy>
- 4) <http://knoema.ru/rtbjfi/european-union-gdp>
- 5) <http://www.indexmundi.com/facts/european-union/gdp>
- 6) <http://knoema.com/WBCCD2011/world-bank-climate-change-data-2011?tsId=1018820>
- 7) <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=REV>
- 8) <http://countryeconomy.com/national-debt>

9) http://www.usfederalbudget.us/spending_chart_1980_2013USp_15s2li111mcn_G0t

10) <http://countryeconomy.com/deficit>

11) http://www.oecd-ilibrary.org/economics/government-deficit-2011_gov-dfct-table-2011-1-en

Индекс человеческого развития стран мира
United Nations Development Programme: Human Development Index 2013.

Место	Страна	ИЧР
1	Норвегия	0.955
2	Австралия	0.938
3	США	0.937
4	Нидерланды	0.921
5	Германия	0.920
6	Новая Зеландия	0.919
7	Ирландия	0.916
8	Швеция	0.916
9	Швейцария	0.913
10	Япония	0.912
11	Канада	0.911
12	Южная Корея	0.909
13	Исландия	0.906
14	Гонконг	0.906
15	Дания	0.901
16	Израиль	0.900
17	Бельгия	0.897
18	Сингапур	0.895
19	Австрия	0.895
20	Франция	0.893
21	Словения	0.892
22	Финляндия	0.892
23	Испания	0.885
24	Лихтенштейн	0.883
25	Италия	0.881
26	Великобритания	0.875
27	Люксембург	0.875
28	Чехия	0.873
29	Греция	0.860
30	Бруней	0.855
31	Кипр	0.848
32	Мальта	0.847
33	Эстония	0.846
34	Андорра	0.846
35	Словакия	0.840
36	Катар	0.834
37	Венгрия	0.831
38	Барбадос	0.825
39	Польша	0.821
40	Чили	0.819
41	ОАЭ	0.818
42	Латвия	0.818
43	Португалия	0.816
44	Литва	0.814
45	Аргентина	0.811
46	Сейшельские Острова	0.806
47	Хорватия	0.805
48	Бахрейн	0.796
49	Багамские Острова	0.794
50	Беларусь	0.793

Место	Страна	ИЧР
51	Уругвай	0.792
52	Черногория	0.791
53	Палау	0.791
54	Кувейт	0.790
55	Россия	0.788
56	Румыния	0.786
57	Саудовская Аравия	0.782
58	Болгария	0.782
59	Панама	0.780
60	Куба	0.780
61	Мексика	0.775
62	Коста-Рика	0.773
63	Гренада	0.770
64	Сербия	0.769
65	Малайзия	0.769
66	Ливия	0.769
67	Тринидад и Тобаго	0.760
68	Антигуа и Барбуда	0.760
69	Казахстан	0.754
70	Албания	0.749
71	Венесуэла	0.748
72	Сент-Китс и Невис	0.745
73	Ливан	0.745
74	Грузия	0.745
75	Доминика	0.745
76	Иран	0.742
77	Перу	0.741
78	Украина	0.740
79	Македония	0.740
80	Маврикий	0.737
81	Босния и Герцеговина	0.735
82	Азербайджан	0.734
83	Сент-Винсент	0.733
84	Оман	0.731
85	Ямайка	0.730
86	Бразилия	0.730
87	Армения	0.729
88	Сент-Люсия	0.725
89	Эквадор	0.724
90	Турция	0.722
91	Колумбия	0.719
92	Шри-Ланка	0.715
93	Алжир	0.713
94	Тунис	0.712
95	Тонга	0.710
96	Самоа	0.702
97	Фиджи	0.702
98	Доминикана	0.702
99	Белиз	0.702
100	Иордания	0.700

Данные таблицы взяты из: <http://www.webcitation.org/6FyuELwXP>

,

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО²⁰

**К партиям, не прошедшим на выборах в Государственную Думу,
к партиям несистемной оппозиции**

Последние выборы в Государственную Думу РФ показали, с одной стороны, что эпоха Путина подходит к своей завершающей фазе, но они также показали слабую организованность оппозиции, выразившуюся в отсутствии харизматичного лидера, отсутствии единства действий, в несоответствии имеющихся возможностей с народными ожиданиями.

Тому есть много причин и объяснений, но это уже история. Не следует многого ждать от протестных митингов. Суровость русской зимы и безразличие (либо жестокая репрессивность) властей сделают свое дело. Это первая волна, и от нее не следует ждать невозможного.

И, тем не менее, эта волна создает предпосылки для совершенно нового этапа развития не только *протестного* движения, но и для нового этапа развития всей России.

Прежде всего, было бы глупо надеяться на то, что эпоха Путина исчезнет сама собой. Правильнее говорить вообще не об эпохе Путина, а об эпохе Ельцина – Путина, эпохе великого обмана российского народа.

Фальсификации выборов, извращенные методы политтехнологов начались вовсе не 4 декабря 2011 г. Свое начало они ведут с разгрома Верховного Совета РФ в 1993 г. и референдума по поводу принятия последней Конституции России.

С тех пор ни одни выборы в Думу, никакие выборы президентов нельзя признать честными. Этому есть простое и веское объяснение. Сам разгон Верховного Совета, приватизация, коррупция, избирательные подтасовки сделали правящую верхушку *нелегитимной*. Приход *любой* оппозиции к власти означал бы массовые судебные процессы над людьми, «окопавшимися» на политическом Олимпе России.

²⁰ Впервые опубликовано на сайте Сетевого общественного телевидения www.rusotv.org в декабре 2011 г.

Этого политические лидеры и стоящие за ними бюрократия и «денежные мешки» не могли допустить ни в 1996 г., ни в 2011. Они сделают все, чтобы этого не допустить впредь.

Не надо наивно думать, что их политтехнологии исчерпаны, и что там сидят одни трусы. Им есть, что терять, и они будут держаться за власть до последнего.

Первый вывод, который необходимо сделать, заключается в том, что *причиной* протестных выступлений являются не подтасовки на выборах 4 декабря 2011 г. Это только *повод*. Причиной является то, что определенная группа людей присвоила себе *монопольное право на власть*. Эта группа погрязла в коррупции, лжи и лицемерии. Она ввела цензуру на правду на центральных телеканалах и в основных средствах массовой информации. Она подчинила себе судебную власть. Методично занимается развращением молодежи.

Говорить, что народ достоин той власти, которая у него есть, и правильно, и неправильно. Конечно, народу по силам многое, в том числе и осуществление революций, но надо знать и понимать историческую особенность России.

В следующем году будут отмечать 1150-летнюю дату прихода варягов на Русь. Исторические источники по-разному характеризуют это событие. Но неоднократно приходилось сталкиваться на Западе с точкой зрения, что вот, мол, русские даже управлять собой не могут, и позвали на помощь иностранцев.

Однако, не надо обладать слишком богатым воображением, чтобы схематично реконструировать события 1150-летней давности.

Представьте себе огромную территорию – по величине превосходящую размеры остальной Европы со сравнительно малочисленным населением. С одной стороны, это население было самодостаточным: леса полные дичи, реки полные рыбы, плодородные почвы, народ, умеющий трудиться. С другой стороны, территориальная разобщенность, непроходимые леса, бездорожье, голые степи.

По большому счету, этому народу *в государстве* вообще не было никакой необходимости. Все, от чего страдало население – набеги кочевых племен, и ему была необходима защита от этих набегов. Уже тогда наши предки понимали, что проливать кровь – не самое большое удовольствие. Для этих целей и приглашали нищих скандинавских воинов.

Князя выбирали всем миром, но могли и прогнать. Так было еще в XIII веке с Александром Невским. Однако, постепенно сила оружия и власть стали взаимодополнять друг друга и отождествляться одно с другим. С элементами государственности варяги принесли на Русь многочисленные междоусобные войны, единственной причиной которых была борьба за власть. По-настоящему российская государственность стала зарождаться с татаро-монгольского нашествия и противостояния ему. Но и дальнейшая история Руси и России – это противостояние народа и чуждой ему государственной власти.

Российский народ и сегодня самодостаточен. Коррупция, непомерные налоги на бизнес, раздутые силовые структуры истощают его жизненные силы, не дают раскрыться в полной мере его способностям и возможностям. Огромные просторы, раздробленность, концентрация власти в одной точке, степенный характер людей, соответствующий пространству и природе, позволяют бесконечно испытывать его долготерпение.

Впереди нас ждут непростые времена. По сути, экономический кризис еще не начинался. Финансовый крах Западной Европы и США неизбежны, как наступление Нового 2012 года. Стагнация экономики и падение в этой связи цен на нефть обнажат до безобразия все путинские «достижения».

В таких условиях обычно обостряется борьба за *справедливость*. История знает только три формы такой борьбы: религиозную, национальную и социальную. И победителями в этой борьбе всегда были экстремисты типа *фанатиков, фашистов и коммунистов*. В историческом же плане, в этот трудный период выиграет только тот народ, который сумеет обуздать эту борьбу цивилизационными рамками парламентаризма.

По большому счету, России исторически присуща религиозная терпимость. Она получила прививку социального геноцида в период правления большевиков. Это вовсе не значит, что она застрахована от подобных эксцессов, но они, на наш взгляд, менее вероятны. Распад же России на фоне национальной нетерпимости на базе неравномерного распределения природных богатств и ожидаемой политической активности местных «князьков» более чем вероятен.

В свое время Л.И. Брежнев объявил о появлении на Земном шаре новой национальной общности – советского народа. В свое время партийные лидеры не писали сами свои доклады. Это делали вполне толковые, известные ученые. И то, что было сказано о советском народе – было правдой.

К сожалению, ученый мир на этом остановился и не пошел дальше (или ему не дали этого сделать). Все мы часто, как аксиому, повторяем тезис о *праве наций на самоопределение*, порой забывая о том, что это противоречит международному закону о *нерушимости границ*. Но не это главное.

Исторически территория и определенная нация по большей части совпадали. Поэтому тезис о праве наций на самоопределение имел под собой объективные основания. Но в Советском Союзе – это тождество во многих случаях перестало существовать, а в других имело тенденцию к своему исчезновению. Эта тенденция выражалась не только демографически, но и тем, что интеллектуальная часть населения национальных республик тяготела к формированию многонациональной культуры, к культурной общности на базе русского языка. Этим людей предали. Распад Советского Союза, в этом смысле, не имел под собой ни национальных, ни экономических оснований. Его распад – это результат волюнтаристского, преступного попустительства Ельцина, Бурбулиса и Горбачева. Был сорван великий исторический эксперимент. Но это действо показало, с какой легкостью распадается страна, не имеющая к этому предпосылок и не подверженная внешнему воздействию. Добавьте внешнюю силу и вы получите Югославию, единство которой не смогла сдержать военная составляющая.

В сложившихся условиях действие здравомыслящих политических сил имеет первостепенное значение. Но самый главный вопрос: как действовать?

Между тем, история России дает ответ на этот вопрос. После Февральской революции в стране была и Дума, и Временное правительство. Но, вот незадача, как грибы после летнего дождика, в стране начали зарождаться «Советы». Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Власть не устояла. К сожалению, партия большевиков изуродовала эту инициативу и подчинила ее своим партийным интересам. Но народ ясно продемонстрировал, что он сам может быть хозяином своей судьбы.

Это было возможно тогда. В условиях существования Интернета – это еще более реально. Не зря сегодня страна разделилась на смотрящих телевизор (путинцы) и сидящих в интернете (антипутинцы).

Мое предложение сводится к следующим шагам:

1. Необходимо создать оргкомитет по разработке регламентирующих документов, обеспечивающих выдвижение и самовывдвижение кандидатов в Народный Парламент (назовем так идею сегодняшнего Совета). Оргкомитет должен определить численный состав этого парламента, сроки для

выдвижения, сроки предвыборной кампании, время и порядок голосования, другие процедурные вопросы.

Хотелось бы видеть в составе оргкомитета таких людей, как Явлинский, Навальный, Немцов, Каспаров, Рыжков, Лимонов, Минкин, Шендерович – людей неравнодушных к происходящему в нашей стране. Здесь не идет речь о каком-либо объединении, формировании единых партий или фронтов. Речь идет о деле, в котором они себя могут проявить и доказать, что способны не только разбрасываться словами.

Предвижу заранее обвинения, что мною названы лица, принимавшие заметное участие в государственных органах времен Ельцина – Путина. Было время, я сам был противником объединения с ними. Но времена меняются. Политический информационный голод, созданный Путиным, породил непомерный дефицит на харизматичных, ярких лидеров. Поэтому надо работать с теми, кто готов *работать*. Им предлагаются не места в правительстве и «членовозы с мигалками». Им предлагается, образно говоря, взять и нести тяжелое бревно. Вот и посмотрим, кто действительно его понесет, а кто будет имитировать движение.

Оргкомитет не должен по составу превышать 15 человек, иначе это будут бесконечные споры и говорильня. До дела не дойдет. А его работа должна быть оперативной и эффективной.

2. Оргкомитет, или созданный им другой орган, должен обеспечить с помощью Интернета выдвижение кандидатов, их предвыборную кампанию (имеется в виду только контроль), проведение голосования и подведение итогов.

3. Возможно, придет время, когда этот Народный парламент соберется в Кремлевском дворце съездов. Но на данном этапе вовсе нет необходимости ни в рабочих кабинетах, ни в квартирах, служебных машинах, ни тем более в «мигалках» и охране. Работа может осуществляться опять-таки по Интернету. Здесь есть свои минусы, но это, право, честнее, чем бегать по рядам и нажимать кнопки за отсутствующих однопартийцев.

4. Да, нужны будут определенные деньги. Оргкомитет может обязать всех кандидатов в депутаты внести какую-то сумму в избирательный фонд. Возможно, каждому депутату понадобится спонсор, или наличие собственных средств. Думаю, что эту задачу люди решат сами. По мере роста значимости этого органа в общественной жизни страны проблема эта будет сниматься сама собой.

5. Чем будет заниматься Народный парламент? Он не может принимать законов. Но он может сформировать теневое правительство. Он может обсуждать те законы, которые приняла и собирается принять Государственная Дума. Он может принимать рекомендации. Поверьте на слово, они могут быть значимее для людей, чем официальные законы.

Народный парламент станет той трибуной, которой власть постоянно пытается лишить основную часть населения. Наконец, это будет влиятельный Дискуссионный клуб.

6. Могут ли быть депутатами Народного парламента коммунисты, жириновцы, члены других партий, прошедших в Государственную Думу? Думаю, да, если они на равных пройдут горнило выборов. Это не касается только единокороссов. Это вообще не партия. Это даже не сборище жуликов и воров, как их именуют в обществе и Интернете. Последняя фальсификация выборов превратила их в организованную преступную группировку (ОПГ). Она заслужила своего роспуска а ее члены - люстрации. Одним из первых решений будущего Народного парламента должна быть резолюция с требованием распустить эту партию и запретить ее членам, а также членам молодежных организаций типа «Наши» занимать в будущем государственные должности и избираться в органы власти.

7. Народный парламент на федеральном уровне может быть дополнен аналогичными парламентами по субъектам федерации и на местах. Чем их будет больше, тем значимее и сильнее будет слышен глас народа.

Мое предложение не исчерпывается рекомендацией по созданию Народного парламента. Но это первый опыт. Если его удастся осуществить, то следующим шагом следует считать создание *Народной палаты согласия*.

В отличие от парламента, она должна формироваться по другому принципу. В ней должны быть определены квоты для отдельных (желательно всех) национальностей, проживающих на территории России, для рабочих, представителей малого, среднего и крупного бизнеса, для ученых, представителей российских диаспор за рубежом, инвалидов, интеллигенции, и т.д. и т.п.. Где-то эти группы будут пересекаться, где-то – нет.

Что это будет – нижняя палата или верхняя, значения не имеет. Народный парламент сам определит их значимость и значимость принимаемых им решений. Ясно одно, что решения, принимаемые Палатой, должны быть регламентированы таким образом, что наиболее значимые

могут приниматься только консенсусом, менее значимые – конституционным большинством, а какие-то – простым большинством. При этом у меньшинства должны быть свои права.

Народная палата согласия должна стать прообразом будущего государственного органа, способного заменить сегодняшнее ничемное Федеральное собрание – пристанище для отставных политиков и прибежище от уголовных преследований. Оно позволит привлечь действительно широкие массы к управлению страной. Большому правительству мы противопоставим большое *народное вече*.

И, наконец, третий орган, который может играть весьма значительную роль – Совет старейшин.

Это не выборный орган, хотя его члены и могут на первых порах проходить согласование в Народном парламенте. В дальнейшем его состав должен определяться самим составом Совета.

В Совет старейшин должны быть приглашены известные в стране и мире люди, предпочтительно не занимающиеся политикой. Это могут быть ученые, артисты, спортсмены, космонавты, Герои России, известные меценаты и благотворители. Они могут быть наделены правом «вето» на отдельные решения Народного парламента, а также инициативой на вынесение на обсуждение в этом парламенте отдельных вопросов.

В будущем, когда эта структура станет Конституционным органом, ее права могут быть расширены, а значимость этих людей поднята за счет государственной финансовой поддержки.

Я уверен, что в случае реализации этой программы и удачном формировании перечисленных структур, Россия не только сможет преодолеть ельцинско-путинский период жульничества и плутовства, но и войти в новую фазу развития с такими демократическими институтами, которых не имеет ни одна страна в мире. Ни одна партийная программа ни один политик не в состоянии заменить *народного творчества*. По силам ли эта задача сегодняшней оппозиции – ответ может дать только она сама и время.

Ю.Г. Гельцер, к.т.н.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акофф Р., Эмери Ф. «О целеустремленных системах», М: «Советское радио», 1974, - 272 с.
2. Аксенов Г.П. В.И. Вернадский о природе времени и пространства. Изд. 3-е, - М: Книжный дом «Либроком», 2012, - 352 с.

3. Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М., 1968.
4. Аникин А.В. История финансовых потрясений. Российский кризис в свете мирового опыта. – 3-е изд. – М.: Олимп-Бизнес, 2009. – 448 с.
5. Анохин П.К. Идеи и факты в разработке теории функциональных систем. Психологический журнал, 1984, № 2.
6. Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978.
7. Анохин П.К. Опережающее отражение действительности. Вопросы философии, 1962, № 7.
8. Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. В книге «Принципы системной организации функций». М., Наука, 1973, с. 5 – 61.
9. Анохин П.К. Проблемы принятия решения в психологии и физиологии. Вопросы психологии, 1974, №4, с. 21-29.
10. Анохин П.К. Проблемы принятия решения в психологии и физиологии. В книге Проблемы принятия решения. М., Наука, 1976, с. 7-16.
11. Анохин П.К. Системный анализ интегративной деятельности нейрона. Успехи физиологической науки. 1974, т.5, №2, с. 5-104.
12. а) Анохин П.К. Теория функциональной системы. Успехи физиологической науки. 1970, т.1, №1, с. 19-54.
13. б) Анохин П.К. Химический континуум мозга как механизм отражения действительности. Вопросы философии. 1970, №6, с. 107-125.
14. Анохин П.К. Узловые вопросы в изучении высшей нервной деятельности. В кн. Проблемы высшей нервной деятельности. М., 1949.
15. Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы. Вопросы философии. 1971, №3.
16. Анохин П.К. Философский смысл проблемы естественного и искусственного интеллекта. Вопросы философии. 1973, №6, с. 83-97.
17. Артюхов В.В. Общая теория систем: Самоорганизация, устойчивость, разнообразие, кризисы. – М.: Книжный дом «Либроком», 2014 – 224 с.
18. Балацкий Е.В. Эволюция понятия времени в экономической науке. Федеральное интернет издание «Капитал страны». www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/177289.
19. Берта LANфи фон. Л. Общая теория систем – критический обзор. В сборнике «Исследования по общей теории систем», - М.: Изд. «Прогресс», 1969, с. 23 – 82.

20. Бирюков В.В., Время как экономическое пространство развития хозяйственной системы [Электронный ресурс]: Дис. д-ра экон. наук: - М, РГБ, 2003. Полный текст: <http://diss.rsl.ru/diss/03/0265/030265026.pdf>
21. Библиотека трудов академика В.И. Вернадского/ гл. ред. акад. А.Л. Яншин. Живое вещество и биосфера. – М, Наука, 1994
22. Боулдинг К. Общая теория систем – скелет науки. 1956, в Приложении 2 книги Никанорова С.П. «Теоретико-системные конструкты для концептуального анализа и проектирования. – Концепт. 2008, стр. 267-284.
23. Бушков А.А. Планета призраков. М., ОЛМА Медиа Групп, 2007.
24. Варшавский А.Е., Яркин А.П. Комплексные программы научно-технического прогресса страны на долгосрочный период. Журнал «Концепции», № 1 (22), 2009.
25. Вассерман А.А. Как бороться с преступным режимом. В книге «Скелеты в шкафу истории». – М., АСТ. Астрель, 2012
26. Вассерман А.А. Ничье – значит общее. В сборнике «Сундук истории. Секреты денег и человеческих пороков». – М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012 – 512 с.
27. Ведута Н.И. Социально эффективная экономика / Под общей ред. Д-ра экон. наук Ведута Е.Н. – М.: Изд. РЭА, 1999 – 254 с.
28. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М. 1981.
29. Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. – М.,: Наука, 1989
30. Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. – М, Наука, 1980
31. Виноградова А.В. Институциональная экономика: теория и практика. Учебно-методическое пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2012, - 70 с.
32. Волкова В.Н., Денисов А.Л. Теория систем. М: Высшая школа, 2006, - 511 с.
33. Гайдес М.А. Общая теория систем (системы и системный анализ), изд. 2-е, исправленное, М.: «Глобус-Пресс», 2005, - 201 с.
34. Гараедаги Дж. Системное мышление: как управлять хаосом и сложными процессами. Минск: Гревцов Пабlishер, 2007
35. Гельцер Ю.Г. Общественное развитие и системотехника. Журнал «Концепции», № 1 (15), 2005, с. 65-71
36. Гельцер Ю.Г. Системотехнические основы жизненного цикла инженерных аквасооружений. – М .: СВР- АРГУС, 2006. 280 с.

37. Гельцер Ю.Г. Циклы и их асимметрия. Экономический аспект. Журнал «Концепции», № 2 (21), 2008 г., с. 95-101
38. Гельцер Ю.Г. Современная экономика России в свете философии нравственности. Журнал «Концепции», № 2 (23), 2009 г., с. 66-77
39. Гельцер Ю.Г. Модернизация: очередная попытка. Журнал «Концепции», № 1-2 (24-25), 2010 г., с. 73-83.
40. Гельцер Ю.Г. За границами экономики – на грани катастрофы. Журнал «Проблемы экономики»[®], № 6 (46), 2012, стр. 14 – 21
41. Гинзбург В.Л. Замечания о методологии и развитии физики и астрофизики. Вопросы философии, 1980, №12, с. 24-46.
42. Гладуэлл М. Гении и аутсайдеры. Почему одним все, в другом ничего? – М.: ООО Юнайтед Пресс, 2010, 256 с.
43. Гнатюк В.И. Гипертехническая реальность и гиперценоз. <http://filosofia.ru/76508/>, 2009
44. Гнатюк В.И. Техника, техноценоз, техническая реальность. <http://filosofia.ru/76610/>
45. Голанский М.М. Что нас ждет в 2015 году (экономический прогноз против утопий) – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992 – 109 стр.
46. Гринберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник. 4-е изд. – М: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2004.
47. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & государство: экономическая дилемма. М.: Весь Мир, 2013, - 480 с.
48. Гринин Л.Е., Марков А.В., Коротаев А.В. Ароморфозы в живой природе и обществе. В сборнике «Эволюция: космическая, биологическая, социальная» - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009, с. 176-225.
49. Гринин Л.Е., Марков А.В., Коротаев А.В. Введение. В сборнике «Эволюция: проблемы и дискуссии.». – М. : Изд. ЛКИ, 2010, - 352 с.
50. Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Цирель С.В. Циклы развития современной Мир-Системы. М., ИД Либроком, 2011.
51. Гринспен А. Эпоха потрясений: проблемы и перспективы мировой финансовой системы. 2-е изд. доп., - М., Альпина Бизнес Букс, 2009.
52. Гуриев С.М. Мифы экономики. Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. - М., Альпина Бизнес Букс, 2006.

53. Декарт Р. Рассуждения о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскать истину в науках. М.: АН СССР, 1953.
http://gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/dekart/rass_met.php
54. Драгобыцкий И.Н. Системный анализ в экономике: учебник для студентов вузов, - 2-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 423 с.
55. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке. - М., ИД Вильямс, 2001.
56. Друкер П. Управление в обществе будущего. - М., ИД Вильямс, 2007.
57. Друкер П. Эффективное управление предприятием. – М.: ООО ИД Вильямс, 2008, - 224 с.
58. Ефимов В.А. Экономическая азбука. Изд. «Общественная инициатива», С.-Пб., 2003, - 57 с.
59. Жилин Д.М. Теория систем: опыт построения курса. Изд. 5-е, испр. – М: Книжный дом, ЛИБРОКОМ, 2010. – 176 с.
60. Ильин В.Н. Термодинамика и социология: Физические основы социальных процессов и явлений. Изд. 2-е, испр. - М., КомКнига, 2010.
61. Иншаков О.В., Фролов Д.П. Экономическое пространство и пространственная экономика. Размышления над новым экономическим журналом. ЭНСР № 4 (31), 2005, с. 174 - 180
62. Иорданский Н.Н. Неравномерность темпов макроэволюции и ключевые ароморфозы. Природа 6 : 3, 1977
63. Иорданский Н.Н. Эволюция жизни. М.: Академия, 2001.
64. Каку М. Физика невозможного. - М., «Альпина нон-фикшн», 2009.
65. Каку М. Физика будущего FB2. М.: «Альпина нон-фикшн», 2012
66. Камаев В.Д. и коллектив авторов. Учебник по основам экономической теории (Экономика). – М.: ВЛАДОС, 1996.
67. Капица С.П. Парадоксы роста и развития человечества. Альпина Нон-фикшн, 2010.
68. Карташев В.А. Система систем. Очерки общей теории и методологии., - М., Прогресс – Академия, 1995.
69. Кац М., Роузен Х. Микроэкономика. Минск, Новое знание, 2004.
70. Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Закат империи доллара и конец "Рах Americana". - М., Вече, 2003
<http://рахamericana.narod.ru/book/рахamericana.zip>
71. Кови Ш., Макчесни К., Хьюлинг Дж. Как достичь цели: Четыре дисциплины исполнения. – М.:АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2013, - 308 с.

72. Колупаева В.А. Время и пространство: экономический аспект. Известия Томского политехнического университета, 2008, т. 312, № 6, с. 84 – 88.
73. Кравченко П.П. Экономика упущенных возможностей. - М., Дело и Сервис, 2010.
74. Кругман П. Возвращение Великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата. - М., ЭКСМО, 2009
75. Кузык Б.Н., Агеев А.И., Доброчеев О.В., Куроедов Б.В., Мясоедов В.А. Россия в пространстве и времени. М.: - Институт экономических стратегий, 2004, - 336 с.
76. Кудрин Б.И. Техноэволюция и ее закономерность. В - Электрификация металлургических предприятий Сибири. Вып. 6. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1989. С. 168–210., <http://www.kudrinbi.ru/public/10225/index.htm>
77. Кюри П. О симметрии в физических явлениях: симметрия электрического и магнитного полей. Избранные труды. - М., 1966
78. Лаплас П. Опыт философии теории вероятностей. - М., 1908.
79. Лафарг П. Экономический детерминизм К. Маркса. Серия «Размышления о марксизме», изд. 2-е, КомКнига, М., 2007 – 296 стр.
80. Лексин В.Н. Цивилизационно-аксиологический анализ в системной диагностике социально-экономических и политических процессов. В сборнике «Системные исследования. Методологические проблемы: ежегодник, 2011 – 2012, вып. 36, под редакцией Пупкова Ю.С. Садовского В.Н. и др. – М: ЛЕНАНД, 2012, с. 52 – 98.
81. Лопатников Л.И. Экономико-математический словарь: словарь современной экономической науки. - М., Дело, 2003.
82. Львов Д.С. Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики. 2000, Фонд «Развитие и окружающая среда» <http://www.leadnet.ru/lvov/lvov0.htm>
83. Маевский В.И., Малков С.Ю. Новый взгляд на теорию воспроизводства. Монография. – М.: ИНФРА-М, 2014, - 238 с.
84. Макконнелл Кэмпбелл Р., Брю Стэнли Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. т. 2, 11-е изд., - М., Республика, 1995.
85. Макроэкономика: практический подход (Managerial Economics). Учебник, 2-е изд., испр., под редакцией Грязновой А.Г. и Юданова А.Ю. - М., КНОРУС, 2005.
86. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. т.1, - М., ЭКСМО, 2011.

87. Маслов С.Ю. Теория дедуктивных систем и ее применение. – М.: Радио и связь, 1986.
88. Мау В. «Стратегия – 2020» - это не программа, а набор разумных развилок». РИА Новости. 20.01.2012.
<http://strategy2020.rian.ru/news/20120120/366250470.html>
89. Медоуз Д. Азбука системного мышления. М.:БИНОМ. Лаборатория знаний, 2011, 343 с.
90. Меерович М.Г. Массовое жилище соцгородов – новостроек первой пятилетки. В военно-историческом альманахе В. Суворова. Выпуск 1. – М.: ООО Изд. «Добрая книга», 2012, с. 198 – 245.
91. Меркурьева Е. Мишень для метеоритов? И не только. Аргументы недели № 20 (362), 30.05.2013, с. 12
92. Мизес Л. фон. Бюрократия. Челябинск. Социум, 2005 – 200 с.
93. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск. Социум, 2008 (Серия «Австрийская школа», вып. 3).
94. Микроэкономика: практический подход (Managerial Economics), учебник. 2-е изд., испр. под редакцией Грязновой А.Г. и Юданова А.Ю. - М., КНОРУС, 2005.
95. Митрофанова И.В. К вопросу о природе и сущности экономического пространства. Журнал «Региональная экономика: теория и практика» 9(66) - 2008 март
96. Митрофанова И.В. Морозова И.А. Основные характеристики и атрибутивные свойства экономического пространства. Журнал «Стратегии развития экономики» № 6 (27), 2008, с. 47 – 56.
97. Молчанов Ю.Б. Четыре концепции времени в философии и физике. – М. Изд. «Наука», 1977.
98. Мишкин Ф. Экономическая теория денег, банковского дела и финансовых рынков, 7-е изд. – М.: ООО «ИД Вильямс», 2013, 880 с.
99. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика исторического прогресса). Курс лекций. Изд. 2-е, доработ. И дополненное. М.: «Наследие», 196. – 184 с.
100. Негодаев И.А. Основы философии техники. Ростов-на-Дону, 1995.
101. Негодаев И.А. Философия техники. Внутренние закономерности развития техники. Ростов-на-Дону, 1999.

102. Никаноров С.П. Теоретико-системные конструкты для концептуального анализа и проектирования. – М.: Концепт. 2008 – 312 с., 2-е стереотипное издание.
103. Никаноров С.П. Концепция П.Г. Кузнецова и ее следствия. <http://www.spnikanorov.ru/stati/sovremennye-problemy-i-ih-resheniya/kontseptsiya-p-g-kuznetsova-i-ee-sledstviya/>
104. Никаноров С.П. Тридцать лет развития концептуального научно-технического направления в капитальном строительстве// Системное управление – проблемы и решения: Сборник статей. - М.: Концепт, 2002, вып. 15. – С. 35-55
105. Никаноров С.П. Много всего разного... Идеи. Мысли. Выводы. 1995 – 2008. Сб. публик. Сост. А.В. Никитин – М.: Концепт, 2008 – 554 с.
106. Никаноров С.П. Опыт исторической квалификации текущего момента. – М. Концепт, 2009, вып. 24, с. 76 – 90
<http://spnikanorov.ru/uploads/books/opyt.pdf>
107. Никаноров С.П. Уроки СССР. Исторически нерешенные проблемы как факторы возникновения, развития и угасания СССР. - М., 2012, 207 с.
108. Носова С.С. Экономическая теория. Элементарный курс. Серия «Подготовка к экзаменам». - М., Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2004.
109. Ореховский П.А. Неэквивалентный обмен и свойства пространства в экономической теории. – М.: Институт экономики РАН, 2010, - 56 стр.
110. Остальский А.В., Краткая история денег. СПб, Амфора, ТИД Амфора, 2010.
111. Пастер Л. Исследования о молекулярной диссимметрии естественных органических соединений. Избранные труды в 2-х томах. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1960
112. Патон Б.К. Наука – техника – производство. Вопросы философии, 1980, №10, с. 22-31.
113. Петров В.М. История разработки законов развития технических систем. Тель-Авив, 2002 TRIZ-Isr@bigfoot.com текст приведен по рукописи © 2002.
114. Положение по бухгалтерскому учету «Учет расходов по займам и кредитам» (Утв. Приказом Минфина РФ от 6 октября 2008 г., № 107н) с изменениями и дополнениями от 25 октября, 8 ноября 2010 г., 27 апреля 2012 г.) . Система ГАРАНТаэро.

115. Поляков Ю.М. Ловушка на Лобном месте: [публицистика] – М.: АСТ, 2014 – 605 с.
116. Пригожин А.И. Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. – М.: Изд. «Дело» АНХ, 2010. – 432
117. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. Изд. 5-е, - М., КомКнига, 2005
118. Рапопорт А. Математические аспекты абстрактного анализа систем. В сборнике «Исследования по общей теории систем». – М.: Изд. «Прогресс», 1969, с. 83 – 105.
119. Румянцев Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. - М., ИНФРА-М, 2005.
120. Сенгупта С.С., Акофф Р.Л. Теория систем с точки зрения исследования операций. В сборнике «Исследования по общей теории систем». – М.: Изд. «Прогресс», 1969, с. 384 – 397.
121. Скиба А.Н. Резонанс – эффекты в экономике: формирование системно-синергетического подхода. Труды ИСА РАН. Том 61, 3/2011, с. 65-74.
122. Складов И.Ф. Система – Системный подход – Теория систем. М.: Книжный дом «Либроком», 2013 – 152 с.
123. Солнцев С.В., Рожков А.С. «Контрадиктология», - М.: Концепт, Метасинтез, 2008, 116 с. 2-е стереотип. изд
124. Стариков Н.В. Национализация рубля – путь к свободе России, - СПб. : ПИТЕР, 2011.
125. Стариков Н.В. Кризис: Как это делается. – СПб.: Питер, 2012, 304 с.
126. Стратегия – 2020. Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г.
<http://2020strategy.ru/documents/32710234.html>
127. Тода М., Шуффорд Э.Х. (мл.). Логика систем: введение в формальную теорию структуры. В сборнике «Исследования по общей теории систем». – М.: Изд. «Прогресс», 1969, с. 320 – 383.
128. Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. Доп. Изд., М: - Колибри, Азбука-Атикус, 2013, - 736 с.
129. Турчин В.Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. Изд. 2-е – М. ЭТС -2000.

130. Урманцев Ю.А. Симметрия природы и природа симметрии. Философские и научные аспекты. М.: КомКнига/URSS, 2007.
131. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. ч. III, СПб., 1818.
132. Хайек Ф. Дорога к рабству. - М., Экономика – МП «Эконов», 1992
133. Хайтун С.Д. Хайтун vs Панов: Аргументы в защиту авторской версии универсального эволюционизма. В альманахе «Эволюция: проблемы и дискуссии/ Отв. Ред. Л.Е. Гринин, А.В. Марков, А.В. Коротаев. = М.: Изд. ЛКИ, 2010, с. 232 – 270.
134. Хакен Г. Синергетика. 2-е изд. М: Мир, 1980, - 405 с.
135. Хелпман Э. Загадка экономического роста. М., Изд. Института Гайдара, 2011, - 240 с.
136. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной инсттудциональной экономической теории – М.: Дело, 2003. – 464 с.
137. Хомяков П.М. Системный анализ: Краткий курс лекций / Под ред. В.П. Прохорова. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Ком. Книга, 2007 – 216 с.
138. Хорвстед Г. Организационная культура.
<http://twirpx.com/file/554736/?rand=3750960>
139. Цыгичко В.Н. Прогнозирование социально-экономических процессов. Изд. 3-е. – М: Книжный дом «Либроком», 2009, - 240 с.
140. Чернышев С.Б. Россия суверенная: как заработать вместе со страной. – М.: Изд. «Европа», 2007 – 304 с.
141. Чечурина М.Н. Теоретические подходы к исследованию управления инновационным развитием сложных экономических систем. Вестник МГУ, том 14, № 1, 2011 г., с. 12-16.
142. Шалыганов Ю.В. «Проект Россия». Четвертая книга: Большая идея. – М.: ЭКСМО, 2010, 320 с.
143. Эко У. Пражское кладбище. – М: Астрель, CORPUS, 2012, - 560 с.
144. Экономическая теория. Учебник для ВУЗов (под редакцией проф. И.П. Николаевой), - М., ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
145. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т.14, с. 296-325.
146. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.21. М. 1961.
147. Юдин Э.Г. Системный подход к принципам деятельности. –М., Изд. «Наука», 1978.

148. Martin Chaplin / Water Structure and Behavior / [www,sbu.ac.uk/water/](http://www.sbu.ac.uk/water/)
149. Popper K. The Arrow of time// - 1956, Nature. 177 (March)
150. Sombart W. Handler und Helden. Munich: Duncker und Humblot. 1915.
151. Spenser H. The Principles of Sociology. New York, 1914.
152. Ксенчук Е.В. Системное мышление. Границы ментальных моделей и системное видение мира. – М.:Издательский дом «Дело» РАНХиГС,2011.- 368 с.
153. Урманцев Ю.А. Эволюционика, или общая теория развития систем природы, общества и мышления. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 240 с.
154. Богданов А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х книгах. М.: Экономика, 1989
155. Бир С. Наука управления. Изд.3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 112 с.
156. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.:Директмедиа Паблишинг, 2008. – 455 с.
157. Ракитский Б.В. О способах и перспективах общественного бытия. Периодическое издание «Обществознание большинства», вып. 7, - М.: Интернациональный университет трудящихся и эксплуатируемых (Рабочий университет). Декабрь 2010 - 75 с.
158. Маркс К. К критике политической экономии. 1859 ? Маркс К. И Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Том 13, М.: Госполитиздат, 1959
159. Ракитский Б.В. О способах и перспективах общественного бытия (историко-материалистический очерк). Периодическое издание «Обществознание большинства», вып. 8.- М.: Интернациональный

университет трудящихся и эксплуатируемых (Рабочий университет). Май 2011. – 54 с.

160. Болдырев Ю.Ю. 2011/2012: Операция «Подмена» - М.: Вече, 2012. – 608 с.
161. Панов А.Д. Наука как явление эволюции. В сборнике «Эволюция: космическая, биологическая, социальная» - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009, с. 99 – 128
162. Явлинский Г.А. Рецессия капитализма – скрытые причины. М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2014. – 184с.
163. Фельдман Г.А. К теории темпов народного дохода. Журнал «Плановое хозяйство», № 12, 1928 год, с.147 - 178